

84

СТРАНА И МИР

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
И МАТЕРИАЛЫ

СТРАНА и МИР

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
И МАТЕРИАЛЫ

1984

В сборник включены статьи, заметки, интервью, информационные сообщения, архивные публикации и другие материалы из двенадцати номеров ежемесячного общественно-политического, экономического и культурно-философского журнала "Страна и мир" за 1984 год. Журнал выпускается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Все права сохраняются за авторами.

"Das Land und die Welt". Ausgewählte Aufsätze und Materialien 1984.
Verlag Strana i Mir (Das Land und die Welt e.V.), München.
Satz: B.Hindle, N.Eske. Umschlag: B.Rabinovich.
Verlagsdruckerei E.Rieder, Schrobenhausen, BRD.
Printed in the Federal Republic of Germany. 1985.

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

1984

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ОСТОРОЖНЫЙ ВОЗВРАТ К ДЕМОКРАТИИ

Взятые по отдельности, внутренние процессы в странах, принадлежащих к одному региону, могут и не привлечь к себе особого внимания. Но рассматривая их вместе, начинаешь понимать, что мы являемся свидетелями событий, которые способны потрясти мир. По меньшей мере двести лет история Латинской Америки полна событиями партизанской войны, актами терроризма, государственными переворотами, казнями и правами. Без конца сменяющие друг друга "pronunciamentos" (латиноамериканские революции) служили едва ли не традиционным сюжетом для оперетты. Во всяком случае, события в этом районе мира никогда не принимали планетарных масштабов. Холодная война и ее последствия существенно изменили всю ситуацию. В наше время диктаторы правого толка громогласно заявляют, что они идут во главе крестового похода против коммунизма. Подавив свободу в своих странах, они притязают на роль воителей свободного мира.

Трубадуры противоположного лагеря, в свою очередь, навязывают общественности противоположную пропагандистскую схему: говорится о том, что капиталистические страны на этом континенте, как, впрочем, и всюду, пляшут под дудку американского империализма, что здесь безраздельно распоряжаются крупные международные монополии и администрация Вашингтона; стремясь называть свою волю народам латиноамериканских стран, империализм, дескать, сажает им на шею маленьких тиранов — карикатурных диктаторов. Какая-то доля истины в этом все же есть. Верно, что крупные концерны оказывают влияние на международную полити-

ку США. Правда и то, что Вашингтон не всегда достаточно разборчив в выборе партнеров. Как правило он мирится с правыми и подчас не внушающими уважения диктатурами, лишь бы воспрепятствовать распространению коммунизма. Вашингтон относился по меньшей мере терпимо к таким фигурам, как Сомоса в Никарагуа или Батиста на Кубе, но не к революционерам, свергнувшим этих правителей, — будь то сандинисты или бойцы Фиделя Кастро.

Некоторые американские руководители сознательно потакали диктаторам. Какой-нибудь Пиночет для этих людей был союзником не менее достойным доверия, нежели законно избранный президент. Другие политические лидеры США чуть ли не извинялись за то, что они вынуждены избирать себе таких союзников, но предпочитали выбирать в лице их меньшее зло. Оправданием служил следующий довод: правый диктатор может уступить место демократии, а коммунистический — никогда. Нужно признать, что события последних лет не противоречили этому тезису, скорее даже подтвердили его.

Незачем напоминать о том, что происходит в Центральной и Восточной Европе. На протяжении 30 лет народы этих стран в самой решительной форме дали понять, что они отвергают навязанный им режим. В 1956 г. венгерский народ пытался сбросить коммунизм. Чехословацкие руководители сами повернули курс в сторону демократии в 1968 г. Наконец, польское общество продемонстрировало свое нежелание иметь дело с правительством, которое посажено в Варшаве силами, действующими извне. Это сопротивление, какова бы ни была степень его

стойкости, не прошло даром. Венгры, разумеется, не добились того, чего хотели, в октябре 1956 г.; тем не менее их страна стала, по их выражению, "самым счастливым баракком" в социалистическом лагере.

Совершенно иную картину мы видим в Латинской Америке (а также в таких европейских странах, как Греция, Португалия, Испания), — там, где диктаторские режимы за какие-нибудь десять лет прекратили свое существование. Не будем говорить о государствах, в которых крушение тиранического режима привело к тому, что теперь они угодили или вот-вот угодят в противоположный лагерь: о Кубе и Никарагуа (впрочем, что касается последней страны, было бы неосмотрительно говорить и вести себя так, словно там все уже потеряно). А другие? На протяжении пяти лет установили у себя демократию Эквадор (1979), Перу (1980), Боливия (1982), Аргентина (1983), Уругвай (1984). В Бразилии в январе 1985 г. завершается переход к режиму политической свободы — процесс, продолжающийся уже несколько лет.

Возврат к демократии в некоторых латиноамериканских странах пока нельзя, конечно, считать прочным. Чтобы реализовать политическую свободу, нужен минимум экономического благосостояния. В этом смысле нищая Латинская Америка далека от идеала. Оттого испытываешь неловкость, называя, скажем, Боливию или Перу демократическими странами. Под бременем материальных невзгод, порой непреодолимых, избранные народом демократические лидеры по-прежнему не застрахованы от произвола военных.

Иное дело Аргентина: здесь офицеры с некоторыми определенно отодвинуты в сторону. Они не только оказались неспособны править страной, но и не справились с обязанностями, которые возлагает на них их собственная профессия. Конец их господству положило военное поражение на Фолклендских островах, хотя хунта и без того вызывала в стране растущую ненависть. Вновь избранный президент обещал было, что он не будет привлекать к ответственности представителей свергнутого режима, по крайней мере, тех, кто не слишком злоупотреблял своим положением. Но достичь умиротворения не удалось: слишком уж много жертв принесла диктатура. Заставить людей забыть о преступлениях генералов и их пособников не так просто. В результате

Аргентине не удалось избежать этапа расчетов с прошлым, всегда рискованных для вставшей на ноги демократии.

Вместе с тем новый президент убедился в том, что страна не имеет возможности расплатиться с долгами. Пришлось уговаривать международных кредиторов продлить сроки выплаты долгов, пустив в ход убедительные политические аргументы: это-де цена, которую нужно платить ради спасения хрупкой свободы. Однако уговорами делу не поможешь, когда речь идет об экономике: если бы пришлось аннулировать долги всех развивающихся стран, мир оказался бы в положении колоссального банкротства, последствия которого трудно предсказать. Пока стараются хотя бы растянуть сроки выплаты.

Другой пример — маленький Уругвай со своими тремя миллионами жителей, зажатый географически и политически между двумя богатырями: Аргентиной (28 млн.) и Бразилией (около 125 млн.). На выборах 25 ноября 1984 г. в Уругвае было покончено с диктатурой.

Долгое время это маленькое государство было в некотором роде образцом для всей Южной Америки. С начала века правительство практиковало систему социального обеспечения, много более развитого, нежели то, которое существует в странах Европы. Эта латиноамериканская Швейцария, как называли республику Уругвай, вызывала восхищение у соседей. Две партии оспаривали власть в стране: "бланко" (белые), которые придерживались консервативного направления (ныне они значительно полевели) и "колорадо" (цветные), нечто вроде коалиции либералов и социал-демократов. Сто лет подряд партия "колорадо" неизменно одерживала верх. Она оставалась у власти вплоть до 1973 г., когда страна уже ничем не напоминала безмятежную Гельвецию. Все более подпадая под влияние Кубы и сторонников Че Гевары, руководители "тупамарос" (индейских военных формирований) вели дело к революции и партизанской войне. Правительству не удалось справиться с терроризмом. В дело вмешались армейские генералы.

Нужно, однако, признать, что военные в Монтевидео принимали меры к тому, чтобы восстановить законность, которую они сами нарушили, придя к власти. В 1980 г. был устроен референдум: населению предложили одобрить реформу конституции, по которой государство должен был возглавить военный комитет. Однако 58%

избирателей отвергли этот проект. Генералы были вынуждены приступить к подготовке передачи власти в руки гражданских лиц и начать переговоры с представителями партий, которые прежде были ими запрещены. Голосование 25 ноября принесло победу партии "колорадо" и ее кандидату в президенты Сангинетти.

Наконец, особое внимание привлекает Бразилия. Это самая большая латиноамериканская страна. По площади она стоит на четвертом месте в мире; бразильцы составляют треть всего населения Латинской Америки. Но этот колосс стоит на глиняных ногах. Грандиозные амбиции военного режима вылились в строительные проекты, поражающие своими масштабами и, конечно, непомерно дорогие. В результате внешний долг Бразилии достиг ста миллиардов долларов — в этом отношении страна поставила мировой рекорд. Вместе с тем на обширных территориях, в частности на северо-востоке, царит ужасная нищета, а засуха последних пяти лет истощила там последние ресурсы. Бразильское общество поражает своими контрастами, причем социальное неравенство растет. Если в 1970 г. 456 тысяч граждан, составляющих привилегированный слой, положили себе в карманы сумму, которая была чуть меньше того, что заработали 15 миллионов 700 тысяч бедняков, то в 1978 г. доход пятисот тысяч богачей превысил заработки 15 миллионов беднейших граждан вдвое. Средний доход представителя верхнего слоя был в 225 раз выше, чем доход бедняка. Эти данные представила официальная организация — Институт общественных и экономических исследований в Рио-де-Жанейро; они относятся ко времени, когда военный режим находился, по-видимому, на вершине своего господства.

Вдохновители военного переворота 1964 г., свергнувшие новоизбранного президента, представители рабочей партии, заявили, что тот намеревался повести бразильский народ к коммунизму, и они-де вмешались, чтобы спасти страну. В отличие от Чили бразильский военный режим не стал диктатурой одного человека. На протяжении двадцати лет руководители сменяли друг друга мирным путем, назначаемые на определенный срок хунтой. Это была диктатура, где диктаторы кооптировались и чередовались. Партии, существовавшие прежде, были распушены, вместо них функционировало новое политическое образование, выполнявшее роль единой

партии. Позже возникло нечто вроде оппозиции, однако под строгим правительственным надзором. Сложилась двухпартийная система: правящей партии противостояло так называемое Демократическое движение — единственная оппозиционная группировка, которую допустили — и, конечно, контролировали — военные. В 1979 г. оппозиция была задавлена. Но затем выступили на сцену настоящие партии, и с тех пор выборы, проводившиеся в стране, давали весьма примечательные результаты. Примкнувшие к оппозиционным партиям губернаторы провинций возглавляют хоть и не большинство провинций, но зато наиболее важные. Из 479 мест в палате депутатов правительственная партия занимает сейчас только 235 и вынуждена образовать коалицию с рабочей партией.

Теперь предстоит избрать (а не назначить) очередного главу государства: это и будет сделано на выборах 15 января. С начала 1984 г. оппозиция вела активную и получившую отклик в народе кампанию за то, чтобы президент Бразильской федерации был избран путем всеобщего голосования. Военные противились этому: в нынешней ситуации оппозиционный кандидат наверняка одержит победу. Каков будет счет, который он предъявит офицерам, прежде руководившим страной? Поэтому нынешний президент выдвинул проект, по которому новый кандидат должен избираться коллегией выборщиков, сформированной таким образом, чтобы сторонники правительственной партии заведомо оказались в большинстве.

Проект, казалось, был уже близок к осуществлению, но его авторы не приняли во внимание некоторые человеческие слабости. Военные наметили кандидатуру Паулу Маллофа, политика, который действительно был их человеком, — и просчитались. Кандидат встретил сопротивление в самой правительственной партии. Военным, чтобы хоть как-то спасти свой престиж, пришлось смириться и объявить, что, кто бы ни победил, они признают его законным президентом.

Аргентина, Уругвай, Бразилия: три модели современного политического развития среди прочих. Трижды проделанный и, конечно, еще очень хрупкий опыт приближения к демократии, который может стать примером для других.

Г. Ферон

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ДЭН СЯОПИНА

20 октября в Пекине произошло событие, пожалуй, самое важное в китайской истории после прихода к власти КПК в 1949 г. 678 делегатов третьего пленума ЦК КПК двенадцатого созыва, собравшись за закрытыми дверями, приняли резолюцию, состоящую из 16000 слов. Резолюция провозглашала, что система централизованного государственного управления китайской промышленностью будет постепенно отменена. Китайская экономика должна стать рыночной экономикой практически капиталистического типа.

Принятие этих, может быть, судьбоносных для страны решений имело свою предысторию. Проведение реформ в промышленности стало возможным после того, как доказала свою жизнеспособность экономическая политика, проводимая Дэн Сяопином в сельском хозяйстве вот уже в течение шести лет.

Сельскохозяйственная реформа была начата на третьем пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва в 1978 г. — первом пленуме, на котором Дэн Сяопину удалось окончательно консолидировать свою власть, заручившись поддержкой большинства ЦК. Дэн совершил, казалось, невозможное. Еще недавно хунвейбины культурной революции клеймили его, как "идущего по капиталистическому пути". Его политическая карьера казалась конченной. Дэн, однако, выжил. Более того, выжили многие из его сторонников, сделавшие возможным возврат его к власти. И первое, что сделал Дэн, укрепив свое положение, — действительно начал поворачивать страну на капиталистический путь.

В 1978 г. экономика страны еще лежала в раз-

валинах после 20 лет маоистских экспериментов. В особенно тяжелом положении было сельское хозяйство. Ликвидация частного землевладения и организация "народных коммун" практически парализовали сельскохозяйственное производство. Голод, разразившийся в стране в годы "коммунизации" (1958–1961), унес, по оценкам западных специалистов, от 27 до 30 миллионов жизней. Китайские официальные источники считают эти данные преувеличенными и дают цифру "всего лишь" 10 миллионов. В последующие годы положение несколько улучшилось, но китайское сельское хозяйство, подобно советскому, находилось в состоянии глубокого застоя.

Реформой 1978 г. народные коммуны были уничтожены. В деревню вернулось индивидуальное хозяйствование. Крестьянам, после того, как они сдали определенную, умеренную долю урожая государству, было разрешено продавать остальное на свободном рынке. Результат был немедленным и ошеломительным: начиная с 1979 г. почти все урожаи в Китае были рекордными. Приrost сельскохозяйственного производства в Китае достиг поразительных размеров — 7,9% в год!

В 1980 г. урожай зерна в Китае составил 2,95 тонны с гектара, а в 1983 г. — уже 3,66 тонны. Это одна из самых высоких урожайностей в мире. Впрочем, по количеству затраченного труда на единицу продукции китайское сельское хозяйство по-прежнему остается малоэффективным. Средний доход крестьянина в 1979–1983 гг. вырос на 12%, хотя он по-прежнему не превышает 150 долларов в год.

Урожай зерна в Китае в 1983 г. составил 387 миллионов тонн — на 10% больше, чем в 1982 г. и на 27% больше, чем в 1978 г. В результате в прошлом году оказалось возможным на 36% сократить импорт зерна. Сейчас Китай импортирует всего 15,7 миллионов тонн (почти столько же, сколько и СССР, но при вдвое большем населении). В 1984 г. Китай смог аннулировать контракты на закупку зерна с Австралией и США.

Китайские крестьяне, знающие по горькому опыту, что любое изменение к лучшему может оказаться недолговечным, тем не менее начинают постепенно верить, что на этот раз, может быть, все пойдет по-другому. В немалой степени этому способствовало увеличение срока аренды земли крестьянами с 3 до 15 лет.

*

Естественно было теперь попытаться повторить успешный эксперимент "капитализации" и в промышленности. Этому требовали даже интересы дальнейшего развития сельского хозяйства. Все, что можно было извлечь из ресурсов самой деревни, уже было извлечено. Дальнейшее увеличение сельскохозяйственного производства требовало расширения ирригации, внедрения химических удобрений, механизации. Если в 1978 г. Китай производил ровно столько химических удобрений, сколько ему требовалось (менее 9 миллионов тонн), то в 1982 г. промышленность уже не справлялась с возросшим спросом — вместо необходимых 15,1 миллиона тонн было произведено всего 12,7 миллиона. Годичная продукция тракторных заводов была распродана уже в июне.

Застой в промышленности наблюдался почти во всех ее областях. Из-за нехватки электроэнергии простаивало около 20% предприятий. Недостаток цемента и стали останавливал строительство важнейших объектов на многие месяцы. Более 40% правительственного бюджета направлялось на субсидирование нерентабельных предприятий и стабилизацию цен на продовольствие и товары ширпотреба.

Рост благосостояния крестьян, на фоне общей бедности населения казавшийся особо значительным, вызывал зависть и неудовольствие городских жителей. Крестьяне устремились в города покупать товары, ранее бывшие для них предметом роскоши и до сих пор недоступные городским жителям — тем, которые их производят. Лишенные средств материального стимулирования, рабочие работали все хуже и хуже, производительность труда практически не росла. Темпы роста среднегодового дохода рабочих были почти вдвое меньше, чем у крестьян (7% против 12%).

Реформы, объявленные 20 октября, — самые широкие и далеко идущие в истории коммунистического Китая. Они затрагивают примерно 80 миллионов промышленных рабочих. По сравнению с 800 миллионами крестьян это немного, но эти 80 миллионов рабочих создают 80% дохода, получаемого государством. Новые меры, провозглашенные в резолюции ЦК, дадут хозяйственную независимость 1 миллиону государственных предприятий. Будет прекращено госу-

Дэн Сяопин

дарственное планирование 60 из 120 основных видов промышленной продукции и 19 из 29 основных видов продукции сельского хозяйства. Цены на эту продукцию отныне будут определяться по законам свободного рынка. Государственное субсидирование охваченных реформой предприятий, стабилизация цен на их продукцию из государственных фондов прекращаются. Экономическая политика предприятия отныне будет определяться исключительно управляющими предприятиями. Государственное планирование сохраняется только для производства таких важных видов продукции, которые затрагивают экономику в целом: энергия, сталь, уголь, цемент, химические удобрения.

*

Отмена планирования производства большинства сельскохозяйственных товаров означает, что будет отменено или резко уменьшено государственное субсидирование также и сельского хозяйства. До недавнего времени государство приобретало у крестьян излишки зерна по ценам на 20—25% превышающим мировые. Это, а также выплаты премиальных рабочим, государственное субсидирование убыточных промышленных предприятий (а таких было 15% от общего числа) приводило к огромной инфляции.

Официально инфляция равнялась 2%, но в действительности составляла все 10%.

Введение рыночного регулирования цен должно привести их в соответствие с реальностью, т. е. сделать то, чего еще не удалось достигнуть ни одной социалистической экономике. Цены на продукты питания и ширпотреб в Китае очень стабильны. Так, товары ежедневного спроса за все время существования КНР подорожали только на 30%, а одежда — на 10%, но стабильность эта обеспечивалась искусственно, исключительно за счет государственных фондов. Цены в тяжелой промышленности также не отражали реального положения дел: цены на горячий прокат, например, в 10 раз превышали цены на холодный прокат. В результате в стране создавался избыток горячего проката, а холодный приходилось импортировать по высоким ценам мирового рынка. Но, конечно, наиболее нерациональными были цены на рабочую силу, иначе говоря — система зарплаты. Квалифицированные рабочие, инженеры, научные работники получали лишь немногим больше, чем представители профессий, не требующих никакой квалификации. Уравниловка губила инициативу.

Основной заботой китайских реформаторов является то, что введение рыночного ценообразования приведет к резкому взвинчиванию цен, в особенности на продукты питания. Это — серьезное опасение. В Пекине, например, где до сих пор 60% дохода семьи уходит на еду, уже началась паника — население бросилось покупать продовольствие, пока цены не подскочили.

К чему может привести рост цен на продовольствие — пекинское руководство знает. Свежие примеры волнений в Польше, Тунисе и Марокко у них перед глазами. Правительство обещало компенсировать возможный рост цен соответствующим повышением зарплат. Однако без повышения производительности увеличение зарплаты может привести лишь к раскручиванию спирали инфляции. Как выйти из этого заколдованного круга — неясно. Впрочем, пока рост цен умеренный и политических волнений не вызывает.

"Потребление" стало одним из ключевых пропагандных слов. Передовая "Женьминьжао" недвусмысленно сообщила читателям: "Многие товарищи понимают, что без производства нет потребления. Но многие товарищи не понимают, что без потребления нет производства". Все сред-

ства массовой информации призывают китайцев: "Тратьте деньги!" Рекламируются стиральные машины и телевизоры, модная одежда и автомашины. Граждан убеждают "освободиться от устарелого мнения, что потворство своим прихотям — это табу". "Социализм не означает пауперизм", — говорится в резолюции ЦК. Молодежная газета с восторгом писала о крестьянах из Сычуани, которые срыли старые хижины и на их месте воздвигли "виллы по западному образцу с балконом, ванной и телевизором". Отрицательным примером, напротив, служит некий хубэйский крестьянин, который "разбогател, но продолжал спать на гнилом матрасе, храня свои деньги в кубышке".

Современные моды на улицах Пекина

Синие костюмы, ставшие символом китайца, ушли в прошлое. Рекламируются элегантные платья, изысканная косметика. Товаром номер один в пекинском универсаме стал серый костюм-тройка модного покроя, такой, какой носит премьер Чжао Цзянь.

Генсек Ху Яобан недавно заявил: "Конечной целью партии является сделать всех людей богатыми". Цель благая, но труднодостижимая. Известно, что сделать всех богатыми не удастся и обществам с рыночной экономикой, а других магических средств у китайских руководителей пока нет. Советскому читателю, учившему историю КПСС, лозунг Ху Яобана напоминает бухаринское "Обогащайтесь!" и, соответственно, конечную судьбу этого лозунга. Но всякие исторические параллели рискованны.

Освобожденные от государственного контроля предприятия остаются в собственности государства. Впрочем, обращение их в частную собственность невозможно даже по чисто практическим

причинам — в Китае просто нет частного капитала, который мог бы выкупить эти предприятия.

Иное дело — доходы предприятия. Теперь, вместо того, чтобы полностью передать их государству, руководство предприятия (после уплаты умеренного налога) может инвестировать их в расширение своего производства. Сняты ограничения административно-географические. Обувная фабрика в Шанхае планирует, например, открыть отделения во всех остальных провинциях.

Некоторые крупные государственные предприятия предполагается разделить на несколько (тоже государственных), соревнующихся между собою. Так, Всекитайская авиакомпания, славящаяся своей неэффективностью и убыточностью, будет разделена на несколько малых, базирующихся в Шанхае, Кантоне и других городах.

Разумеется, нет никаких препятствий для создания малых предприятий — в торговле, сфере обслуживания, местной промышленности и т. п. В резолюции ЦК говорится также о том, что малые государственные предприятия могут быть сданы в аренду коллективам или частным лицам, либо переданы им в управление на условиях контракта. Резолюция поясняет, что это не является возвратом к капитализму, ибо общественная собственность на предприятия при этом сохраняется.

*

Но, пожалуй, наиболее решительным шагом Дэн Сяопина "по капиталистическому пути" является введение акционерного капитала. Китайский народный банк объявил, что впервые за 35 лет "народной власти" частным предприятиям разрешено продавать акции. Первым, выпустившим акции, стал Жень Чанмин, до революции — хозяин фармацевтической фабрики. Акции основанной Женом фармацевтической компании, стоимостью 39 долларов каждая, были быстро распроданы и в настоящее время распределены между 462 держателями. Примеру Жень Чанмина быстро последовали другие предприниматели. Новая экономическая инициатива быстро получила популярность. Гарантированные дивиденды, которые предлагают создаваемые акционерные компании, в среднем составляют 5,5% — значительно выше банковских ставок. Некоторые фирмы предлагают дивиденды, основанные на величине доходов. Правда, для них Китайский

государственный банк установил потолок 15%.

Пока покупкой и продажей акций занимается лишь Китайский народный банк. Биржи, как таковой, нет, точнее — еще нет. Но недавно в ведущей шанхайской газете на первой странице появилась статья под крупным заголовком: "Шанхай должен иметь фондовую биржу!". В ожидании дальнейших перемен к лучшему "молодые" китайские капиталисты смеются. Уже упомянутый Жень планирует открыть ювелирный магазин с капиталом в 20 тысяч долларов и фабрику модной одежды (150 тысяч долларов) вместе с сетью магазинов, осуществляющих торговлю по почте.

*

Еще одна важная черта производимых сейчас в Китае реформ — введение иностранного участия. В ноябре директором дизелестроительного завода в Ухани назначен западногерманский инженер Вернер Герих — первый иностранец, назначенный на такого рода должность после 1949 г. Герих начал с сокращения штата — с 2000 до 1500 человек, введения трудовой дисциплины (запрет читать газеты на работе), уничтожения уравниловки при оплате труда. Продукция при этом удвоилась.

Иностранцы появляются в китайской промышленности не только в качестве управляющих. В Китай теперь допускается постепенно и иностранный капитал. В середине ноября шанхайский городской совет дал разрешение на организацию отделения американской фирмы, Minnesota Mining and Manufacturing Co, производящей электрооборудование — первой фирмы без китайского участия после революции. Одна техасская фирма получила разрешение на строительство и эксплуатацию в прибрежном городе Шанту увеселительного парка (общая стоимость проекта — 1 миллион долларов).

Открытие Китая для иностранцев началось еще за полгода до октябрьских реформ, когда 14 китайских прибрежных городов — с севера до юга — были объявлены "открытыми" для иностранной торговли и инвестиций. История как бы совершила виток: все 14 "открытых" городов Дэн Сяопина — это города, в которые иностранцы были допущены в 1901 г., после подавления группой колониальных держав ихтуаньского восстания. Тогда это был чисто колониальный

акт. Хотя экономические результаты оказались для Китая благоприятными (Шанхай, например, обязан своим развитием именно иностранному капиталу), самолюбие китайцев "Заключительный протокол" 1901 г. нанес глубокую рану. Европейцы вели себя в стране как завоеватели: у городского парка в Шанхае висела, например, табличка: "Китайцам и собакам вход запрещен".

Сейчас положение, разумеется, совершенно иное. "Да, французы вернулись", — говорит китайский представитель при французской нефтяной концессии в Чжаньцзяне, — но теперь они работают на основе взаимной выгоды".

"Ни одна страна не может развиваться за закрытыми дверями. Мы страдали от этого, и наши предки страдали от этого со времен минской династии", — сказал Дэн Сяопин, выступая 22 октября перед Центральной комиссией советников, председателем которой он является. Комиссия эта призвана осуществлять высший надзор над политической, проводимой КПК.

Тем не менее, пока иностранные владельцы капитала не очень спешат воспользоваться предоставленной им возможностью. Прямые иностранные капиталовложения в Китае невелики: всего 3,3 миллиарда долларов, в основном из Гонконга. Гонконгу и впредь будет уделяться, видимо, особая роль в капитализации экономики. Недаром в договоре о возврате Гонконга Китаю в 1997 г., подписанном недавно в Пекине с Великобританией, оговорено, что в течение 50 лет после этого капиталистическая система в анклав сохранилась. Что случится после этого — будет видно.

*

Чрезвычайно важно то, что реформы предполагают не только изменение методов управления, но и замену самих управляющих, ибо новые условия требуют компетентности и эффективности. По полуофициальным оценкам должно быть заменено 40% директоров и 70% секретарей парторганизаций на 3000 крупнейших предприятий Китая. При этом возникает серьезная проблема: кем заменить изгнанных?

В очевидной связи с этим находится начатая в Китае перерегистрация — чистка партии, распространяющаяся на все 40 миллионов членов КПК. Ху Яобан недавно заявил членам японской делегации, что вычищено будет не менее 400 ты-

сяч членов. Вычищаются коррумпированные и некомпетентные руководители, а также партийцы, зараженные "левацким ядом культурной революции."

С другой стороны ЦК КПК призвал местные организации "широко открыть двери интеллигенции". Этот неожиданный призыв означает коренное изменение отношения КПК к интеллектуальной элите. В настоящее время интеллигенция составляет лишь 4% всего членского состава КПК. Из 22 миллионов крестьян — членов партии 10% имеют только начальное образование. Интеллигентов почти всегда только травил: после кампании "ста цветов", во время "культурной революции", во время борьбы с "духовным загрязнением" последних лет. Всего лишь недавно экономист из Чангша, родного города Мао, был отправлен в психбольницу за то, что критиковал управляющих местной фабрики. Инженер-полиглот из провинции Хэйлунцзян был арестован за то, что подрабатывал техническими переводами.

Теперь интеллигенты в чести. Их не только реабилитируют, их будут срочно выпекать. Прежде всего это касается кадров хозяйственного управления — менеджеров.

В мае в Далиане открывается первая в Китае школа бизнеса, в соответствии с программой, осуществляемой совместно с китайским правительством и министерством торговли США, которая обойдется в 2 миллиона долларов. Программа обучения — на английском языке — рассчитана на три года. Преподавать будут американские профессора. Последний семестр студентов проведут в США.

В меньших масштабах — как шестимесячные курсы — школа в Далиане существует уже с 1980 г. Ее выпускники уже занимают многие командные посты в китайской экономике, и не только в ней. Выпускник дalianской школы Ван Чжаогуа обратил на себя внимание в качестве директора автозавода, когда введением современных методов управления ему удалось утроить продукцию. Сейчас Ван назначен руководителем 48-миллионного китайского комсомола.

Сейчас, по примеру США, открывают школы бизнеса в Китае Япония, Канада, ФРГ и другие европейские страны.

Кадровые изменения — пожалуй самая взрывоопасная часть "пакета реформ" Дэна и его

друзей. Генсек Ху Яобан недавно заявил, что "если даже и есть люди, настроенные против реформ, то их очень, очень мало". Едва ли это так. Положительные результаты реформ скажутся еще не скоро, а миллионы некомпетентных служащих и чисто номинальных рабочих, оказавшись на улице, едва ли окажутся довольными. За три с лишним десятилетия "красного" Китая китайский рабочий уже привык, пусть хоть к нищенскому, но гарантированному минимуму существования, который в Китае называют "железной чашкой риса". Рабочий уже в немалой степени развращен социализмом. "Они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем", — говорят, например, советские рабочие.

Но еще более опасно недовольство относительно малочисленного, но политически важного слоя руководителей, потери которого от реформ будут особо чувствительными. В высшем эшелоне власти Дэн Сяопин, по-видимому, пользуется твердой поддержкой премьера Цзя Циня, генсека КПК Ху Яобана. Напротив, председатель КНР Ли Сяньнянь, руководитель госплана Чен Ю и один из самых авторитетных членов "старой гвардии" маршал Е Цзяньин оказывают Дэну сильное сопротивление. Дэн всячески хочет дать понять, что начатые реформы — дело общее, а вовсе не только его личная инициатива. В своей речи перед Центральной комиссией советников 22 октября, которую китайские газеты неожиданно опубликовали перед новым годом, Дэн сказал, что лично он был инициатором договора о возвращении Гонконга и открытия для иностранцев 14 прибрежных городов. "Все остальное сделали другие, — заявил он. — Я не написал и не изменил ни одного слова в принятом (плenumом ЦК) документе".

Сопротивление среднего круга руководителей может оказаться еще более серьезным и опасным — опять приходит на ум аналогия с Хрущевым, возможно однако, тоже неточная. Но Дэну сейчас 80 лет, его соратники тоже немолоды. Что произойдет, если он уйдет со сцены? Недавно в беседе с японской делегацией Дэн заявил, что китайская политика свободного рынка продлится по крайней мере до 2050 г. Неясно, однако, отпустит ли история китайским реформаторам столько времени для своих экспериментов.

Дэн и его коллеги ясно понимают, конечно, что основная атака со стороны "консерваторов" бу-

дет связана с обвинениями в измене делу социализма и реставрации капитализма. Обвинение серьезное: ведь открыто отказаться от социализма — значит поставить под вопрос законность 35-летней власти КПК в Китае. Поэтому клятвы в верности социализму, который надо лишь усовершенствовать, не перестают звучать в речах китайских лидеров. Директор Института марксизма-ленинизма и идей Мао (китайский аналог ИМЭЛ) Су Шаоци, напомнив афоризм Дэна, что "кот любого цвета хорош, если он ловит мышей", пояснил: "Это может быть белый кот или черный кот, но это должен быть кот, а не пес. Для нас кот означает социализм".

"Для блага всей страны необходимо сохранить социалистическую систему, — писала "Женьминьжибао". — Но в ряде районов разумно иметь капиталистическую систему". В другой статье той же газеты говорилось: "В действительности в капитализме есть много полезных для социализма вещей". Дэн постоянно повторяет мысль, что для совершенствования социализма немного капитализма было бы только полезно. В то же время всем — и реформистам, и консерваторам — ясно, что с теоретической точки зрения позиция Дэна эклектична и ее трудно обосновать.

Одни из важных партийных чиновников, будучи спрошен об этом, просто отмахнулись от проблемы: "Для большинства людей сегодня безразлично, что это будет, капитализм или социализм. Они лишь хотят лучше жить. А детали — это дело теоретиков".

Но в коммунистической стране теория — дело не абстрактное, а животрепещущий вопрос политики. И любые шаги "теоретиков" вызывают поэтому самое пристальное внимание и в Китае, и во всем мире. 7 ноября "Женьминьжибао" опубликовала статью, произведшую впечатление разорвавшейся бомбы. "Маркс умер 101 год назад, — говорилось в ней, — Его работам уже более ста лет. В них отражен его взгляд на свое время, но с тех пор положение сильно изменилось. Некоторые его идеи необязательно правильны... Есть много вещей, которых Маркс, Энгельс и Ленин никогда не знали, и даже не имели о них отдаленного представления. Нельзя полагаться на работы Маркса и Ленина при решении современных вопросов... Использовать некоторые теории Маркса и Ленина для описания современной сложной и богатой жизни, значит лишь задерживать поступательный ход истории".

Статья "Женьминьжао", основанная на нескольких неопубликованных замечаниях Дэна Сяопина, вызвала бурю в руководящем эшелоне партии. Очевидно в результате бурных дискуссий был найден компромисс: через несколько дней была опубликована "поправка". Утверждалось, что по вине редакции выпало слово "всех" и надо читать: "нельзя полагаться на работы Маркса и Ленина при решении *всех* современных вопросов". Поправка хоть и важная, но не такая уж решающая. Тем более, что скептицизм по отношению к Марксу и Ленину продолжает прорываться то там, то здесь. "Классики марксизма не могут решить многих китайских проблем, — заявил Ю Гуаньян, бывший директор Института марксизма-ленинизма и идей Мао, один из ведущих китайских идеологов. — Основная задача, которую классический марксизм пытался решить, это осуществление социалистической революции. Но главная задача, которую хотим решить мы, это осуществление социалистического строительства".

*

Первая и естественная ассоциация, которая возникает при знакомстве с китайскими рефор-

мами — это аналогия с НЭПом. Однако, аналогия эта, конечно, поверхностна. НЭП был тактическим шагом, имевшим целью быстро восстановить разрушенную войной экономику. Ожидалось, что после этого восстановленная экономика энергично двинется вперед в результате применения к ней социалистических методов хозяйствования. Китайский НЭП — это попытка восстановить экономику, разрушенную не войной, а как раз этими самыми социалистическими методами. Иллюзий о том, что, "поправив" экономику, можно вернуться к старому, ни у кого нет.

Очевидно ближайшие месяцы и годы покажут, имеют ли китайские реформаторы шансы на успех. Пока это неясно. Резкий поворот огромной страны, уже в силу своей огромности обладающей гигантской инерцией, одними резолюциями не осуществить. Силы сопротивления реформам огромны — китайский "новый класс" давно сформировался и укрепился. Но результаты этого эксперимента в любом случае имеют решающее значение для всех нас. Они помогут ответить на вопрос — может ли огромная страна своими силами выкарабкаться из тоталитарной ямы. Сейчас мы наблюдаем лишь самые первые шаги в этом направлении.

Недавно Ху Яобан, совершая инспекционную поездку по внутренней Монголии, сказал: "Мы должны произвести много ножей и вилок, приготовить больше тарелок, чтобы сесть за стол и есть китайскую пищу западным способом: каждый из своей собственной тарелки".

Думается, этот вполне практический совет генсека в нынешних обстоятельствах можно рассматривать и как символическое выражение политики нынешних китайских руководителей.

*

По сообщению газеты "Женьминьжао", китайские книжные магазины в 1983 г. продали 54 миллиона экземпляров избранных работ председателя ЦК компартии Китая Дэн Сяопина. Эта книга стала, таким образом, бестселлером. Правда, продавалась книга дешево — всего по юаню за штуку (что-то около 30–40 копеек). Следует учесть еще и то, что труды Дэна — обязательное чтение для 40 миллионов членов КПК.

Вообще торговля книгами в Китае растет: в прошлом году она выросла на 16% по сравнению с 1982 г. — книг было продано на 2,1 миллиарда юаней. ●

ГОДОВЩИНА РАССТРЕЛА КОРЕЙСКОГО САМОЛЕТА

Прошел год со дня убийства в советском воздушном пространстве 269 граждан 14 стран, в том числе 25 детей. Казнь пассажиров южнокорейского авиалайнера, совершавшего полет из США в Сеул, совершил офицер советских ВВС. Однако бессудный приговор вынес кто-то на очень высоком уровне. По существу полную ответственность за то, что ни в чем не повинные люди были наказаны смертью за навигационную ошибку, взяло на себя правительство СССР. Взяло только после того, как в течение недели пыталось нагло отрицать даже сам факт убийства, а затем — свою причастность к нему. Лгали, каждый по-своему, все — от летчика МИГа до маршала Огаркова и ТАСС. Но и признавшись под давлением фактов — никто не выразил раскаяния.

Возможно, что трусливое и одновременно наглое поведение советских властей частично объясняется тем, что система ПВО СССР продемонстрировала свою неэффективность. Куда же пошли средства, затраченные на армию, если иностранный самолет 2 часа летел незамеченный над советской территорией? Если американские и японские радары обнаружили намного раньше советских отклонение лайнера от курса (они пытались предупредить летчика, но связь с лайнером была нарушена)? Если сверхсекретные кодированные переговоры советских летчиков с командованием были за 20 минут расшифрованы американской станцией на Хоккайдо? Если советские летчики не смогли отличить гигантский "Боинг-747" от вдвое меньшего по размерам американского разведывательного самолета?

Что же будет, если над советской территорией нависнет действительная опасность, например, от Китая?

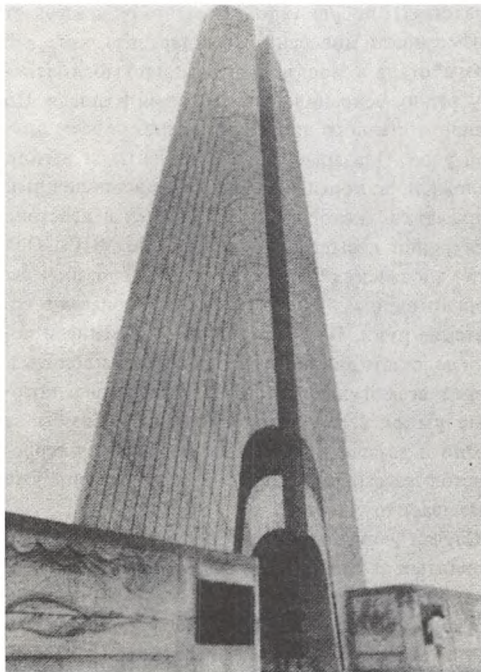
Вместо ответов на все эти вопросы власти СССР изощряются в новой лжи. Совсем недавно возникла еще одна "версия" событий. Американский дипломат-пенсиянер Уильям Кеппель, служивший в посольстве США в Москве в 1947–1950 гг., высказал мнение о возможности взрыва горячего из-за неполадок в системе зажигания самолета. Кеппель, ведущий частное расследование инцидента (а кто ему запретит в свободной стране, если есть желание, время и средства?), добавил при этом, что он исключает возможность диверсии. Но в варианте, который разработали в Москве и огласили по московскому радио, сохранилось только имя Кеппеля. По канве отставного дипломата выйдет совсем другой узор. Оказывается, ЦРУ и Пентагон вместе заложили в корейский самолет дистанционный взрыватель, который был приведен в действие синхронно с выстрелом советского МИГа. Оба эти злодейских учреждения были озабочены только одним — не дать самолету попасть в советские руки. Поэтому они якобы мешали поискам остатков самолета. Остается склониться перед всемогуществом ЦРУ и Пентагона, которые умеют взрывать дистанционные бомбы за сотни и тысячи километров (в Ливане у террористов расстояние выше трехсот метров уже вызывает трудности).

Случаи уничтожения пассажирских самолетов, принятых за шпионские, весьма немногочисленны. Наиболее памятна гибель 88 пассажиров израильского самолета, сбитого болгарскими зенитками (1954 г.), и 104 пассажиров и команды ливийского самолета, сбитого израильскими "фантомами" над Синаем (1972 г.). В обоих случаях правительства выразили сожаление о случившемся и выплатили компенсацию семьям пострадавших. Даже СССР в период ожесточенной охоты за американскими самолетами, патрулировавшими вдоль его северных границ в 50-е годы, в одном случае был вынужден признать свою вину и выплатить компенсацию семье летчика, сбитого в международном воздушном пространстве. Напомним для сравнения, что в 1972–1982 гг. советские, польские и чехословацкие самолеты, совершающие иногда рейсы внутри территории США, 26 раз отклонялись от своих маршрутов и пролетали над секретными воен-

ными объектами. Во всех случаях заявлялись протесты, но дело тем и ограничивалось.

Уйдут ли убийцы от суда? Хочется надеяться, что нет. Юрист Мелвин Белли из Сан-Франциско, представляющий интересы семей 80 американских граждан, которые погибли в трагическом рейсе 1 сентября 1983 г., решил действовать по-новому. Комментируя свое исковое заявление, где ответчиками названы, в частности, Советский Союз, фирма "Боинг" и южнокорейская авиакомпания, Белли подчеркнул, что он будет добиваться конфискации советской собственно-

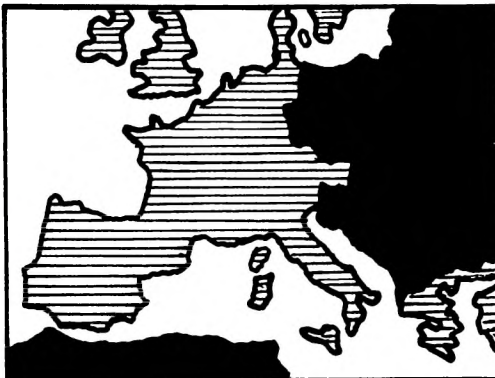
да иностранное государство ведет себя "столь варварски, что исключает себя тем самым из семьи государств". Белли уже получил подтверждение из Госдепартамента, что его иск переведен на русский язык и направлен в Москву.

Памятник погибшим пассажирам и членам команды рейса 007, открытый 1 сентября 1984 г. в Сеуле.

сти в США, если СССР откажется платить семьям убитых. Белли заявил, что он добьется конфискации, "независимо от того, понравится это Рейгану или нет". В стране, где суды независимы от исполнительной власти, это вполне возможно.

Американское право основано, в частности, на прецедентах, поэтому Белли намерен использовать решение американского суда, принятое в 1966 г. после того, как агенты чилийской разведки убили в Вашингтоне Орландо Летельера, противника Пиночета. Суд утвердил право на арест иностранной собственности в США в случае, ког-

ПЕРЕМЕНЫ В ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМПАНИИ

11 июня в возрасте 62 лет в Падуе скончался генеральный секретарь Итальянской компартии Энрико Берлингуэр. За пять дней до этого у него произошло кровоизлияние в мозг в момент, когда он произносил предвыборную речь: 17 июня предстояли выборы в Европейский парламент.

Волна сочувствия и скорби охватила страну и ее масштабы поразили даже ближайших соратников Берлингуэра по партии. На гражданскую панихиду по Берлингуэру на римскую площадь де Сан Джованни пришло почти полтора миллиона итальянцев и далеко не все они были коммунистами. Почести, с которыми провожали Берлингуэра — никогда не бывшего у власти — превосходили по своим масштабам государственные похороны.

В заявлении Ватикана отмечено, что Берлингуэр "пользовался всеобщим уважением за серьезность предпринятого им дела и за мотивы, которыми он руководствовался". 87-летний президент страны Сандро Пертини, прошедший последние дни у постели умирающего и сопровождавший его тело в Рим, назвал Берлингуэра "другом и братом, возлюбленным сыном, товарищем по борьбе". Кириако де Мита, лидер христианских демократов, крупнейшей партии стра-

ны — главного соперника коммунистов, сказал: "Итальянская демократия многим обязана ему". Передовая статья итальянской консервативной газеты "Джорнале", посвященная смерти Берлингуэра, была озаглавлена "Возлюбленный враг". В том же номере газеты известный католический священник и бывший редактор ватиканского официоза "Оссерваторе Романо" с большим уважением написал о Берлингуэре, как о человеке, "показавшем глубокое понимание верующих", и даже намекнул, что он был "одним из нас".

Энрико Берлингуэра

Пожалуй, лишь у руководства КПСС смерть Берлингуэра не вызвала скорби. Соответственной была и публичная реакция советских руководителей. Сначала неуклюжее письмо, адресованное самому Берлингуэру, в котором об умирающем, но еще живом человеке уже говорилось в третьем лице, затем более чем скромное сообщение о смерти, без полагающегося по советскому ритуалу парадного некролога.

Даже сама смерть Берлингуэра послужила на пользу той партии, которую он возглавлял, стала, говоря словами Маяковского, "величайшим коммунистом-организатором". На выборах в Европейский парламент, состоявшихся через 6 дней после смерти Берлингуэра, итальянская компартия впервые в истории стала партией номер один по числу поданных за нее голосов: 33,3% против 33% у следующих за ней христианских демократов. Несомненно, что большое число явившихся к урнам и решивших голосовать

за коммунистов связано с эмоциональным подъемом тех дней.

Значение Берлингуэра как политического деятеля заключалось не только в том, что он был лидером крупнейшей в свободном мире компартии, насчитывающей 1,7 миллиона членов и 11 миллионов сторонников среди избирателей. Его имя прежде всего связано с возникновением "еврокоммунизма" — он был не только одним из основателей, но и самым активным и последовательным приверженцем этой политической доктрины.

Энрико Берлингуэра родился в Сардинии в аристократической семье испанского происхождения. В 1943 г. в возрасте 21 года вступил в находившуюся вне закона итальянскую компартию, и уже через год был арестован за антифашистскую деятельность. По окончании Второй мировой войны Берлингуэра стал быстро продвигаться в партийной иерархии. В 1948 г. он вошел в исполнительный комитет ИКП. В 1968 г. он был избран в парламент, возглавив избирательный список своей партии в столице — в Риме. В последние годы жизни генерального секретаря ИКП Луиджи Лонго, когда больной и престарелый генсек уже не мог по-настоящему руководить партией, Берлингуэра фактически выполнял его функции. После смерти Л. Лонго в 1972 г. Берлингуэра стал генеральным секретарем ИКП.

Лично честный, скромный, интеллигентный, выглядевший всегда чуть усталым и озабоченным, Берлингуэра пользовался уважением у друзей и у врагов. Он был женат на ревностной католичке, был хорошим семьянином, имел трех дочерей и сына. Работоспособность его была поразительна: товарищи в шутку называли его "куло ди ферро" ("железный зад") — за его способность заседать на совещаниях и в комитетах, доводя до изнеможения своих оппонентов.

Заветной мечтой Берлингуэра было привести свою партию к власти, но осуществить эту мечту ему не привелось. Уже через год после избрания генеральным секретарем Берлингуэра предложил христианским демократам свой знаменитый "исторический компромисс" — создание "большой" правительственной коалиции. Предложение его было отвергнуто. Не имела успеха и его попытка осуществления "левой альтернативы" в 1980 г. — создания коалиции с социалистами и другими левыми партиями. Наиболее сильную оппозицию это предложение вызвало у социали-

стов: нынешний премьер Беттино Кракси занимает, пожалуй, наиболее антикоммунистическую позицию даже по сравнению с христианскими демократами.

Все это происходило несмотря на то, что избирательные успехи ИКП при Берлингуэре были поистине впечатляющими. На национальных парламентских выборах 1976 г. компартия собрала наибольшее за свою историю количество голосов – 34,4%, лишь на 4% отстав от христианских демократов. На выборах в прошлом году ИКП, правда, собрала уже на 4,5% меньше голосов, чем в 1976 г., но зато христианские демократы потеряли еще больше.

Первый разлад между Берлингуэром и КПСС произошел в начале 60-х гг., когда он отказался поддержать КПСС в ее попытках отлучить китайскую компартию от коммунистического движения. Берлингуэр никогда не был сторонником китайской политической концепции, но для него был важен сам принцип независимости компартий, их права на свой "национальный путь".

После этого Берлингуэр все быстрее и быстрее стал отдаляться от советской модели коммунизма. Он резко осудил интервенцию в Чехословакию. Он поддерживал демократические перемены в Польше, возглавленные "Солидарностью", и протестовал против объявления военного положения. Он был одним из самых решительных противников оккупации Афганистана. Он был сторонником сохранения членства Италии в оборонительном союзе НАТО, хотя в принципе выступал за роспуск всех военных блоков вообще. Он убежденно защищал необходимость сотрудничества с католической церковью, указывал на невозможность игнорировать интересы "католических масс". Он критиковал нарушения прав человека в Советском Союзе. Ему принадлежит знаменитое высказывание о том, что идеалы, ради которых совершилась Октябрьская революция, в Советском Союзе окончательно умерли.

В 1975 г. он, вместе с лидерами испанской и французской компартий, выступил инициатором "еврокоммунизма" – политической доктрины, пытающейся соединить марксистскую теорию с идеалами западной демократии. По Берлингуэру, советская система просто немыслима "для социалистического преобразования стран, подобных Италии и другим странам Западной Европы".

Еврокоммунизму не была суждена долгая

жизнь. Французский генсек Жорж Марше очень скоро качнулся назад к открыто просоветской позиции, и его не смутил даже Афганистан. Выборы в Европейский парламент, вознесшие ИКП на первое место, опустили ФКП до самого низкого уровня популярности за последние 50 лет. Генсек Жорж Марше исчез из поля зрения публики, и ходят слухи о его возможной отставке. Испанская компартия также стала испытывать внутренние трудности, раскололась, один из "отцов" еврокоммунизма Сантьяго Каррильо был вынужден уступить пост генсека Херардо Иглесиасу. Партия сейчас борется за свое место в национальном политическом спектре, ища популярности то у феминисток, то у местных Зеленых, еврокоммунистические проблемы отошли на задний план. Малые европейские компартии, воспринявшие еврокоммунизм как дитя разрядки, сейчас, когда разрядка рухнула, находятся в состоянии разброда и не в состоянии четко определить свой политический курс.

ИКП при Берлингуэре была, пожалуй, последним бастионом еврокоммунизма, но и в ней эта концепция стала терять свои ясные очертания (если они были когда-либо вообще). Крах разрядки затронул и ИКП. Когда союз НАТО принял решение о размещении ракет среднего радиуса действия в Западной Европе (они должны быть размещены и в Италии – в Сицилии), Берлингуэр высказался против этого, но возражал он так вяло, что многим в партии и вне ее так и осталось неясным, какую же позицию он на самом деле занимал.

Конечно, рано еще говорить о том, что еврокоммунизм мертв. Престиж, которым он пользовался в течение ряда лет, не может так скоро улетучиться без следа. Видимо еще долго еврокоммунизм останется "маяком" для многих инакомыслящих в таких странах как Польша или Чехословакия и, может быть, даже в Советском Союзе. Во многом этому будет содействовать, как ни странно, именно провал попыток еврокоммунизма прийти к власти. Не пройдя испытания суровой практикой, еврокоммунизм еще сохраняет привлекательные черты идеала.

Во многом судьба еврокоммунизма как политической доктрины будет зависеть от того, какую линию будет проводить послеберлингуэровская итальянская компартия.

После Берлингуэра – впервые в истории ИКП – не осталось беспорочного наследника. В партии, в соответствии с нормами "внутренней демокра-

тии", — также, кстати, введенной Берлингуэром — начались консультации. Двум членам правления — Уго Печчоли и Альдо Торторецца — было поручено провести опрос всех членов ЦК, провинциальных функционеров партии, коммунистических мэров городов, членов парламента, провинциальных советов и мэрий — всего несколько сот человек. Результаты этого опроса были представлены ЦК партии, который 26 июня и сделал свой выбор.

Новым генсеком Итальянской компартии был избран профессор истории, 66-летний Алессандро Натта, близкий друг и политический союзник покойного Берлингуэра. А. Натта, по всеобщему мнению, фигура совершенно бесцветная. Он —

Алессандро Натта

долголетний аппаратчик, но, может быть, в этом — в знании внутренних механизмов партии — и будет его сила. На его стороне также старшинство — благородные седины — но не будет ли это как раз его слабостью?

То, как поведет себя компартия при новом генсеке, покажет, в какой степени успехи ИКП были обязаны личным достоинствам ее выдающихся лидеров (Грамши, Тольятти, Берлингуэра...), а в какой — соответствию политической концепции партии как таковой историческим нуждам страны. Во всяком случае уже на местных выборах в Сардинии, Сицилии и ряде других мест 24 июня ИКП не смогла повторить тех достижений, которые ей удалось на неделю раньше. Эмоции отступили, и сейчас ИКП — вновь не первая, а вторая партия страны. ●

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ЧЛЕНСТВО В ПРОФСОЮЗАХ И СЕКРЕТНОСТЬ

25 января министр иностранных дел Великобритании Джеффри Хау объявил в Парламенте о решении предложить сотрудникам правительственного коммуникационного центра в Челтнеме отказаться от членства в профсоюзе и в качестве компенсации получить по тысяче фунтов единовременно. Тем, кто не хочет расставаться со своим профсоюзным билетом, будет предложена другая, несекретная работа в системе государственной службы. Как выяснилось позднее, и о чем министр поначалу не упомянул, те из сотрудников коммуникационного центра, кто не согласен ни на то, ни на другое, будут уволены без пособия.

Объявляя о своем решении, министр сказал, что работа коммуникационного центра чрезвычайно важна для безопасности Великобритании. Работа центра в Челтнеме и его филиалах — секретная. Даже сам факт существования этого центра держался в тайне до последнего времени. Лишь в 1982 году М.Тэтчер была вынуждена заговорить о нем в Парламенте в связи с разоблачением советского шпиона Джеффри Прайма, проработавшего в коммуникационном центре 14 лет. В прошлом году он был приговорен к 35 годам заключения.

Правительственный коммуникационный центр, это крупнейшая станция прослушивания эфира. В центре, например, анализируются кодированные радиосообщения с целью выявления значительных передвижений войск стран Варшавского Договора. Производится также перехват радиоразговоров между посольствами. Любые перебои в работе центра чреваты серьезными последствиями. А такие перебои происходили часто в результате забастовок, объявленных профсоюзами государственных служащих. Эти забастовки нанесли непоправимый ущерб разведывательной работе. Так, за последние 5 лет перебои в работе центра происходили во время советского вторжения в Афганистан, в день покушения на президента Рейгана, в период усугубления бейрутского кризиса, накануне всеобщей забастовки в Польше и в последние дни Фолклендской войны. Во избежание повторения таких накладок правительство и решило объявить запрет на членство в профсоюзе сотрудников коммуникационного центра. Такой порядок уже существует в армии, разведке и контрразведке.

Очевидно министр иностранных дел, премьер-министр и администрация коммуникационного

центра были настолько уверены в своей правоте, что не ожидали большого сопротивления. Но не тут-то было. К сопротивлению со стороны профсоюзов и оппозиции правительство, конечно, было готово, на то и существует оппозиция. Однако на сей раз к протестам присоединились консерваторы. Некоторые консервативные депутаты были недовольны тем, как министр преподнес и обставил свое решение. Многие были удивлены тем, что кабинет министров, как таковой, не играл никакой роли в принятии этого решения.

Не предуадал министр и реакции самих сотрудников коммуникационного центра. Многие из них были оскорблены, считая, что ставится под вопрос их патриотизм, лояльность и профессиональная добросовестность. Неизвестно, сколько из 7 тысяч сотрудников центра подписали заявления об отказе от членства в профсоюзе: по мнению правительства — 90%. Но, как считает бывший директор центра, потеря даже 10% сотрудников породит огромные трудности: на обучение замены может уйти несколько лет.

Правительство между тем отказалось прислушаться к рекомендациям межпартийной парламентской комиссии, предложившей компромиссный вариант, и продолжает настаивать на первоначальном решении. Столкнувшись с этим, Конгресс британских тредюнионов поддержал символическую забастовку солидарности с сотрудниками центра 28 февраля (сами сотрудники центра в ней не участвовали). Более того, Конгресс заявил, что если будет уволен хотя бы один сотрудник центра, то все отношения с правительством будут разорваны и будет объявлена всеобщая забастовка.

Как ни завершится этот конфликт, ясно, что отношениям между правительством консерваторов и профсоюзами, которые только начали налаживаться, нанесен серьезный удар.

*

1 марта истек назначенный правительством крайний срок подачи заявлений с отказом от членства в профсоюзе для сотрудников секретного правительственного коммуникационного центра в Челтнеме. Подавляющее число сотрудников в конце концов подписали такие заявления в обмен на 1 000 фунтов стерлингов отступного. Лишь 150 из 7000 сотрудников, отказались это сделать. Маргарет Тэтчер была великодушна в своей победе. Она поблагодарила всех, кто принял правительственные условия и сказала, что понимает, что для многих решение было нелегким. Профсоюз государственных служащих пытается сейчас найти способ какой-то

организации оставшихся членов профсоюза, избегая, впрочем, самого слова "профсоюз".

Между тем, правительство и администрация коммуникационного центра решили, судя по всему, пока не переводить на другую работу и не увольнять тех, кто не захотел расставаться с членством в профсоюзе. Правительство не желает, видимо, обострять конфликт с Конгрессом Британских Тредюнионов, пригрозившим всеобщей забастовкой в случае, если хоть один сотрудник правительственного коммуникационного центра будет уволен за отказ выйти из профсоюза. О сути и причинах этого конфликта мы сообщали в предыдущем номере.

Тем не менее, Маргарет Тэтчер и ее правительство одержали явную победу, хотя победа эта стоила некоторой потери популярности. По результатам опроса общественного мнения две трети опрошенных избирателей несогласны с правительственным решением. Только 26% всех опрошенных одобрили действия премьер-министра.

М.Филлимор

ПОЛЬША: ПОСЛЕ ДВУХ ЛЕТ "НОРМАЛИЗАЦИИ"

Ниже приводится краткий обзор современного политического положения в Польше. Автор обзора наш постоянный обозреватель, экономист Вальдемар Кучиньски, в прошлом один из создателей "летучих университетов" в Польше, сотрудник независимых журналов "Работник" и "Информационный бюллетень". В августе 1980 г. принимал участие в гданьских переговорах на стороне рабочих в качестве эксперта по вопросам экономики. Затем был заместителем главного редактора еженедельника "Тыгодник Солидарность" — официального органа общенациональной комиссии профсоюза "Солидарность". Во время военного положения был интернирован.

По моему, процесс "нормализации" в Польше

закончен. Достигнуто равновесие, которое каждая из сторон хотела бы изменить в свою пользу, но, вероятно, это ни одной из них не удастся. Польским властям не удалось добиться контроля над обществом, подобного тому, которое они осуществляли до августа 1980 года. Общественность же не сумела укрепить те политические позиции, которые она занимала во времена "Солидарности". В Польше наблюдается новый тип нормализации, отличный от чехословацкого и венгерского. Чем он характеризуется?

Если говорить об обществе, то во всех его слоях ощущается готовность к сопротивлению. Польская Объединенная рабочая партия не смогла деморализовать общественность, несмотря на наличие капитуляционных настроений. О том, что воля к сопротивлению в польском обществе не угасла, свидетельствует возникновение подпольной "Солидарности" и многих других оппозиционных группировок, появление подпольной прессы и независимых издательств.

Нынешнее оппозиционное движение является исключительным явлением в социалистических странах, более массовым, чем предавгустовское, хотя и тогда оно выходило далеко за узкие рамки диссидентского движения. Во всех крупных городах Польши действуют различные подпольные группы, и по всей Польше распространяется подпольная пресса. Участники этого движения на протяжении вот уже двух лет подвергаются репрессиям и арестам. Они научились не только противостоять ударам, но и восстанавливать разрушенное. По этому поводу Збигнев Буяк сказал: "В настоящее время профсоюзы "Солидарность" продолжает действовать на всех уровнях — общенациональном, региональном и на отдельных предприятиях. Более того, несмотря на преследования со стороны службы безопасности (СБ), структуры "Солидарности" восстанавливаются, и если в первые дни после введения военного положения провал нескольких людей мог парализовать деятельность целого профсоюза, то теперь после ударов СБ его региональные структуры восстанавливаются в короткое время. Возрождается и деятельность Временной Координационной Комиссии "Солидарности"."

Примечательным феноменом, однако, небывалым даже для периода "Солидарности", является сплочение польской общественности вокруг католической церкви, политическая позиция которой еще больше укрепилась после введения военного положения благодаря мудрому поведению епископата. В течение последних двух лет церковь избегала конфликтов с властями, поддерживала с ними контакты, вела переговоры и даже удерживала обществен-

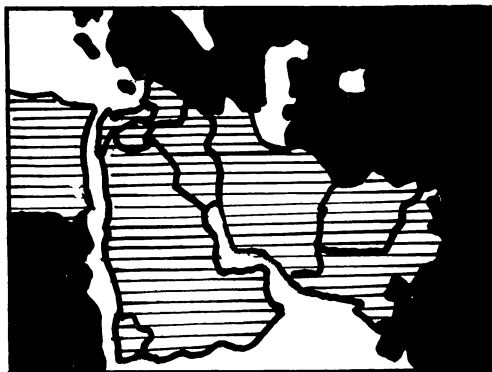
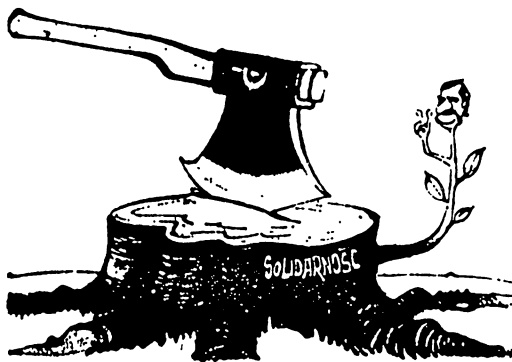
ность от забастовок и открытых манифестаций. С другой стороны, церковь делала все, что могла, чтобы защитить общественность от репрессий, поддерживала надежды и волю к сопротивлению, давала людям возможность под ее прикрытием действовать независимо. Это ей удалось. Под защитой церкви развилось широкое движение помощи интернированным и их семьям, которое значительно ослабило наступивший после введения военного положения общественный шок. Сегодня под эгидой церкви проводится обширная культурная и общественная работа. Можно даже сказать, что независимое общественное движение частично действует конспиративно, а частично в "тени святынь".

Что касается официальной Польши, то трудности, которые испытывают власти в отношениях с общественностью, очевидны. Численность новых профсоюзов растет очень медленно. Они черпают свое пополнение в основном из среды пенсионеров, которых в Польше около 6 миллионов, а также из числа рабочих мелких провинциальных предприятий, сопротивление которых ослабить значительно легче. Эти профсоюзы насчитывают сегодня 3,8 миллиона членов, меньше, чем так называемые отраслевые профсоюзы во времена "Солидарности". Продолжается и выход людей из Польской Объединенной Рабочей Партии. Число добровольно оставляющих ее граждан по-прежнему превышает число вступающих в нее. С августа 1980 г. ПОРП потеряла около одного миллиона членов (30%), часть из них (около 520 тысяч) — после введения военного положения. В прошлом году, во втором году нормализации из ПОРП вышло 172 тысячи человек, а принято было — 17 тысяч. Из семи с половиной миллионов молодых людей Польши в возрасте от 18 до 29 лет членами ПОРП являются только 260 тысяч, то есть 3,4%. Все официальные польские молодежные организации, объединяющие детей в возрасте от 7 лет и молодых людей до 30 лет, с 1980 по 1982 г. потеряли 2,7 миллиона членов (45%).

Созданной недавно в Польше официальной организации студентов не удается пустить корни в высших учебных заведениях страны. Из 400 тысяч польских учащихся ВУЗов в ней состоит только 20 000 тысяч. Почти никто из представителей интеллектуальной элиты Польши не принимает участие в новых творческих профсоюзах. Большинство польских граждан избегает участия в новых официальных институтах и боится быть объявленными коллаборационистами.

Другое явление, наблюдаемое в официальной Польше, — это перегруппировка сил, появление

"новой" разновидности социализма, которая тем не менее сохраняет преемственность со "старой". Официальная доктрина не изменилась.

ИРАН: "ЮБИЛЕЙ" ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Формально ведущей силой системы остается коммунистическая партия, пытающаяся играть руководящую роль в государстве. На практике, однако, ПОРП оказалась скомпрометированной как никогда до сих пор. Она не имеет больше никакого авторитета и пользуется даже меньшим доверием у населения, чем милиция. Партия полностью возложила ответственность за принятие важных решений на армию, то есть на партию в мундирах, на государственный аппарат и на такую чисто фасадную организацию как "Патриотическое движение национального возрождения". Все самые важные государственные вопросы решаются теперь генералом Ярузельским и возглавляемым им Комитетом Обороны, а также группой пользующихся его доверием лиц, большинство из которых не входит в состав государственного и партийного руководства. На региональном уровне местные комитеты обороны страны, вместе со специально созданными для этой цели "военными оперативными группами" контролируют деятельность государственной администрации. "Мы есть и будем идеологическим, моральным, политическим и военным базисом социализма в Польше", — заявил недавно министр обороны ПНР Флориан Сивицкий.

Тем не менее, общественное сопротивление в Польше, если учесть, что это — социалистическая страна, организовано неплохо. Через два года после объявления о начале нормализации власти в этой стране действуют в полном общественном вакууме.

5 лет назад, 11 февраля 1979 г. в Тегеране подал в отставку последний премьер-министр шахского правительства Бахтияр. Вся власть в стране перешла в руки имама Хомейни, который всего за десять дней перед этим вернулся на родину, приветствуемый миллионами встречавших его сограждан. Исламская революция, о необходимости которой постоянно говорили муллы, совершилась.

Славный юбилей был отмечен торжественным открытием в г.Исфахане памятного сооружения, которое мэр города назвал "монументом более великолепным, чем Персеполь". Сооружение это — огромное кладбище на краю пустыни, рассчитанное на миллион могил. Пока "заселен" только один участок, где покоятся 25 000 "мучеников" — молодежь, погибшая в войне с Ираком и при подавлении восстаний отдельных племен против режима Хомейни.

Не нужно думать, что мэр Исфахана сделал неловкий шаг, отметив юбилей революции открытием кладбища. Первым шагом самого аятоллы Хомейни после триумфального возвращения в Иран, было именно посещение кладбища, где он провозгласил наступление "эпохи мученичества". "Чем больше людей, особенно молодых, погибнет за наше дело, — сказал тогда 85-летний имам, — тем сильнее мы станем. Чтобы завоевать мир, мусульманин должен подавлять в себе страх смерти".

Пятая годовщина прихода к власти Хомейни имеет для иранских руководителей особое значение. Дело в том, что шиитское духовенство считает единственным в истории "законным правителем" четвертого халифа Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда. К моменту, когда Али был убит, он находился у власти немногим более четырех лет. Хомейни — первый "законный наследник" правившего в VII веке Али.

И вот сейчас по длительности пребывания у власти он его превзошел!

Нельзя сказать, что истекшие пять лет были потрачены зря. Иран значительно приблизился к достижению целей, провозглашенных Хомейни в его кладбищенской речи. Более четверти миллиона иранцев погибли в войне с Ираком, племенных междоусобицах, стычках с городскими партизанами. От 8 до 12 тысяч было казнено. Около 2 миллионов находится в изгнании. 3 миллиона остались без крова. Уровень жизни, и ранее низкий, падает с каждым годом.

Впечатляющи и идеологические достижения: "законы, созданные людьми, заменены законами Аллаха"; тлетворное влияние Запада уничтожено: женщины носят чадру, алкоголь вне закона, театральные представления запрещены; важнейшие ключевые посты заняты муллами или их родственниками.

"Сегодня Иран — единственное правоверное исламское государство в мире", — сказал недавно спикер иранского парламента аятолла Хошени Рафсанджани. Но что же дальше? Каким окажется шестой год исламской революции? Успеют ли муллы заполнить остающиеся еще вакантными 975 тысяч мест на исфаханском кладбище? ●

ИНДИРА ГАНДИ

И.Ганди с Л.Брежневым

сикхи добиваются автономии (они сосредоточены преимущественно в Пенджабе), а в последнее время наиболее радикальные лидеры сикхов требуют даже независимости. Они захватили и превратили в вооруженную крепость святилище сикхов в Амритсаре — Золотой храм. В июне по приказу И.Ганди храм был взят штурмом, около 600 человек было убито. Актом мести за это и явились выстрелы в Дели.

Конечно, не подоплека убийства, не сикхская проблема, как бы серьезна она ни была, — причина грандиозного кризиса. Трагедией для 700-миллионного народа стала сама гибель выдающегося лидера страны. Сразу стало ясно, каким огромным авторитетом она пользовалась.

Индира Ганди была сложной и противоречивой личностью. Многое зависит от того, кто смотрит на нее, кто ее оценивает. Жителям Советского Союза трудно, конечно, забыть, что И.Ганди тесно связала внешнюю политику своей страны с политикой Советского Союза. Почти по всем важнейшим мировым вопросам Индия при И.Ганди занимала позицию, совпадающую или близкую с позицией СССР. У И.Ганди не нашлось слов для осуждения действий Советского Союза в отношении Чехословакии, Польши, даже интервенцию в Афганистан она критиковала сдержанно и явно неохотно. Голос Индии никогда не раздавался в поддержку преследуемых в Советском Союзе.

Для индийца все это выглядело по-иному. Внешнеполитический курс Индии определился

31 октября два личных охранника премьер-министра Индии Индиры Ганди выстрелом в упор убили человека, охранять которого они были поставлены. Преступление всколыхнуло всю Индию: страна оказалась ввергнутой в кризис, которого она не переживала со времен провозглашения независимости.

Убийцы и их мотивы известны. Выстрелы в Индиру Ганди — месть со стороны сикхов, религиозной секты, возникшей в XV в. из слияния индуизма и ислама. К ней принадлежит сейчас 2% населения страны. С середины 70-х гг.

конфронтацией с Китаем, с одной стороны, и с Пакистаном — с другой. Учитывая враждебные отношения СССР с первым и более чем прохладные — со вторым, для Индии естественно было искать союза с СССР, в том числе и военного. Экономически этот союз для Индии был тоже важен — не столько потому, что нищий Советский Союз мог много дать этой гигантской стране, сколько потому, что опасение установления еще более тесных индо-советских связей побуждало и западные страны увеличивать помощь.

Так что едва ли теплые личные чувства к Брежневу, Андропову и Черненко или идейная приверженность к советскому социализму побуждали суровую и сдержанную Индиру Ганди расточать лучезарные улыбки советским вождям и подписывать с ними договоры. Ее союз с Москвой был курсом решительного, циничного и жесткого политика. Политиком прежде всего была она и во всем другом, и, возможно, именно ее жесткость позволила ей в течение столь долгого времени цементировать своим духом этот раздираемый противоречиями субконтинент. Но она не была политиком беспринципным: ее принципом была служба Индии, такая, как она ее понимала, но служба искренняя и страстная. История покажет, что из сделанного Индирой пошло ее стране на пользу, а что во вред: было и то, и другое. Но ее целеустремленность и уверенность в своем предназначении создали ей харизматический ореол, ясно ощущавшийся всеми индийцами. "Индиря — это Индия, Индия — это Индира", — для индийцев это было не только предвыборным лозунгом.

Индира, единственная дочь Джавахарлала Неру, родилась в 1919 г. Детство ее было одиноким и очень недетским. Родители часто попадали в тюрьму. Дом их был одним из центров борьбы за независимость, и сама девочка, получившая довольно беспорядочное образование, рано оказалась вовлеченной во всю эту деятельность — то как участник демонстраций, то как письменосец. Отца она знала, в основном, по письмам из тюрьмы, которые потом были изданы и получили всемирную известность.

После четырехлетнего обучения в Англии, в Оксфорде, Индира в 1941 г. вернулась в Индию, где вышла замуж за журналиста Фероза Ганди (вопреки распространенному заблуждению, он не находился в родстве с великим Махатмой Ганди), а вскоре она вместе с мужем попала

ненадолго в тюрьму. Единственный спокойный период семейной жизни был у Индиры в 1943—1946 гг. Тогда родились два ее сына: Раджив и Санджай.

В 1946 г. Неру стал премьером переходного правительства, а в 1947 — первым премьер-министром независимой Индии. Индира стала официальной хозяйкой его дома (мать к тому времени скончалась).

В политику Индира впервые вступила в 1955 г., когда ее избрали в рабочий комитет партии Индийский национальный конгресс (ИНК). Через четыре года, очевидно, как дочь Неру, ее избрали председателем партии. Когда в 1964 г. Неру умер, новый премьер, Лал Бахадур Шастри, предложил ей скромный пост министра информации, но уже через два года, после скоротечной кончины Шастри в Ташкенте, лидеры ИНК избрали Индиру Ганди премьер-министром.

Уже первый года премьерства Индиры был отмечен такими решительными шагами, как разделение провинции Пенджаб на части и предложение о национализации коммерческих банков (что и было потом сделано). После выборов 1967 г. И.Ганди объявила свою программу из 10 пунктов, с целью построения "индийского социализма" со стабильной экономикой. Эта программа расколола ИНК: более консервативная часть сгруппировалась вокруг Морарджи Десаи, более радикальная — вокруг И.Ганди. На выборах избиратели поддержали радикалов — и их победа была сокрушительной.

Индира Ганди с Махатмой Ганди

Кризис начался в 1975 г., когда суд в Аллахабаде, родном городе И.Ганди, постановил, что И.Ганди виновна в предвыборной коррупции и объявил ее избрание в парламент недействительным. Оппозиция, естественно, потребовала ее отставки.

Индира, однако, решила по-иному. Она объявила чрезвычайное положение в стране, арестовала лидеров оппозиции, включая М.Десая, а за ними еще несколько тысяч человек. Конституционные гарантии прав были приостановлены. Введена цензура печати. Демонстрации протеста И.Ганди попросту игнорировала. "В Индии, — сказала она, — демократия дает народу слишком много вольности". Люди горько шутили: будь Неру жив, не миновать бы ему снова тюрьмы, и пришлось бы ему опять писать письма дочери на волю, на этот раз в ведомство премьер-министра.

Парламент, где И.Ганди имела подавляющее большинство, быстро изменил избирательный закон, попросту устранив оттуда нарушенные Индирой пункты. После этого Верховному Суду не оставалось уже ничего, как снять с нее все обвинения.

Уверенная в себе И.Ганди объявила в 1977 г. внеочередные выборы и, кажется, единственный раз серьезно просчиталась. Ее партия с треском провалилась (опыт диктатуры все же не был еще забыт), и премьером стал посаженный ранее Индирой в тюрьму М.Десай.

В 1978 г. И.Ганди и ее сторонники откололись от партии ИНК, организовав свою собственную: ИНК (И), где И в скобках означает Индира. А через несколько месяцев ее арестовали по

обвинению в коррупции и незаконных махинациях, связанных с автомобильной компанией, руководимой ее сыном Санджаем. И этот арест неожиданно выявил силу харизмы И.Ганди, показал, как велик ее авторитет как общественного деятеля, несмотря на события недавнего прошлого и очевидные злоупотребления властью. Начались многотысячные демонстрации, которые принудили правительство отступить и освободить Индиру. "Я хорошо отдохнула", — сказала она по выходе.

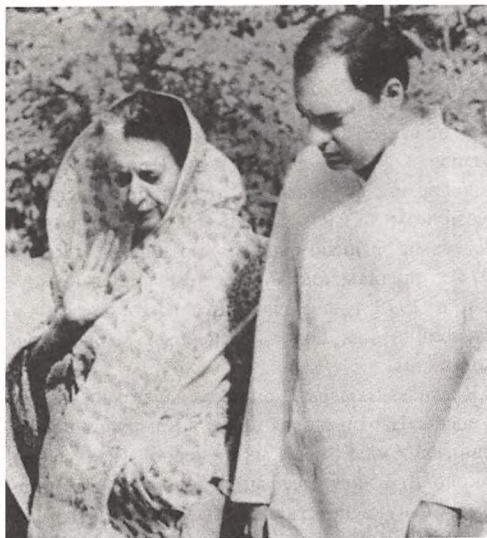
В 1979 г. М.Десай подал в отставку, и на очередных выборах избиратели вернули Индиру и ее ИНК (И) к власти, обеспечив ей две трети мест в парламенте.

Чувствуя свою власть крепкой, Индира заранее готовила себе преемника — сына Санджая, но тот неожиданно погиб в 1980 г. в авиакатастрофе. Новым "кронпринцем" стал старший сын Раджив, до того стоявший совершенно вне политики. После гибели матери Раджив Ганди уже через несколько часов был избран новым премьером. Главой правительства стал человек с минимальным опытом как во внутренней, так и во внешней политике. Характер и воля его неизвестны. За ним, правда, ореол имени Ганди.

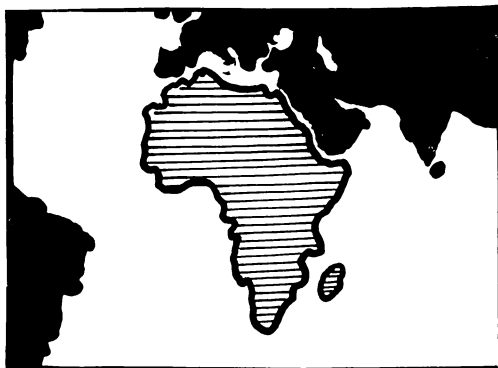
Тем самым произошло нечто беспрецедентное в демократической стране: устанавливается династия премьер-министров. Раджив — третий член семейства Неру-Ганди на этом посту. Пока неясно, какие это будет иметь последствия для молодой индийской демократии.

Индира Ганди не удалось осуществить свою социалистическую программу из 10 пунктов. После себя она оставила страну, по-прежнему страдающую от недоедания и даже голода, с огромным ростом населения, неграмотностью, с лишь слегка поколебленной властью земельных магнатов, с расовыми и религиозными конфликтами, сепаратизмом. И при всем том — великую страну.

Тяжелый груз этого наследства предстоит нести Радживу Ганди.

Индира Ганди с сыном Радживом незадолго до убийства

КАМПУЧИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДЕНЬ НЕНАВИСТИ

СПК, кампучийское агентство новостей, передало сообщение о том, что 20 мая объявлено в Кампучии Национальным Днем Ненависти. В сообщении говорится, что день 20 мая в 1975 г. "был днем, когда банда Пол Пота начала проводить систематическую, открытую и варварскую политику против кампучийского народа по всей стране. Это был день, когда пролилась кровь и были отняты жизни более чем трех миллионов невинных кампучийцев, и слезы выживших текут до сегодняшнего дня".

Строки этого объявления требуют комментариев. Пол Пот (его настоящее имя Салот Сар) — бывший председатель партии "Красных кхмеров", партии, название которой часто с негодованием упоминает и советская пресса. Официально, однако, эта партия называется "Кхмерская коммунистическая партия". "Красными кхмерами" ее презрительно окрестил принц Нородом Сианук (до того как сам вступил с ними в коалицию). Позднее, однако, это название стало популярным и почти вытеснило в употреблении официальное наименование ККП.

Влияние ККП было ничтожным (в ней состояло около 4000 человек), но резко усилилось после образования коалиции с принцем Сиануком. "Красные кхмеры" создали свою армию. В Кампучии разразилась гражданская война, и советская пресса с нескрываемым восхищением следила за успехами "красных кхмеров". В апреле был взят Пномпень, и Пол Пот пришел к власти. "Силы мира и прогресса" торжествовали. Но вскоре возникли осложнения.

В стране начался геноцид собственного населения. Находясь у власти, "красные кхмеры" уби-

ли фантастически огромное число камбоджийских граждан. Различные источники спорят лишь о количестве миллионов. Часто называют цифру 3 миллиона (с ней согласно и нынешнее правительство Кампучии). Более обоснованной считается цифра 1,5 миллиона, но осторожные авторы предпочитают говорить о миллионе. Конечно, это количество было убито не за один день, как неудачно сказано в официальном сообщении о Дне Ненависти, а за четыре года, пока власть была в руках ККП. Но и для такого срока миллион — это немало, особенно если учесть, что население Кампучии составляло тогда 7–8 миллионов (точно никто не знает, переписи никогда не было).

За что убивали? Трудно сказать. Зачастую, может быть, для устрашения, в других случаях — за сопротивление или просто недовольство правительственными мероприятиями. Было чем остаться недовольным. Правительство Пол Пота провозгласило (и осуществило) программу ликвидации городов. Абсолютно все городское население было выселено в деревни, а чаще просто изгнано в необжитые джунгли. Города, включая столицу Пномпень, вымерли. Тем самым проблема снабжения населения, в первый раз после прихода к власти компартии, была решена быстро и эффективно: все перешли на подножный корм. Религия была запрещена. Все следы культуры уничтожены, начали даже разрушать знаменитый Ангкор-Ват.

Сведения о происходящем в этой стране постепенно стали просачиваться за ее пределы и становиться достоянием гласности. Действия "братской партии" стали слишком уж компрометирующими. К тому же Кампучия Пол Пота быстро испортила отношения с другим, более ценным союзником СССР — Вьетнамом. И "красными кхмерами" решено было пожертвовать. В конце 1978 г. вьетнамские войска вторглись в Кампучию, в 1979 г. свергли "красных кхмеров" и установили там более умеренный марионеточный режим.

"Красные кхмеры", однако, далеко не сошли со сцены. Партизанская война в Кампучии возобновилась. Силы "красных кхмеров" (ими сейчас руководит Кхиеу Самфан) и их союзника Нородома Сианука действуют на территории страны при открытой поддержке Китая. В последнее время они активизировали свои действия.

В День Ненависти тысячи людей промарширо-

вали по улицам Пномпеня, выслушали речь члена Политбюро Народно-Революционной партии Кампучии (тоже коммунистической) Чеа Сима. Мероприятие прошло на высоте.

Конечно, за время правления предыдущей (плохой) компартии накопилось достаточно оснований для ненависти. Но с точки зрения нынешней (хорошей) компартии, ненависть – чувство конструктивное и обращено не только в прошлое. В правительственном обращении говорится, что День Ненависти провозглашен, чтобы население дало выход своему гневу против Пол Пота "и других врагов народа", включая "американских империалистов" и "китайских экспансионистов".

Ненависть, таким образом, возводится в ранг национальной добродетели (в Советском Союзе пока еще говорят только о "нетерпимости" и "непримиримости" – см. "Моральный кодекс строителя коммунизма").

* * *

В 1966 г. писатель Юлий Даниэль в Москве был осужден, в частности, за публикацию фантастической повести "Говорит Москва", где рассказывалось о провозглашении "Дня открытых убийств". Повесть была сочтена "клеветнической".

ЭФИОПИЯ: ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

В № 1–2 мы сообщали о намерении эфиопского руководства создать к 10 годовщине революции марксистско-ленинскую партию. Теперь чаяния эфиопского народа сбылись: 1 сентября было объявлено, что Рабочая партия Эфиопии создана. Этим увенчался длившийся 5 дней учредительный съезд. На съезде в качестве почетных гостей присутствовали представители 50 зарубежных компартий, от КПСС приехал Г.Романов. 1700 делегатов съезда избрали ЦК из 136 человек и Политбюро из 11 человек. Председатель Временного военного административного совета, правившего Эфиопией последние 10 лет, полковник Менгисту Хайле Мариам единодушно избран Генеральным секретарем.

Рабочая партия – вообще первая политическая партия в Эфиопии, и, надо думать, она так и останется единственной. Полковник Менгисту

заявил, что создание партии – первый шаг к установлению в Эфиопии марксистско-ленинской "политической демократии". Военное правление, таким образом, формально прекращается и устанавливается правление гражданское.

Похоже, впрочем, что произошла лишь смена вывесок. Мало того, что военный диктатор стал Генсеком, все 7 членов Военного совета вошли в Политбюро, оставив гражданским лишь 4 места. В ЦК были введены 24 высших офицера. Военные только стали теперь военными-коммунистами.

Победоносный съезд завершился гигантским парадом в Аддис-Абебе. Гусиным шагом по столице промаршировали 15 тысяч эфиопских солдат. За ними ехали платформы, украшенные золочеными серпами и молотами, шли колонны рабочих, крестьян и школьников, которые несли портреты Маркса, Энгельса и Ленина, лозунги "Долой империализм!", "Да здравствует пролетарский интернационализм!" и т.д. Но самым заметным объектом в праздничном шествии была платформа, на которой везли сделанный из папье-маше гигантский бюст полковника Менгисту. Над стадионом, где завершился парад, был развернут огромный портрет Менгисту с поднятым вверх кулаком. Демонстранты скандировали "Вперед вместе с нашим революционным вождем!"

В общем, К.Черненко имел все основания назвать создание Рабочей партии "важным этапом в развитии эфиопской революции".

После своего избрания Менгисту произнес на съезде семичасовую речь. Он осудил политику США и заявил о намерении крепить братские узы с СССР. Он также объявил о начале действия рассчитанного на 10 лет плана экономического развития. Целью его должна быть коллективизация сельского хозяйства и уничтожение частного сектора в промышленности.

Общий объем финансовых вложений, предусмотренный планом – 28 миллиардов долларов. Остается пока тайной, откуда Менгисту возьмет эти деньги. Эфиопия – одна из беднейших стран мира: годовой доход на душу населения не превышает 140 долларов. Ее внешние долги поистине ужасающи. Например, Эфиопия должна СССР 3 миллиарда долларов только за военное оборудование, поставленное ей в 1977–1978 гг. во время войны с Сомали.

Но это лишь малая часть эфиопских проблем. С начала 70-х гг. Эфиопия непрерывно страдает

— лишь с малыми передышками — от жестокой засухи. Тысячи уже скончались от вызванного засухой голода, а по оценке эфиопских властей голод сказался на здоровье, по крайней мере, 7 миллионов человек — пятой части всего населения.

Другая проблема — существующая вот уже 23 года — война с повстанцами в Эритрее, добивающимися независимости. Война стоит Аддис-Абебе 500 тысяч долларов в день. В ней участвует половина 300-тысячной эфиопской армии. В последнее время повстанцы имеют значительные успехи — так, например, в мае им удалось уничтожить 30 правительственных самолетов — четверть всех эфиопских ВВС. Повстанцы заявляют, что они контролируют положение на 80% территории соседней с Эритреей провинции Тигре. Возникло еще одно сепаратистское движение — среди народности галла (самоназвание: оромо), говорящей на языке кушитской группы. Галла составляют по меньшей мере треть 30-миллионного населения Эфиопии. ●

■ ГОД ОРВЕЛЛА.

ЕЩЕ ОДНА "ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА"?

В Судане назревают перемены, которые могут существенно повлиять не только на внутривнутриполитическое положение страны, но и на равновесие сил во всем этом регионе мира. Президент Судана 54-летний Джаафар Нимейри постепенно подпал под влияние группировки мусульманских фундаменталистов — секты суфиев. Члены секты в настоящее время находятся на постах всех главных советников президента. Религия заняла основное место в жизни и мыслях Нимейри. Он планирует в недалеком будущем провозгласить в Судане "исламскую республику", которая — в политическом смысле — стала бы двойником Иранской "исламской республики" (с той разницей, что в Иране главенствуют мусульмане-шииты).

В сентябре 1983 г. Дж. Нимейри провозгласил мусульманское право — шариат — основой всего законодательства страны. Шариат в настоящее время определяет все формы религиозной, политической, общественной, семейной и личной жизни граждан. Все самые жестокие и средневековые формы мусульманского права применяются в полном объеме. Так, за воровство введена ам-

путация рук и ног (единственная уступка современности — ампутацию производит хирург, а не простой палач). Уже известно о 14 таких публичных ампутациях — среди наказанных есть даже несколько христиан с юга страны. За хранение спиртного виновные (не исключая иностранцев) наказываются бичеванием. Так, недавно публичному бичеванию подвергся итальянский католический священник, у которого нашли бутылку виски, 16 бутылок вина и ящик пива.

Полиция и агенты службы безопасности врываются в дома, производят обыски с целью обнаружения алкоголя, останавливают мужчин — водителей автомашин, допрашивают их о том, в каких отношениях они находятся с женщинами, которых они везут. Все это оправдывается ссылками на законы шариата.

Дж. Нимейри заявляет, что законы шариата будут применяться как к мусульманам, так и к жителям христианского юга. Он признает, что не существует апелляционного суда, в который приговоренный к ампутации мог бы обжаловать приговор, но утверждает, что судьи, выносящие такие приговоры, — ученые люди, а "ислам — очень, очень справедлив". Президент Судана сказал, что введение мусульманского закона — это "проявление демократии и свободы религии".

19 апреля в стране было введено чрезвычайное положение. В середине мая в соответствии с декларацией о чрезвычайном положении было арестовано 1700 человек. Им предъявлены самые различные обвинения: коррупция, тайное накопление запасов продовольствия, нарушения шариата и т. п. Арестованные предстанут перед чрезвычайными судами. Ситуация в стране становится все более и более мрачной. Население охвачено страхом.

Президент Египта Хосни Мубарак встревожен развитием событий в Судане. Египет и Судан — две страны долины Нила — находятся в особых отношениях. Между ними имеется договор о совместной обороне. Когда 16 марта ливийские самолеты совершили налет на Судан, Египет направил для защиты Хартума силы египетских ПВО. Стратегическое положение Судана между двумя странами, тесно связанными с СССР, — Ливией и Эфиопией — заставляет Египет особенно интересоваться развитием событий в этой стране.

Х. Мубарак неоднократно пытался выразить Дж. Нимейри свою тревогу, но тот отказывается даже отвечать на телефонные звонки египетско-

го президента. 25 мая 1984 г., отмечая 15-ю годовщину переворота, приведшего его к власти, Дж. Нимейри впервые ни разу даже не упомянул "братский" Египет. Египту не было послано приглашение прислать на празднование делегацию.

По имеющимся сведениям, Дж. Нимейри намерен провозгласить "исламскую республику" в сентябре, когда в Хартуме состоится религиозная конференция, созываемая для обсуждения путей дальнейшего внедрения норм ислама в жизнь страны. При суданском парламенте — Народной Ассамблее — создана комиссия, которая должна решить, как следует изменить конституцию Судана, чтобы она полностью соответствовала шариату.

Дж. Нимейри, по-видимому, объявит себя не только политическим, но и религиозным вождем страны и возьмет себе титул имама, "эмира правоверных".

Наблюдатели расходятся во мнениях, что яв-

Дж.Нимейри и Х.Мубарак

ляется причиной внезапного религиозного фанатизма Дж. Нимейри: плохое состояние здоровья и навязчивый страх смерти или же политическая необходимость. Видимо, и то, и другое. Как сказал один египетский политик, президент Судана "использует религию как инструмент для обеспечения своей политической стабильности."

Экономическая ситуация в Судане ухудшилась. На христианском юге вновь начались вооруженные столкновения (в этой части страны с 1955 по 1972 г. шла непрерывная гражданская война, закончившаяся тогда достижением компромисса). Новые действия повстанцев уже парализова-

ли работу нефтепровода из южного Судана к Красному морю. Этот нефтепровод, обошедшийся стране в 900 миллионов долларов, впервые позволил начать экспорт нефти из страны и был главным источником дохода для Судана.

Египетские наблюдатели полагают, что сила Дж. Нимейри сейчас основывается главным образом на поддержке армии и на разобщенности его политических противников. В настоящее время Дж. Нимейри полностью контролирует положение в стране.

*

Ниже следует официальный текст сообщения об ампутации рук у двух воров — Мохаммеда Салиха Хамида, 21 года, и Мохамеда Яхья эль-Фадилы, 22 лет. За ампутацией, произведенной 9 декабря 1983 г., наблюдало около 3000 зрителей — допускались исключительно мусульмане. Текст сообщения, распространенного правительственным агентством СУНА, дается в сокращении.

"Они сидели по обе стороны ампутационного стола на стульях, вделанных в бетонный пол. Их правые руки по запястье были забинтованы. Два тюремных санитаров перетянули правые руки осужденных лентой и установили медицинское оборудование, которое должно было остановить кровотечение после ампутации.

После того как санитары измерили кровяное давление, осужденным связали ноги кожаными ремнями и завязали глаза.

Осужденные разговаривали с охранниками и санитарями и время от времени трогали свои забинтованные и анестезированные правые руки.

В 10 час. утра два солдата тюремной охраны в хирургических фартуках, с длинными острыми стерилизованными ножами приблизились к осужденным.

Обоих осужденных держали сильные охранники, и оба оператора, придерживая ампутируемые руки за пальцы, одновременно быстро и умело отсекали их у запястья.

Операция отсечения заняла около минуты. Никто из осужденных не произнес ни слова, не пошевелился и не вскрикнул.

Так как им была сделана местная анестезия и даны большие дозы успокаивающего, они, очевидно, не чувствовали боли или, по крайней мере, этого не показали.

Ампутаторы сделали свое дело под возгласы одобрения со стороны зрителей, которым они показали отсеченные ими руки.

Были приготовлены двое носилок и после операции отсечения Хамида к ним отнесли, в то время как Эль-Фадиль шел к своим носилкам самостоятельно в сопровождении охранника.

Обоих немедленно отнесли к ожидавшей санитарной машине для оказания первой помощи, а затем отвезли в больницу для дальнейшего лечения.

Отсеченные части рук были сначала подняты высоко в воздух на обозрение публике, а затем были выставлены на некоторое время на столе, пока охранники их не убрали.

Мохамед эль-Фадиль после ампутации

Врач, который находился среди официальных лиц, присутствовавших при операции ампутации, сказал, что оба осужденных прошли медицинское обследование, чтобы установить, могут ли они перенести операцию.

Зрители собрались перед тюрьмой с раннего утра и в 9 час. 30 мин. их допустили внутрь посмотреть на ампутацию, ибо ранее было объявлено, что наказания, в соответствии с законом шариата, будут осуществляться публично."

ЗИМБАБВЕ: ВПЕРЕД К СОЦИАЛИЗМУ!

В середине августа в Хараре — столице Зимбабве проходил съезд партии Африканский национальный союз Зимбабве (Патриотический фронт), или коротко ЗАНУ (ПФ). Город был украшен огромными лозунгами: "Да здравствует наша родная марксистско-ленинская партия!" и "Вперед по пути революции!". Шесть тысяч делегатов пели "Интернационал" в сопровождении духового оркестра и долгими, несмолкающими аплодисментами, переходящими в овации, приветствовали основного оратора — главу партии и правительства товарища Роберта Мугабе. Р. Мугабе торжественно объявил, что в Зимбабве будет установлена однопартийная система и партия поведет народ по пути строительства социализма.

Р. Мугабе в своей трехчасовой речи сурово осудил "псов империализма" и воздал должное "трудящемуся и эксплуатируемому народу". Он признал "отдельные ошибки" партии и заклеил тех руководителей, которые "предали дело партии" и которых поэтому пришлось устранить. Он обещал превратить Зимбабве в великую и процветающую нацию. В заключение он предложил новый устав и программу партии, которые и были единодушно одобрены съездом.

Отныне целью ЗАНУ (ПФ) является установление в стране однопартийной системы и строительство в стране социализма "под водительством партии". Единственный спор, который разгорелся на съезде, — это спор между радикалами, которые требовали немедленного провозглашения однопартийной диктатуры, и прагматиками, которые настаивали, чтобы это было сделано "постепенно и в соответствии с законом". Прагматики во главе с Р. Мугабе победили.

Дело в том, что когда Англия предоставила Зимбабве независимость, было принято так называемое "соглашение в Ланкастер-хаузе". Оно предусматривало введение конституции, устанавливающей многопартийную демократическую систему. Конституция должна действовать не менее чем 10 лет (т. е. до 1988 г.) и может быть изменена только единодушным голосованием членов парламента.

В нынешнем парламенте Р. Мугабе и его партия имеют большинство, но далеко не стопроцентное. Из 100 мест они занимают 57. Оппозиционный

Африканский народный союз Зимбабве (ЗАПУ), руководимый главным противником Р. Мугабе Джошуа Нкомо, имеет 20 мест. 20 мест принадлежат также белым: 13 независимым и 7 членам Республиканского фронта, руководимого Яном Смитом, бывшим премьером мятежного правительства белого меньшинства.

Конечно, Р. Мугабе мог бы просто "разогнать говорильню", но он этого делать пока не хочет и настаивает, что "социалистическая революция — не дело одного дня". Разорвать "соглашение в Ланкастер-хаусе" — значило бы лишить страну британской финансовой помощи, а без нее страна прожить не может. В частности, английские деньги нужны Р. Мугабе для воплощения в жизнь широко разрекламированной им земельной реформы. Поэтому лидер партии вынужден держаться умеренной, прагматической линии. Правда, Р. Мугабе планирует в будущем году объявить всеобщие выборы. Он сказал, что если он победит подавляющим большинством голосов, то будет рассматривать это как мандат на провозглашение однопартийного государства.

Новый устав ЗАНУ (ПФ) изменил и структуру руководства партии. ЦК партии, ранее состоявший из 30 человек, по уставу определял все основные направления правительственной политики. Теперь ЦК увеличен втрое, но ему приданы только совещательные функции. Решать он уже ничего не будет. Прерогатива принятия решений теперь принадлежит вновь созданному органу: Политбюро из 15 человек. Съезд избрал председателем Политбюро премьер-министра Р. Мугабе, а его заместителем — зам. премьер-министра Симона Музенду. По уставу эти двое назначают остальных своих 13 коллег. Можно думать, что составленное таким образом Политбюро будет работать дружно. Эти 13 состоят из 11 министров правительства (кроме министра юстиции Эддисона Звобго, давнего соперника Р. Мугабе) и двух военных: командующих армией и ВВС.

Съезд принял также новый "кодекс поведения руководителей партии". В нем осуждается коррупция, использование служебного положения для личного обогащения, проявления племенной розни, а также "появление в пьяном виде в общественных местах", "аморальное поведение" и "небрежная одежда". Р. Мугабе обещал устроить "чистку" тем своим коллегам, которые не будут блюсти этот кодекс.

Глава партии и правительства Роберт Габриель

Мугабе родился в 1924 г. в семье плотника в маленькой деревушке к северу от Солсбери (нынешний Хараре). Учился в школе у иезуитов, а затем в Южной Африке. Преподавал в разных странах, в 1960 г. вернулся на родину и стал одним из помощников тогдашнего лидера борьбы за независимость Дж. Нкомо. Через три года Р. Мугабе порвал с Дж. Нкомо, считая его слишком нерешительным. С тех пор пути их разошлись.

С 1964 по 1974 г. Р. Мугабе находился в родезийской тюрьме. По освобождении возглавил борьбу своей партии за независимость Зимбабве, которой он руководил из своего изгнания в соседнем Мозамбике. После заключения соглашения о независимости Родезии, на выборах 1980 г. партия Р. Мугабе завоевала большинство мест в парламенте. Сейчас Р. Мугабе явно намерен окончательно консолидировать свою власть.

Хотя Р. Мугабе и марксист, но явно не просоветского толка. Он скорее находится под влиянием Китая. Большую роль в обучении армии Зимбабве сыграли северные корейцы, — именно они во многом ответственны за зверства армии Зимбабве в Матабеленде — вотчине Дж. Нкомо, главного противника Р. Мугабе.

Стремление Р. Мугабе к установлению личной диктатуры отнюдь не встречает единодушное одобрение в стране. Против однопартийности — белое меньшинство, против нее и группа епископа Абеля Музоревы, премьер-министра переходного правительства (от белого меньшинства к черному большинству). Дж. Нкомо в принципе согласился с установлением однопартийной системы, но указал, что у премьер-министра много и других проблем, которые надо решить в первую очередь. "Пусть он лучше подумает о засухе, диссидентах, экономической депрессии и безработице", — сказал Дж. Нкомо.

Проблем у Зимбабве действительно много. Сельскохозяйственное производство резко упало, затронутое засухой: голода еще нет, но он всегда на горизонте. Инфляция огромна, цены растут на глазах: за один лишь прошлый месяц цена на основной продукт питания — кукурузную муку выросла на 20%. Если завтра 120 тысяч белых, встревоженных внутренним развитием страны, начнут ее покидать, стране грозит экономическая катастрофа: сейчас сельское хозяйство держится, в основном, на 4300 белых фермерах. Мы уже говорили выше о роли английской финансовой помощи.

Падение многопартийной демократии в Зимбабве — еще один шаг на пути к торжеству диктатур на африканском континенте. Примерно половина новых африканских государств сейчас управляется военными: за четверть столетия на континенте было примерно 100 военных переворотов или попыток переворота. Около 70 африканских лидеров были при этом низложены. В других странах обошлись без военных — как хотя бы обойтись и в Зимбабве.

Триумф главы партии и правительства товарища Роберта Мугабе в родной деревне

Достоинства однопартийной системы хорошо известны жителям социалистических стран. А вот как это происходит на африканской почве. Президент Заира Мобуту Сесе Секо, пришедший к власти в результате военного переворота в 1965 г. и тоже объявивший однопартийную систему, получил на последних выборах 100% голосов. "Сто процентов — это для нас нормально, — сказал по этому поводу Мобуту. — Кое-кто из моих людей хотел бы, чтобы они получили 500 или даже 1000% голосов". ●

ЛИВИЯ: КОМАНДЫ СМЕРТИ

Ливийцы проголосовали за создание "команд смерти" для борьбы с врагами полковника Муамара Каддафи. Решение это было принято на чрезвычайных заседаниях низовых Народных Конгрессов, а также на заседании Высшего Народного Конгресса в Триполи.

В сообщении ливийского официального агентства говорится: "массы решили создать команды смерти, чтобы преследовать предателей, перебежчиков и отщепенцев, где бы они ни находились, и физически ликвидировать их без малейшего сожаления".

Одной из первых жертв "команд смерти" был назначен бывший премьер-министр Ливии Абдул-Хамид аль-Бакуш, проживающий в изгнании в Египте. В Египет были посланы четыре члена "команды смерти" — двое англичан и двое мальтийцев. Все четверо были завербованы ливийским послом на Мальте.

Прибыв в Египет, они нашли себе местных "сообщников", которые оказались потом агентами египетской контрразведки. Ливийские диверсанты были арестованы, но объявлено об этом не было. Египтяне сфабриковали "доказательства" успешного выполнения задания: письмо от диверсантов и фотографию Бакуша, лежащего в луже крови. На основании этих данных ливийское радио торжественно объявило о казни Бакуша.

А потом наступил конфуз. На состоявшейся в Каире пресс-конференции был продемонстрирован живой и здоровый Бакуш, и рассказана история о том, как были обезврежены ливийские диверсанты. На следующий день после пресс-конференции президент Египта Хосни Мубарак предупредил ряд государственных деятелей о том, что в планы Каддафи входит также и их убийство. В числе названных Мубараком — государственные деятели Пакистана, Франции, Англии, ФРГ, Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов и Индии.

Египетские разоблачения оказались особенно неприятными для Каддафи именно сейчас, когда он пытается как-то исправить свой образ в глазах мирового общественного мнения (не меняя при этом существа своей политики).

Джин КИРКПАТРИК

НЕВЕРИЕ В ЗЛО ОПАСНО ДЛЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Джин Джордан Киркпатрик — постоянный представитель США в Организации Объединенных Наций. Публикуемая ниже речь прознесена ею в апреле 1984 г. перед сотрудниками радиостанций "Свобода" и "Свободная Европа".

Я приехала в Мюнхен для в встречи с сотрудниками Радио Свобода — Радио Свободная Европа, потому что я глубоко убеждена: в нынешней борьбе не на жизнь, а на смерть распространение правдивой информации, то есть то, чем занимаются ваши радиостанции, является самым важным оружием. Нельзя переоценить той жизненно важной роли, которую ваши радиостанции играют в борьбе за сохранение либерально-демократической иудео-христианской цивилизации Запада, общей для всех нас цивилизации. Я хотела бы сейчас поговорить о проблемах, более всего занимающих нас сегодня: о культуре, о вере, о ценностях, о том, что составляет предмет моих размышлений в течение вот уже многих лет.

Культура, как я ее понимаю, — это сумма наших представлений о мире и совокупность форм символического поведения, посредством которых мы эти представления

выражаем. Она включает в себя не только наши суждения о том, что истинно и что ложно, что хорошо и что плохо, но и все критерии, которыми эти суждения определяются. Культура формирует как сами наши вопросы, так и ответы на них, культура определяет все наши ценности. Именно на нее в конечном счете покушаются все тираны. В бытность свою студенткой Колумбийского университета мне довелось прочитать книжку под названием "Колдовство в Новой Англии". Как сейчас помню первую строчку этой книги, написанной, кстати, ученым теологом, самым знаменитым богословом и проповедником Новой Англии. Она звучала так: "Колдовство весьма распространено в Новой Англии". Написав эту фразу, Коттон Мэзер — так звали автора — несколько не шокировал своих читателей. Книга Мэзера вполне отвечала укоренившимся суевериям. Посвоему она была убедительной. Были в ней рассказы очевидцев о ведьмах, сообщения людей, ставших жертвами заклятий и ворожбы. Были там признания одержимых нечистой силой, рассказы о том, как ведьмы становятся ведьмами, раскаяния в содеянном.

Для читателей Коттона Мэзера в пуританской Новой Англии эти сообщения были столь же заслуживающими доверия, сколь невероятны они для нас. Читатели знали о существовании ведьм. Они не только знали о существовании ведьм, но и понимали, что эта проблема затрагивает их непосредственно. И они были внутренне готовы обсуждать вместе с писателем, что делать с чрезмерным распространением колдовства в Новой Англии.

Когда я познакомилась с книгой Мэзера, я была молодым ученым, специалистом по общественным наукам. Ознакомившись с приведенными в книге "фактами" — всеми этими рассказами очевидцев, свидетельствами современников, показаниями под присягой, подобными тем, какие и сейчас можно услышать в судах, — я спросила себя: а что это собственно такое — факты? И подумала, что, наверное, никакой набор фактов не убедил бы меня в существовании ведьм. Как бы они ни были поданы, я все равно найду способ поставить под сомнение их достоверность. Просто, как и большинство моих современников, я сильно предрасположена не верить в существование ведьм — так же сильно, как Мэзер и его современники были предрасположены в них верить.

Эта предрасположенность верить или не верить рассказам о личном опыте людей, среди которых мы живем, в первую очередь, как мне кажется, зависит от того, насколько эти свидетельства соответствуют всему комплексу наших представлений об истинном и ложном в мире. Поскольку наши верования становятся неотъемлемой частью нас самих обычно уже в довольно раннем возрасте и поскольку все мы стремимся самих себя защитить, наша предрасположенность к вере или неверию с младых ногтей цементируется силой воли, и склонность превращается в решимость. Эта решимость верить или не верить определяет то, что нам желательно видеть и слышать, и то, какие мы из этого сделаем выводы.

За последние десять с лишним лет я не раз бывала поражена, а порой и подавлена тем, как наше общество, наше американское общество, наше западное общество, наша цивилизация — стремится воспринимать события эпохи, в том числе события, которые представляют собой явную и непосредственную угрозу нашему благосостоянию, а то и самой нашей жизни. Вновь и вновь в двадцатом веке стремление не верить в ужасное заглушало наш здравый смысл и мешало нам принимать необходимые меры предосторожности.

За примерами не надо ходить далеко. В своей книге "Моя борьба" Адольф Гитлер предельно ясно изложил свои взгляды относительно свободы и равенства людей, в ча-

стности, дал выход своей ненависти и презрению к евреям. И если "окончательное решение" не названо своим именем в книге "Моя борьба", то оно ясно прочитывается между строк. Однако никто не поверил его неприкрытым угрозам, не поверил даже тогда, когда его слова были переведены на язык еврейских погромов, дискриминационного законодательства, принудительного ношения звезд Давида на рукавах, депортаций, конфискации имущества, лагерей смерти. Нежелание верить в реальность нацистских планов геноцида заразило даже самих немецких евреев, не говоря уже о нееврейском мире. Нежелание верить в то, что они стали жертвами самого чудовищного в истории проекта уничтожения целого народа, некоторые пронесли с собой до самых ворот крематория. Мои коллеги по Джорджтаунскому университету Ян Карски и Уолтер Лэкьюр описали в ряде трудов механизмы, позволившие западным лидерам закрывать глаза на правду об уничтожении евреев фашистами.

С интересом прочитала я у Джорджа Орвелла об этой предрасположенности не верить в такого рода вещи. В 1945 г. в своих "Заметках о национализме" Орвелл писал:

"В последние годы можно было наблюдать поразительное явление: самые чудовищные преступления и катастрофы — чистки, депортации, кровавые бои, голод, бессудное заключение, агрессивные войны, нарушение договоров — все это не только не волнует широкую публику, но порой и вовсе остается незамеченным, если это не соответствует политическим настроениям момента. И если сегодня можно рассчитывать на определенные проявления возмущения тем, что существовали Дахау и Бухенвальд, то еще совсем недавно совершенно невозможно было хоть в малой степени заинтересовать среднего человека такими вещами, хотя самые вопиющие факты уже были широко известны.

Если бы провести в 1939 г. опрос общественного мнения, то наверняка оказалось бы, что большинство или по крайней мере очень внушительная часть взрослого населения Англии никогда не слыхала о существовании немецких концентрационных лагерей. Такие вещи просто ускользали от сознания людей, так как не это им хотелось слышать. Точно так же обстоит дело с Советским Союзом. Если завтра будет доказано, что в русском Заполярье действительно существуют концентрационные лагеря, в которых, как некоторые утверждают, содержится 18 миллионов заключенных, то я сомневаюсь, что это произведет сколько-нибудь глубокое впечатление на русофильскую часть общественности.

Я всегда считал, что прорусские настроения, распространившиеся в Англии в последнее десятилетие, объясняются скорее человеческой потребностью в существовании далекого рая, чем подлинным интересом к советскому режиму: эти настроения нельзя преодолеть никакими ссылками на факты, пусть даже широко известные."

Нежелание верить в намерения и методы Гитлера не позволило евреям спастись, а Западу — сделать что-либо для их спасения; это же нежелание не позволило будущим жертвам Гитлера дать надлежащий ответ на милитаризацию Рейнской области, на оккупацию Австрии и Чехословакии; нежелание верить помешало в конечном счете предотвратить все ужасы Второй мировой войны. Туманными ссылками на "провокации" рьяные апологеты "умиротворения" оправдывали милитаризацию, агрессию, массовые убийства, совершаемые у них на глазах, продолжая проводить свою недалекую и легкомысленную политику.

В Израиле есть музей-памятник Катастрофы — Яд Вашем. Этот мемориал — мощный противовес любому отрицанию чудовищного, невообразимого события — Катастро-

фы еврейства. По крайней мере среди израильтян Яд Вашем предупреждает самую возможность неверия в реальность депортаций, голодной смерти и массовых убийств. Яд Вашем не дает израильтянам возможности сомневаться в том, что целый народ может стать жертвой политики безжалостного правительства.

Нацизм — не первый, и видит Бог, не последний пример нежелания Запада верить в чудовищное. Часто говорят, что расстрел кронштадтских матросов в феврале 1921 г. явился началом скольжения большевистской революции по наклонной плоскости от надежд на демократию к жесточайшей однопартийной диктатуре. Но в дни кронштадтского восстания в Поволжье и на Украине в результате советской политики уже свирепствовал голод, который в 1921–1922 гг. унес миллионы жизней. Ужас уже наступал. На Украине и в Кронштадте Запад брал уроки того, как можно отказываться видеть, сообщать об увиденном, не верить в то, о чем уже было сказано. И это было только начало.

Нежелание верить в самоочевидные цели советской политики — одна из определяющих черт нашего времени. Коллективизация, Великая чистка, ГУЛАГ, шпионаж, агрессии, экономические провалы, имперские амбиции, пренебрежение к подписанным соглашениям — все это наталкивается на нежелание верить, которое упорно противится восприятию фактов и извлечению из них уроков, даже тогда, когда изобилие фактов не оставляет места для сомнений. Несмотря на колючую проволоку, несмотря на все железные, электронные и политические занавесы, с помощью которых Советская империя пытается предотвратить утечку информации из страны и проникновение ее в страну, всем и каждому теперь известно о политических репрессиях, о строгом регламентировании общественной жизни, об экономических провалах, о физическом уничтожении целых слоев общества и народов, о рабском труде заключенных.

И все-таки вера в то, что коммунизм есть нечто прогрессивное, продолжает жить. Не умирает надежда на то, что всякий новый триумф марксизма-ленинизма обернется на этот раз чем-то лучшим, чем в прошлом. Сколько раз мы оказывались свидетелями всевозможных "земельных реформ" в самых разных уголках мира: на Кубе, во Вьетнаме, Кампучии и т. д. — и повсюду реформаторы заявляли себя проводниками гуманных демократических форм марксизма. В последние годы мы много слышали о сандинистских реформаторах, которые с оружием в руках несут счастливое завтра народам Центральной Америки. И хотя сегодня практически никто не питает иллюзий относительно моральных принципов сальвадорских "герриллерос", тем не менее найдется немало людей, готовых доказывать, что эти самые "герриллерос" по каким-то неведомым причинам все же предпочтительней тех, кто правит Сальвадором сегодня.

Нежелание верить в тиранию революционеров ленинского типа обычно сопровождается нежеланием верить в то, что любое несовершенное общество может смениться чем-то еще более худшим.

А ведь, как показывают факты, именно это и происходит.

Выступая 9 июля 1975 г. в Нью-Йорке, А. Солженицын сказал:

"Так все-таки возможно или невозможно передать опыт от тех, кто страдал, к тем, кому еще предстоит страдать? Так все-таки способна или неспособна одна часть человечества научиться на горьком опыте другой? Возможно или невозможно кого-нибудь предупредить об опасности? Сколько было послано Западу свидетельств, за 60 лет сколько волн эмиграции, сколько миллионов людей! Они все здесь, вы их встречаете, вы их отличаете, если не по душевной их потерянности, не по скорби их, не по тоске, вы их отли-

чаєте по их акценту, по внешнему виду, они не сговаривались, они из разных стран принесли вам один и тот же опыт и говорят о нем, предупреждают о том, что уже есть, что было”.

Но нас, людей Запада, это не впечатляет. Подобно пресловутым мартышкам, которые не слышат зла, не видят зла, не говорят о зле, современные американцы, англичане, немцы находят более удобным для себя не верить в тиранию и агрессию — даже перед лицом Афганистана, даже имея за плечами опыт Центральной Америки. Эти эмигранты, конечно же, преувеличивают, уверяем мы себя: у себя дома они наверняка эксплуатировали бедняков. Конечно же, они спровоцировали репрессии своим поведением. Конечно же, Советский Союз наращивает свою военную мощь только лишь из страха перед нами. Конечно же, можно было бы добиться контроля над вооружением, если бы мы приложили больше усилий. Конечно же, никарагуанцы с удовольствием жили бы в мире, если бы не их несговорчивые соседи. Конечно же, демократы среди сальвадорских повстанцев с радостью приняли бы участие в свободных выборах, если бы правительство Сальвадора обеспечило более приемлемые условия. Конечно же, мы могли бы сделать большее. Конечно же, во всем виновата демагогия Рональда Рейгана (или демагогия Джин Киркпатрик, или Радио Свободная Европа, или Радио Свобода).

В последнее десятилетие наша цивилизация переживает весьма странное развитие, порождающее иллюзии относительно того, кто на что способен. Нежелание верить в объективную реальность сложнейших проблем, на мой взгляд, тесно связано с двумя ошибочными представлениями. Первое из них — ошибочное представление о нашем всемогуществе, глубокая убежденность в том, что, будучи великими державами, мы, промышленно развитые демократические страны Запада, ответственны за все происходящее и способны все происходящее контролировать. Но утверждение, будто мы за все ответственны и способны все контролировать, равносильно вере в бесконечную податливость мира, легко уступающего нашей воле, нашему нажиму. Следовательно, все, что происходит не так, случается по нашей вине. Второе ошибочное представление, которое я называю иллюзией односторонности, тесно связано с первым. Это представление о том, что мы одни своим поведением в состоянии изменить мир, можем заставить других вести себя так, как нам этого хочется, что мы можем преобразить мир простым напряжением воли — подобно тому, как ребенок, закрывая глаза, полагает, что сделавшись невидимкой. Что же происходит с нашей эпохой? Отчего нам так трудно понять окружающую нас действительность?

Одна из причин этого — заведомый обман, фальсификация, к которой прибегают враги свободы. Обман и фальсификация достигли в наши дни небывалых высот. Даже нацисты, известные очковтиратели и фальсификаторы, не были мастерами этого дела. Они переворачивали с ног на голову основные принципы западной цивилизации. Они противопоставляли вождизм — равенству, дисциплину — свободе, национальную миссию — свободному волеизъявлению. Они и не претендовали на то, что представляет собой истинный образ свободы, равенства, братства и свободного волеизъявления. Они постоянно прибегали к замалчиваниям, опровержениям, эвфемизмам. Пожалуй, предельным эвфемизмом нашего века стал термин ”окончательное решение”. Но они оставались дилетантами в тонком искусстве надувательства и фальсификации.

Советские идеологи — вот настоящие мастера фальсификации. Они не оспаривают и уж тем более не отрицают основополагающие символы либеральной демократической иудео-христианской цивилизации. Они не отрицают основные принципы демократии.

Просто в своем политическом словаре они придают важнейшим понятиям значение, прямо противоположное первоначальному. Манипулируя предательской диалектикой, они пытаются ввести нас в заблуждение, приписывая нам все те качества, которые они демонстрируют своим собственным поведением.

Так, Громыко, выступая в Организации Объединенных Наций, обвиняет Соединенные Штаты во вмешательстве во внутренние дела Афганистана, в нарушении мирной жизни афганского народа. Так, польские власти, развертывая массовые репрессии против всех автономных институтов польского общества, обвиняют нас в тоталитаризме. Так, налагая вето на резолюцию об усилении роли ООН в Ливане, постоянный представитель Советского Союза одновременно обвиняет Соединенные Штаты и Израиль в отказе от сотрудничества с международным сообществом. Таким образом, они обесценивают язык, который, в конечном счете, является единственным средством политического общения. Ведают ли они, что творят? Был ли Гитлер искренним человеком? Намеревался ли Сталин создать ГУЛАГ? Знал ли он, что он это сделал? Неужели упорные потуги вогнать современное общество в экономические категории XIX века лишили чувства реальности тех, кто сам пытается ввести в заблуждение других?

На меня произвело глубокое впечатление описание того, как Морис Бишоп и его соратники на Гренаде пытались втиснуть гренадскую реальность в прокрустово ложе марксизма. Блестящий публицист из Вест-Индии Найпол пишет:

”Для старых явлений были найдены новые громкие слова. Так, было сделано открытие, что гренадские рабочие заражены ”экономизмом”, — они требовали денег, не желая видеть ”глубокой связи” между оплатой и трудом. Порой заседания Центрального Комитета напоминали своей атмосферой школьные уроки. Красноречие, умение жонглировать словами становились самоцелью.”

Найпол рисует чувство разочарования, которое охватывало творцов новой революции, когда категории, в которые они пытались уложить гренадскую действительность, оказывались неспособными произвести ничего, кроме слов. Он пишет:

”Они создали аппарат революции, но не знали, как им пользоваться. После создания аппарата должен был наступить социализм, но этого не произошло. Они начали чувствовать, что аппарат работает неправильно. Тогда, продолжая разрушать жизнь гренадского общества, они призвали на помощь специалистов по социализму из России и с Кубы; уже почти под занавес они намеревались пригласить дополнительные партии ”наставников” из стран развитого социализма для оказания помощи в деле партийного строительства. Они обвиняли друг друга в мелкобуржуазности.”

Столь же едко рассказывает Найпол о том, как мечты об освобождении выродились в репрессии. Недолгий путь от утопии к террору можно проследить по его описанию затруднений, которые испытывал режим Бишоп с растафарианцами¹, — эти беззаботные недисциплинированные курильщики анаши и любители джаза составляют большинство населения Гренады.

”Таким образом жизни темнокожие позорили дело революции. Часть растафарианцев была объявлена контрреволюционерами, ”контрой”, и некоторых из них забрали.

¹ Растафарианцы — религиозно-политическое течение, распространенное среди карибских негров. По убеждению его сторонников, последний император Эфиопии Хайле Селассие I (до коронации носивший имя Рас Тафари) был Мессией, который явился, чтобы освободить ”истинных евреев” — негров. — Прим. редакции.

Всерьез обсуждались предложения по созданию для "растас" лагерей строгого режима, где перевоспитание сопровождалось бы "успокаивающей музыкой". Были и предложения придавать суду "растас"-люмпенов и направлять их в "сельскохозяйственные тюрьмы". Преступных "растас", которых нельзя было судить, намеревались помещать в тайные лагеря-изоляторы, для чего из рядов милиции должна была быть выделена "хорошо оплачиваемая вооруженная охрана под наблюдением представителей партии". Таким вот причудливым образом революционная гордыня, в сочетании со скрытым чувством расового превосходства, привела некоторых членов Центрального Комитета к мысли о концентрационных лагерях."

Можно сказать, что на этом трагическом острове были заново изобретены концлагеря для населения, поведение которого не укладывалось в предусмотренные категории. За эвфемизмом скрывается принуждение. За эвфемизмом скрывается террор. Тот же эвфемизм присутствует в никарагуанской правительственной программе по насильственному переселению многострадальных индейских племен с восточного побережья Никарагуа. Послушайте рассказ Даниэля Ортеги о том, что предпринял режим и почему.

"Нам пришлось прибегнуть к крутым мерам, чтобы защищать права этих никарагуанцев", — начинает Ортега.

"Их селения располагались на берегах реки Коко-Ривер. Индейцы жили здесь в ужасных условиях, так как через болотистую местность было практически невозможно проложить дороги. Почва здесь недостаточно плодородна и малопригодна для земледелия или животноводства. Положение еще более осложняют частые половодья. В результате урожая не всегда хватает даже на то, чтобы прокормить самих жителей селений. Мы не могли создать им таких условий, которые они смогут получить на новых местах расселения. Правда, на севере, у атлантического побережья, некоторые из них умерли."

Свобода от наводнений, свобода от неплодородной земли и низких урожаев, свобода от контрреволюционеров, свобода от ответственности за собственную жизнь. Вот права человека, на которые никарагуанское правительство ссылается, обосновывая свое право применять силу, чтобы решить за индейцев мискито, где им жить, когда и куда переселяться, на каком языке учить детей, где им сеять, когда им жать, какие опасности преодолевать.

Вот чем оборачивается диалектика никарагуанской революции! И здесь, как и во всех других случаях, освобождение по-марксистски порождает свою собственную противоположность. Старые, давно знакомые аргументы вновь и вновь приводятся в оправдание все новых, все более действенных репрессий.

Эвфемизм используется для того, чтобы замаскировать суровую реальность насильственного переселения тысяч индейцев мискито в концлагеря в глубине Никарагуа, где они живут и поныне.

Можно спросить: являются ли эвфемизмы и фальсификация достаточным объяснением той путаницы, которая царит в западном обществе при оценке реальностей современного мира? Конечно, извращенный и вывернутый наизнанку язык сильно осложняет политические дискуссии. Но я не верю в то, что использование эвфемизмов и фальсификация — это единственное объяснение сложившегося положения. За этим кроется нечто большее. И это большее кроется, на мой взгляд, в самой сердцевине нашей цивилизации. Это можно пояснить соображениями, которые приводит Сол Беллоу в своем последнем романе "Декабрь настоящего". Беллоу пишет:

”Либерализм никогда не принимал ленинского тезиса о том, что мы живем в эпоху войн и революций. Там, где коммунистам видятся классовые, гражданские войны, образы катастроф, мы видим лишь временные отклонения от нормы. Катастрофическое мировоззрение нарушает уют капиталистической демократии. Мы привыкли к жизни в мире и достатке. Нам нравится все приятное, и мы против всего жестокого, порочного, чудовищного. Мы молимся на прогресс, мы стали его рабами и не хотим принимать во внимание все злодейское и человеконенавистническое. Мы отвергаем все чудовищное. И в этом смысле мы антифилософичны.

Наше мировоззрение исходит из предпосылки, что каждый из нас по сути своей заслуживает доверия. Все мы по природе добропорядочны и доброжелательны. Таков по своему темпераменту англоязычный мир: это видно по романам Диккенса. В его мире вдоволь страданий, зла, предательства, продажности, жестокости, садизма. Но тяжелые испытания кончаются, и порядочные люди восстанавливают комфортабельное существование, уютно устраиваются в жизни. Могут возразить, что такова была викторианская эпоха, но это не так. Современные бизнесмены и политики, ссужая противной стороне миллиарды долларов, не желают думать, что имеют дело с чудовищем.”

Наверное, не было в истории человечества столетия, равного нашему по масштабам насилия. Но мы по-прежнему цепляемся за выцветшие эвфемизмы и близорукие теории о неизбежности прогресса человечества. Нежелание верить в чудовищное, на мой взгляд, — определяющая характеристика современного Запада и в первую очередь нашего американского общества. Не принимая опасности всерьез, мы теряем способность защищать себя, свою свободу и свою цивилизацию. Но живучесть чудовищного — это лишь один из уроков истории, которые мы отказываемся выучить. Наше желание видеть, что наш единственный крупный соперник закабальет одну страну за другой, почти столь же сильно, как наше неверие в собственное достоинство. Нежелание верить в то, что мы ценим свободу и намерены распространять и охранять ее, ведет к убежденности, что мы почти всегда и во всем виноваты. Ведет к тому, что вашингтонский комментатор Марк Шилдс назвал ”рефлексивным антиамериканизмом”, — к привычке во всех случаях жизни в первую очередь возлагать вину на Америку. Любое сомнение толкуется в пользу кого угодно, только не американского правительства и американского народа.

Возьмите любую американскую газету за любое число и вы найдете там, какая бы тема ни обсуждалась, бездну сомнений в нашей серьезности, компетентности, доброй воле, в наших благих намерениях. Самобичевание, на мой взгляд, есть обратная сторона отрицания внешней угрозы. Оно порождает иллюзии о том, что мы способны контролировать события одним лишь изменением своего поведения.

Я не знаю, как преодолеть это нежелание верить в нашу добрую волю, в наши честные намерения, в наше благоразумие. Я не знаю, как восстановить предрасположенность к вере в то, что мы, по меньшей мере, не хуже всех прочих. Но я знаю, что значение этой проблемы нельзя переоценить.

В последнее время появились две книги, посвященные этой проблеме. Одна из них — ”Как умирляют демократии” Жана-Франсуа Ревеля. Английского перевода этой книги, насколько мне известно, пока не существует, но представитель ”Солидарности” сказал мне, что она переведена на польский, она давно ходит в самиздате. Вторая книга — ”Новые времена” Пола Джонсона.

В своей книге об умирании демократии Ревель замечает, что неверие в собственные добрые намерения привело к тому, что мы даже не говорим открыто о борьбе, в кото-

рую мы вовлечены. Мы не решаемся назвать ее по имени — эту борьбу в защиту демократии против наступающего тоталитаризма. "Хороший тон, — пишет Ревель, — требует в наши дни более нейтральной формулировки, менее обидной для коммунистов. Вот мы и придумываем новые термины, такие как "конфронтация между Востоком и Западом", "борьба между капитализмом и социализмом" и последний крик моды — "соревнование между двумя сверхдержавами". Но никто не решается, назвать эту борьбу своим именем: самозащита демократии перед лицом наступающего тоталитаризма".

Пол Джонсон в главе, зловеще названной "Американская попытка самоубийства", замечает:

"Вьетнамская война и ее горькие последствия, Великое Общество и его крушение, Имперское Президентство и его развал — все эти события вместе представляют собой попытку самоубийства, предпринятую сверхдержавой Запада. Они привели к прекращению мощной послевоенной экономической экспансии и к возврату международного сообщества к состоянию страха и смятения, в котором оно пребывало в 30-е годы. И, что не менее важно, эти события подрывают способность американского руководства надлежащим образом реагировать на вновь возникшую неустойчивость".

Попытка самоубийства, к счастью, оказалась неудачной. Я не хочу расхваливать свою партию, но все же берусь утверждать, что выборы 1980 г. знаменовали конец одной из самых мрачных глав американской истории. В годы, последовавшие за выборами, нации была оказана неотложная помощь, были предприняты усилия по восстановлению душевного здоровья Америки и ее веры в себя. Эта уверенность в себе была восстановлена, несмотря на серьезные трудности. Достигнутый прогресс так основателен, что сегодня уже можно, я думаю, сказать: мы больше не являемся — говоря словами Ревеля — "добровольными жертвами, готовыми содействовать узаконению собственного поражения и уничтожения".

В курсе философии обычно излагается несколько теорий истины. Одна из них именуется "теорией соответствия". По этой теории, трактовка истинного должна соответствовать наблюдаемому поведению объекта и эмпирическим данным. Другая теория предлагает так называемый "прагматический подход". Авторы ее, Чарлз Пирс и Уильям Джеймс, предлагают прежде всего принимать во внимание практический эффект от представлений об истинности или ложности тех или иных идей. Во всех неясных случаях решение об истинности идей и представлений должно определяться нашими "жизненными и нравственными интересами". Из какой бы теории мы ни исходили, неверие в очевидные свидетельства силы и намерений нашего противника или, нас самих оказывается непродуктивным. Оно не соответствует тому, что мы наблюдаем в новейшей истории, и в то же время не отвечает правилу, сформулированному Уильямом Джеймсом: истинная идея должна быть полезна для нашей жизни. Наоборот, это неверие смертельно опасно для нас, для нашей цивилизации. Хорошо, что мы отказались от него.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ?

Автор этой статьи — Иван Сергеевич Ковалев, инженер, ныне политзаключенный пермского лагеря № 35. И. Ковалев — член Московской Хельсинкской группы, был арестован в августе 1981 г. и приговорен к 5 годам лагерей и 5 годам ссылки. В числе "преступлений", в которых он обвинялся, была и публикуемая ниже статья. Другие преступные деяния И. Ковалева — составление информационного бюллетеня о правозащитном движении, выходившего под условным названием "В", редактирование "Хроники текущих событий", написание ряда статей, в том числе статьи "О моей Тане", о жене.

Жена И. Ковалева, Татьяна Осипова, тоже член Московской Хельсинкской группы, была арестована на год раньше мужа и приговорена к точно такому же наказанию, что и он. Сейчас она отбывает заключение в том самом женском политическом лагере, который описывает И. Ковалев в публикуемой нами статье.

Отец И. Ковалева, известный биолог Сергей Ковалев, был тоже арестован — за семь лет до ареста сына. Его обвинили в издании "Хроники текущих событий", распространении "Хроники Литовской Католической Церкви", участии в Инициативной группе по защите прав человека в СССР. С. Ковалева приговорили к 7 годам лагерей и 3 годам ссылки. Сейчас он отбывает ссылку в Магаданской области.

Статья И. Ковалева известна на Западе уже в течение трех лет, но фотографии к ней были получены лишь совсем недавно. Так как снимки сделаны в необычных условиях (об этом в статье), они не всегда высокого качества: некоторые фотографии нерезкие, перекошен кадр и т. д. В тексте статьи сделаны небольшие сокращения, устранены места, потерявшие актуальность (например, список заключенных женского лагеря, который со времени написания статьи претерпел большие изменения, и т. д.). Статья, за которую автор уже понес наказание, публикуется без его ведома.

Последний год научил меня спокойно говорить об арестах друзей, близких, знакомых, рассказывать о судах над ними и о том, в каких условиях они будут находиться в лагере. Наверное, я мог бы даже предсказать, кого еще ожидает подобная участь. И все-таки, каждый арест всегда неожиданность. Еще долго после этого приходится объяснять самому себе, что человек, с которым только вчера разговаривал, договаривался встретиться завтра или через неделю, сегодня уже в следственной камере Лефортова или Бутырок.

Прошел последний для него обыск. Везут на допрос. Вот он, следователь, которого сначала интересуют лишь анкетные данные. Потом он станет добиваться показаний, признаний, раскаяния. Открытые выступления — "антисоветская агитация, подпольная деятельность, связь с враждебными центрами". Неудобная правда — "ложь и клевета". Так и будут извращены действия арестованного в записях многотомного секретного "спецдела" (вот уж, действительно, подпольная деятельность КГБ). Но это все потом. Сейчас следователь только предъявит ордер на арест и сдаст очередного узника совести тюремным властям. Вот и тюрьма. Выверните карманы, сдайте деньги, документы, часы, кольца. Снимите галстук, ремень с брюк, отдайте шнурки. Теперь отпечатки пальцев. Имя, фамилия. Еще одна формальность — медосмотр. Имя, фамилия. Ну, а теперь — руки за спину, вперед. Коридоры, замки, решетки, окованные двери — дом на долгие месяцы. Толстые стены, унылая краска, параша, тусклый круглосуточный свет. Виден тюремный двор через пыльное стекло и решетку. Впрочем, нет, не виден. Окно загорожено снаружи специальным щитом — "намордником". Ну, что же, раз в сутки из этой затхлой камеры выводят на часок в тесный прогулочный дворик. Завтра узнику дадут баланды, сегодня уже поздно. Потом ему придется подождать несколько дней, пока родственники сделают денежный перевод, чтобы можно было пользоваться тюремным ларьком (10 руб. в месяц). Зубная щетка, смена белья, скудные 5 кг продуктов по ограниченному списку — с первой передачей. Это и будет единственной связью с оставшимися на воле — раз в месяц получить вещи и продукты, собранные родными руками. Постепенно и мучительно узник привыкает к своему новому положению. Оставшимся на воле также трудно свыкнуться с мыслью о том, что друг на долгие годы удален из привычной жизни. Еще долго будет казаться, что вот он — в уличной толпе.

Причина такого двойственного отношения проста: нельзя привыкнуть к тому, что честные, добрые, отзывчивые люди попадают в "преступники" именно за проявление этих своих качеств, хотя аресты стали уже "привычны".

Летом и осенью 1979 года у меня, у Тани (моей жены), да, наверное, и у многих наших друзей появилось ощущение каких-то близких перемен. Некоторые связывали их с предстоящей Олимпиадой (кампании арестов или превентивных задержаний, приуроченные к визитам глав правительств капиталистических государств, партийным съездам, крупным юбилейным датам советского государства и т. п. — вполне обычное явление). Я тоже понимал, что вот-вот должны начаться массовые, по сравнению с прошлыми годами, аресты, но связь их с Олимпиадой казалась весьма относительной (я думаю, что она повлияла лишь на выбор момента и интенсивность проводящихся репрессий). Ходили слухи даже о каком-то обширном списке запланированных арестов.

И одной из первых в этом списке называлась Татьяна Михайловна Великанова. В октябре в один день были проведены обыски у нее и у нас с Таней. Втроем мы обсудили результаты этих обысков и предположили, что вскоре один из нас будет арестован.

1 ноября Татьяну Михайловну арестовали.

Только тогда я впервые осознал надвигающиеся перемены, которые раньше лишь смутно предчувствовал. Сейчас аресты и обыски идут уже не с той интенсивностью, но все еще не кончаются. Так мало осталось друзей на воле и так много их, родных и близких, за тюремной решеткой в ожидании суда, этапа или уже в лагере.

Теперь в рассказах о том, как мы живем, снова, как когда-то, все больше места занимает лагерная тема.

*

На собственном опыте я убедился, как много значит даже для знающего человека увидеть своего родственника в лагере или хотя бы просто взглянуть на лагерь снаружи. Такую возможность дает лагерное свидание.

В октябре прошлого года я провожал родственников Татьяны Михайловны Великановой — сына Федора, сестру Ксению и внука Артема — на свидание к ней. Строгий режим, на котором содержится Татьяна Михайловна, разрешает заключенному иметь в течение года одно свидание до трех суток, когда родственники живут с ним в специальном помещении, и два свидания до 4 часов каждое, в присутствии надзирателя. Пока шло свидание Татьяны Михайловны, мне, дожидавшемуся снаружи, удалось сделать несколько фотоснимков.

*

После долгих споров, какие продукты и сколько нужно взять, длительных телефонных обсуждений, где их достать, мы, едва не опоздав, усаживаемся, наконец, в поезд и трогаемся. Долго перепаковываем рюкзаки, проверяем их содержимое. Кажется, ничего не забыто, всего хватает (запас на трое суток, хотя никто всерьез не рассчитывает на такую поблажку), за ночь продукты испортиться не успеют.

Утром мы в Потье.

Это пункт пересадки с поезда дальнего следования на "подкидыш" (поезд местного значения, который "подкидывает" на короткие расстояния), курсирующий по боковой ветке пару раз в день. Бежим через мост и дальше к "подкидышу" (до него с полкилометра). Он уходит из-под носа. Обидно. Через несколько часов могли бы быть в пункте назначения — Барашево, может быть, уже сегодня получили бы свидание. Обычно свидание начинается после рабочего дня, к вечеру, но приехать нужно все равно как можно раньше, иначе начальство может "решать" этот вопрос до следующего дня. Следующий поезд бу-

Потье. Вид с железнодорожного моста.

Потье. Вид с железнодорожного моста.

В ожидании "подкидыша". На заднем плане, за вагонами, виден лагерный забор. За ним второй ряд заграждений, примерно втрое выше самого забора — "путанка". Она развешана на специальных железных столбах.

нуем их, проходим здание штаба (там помещаются служебные кабинеты представителей лагерной администрации) и входим в дом для приезжих.

Ожидающих свидания сейчас немного, все женщины, и все они живут в одной комнате. Поэтому комендантша разрешает нам поселиться во второй, оставшейся свободной. Обстановка этого общежития типична: стол, стулья, тумбочки, пять или шесть кроватей, один шкаф. В коридоре — "Выписка из Правил внутреннего распорядка ИТУ"¹. Ася и Федя, сверяясь с вывешенным там образцом, пишут заявления начальнику лагеря с просьбой предоставить им длительное "личное" свидание с Татьяной Михайловной. Заявления у них забирают, однако быстро выясняется, что мы опоздали, и свидание дадут только завтра.

Утром я провожаю Асю, Федю и Тему на свидание. Их пропускают через вахту, мне же туда вход запрещен; на территорию "учреждения", провожающий не может даже помочь занести вещи. Помещение для свиданий расположено здесь непосредственно в бара-

дет только к вечеру, значит сегодня свидания уже не получить. Кто-то из местных подсказывает, что скоро будет поезд до Яваса, может быть, оттуда пойдет дальше, до Барашева, какая-нибудь случайная дрезина, или удастся найти попутку. Ждем "подкидыша". Пока оглядываемся. И вдруг понимаем, что это необычное зрелище — проволока, кольцами развешанная на высоченных столбах над забором — "путанка", одна из систем лагерного заграждения, что за этим забором рядом с подобием перрона, где мы стоим, — лагерь. Подумав, вычисляем, что это, скорее всего, рабочая зона. Позже мы узнаем, что по этой ветке чуть ли не на каждой станции лагеря, да и вся советская Мордовия — в лагерных заборах, вышках да "путанке".

В Явасе нам удастся договориться с машинистом маневрового тепловоза, кабина быстро заполняется попутчиками из местных, и вот, наконец, мы в Барашево. С обеих сторон железной дороги тянутся унылые лагерные заборы, вышки... Ми-

¹ Лагеря у нас полагаются называть Исправительно-трудовыми Учреждениями (ИТУ). За годы советской власти пенитенциарная система несколько раз меняла свое название. Например, еще при жизни Ленина были введены концлагеря. При последующих изменениях названия слово "лагерь" почти всегда оставалось. Окончательно неблагозвучное слово было исключено из обихода в 1969 г. с введением названия "ИТУ". Бывшее Главное Управление Лагерей (ГУЛар) именуется ныне Главным Управлением ИТУ (ГУИТУ). На вывеске же этого учреждения, запрятанного в одном из дворики в центре Москвы, скромно значится "Главное Управление": всем гражданам и так должно быть ясно, какое управление в стране Главное.

ке вахты. Заглянуть в окно снаружи невозможно из-за того, что эта часть стены барака обнесена деревянным забором. Обычно помещение для свиданий представляет собой изолированный жилой блок из одной-двух маленьких комнат, кухни и туалета (вместо запрещенной бумаги — вата). Родственников запирают там вместе с заключенным во время разрешенного "личного" свидания ("общее", краткосрочное свидание проходит в том же помещении). Для вызова в случае надобности кого-нибудь из

Выписка из "Правил". Слева — замок на двери служебной комнаты, где обычно дежурит комендантша. В один день с нами в Барашево приехал какой-то инспектор. Его как "начальство" поселили в эту отдельную комнату.

представителей администрации имеется звонок (как правило, не работающий). Иногда в таком блоке одновременно проходят свидания у двух заключенных, однако в политических лагерях администрация старается этого избегать. В комнатах для свидания стоит по две односпальных панцирных койки, стол, стулья, тумбочки. Эта скромная мебели-

ровка занимает практически все свободное пространство. Кухня оборудована плитой, мойкой; есть кухонная мебель, холодильник, посуда. Во время свидания родственники могут кормить заключенного привезенными продуктами, прошедшими досмотр. В результате этого досмотра колбаса и хлеб, например, оказываются разрезанными, чай и кофе — пересыпанными в тарелку, консервные банки и спичечные коробки — с оборванными этикетками (очевидно, считается, что даже такие клочки могут быть использованы особо опасными государственными преступниками в их гнусных антисоветских целях). Родственники перед свиданием также подвергаются досмотру — обыску. Заключенного еще и переодевают в другую одежду — только на время свидания. Эта одежда, как правило, почище и получше той, в которой он ходит в зоне.

Лагерные ворота. На левой стороне видно объявление для шоферов.

В бараке вахты, примыкающем к воротам, есть окно. Я догадываюсь, что ми-

мо него будет проходить Татьяна Михайловна, когда ее поведут на свидание. Но сначала я должен дождаться, пока кончится обыск вещей и одежды ее родственников.

Вспоминаю, как долго "шмонали" (обыскивали — на лагерном жаргоне) меня и жену отца, когда мы ездили к нему на свидание. В таком обыске участвует обычно несколько человек. Поэтому все вещи осматриваются несколько раз: каждый участник обыска боится доноса коллеги, что он

"Путанка". За ней виден забор с натянутой поверх "сигнальной" проволокой.

проводил обыск недостаточно тщательно. Иногда (это незаконно) родственников заставляют пройти унижительную процедуру обыска самого их тела. Факт обыска свидетельствует об априорном недоверии администрации: закон разрешает ей, но не обязывает проводить обыск. Кроме того, все новенькие получают перед свиданием специальный инструктаж в оперчасти о том, что можно и что нельзя брать с собой на свидание. В список запрещенных предметов кроме денег, алкоголя, наркотиков, драгоценностей (включая сюда и наручные часы) входят также карандаш и бумага. Перед общим свиданием родственников инструктируют и о допустимых темах разговора. Перед личным свиданием они такого инструктажа не получают, но я думаю, что все их разговоры с заключенными подслушиваются.

Коротая время такими приятными воспоминаниями. Осматриваюсь. Читаю объявление на лагерных воротах о том, что шофер автомобиля должен открыть капот, дверцы, снять сиденье: и автомобиль в зону не пропустят, не обыскав. Удивляюсь, заметив, что ворота одинарные: в 36 Пермском лагере, где отбывает срок мой отец, они устроены по типу шлюза.

Да и вообще, тут все как-то мягче. Заборы ниже, недостаток высоты компенсируется натянутой поверх сигнальной проволокой. Забор тоже одинарный, правда за ним еще широкая вспаханная полоса "запретки" (запретной зоны) и проволочные ограждения, а с внешней стороны к нему не подойти из-за натяну-

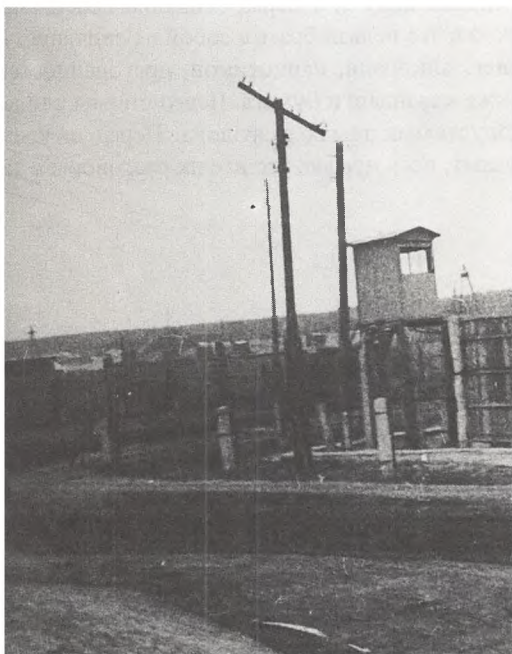
Справа — зазонный склад, рядом куча угля. Скат крыши за ними — жилой барак в зоне. Слева виден скат крыши другого жилого барака. На первом плане — железнодорожные пути и тупик.

той на столбах в нескольких метрах от него "путанки". Сама "путанка" здесь также иная. В Кучино, "у папы", это заграждение раза в полтора выше, расположено за внешним забором, да еще, по сравнению со здешним, мотки проволоки накинаны откосом внутрь зоны. Здесь же это заграждение просто заменяет второй забор. По "улице" между двумя такими заборами разводят караул на вышки.

Подход к самим воротам здесь как-то загроможден. Сперва надо перейти железнодорожные пути, миновать какой-то сарай, кучу угля. Перед самой вахтой стоит зазонный склад (там хранятся вещи заключенных, например, сезонная одежда).

В центре кадра — здание штаба. Около него — колонна заключенных.

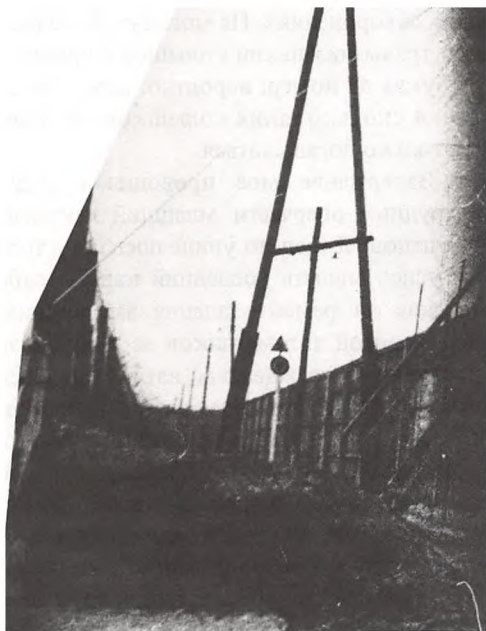

Угловая вышка женской зоны. Слева — забор рабочей зоны, лагерная "улица".

Вспоминаю рассказы тех, кто бывал здесь раньше, пытаюсь сообразить, где какое здание расположено. Размышления мои прерывает дежурная по вахте. Оказывается, мне стоять даже здесь, просто близко к воротам, "не положено".

Возвращаюсь назад в дом приезжих. Вернувшись в комнату, вижу, что Ася забыла свой халат. Бегу с ним назад на вахту, прошу передать. И — надо же, повезло! — как раз в этот момент проводят Татьяну Михайловну. Улыбаемся, здороваемся через зарешеченное окно. Вот и у меня с ней состоялось свидание — несколько секунд за год. Вряд ли выпадет мне еще в оставшиеся три года ее лагерного срока такой счастливый случай (формально, на коротком свидании с заключенными могут присутствовать и не родственники, на практике же, друзьям узника совести удается получить свидание с ним лишь случайно, по недосмотру администрации).

Татьяне Михайловне разрешили свидание только на двое суток, хотя и она и Федя просили продлить свидание еще на сутки, чтобы вместе отметить день рождения Федора, выпавший как раз на это число.

Вид лагерной "улицы" вдоль торцевого забора женской зоны. Справа — лестница на угловую вышку. Слева — заграждение-"путанка".

Оставшиеся полтора дня я осматривал все те же "достопримечательности" — заборы, вышки, да колонны заключенных под конвоем автоматчиков. В Барашево пять лагерей строгого режима, из которых один — мужской политический, другой — женский ("старожилы" называют его "женским монастырем"), остальные — для мужчин и женщин бытовиков. Только бытовых заключенных и выводят на работу за пределы зоны. "Политики" безвыходно находятся в лагере.

Женская политическая зона находится внутри большой уголовной женской зоны. Попастъ туда можно только через вторые ворота.

Справа вплотную к женской бытовой зоне примыкает мужской бытовой лагерь. Все это обнесено одним общим забором и занимает территорию площадью примерно метров 800 на 300. Слева торец женского лагеря выходит на забор соседней рабочей зоны и образует нечто, похожее на улицу. Если пойти вдоль этой улицы, то близко

от внешнего угла женской зоны через своеобразное зарешеченное окно в заборе можно увидеть запретную полосу, бараки и даже вышку у вахты. На другом краю забора, в конце этой улицы, есть второе окно, через которое виден барак женской политзоны, тот самый "женский монастырь", в котором живет Татьяна Михайловна.

За углом, напротив женской зоны, вдалеке от подъездных путей "подкидьша" спрятана маленькая мужская политическая зона. На противоположном торце, вплотную к мужской бытовой зоне ведется строительство новых бараков для заключенных. Там же видна разметка под новую зону. За поселком, с другой стороны железнодорожной линии, также выставлены столбы под новые лагерные заборы.

На этом можно закончить комментарий к снимкам, вывезенным мной из Барашева.

*

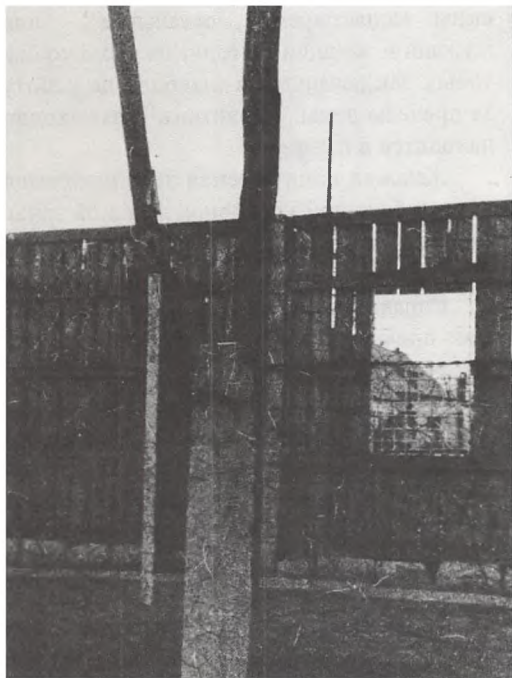
В заключение хочу объяснить, почему я выбрал для этой статьи такое название.

В день отъезда из Барашева, 30 октября¹, меня задержали и изъяли миниатюрный фотоаппарат с отснятой наполовину пленкой.

На этой пленке были кадры, аналогичные приведенным выше. Кроме того, там были снимки строящейся зоны, портреты лагерных начальников, которые мне удалось

¹ По случайному совпадению, 30 октября — День политзаключенного в СССР, отмечающийся в лагерях с 1974 г. В этот день большинство заключенных политлагерей проводят голодовки и бастуют. — Прим. ред.

снять, вид кладбища для заключенных. Кладбище расположено на опушке леса за поселком, в низине. Один край затапливается промышленным сбросом от рабочей зоны. Могильные холмики сохранились лишь на последних захоронениях. На могилах, за редким исключением, ни креста, ни таблички. Торчит из травы низенький колышек с прибитой к нему фанерной дощечкой. На ней краской — буква да номер, вероятно, номер медицинской карточки. Ни имени, ни даты. Вот и все. А сколько таких колышков уже повалено и сгнило или унесено нечистотами, остается только догадываться.

Окно в заборе. В нем виден барак женской политзоны: "Женский монастырь".

оперчасти, милиционеры, начальник лагеря. Основным аргументом в этом споре было: "ну, чего артачишься, сейчас вывернем тебе руки, сами обыщем". В конце-концов мое упрямство было вознаграждено, и в комнату вошел мужчина в штатском, заявивший, что он прокурор Ганичев. Он был настолько удивлен моим требованием предъявить документы, что тут же их предъявил.

В ходе обыска кроме фотоаппарата и пленки у меня были изъяты газета "Ударные темпы", которая выдается только осужденным (любопытно, что даже в этой газете ни в одной заметке исправительно-трудовые учреждения не называются полностью, а только: "учреждение, где начальником такой-то"), и коробка от папирос с моими записками. Все изъятое было при мне опечатано и, как сказано в акте изъятия, "указанные вещи и предметы... будут направлены на исследование, после чего будут возвращены владельцу". Разумеется эти "вещи и предметы" до сих пор не возвращены, и я могу только догадываться, где именно они "исследуются".

Обыскивавшие меня оперативники угрожали мне привлечением к уголовной ответственности по ст. 64 УК РСФСР ("Измена Родине") за шпионаж. Прочитав потом комментарий к этой статье, я понял, что при некоторой ловкости следственных органов

Задержание мое проводил молодой сотрудник оперчасти младший лейтенант Шлепанов. Я шел по улице поселка и только успел сделать последний кадр — работающие на ремонте здания заключенные под охраной автоматчиков за импровизированным заграждением, натянутой веревкой с красными флажками, наподобие той, что используется при охоте на волков — как меня догнал этот оперативник и потребовал, чтобы я явился в штаб. Там он сообщил мне, что, по их сведениям, я занимался фотосъемкой секретных объектов — лагерей и поселка: какой-то прапорщик заметил, что у меня в кармане "что-то щелкало", наверное, фотоаппарат. После такого разъяснения Шлепанов предложил мне вывернуть карманы. Я отказался подчиниться, объяснив, что не стану препятствовать обыску, если мне предъявят соответствующее постановление прокурора, либо будет обеспечено присутствие его самого. Довольно долго меня пытались уговорить заходившие в комнату сотрудники

фотографирование лагерей можно подвести под ее диспозицию — если признать лагеря секретными объектами.

Конечно, я понимал, что, занимаясь этой съемкой, нарушаю главный — неписанный — закон. В самом деле, нигде не сказано, что лагеря, которые видят тысячи людей, являются секретными объектами, что их нельзя фотографировать. Однако все должны понимать это сами. Поэтому и я, желая сохранить свои снимки, съемки вел скрытой камерой.

Теперь, когда эти кадры изъяты, я, публикуя аналогичные снимки, хотел бы сказать нашим "доблестным органам":

В вашей воле считать лагеря, где содержатся узники совести, или даже простые уголовные лагеря, в которых в бесчеловечных условиях живут миллионы заключенных, своими "секретными объектами". В вашей воле считать шпионажем попытки честно рассказать об условиях содержания там, раскрыть эти ваши так тщательно охраняемые "секреты".

Именно потому вы считаете лагеря секретными объектами, что условия там бесчеловечны, что нет лагерей, где заключенным не причиняли бы физических и нравственных мучений, где все были хотя бы сыты. Потому-то никогда не пускали вы в лагеря представителей Красного Креста или просто независимой общественности, потому так старательно врут или уходят от прямого ответа ваши свидетели на политических процессах, где заходит речь о лагерных условиях, потому вы боитесь даже открыто признать лагеря секретными объектами.

Это ваш грех, ваш страх — ваш и ответ.

Я вам в сокрытии правды не помощник. Угодно считать это шпионажем? Ну что же, этим вы лишь подтверждаете мою правоту.

Февраль 1981 г.

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

Публикуемый сегодня декрет — яркое свидетельство возросшей мощи Советского Союза, несокрушимой крепости нашей великой родины. Вдребезги разгромлены враждебные пролетариату силы внутри Советского Союза. Как никогда крепка диктатура пролетариата, как никогда велика мощь нашей страны: укрепилось международное положение СССР. И одним из показателей нашей силы является включение ОГПУ в состав вновь созданного Союзного Наркомвнудела.

ОГПУ! Это имя овеяно горячей любовью десятков миллионов рабочих и крестьян — и в нашей советской стране, и за ее границами. Горячей любовью трудящихся и лютой ненавистью эксплуататорских классов и их лакеев. Обнаженный меч рабочего класса — так назвал ОГПУ наш вождь тов. Сталин. Неусыпный страж революции! Все послеоктябрьские годы он без промаха бил контрреволюцию, подавлял сопротивление врагов диктатуры пролетариата. Молниями пролетарского гнева разила ВЧК—ОГПУ сонмы агентов капитализма, пытавшихся ослабить мощь нашей великой родины. Отсекая от тела рабоче-крестьянской страны ядовитых гадин контрреволюции, ОГПУ перевоспитало десятки тысяч людей. Перековка — это прекрасное слово и дело создано ОГПУ.

Создание Наркомвнудела Союза не означает, разумеется, ослабления борьбы с изменниками родины, с врагами советского Государства. Советский суд сумеет беспощадно карать изменников и предателей, которые не уйдут от зоркого глаза органов Союзного Наркомвнудела.

Революционный порядок, созданный в нашей стране, порядок, завоеванный партией Ленина-Сталина, порядок, для создания которого хорошо, прекрасно поработала когорта чекистов, воспитанных Дзержинским и Менжинским, — строгий революционный порядок получает верного стража — вновь созданный Союзный народный комиссариат внутренних дел.

"Правда", 11 июля 1934 г.

ФАШИЗМ В СССР

Спонтанный протест или инспирированное движение?

В последнее время на улицах, в скверах и парках многих советских городов, особенно вечером, все чаще можно встретить компании молодых людей, одежда, речь и поведение которых до странности напоминают печально известные образцы Германии 20-х годов. Этих молодых людей сразу узнаешь по особой униформе: черные куртки, остроносые ботинки, черные очки, бритые виски, а нередко и изготовленные полуфабричным способом брелоки со свастикой. В прошлом году москвичи уже стали свидетелями попытки фашистской демонстрации у памятника Пушкину 20 апреля — в день рождения Адольфа Гитлера. В нынешнем году за несколько дней до этой даты директоров и секретарей партийных организаций средних школ собирали специально для инструктажа на случай возможных выступлений "фашиствующих элементов из числа несознательных групп молодежи". Многие учителя прямо говорили своим воспитанникам: "20-го вечером не выходите на улицу, милиция будет забирать всех подростков." И действительно, 20-го апреля в ряде городов были зафиксированы выступления фашиствующей молодежи. Формы этих выступлений были различными: в одних городах, микрорайонах, во дворах или на улицах фашисты проходили строем, выкрикивая "Хайль Гитлер!" и "Зиг хайль!"; в других — одетые в свою униформу, с повязками на рукавах, врываются в молодежные кафе и дискотеки, скандируя те же лозунги; в третьих — это были ночные демонстрации. Во многих случаях фашисты затевали драки, иногда избивали и ветеранов войны, носящих орденские планки. Пускались в ход не только кулаки, но и кастеты. Участники этих акций — главным образом студенческая и рабочая молодежь, старшеклассники, учащиеся профессионально-технических училищ.

Таковы факты. Далее начинается область многочисленных слухов и мифов. Например, в некоторых сообщениях число участников этих выступлений вырастает до сотен и даже тысяч. Говорят о многочисленных арестах. О том, что при обысках было найдено холодное и огнестрельное оружие, картотеки членов организаций, уставы, строго регламентирующие деятельность членов (ежемесячные взносы в размере 5 рублей, различные формы наказания "отступников" — в том числе и смертная казнь...). О том, что "нити" от этих организаций "тянутся на Запад", и т. д. и т. п.

Каковы бы ни были реальные масштабы фашистских выступлений, совершенно очевидно, что налицо не "отдельные факты", и даже не просто новая форма молодежной субкультуры, а вполне устойчивая тенденция развития советского общества в 80-е годы. Несомненно, что эта тенденция имеет объективный характер, сложилась под влиянием реальных факторов современной общественной жизни в стране.

Чем живет нынешняя молодежь в СССР? Точнее говоря, чем ей жить? Коммунистические идеалы революционной эпохи потускнели, оказались дискредитированными практикой "реального социализма". Энтузиазм 20-х годов почти иссяк — да и чем ему питаться? На одном социальном полюсе — "рыбное дело", закончившееся расстрелом заместителя министра; "бриллиантовое

дело", в котором оказалось замешанным ближайшее окружение и семья Генерального секретаря ЦК КПСС; целая серия уголовных и полууголовных дел, начавшаяся после смерти генсека: тут и органы МВД, и спорткомитет, и сфера культуры — коррупция в государственном, хозяйственном и партийном аппаратах достигла ужасающих масштабов; дети и внуки, зятя и невестки партийных руководителей заполняют аудитории элитных вузов, веселятся на закрытых дачах, пользуясь спецмагазинами, разъезжают на собственных машинах невиданных марок, стремительно делают профессиональную карьеру, медленно, но уверенно заполняя структуру власти, освобождаяемую их отцами. На другом социальном полюсе — "глухие стены" многих вузов и факультетов, десятки тысяч столбов с пожелтевшими объявлениями "молодая семья снимет комнату", каждодневная давка в общественном транспорте, скандалы в очередях, в продовольственных магазинах, инфляция, отсутствие серьезных перспектив на работе — словом, бесконечная, изнуряющая битва за жизнь. Где авторитеты, на которые ориентироваться современной молодежи? Не там, в туманном далеке, а в сегодняшнем дне, рядом? Полгода не прошло после смерти генсека — и где же он? Он, в сиянии (или в тени) которого они родились и воспитывались? Из лозунгов, передач, газетных статей, из выступлений лекторов и пропагандистов — он исчез, растаял как дым. Да что говорить о мертвых! Вот, например, секретарь и член Политбюро ЦК КПСС К.У. Черненко — сегодня он еще делает установочный доклад на Пленуме, а в кулуарах некоторых учреждений уже "мятко суют" его не цитировать.¹ Чем же жить молодежи, во что верить? В чем и как себя найти, реализовать? Как выразить свой протест против тотального лицемерия?

И вот повсеместно, как грибы, возникают полуорганизации, полубанды "фэнов", объединяющие болельщиков футбольных команд. Ныне это уже не просто клубы любителей, а сильное и сплоченное движение. Содержание их деятельности вроде бы вполне невинное: "болевание" за свою команду. Они занимаются изготовлением транспарантов, футболок, значков со спортивными лозунгами, часто пишут эти лозунги несмываемой краской там, где их трудно стереть: на верхних этажах жилых и официальных зданий, на памятниках и т.д. Организации "фэнов" существуют во многих крупных городах страны: в Москве, Ленинграде, Риге, Таллине, Вильнюсе, Минске, Киеве, Тбилиси и др. Они не только полны энтузиазма и решимости отстаивать честь и славу любимой команды (по авторитетному мнению сотрудников МВД успокоить их во время матча труднее и опаснее, чем задержать вооруженного рецидивиста), но и хорошо организованы: каждый член организации ежемесячно платит взносы в размере 5 рублей, имеется руководство, которое подразделяется на несколько отделов (организационный, финансовый, хозяйственный и пр.), наиболее активных, отличившихся "фэнов" посылают в "командировки" в другие города для "боления" там, для установления связей, при этом их снабжают средствами и адресами "коллег". Принцип набора в организацию обычно прост: ты должен свято верить и активно болеть за свою команду, беспрекословно выполнять распоряжения руководителя, вербовать в организацию своих друзей. Как правило, политических лозунгов, требований, программ "фэны" не выдвигают.

Существуют и некоторые другие, не столь многочисленные молодежные группы (например, "панки"), возникновение и деятельность которых стали своеобразной реакцией советской молодежи на социально-экономическую, идейно-политическую и морально-психологическую ситуацию, сложившуюся в стране.

Однако возникновение и деятельность фашистских групп и организаций вряд ли можно объяснить действием перечисленных объективных факторов.

Спонтанный протест молодежи в СССР за последние четверть века принимал разные формы, но реакция властей, как правило, была вполне однозначной. Протестовал молодой рабочий Анатолий Марченко тем, что пытался бежать из страны (бежал не с секретными документами и не для того, чтобы "бороться с Советской властью", бежал — чтобы жить в другой стране) — он получил как "изменник Родины" 6 лет лагерей строго режима. Протестовал студент Владимир Буковский чтением стихов у памятника Маяковскому — попал в психбольницу. Протестовал Эдуард Кузнецов тем, что пытался бежать с друзьями в Израиль, захватив самолет, — получил по приговору расстрел, заме-

1 Нынешний Генеральный секретарь ЦК КПСС К.Черненко считался соперником покойного Юрия Андропова в борьбе за власть после смерти Брежнева. (Прим. редакции).

ненный затем 15-ю годами лагеря особого режима. Протестовал молодой инженер Анатолий Шаранский тем, что пытался содействовать выполнению Советским Союзом Хельсинкских соглашений, — получил 13 лет. Протестовал молодой рабочий Михаил Кукобака тем, что приносил в цех и давал читать Декларацию прав человека (!), — и попал в психбольницу. Здесь можно было бы перечислить сотни имен молодых людей различных профессий, разной национальности и социального положения, боровшихся за свободу слова, совести, эмиграции, собраний, забастовок, протестовавших против произвола, лицемерия и коррупции. С ними не только расправились, подчас бессудно, — о большинстве из них никто и не знает.

Но вот появляются на улице молодые люди в черных куртках, скандируют "Хайль Гитлер!", затевают драки, избивают ветеранов войны — что же? В большинстве случаев все наказание сводится к воспитательной беседе, к демонстрации "в воспитательных целях" кинохроники, обливающей фашизм и неонацизм. И лишь изредка дело кончается небольшим сроком заключения по уголовной статье (как правило, "хулиганство"). Почти все кадры этих юных фашистов хорошо известны милиции и КГБ. В чем же дело? Или не было тяжелейшей четырехлетней войны, унесшей 20 миллионов жизней?

Дело — в политической, идейной направленности этих выступлений, этого нового, нарождающегося молодежного движения. Их кредо — сильная власть, железная дисциплина, могучая держава, очищенная от евреев, "гнилых интеллигентов" и вообще всех нытиков, пашифистов и предателей. Они приветствуют создание антисоциалистических комитетов, введение военного положения в Польше, вторжение в Афганистан.

Дело — в действии субъективного фактора.

В свое время В.И. Ленин, говоря о международном значении Октябрьской революции, отмечал, что "русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего" (ПСС, т. 44 стр. 5). Сегодня, по-видимому, это же можно сказать и об опыте китайской "культурной революции". Напомним, что когда в 60-х годах в Китае толпы разъяренных хунвэйбинов громили не только национальную культуру, интеллигенцию, но и партийные комитеты ("Огонь по штабам!"), — многие комментаторы и аналитики заговорили об "антикоммунистическом перевороте", о том, что хунвэйбины подменили партию и захватили власть в стране. Однако прошло немного времени, и движение хунвэйбинов было безжалостно раздавлено армией. Они выполнили свою главную задачу: уничтожили все и всех, кто мог бы в настоящем или будущем противостоять курсу партии нового типа во главе с Мао Цзэдуном. Использование специально идеологически обработанных толп молодежи для создания в стране кризиса, уничтожения реальных и потенциальных политических противников, запугивания и деморализации всего населения — было выдающимся вкладом Мао в "сокровищницу марксистско-ленинской мысли и практику социалистического строительства". Тонкость такого решения проблемы заключается в том, что используемые штурмовые отряды молодежи вовсе не обязательно должны разделять и представлять позиции их тайного вдохновителя: при этом возможны значительные отклонения как вправо, так и влево. Такие отклонения даже желательны: впоследствии тайный вдохновитель, выйдя из тени и уничтожив сделавших свое дело молодых штурмовиков, предстанет хранителем веры и спасителем нации.

На наш взгляд, есть основания предполагать, что нынешнее политическое руководство СССР не прочь использовать "кое-что, и весьма существенное", из криминально-политического наследия Великого Кормчего.

Хотя истинные вдохновители начинающегося фашистского движения в СССР предпочитают оставаться в тени, нет-нет, да и проскользнет лучик, освещающий скрытые механизмы режима партократии. Так, например, в свое время в комсомольском аппарате полулегально распространялся документ под названием "Устав нравов", составленный работником отдела агитации московского горкома комсомола В. Скурлатовым и размноженный на ротаторе горкома. "Устав" призывал комсомольских воспитателей "настраивать молодежь на перманентную смертельную борьбу не только на сегодня и завтра, но и на послезавтра... На первое место необходимо поставить революционное преобразование и суровое поддержание своего народа, а затем расширение и преобразование жизненного пространства... Для страховки нравственной чистоты народа следует продумать поощрение различным видам кастования, стратификации... С ранних лет не нянчить моло-

дежь! Ввести телесное наказание. Розга — лучший учитель. Удар по телу — закал духа... Поголовное истребление чужеродного начала — залог достижения благородного конца... Нет более подлого занятия, чем быть "мыслителем", "интеллигентом", "премудрым пискарем", и нет более благородного дела, чем быть солдатом. Интеллигент — раб мертвого разума, а солдат — господин жизни... Судьба человека равна его силе и его породе; кто рожден рабом — тот всю жизнь останется рабом и побежденным, а кто рожден господином, тот и в смерти будет победителем. И чтобы народу не выродиться, чтобы не стать рабами и роботами, надо возродить и утвердить навеки здоровый и ведущий к истинному бессмертию культ — культ солдата"¹ Сочинение Скурлатова появилось в 1965 г. Но и сегодня в среде партийных, государственных и комсомольских деятелей часто распространяются отпечатанные на множительных аппаратах всевозможные "размышления", "обращения", "мемуары" — неофициальные по форме, но откровенно апологетические и одновременно угрожающие по содержанию. Чрезвычайно модным становится восхищаться твердостью лидеров Третьего рейха — Гитлера, а еще больше Гимmlера и Бормана, структурой и методами работы аппарата НСДАП, РСХА, Министерства пропаганды. Книжки о Третьем рейхе становятся самыми популярными, особенно среди молодых функционеров. Разумеется, эти разговоры ведутся лишь в узком кругу, среди "своих". Причем дается вид, что подобные разговоры, восторги и самый интерес к "теме" опасны, могут привести к неприятностям.

Фашизация мировоззрения функционеров аппарата власти, несомненно, находит выход в деятельности карательных органов, и прежде всего КГБ. Впрочем, тут трудно отделить одно от другого, сказать вполне определенно, кто на кого влияет. КГБ ли на партгосаппарат, подкидывая полулегально всякого рода "материалы", или вполне легально через "литературу", вроде недавно вышедшей третьим изданием книжки Н.Яковлева "ЦРУ против СССР"; или партгосаппарат на КГБ — постоянным увеличением окладов и привилегий работникам госбезопасности, расширением прерогатив и штатов КГБ и МВД (недавнее решение Политбюро о введении политотделов в системе МВД преследует, по сути дела, две цели: расширение штатов и выведение деятельности органов МВД из-под контроля местного партаппарата). Наивысшим и наиболее полным выражением этого процесса явилось "избрание" нового генсека-президента. Сегодня мы еще не знаем, насколько глубоко проникли эти настроения и взгляды в первый шелон власти в стране, однако напомним, что, к примеру, секретарь ЦК КПСС К.В.Русаков в докладе на идеологической конференции в Таллине, говоря о различных "отклонениях" в идейно-политическом развитии советской молодежи, прежде всего обратил внимание на движения панков и пацифистов (а не фашистов); член Политбюро К.У.Черненко на Пленуме ЦК КПСС в июне 1983 г., говоря о серьезных недостатках идейно-воспитательной работы среди молодежи, выразил "серьезную озабоченность" не выступлениями фашистов, не полулегальным распространением охранительной и откровенно черносотенной литературы, вроде упомянутого "Устава нравов", а тем, что "на экране или под пером некоторых авторов на первый план выступают порой лишь неудавшиеся судьбы, жизненные неурядицы, этакие развинченные, ноющие персонажи. А человек, особенно молодой, нуждается в идеале, воплощающем... идейную убежденность, трудолюбие и мужество".

Достаточно определенно можно сказать одно: зарождающееся и набирающее силу фашистское, праворадикальное движение среди различных слоев советской молодежи, при том, что оно содержит элементы спонтанного протеста, оказывается на руку определенным группам политического руководства в СССР, и если прямо не инспирируется ими, то скрыто поддерживается в расчете на возможное использование этого движения для достижения определенных стратегических целей.

Подобный расчет, по-видимому, вызван существенными изменениями общей идейно-политической ситуации в мире, происшедшими в течение последнего десятилетия. Суть этих изменений заключается в том, что коммунистические идеалы, дискредитированные практикой "реального социализма" — прежде всего в СССР, — перестают быть движущей силой социального и политического прогресса. От социалистической альтернативы — в том виде, в каком ее реализует и пропагандирует СССР, — начинают отказываться и развивающиеся страны. Президент Египта А.Садат осенью 1975 года разрывает Договор о дружбе и сотрудничестве с СССР и меняет курс развития страны. Четвертый год с оружием в руках сопротивляются "новой жизни" афганские крестьяне.

1 "Устав нравов" опубликован в журнале "СССР: Внутренние противоречия" № 6 (1982).

(Прим.редакции)

Португальский народ, опьяненный воздухом свободы апрельской революции, все же не поддержал попытку леворадикального переворота, предпринятую офицерами КОПКОН на базе парашютистов в Танкуше (так ли уж далеко была от него компартия, как это утверждалось в заявлении Политкомиссии ЦК компартии Португалии по поводу "Предварительного доклада комиссии по расследованию событий 25 ноября"?). Французское социалистическое правительство – с участием коммунистов! – проводит внешнюю и внутреннюю политику, вызывающую нескрываемое раздражение советского руководства (первые три дня после победы Ф.Миттерана советские средства массовой информации выжидали: не ясно было, как реагировать. А вдруг новая социалистическая альтернатива? Уж лучше бы хунта – с ней все ясно и даже удобно.) В самом международном коммунистическом движении возникла новая центробежная сила – еврокоммунизм. Поиски нового пути не прекращаются и в социалистических странах: самый яркий пример – движение Солидарности в Польше. Наконец, ведущие политические силы на Западе стали понимать "кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего" (на это понадобилось 66 лет!) и предпринимают меры предосторожности – об этом говорят такие факты, как победа Рейгана в США, Тэтчер в Англии, Коля в ФРГ, Вильямсбергская Декларация, "Проект Демократия", создание Демократического альянса и др.

Все это затрудняет или даже делает невозможным для советского руководства реализацию своих стратегических целей – прежде всего укрепление и распространение режима партотократии – путем использования внешних факторов. Поэтому ставка все более делается на факторы внутренние: "укрепление дисциплины", ожесточение режима экономии, расширение прерогатив и штатов карательных органов. Особая роль, по-видимому, отводится опыту китайской "культурной революции", ее главным исполнителям – штурмовым отрядам "патриотической" молодежи.

Пока фашистов у нас немного. Пока "дяди"-милиционеры равнодушно наблюдают за эпизодическими выступлениями фашиствующих юнцов, аккуратно доставляя "буянов" в отделения и проводя с ними воспитательные беседы. Пока функционеры аппарата власти понижают голос, обсуждая "мужественное выступление" Геринга на Нюрнбергском процессе. Пока рядовой советский человек отмахивается от тревожных мыслей: "Да полно, возможны ли настоящие фашисты в СССР? Перебьются юнцы, вся эта дурь из головы и выйдет". Пока официальная пропаганда многогласно трубит: "сокращение", "замораживание", "переговоры"... А тем временем "серая" пропаганда настойчиво страшит обывателя "расправой проникших на все уровни власти сионистов", "возвратом к еврейско-плутократической демократии", одновременно призывая "настраивать молодежь на перманентную смертельную борьбу не только на сегодня и завтра, но и на послезавтра".

Август 1983 г.

Демонстрация молодых неонацистов в день рождения Гитлера 20 апреля 1982 г. на Пушкинской площади в Москве. (Снимок сделан в толпе, около 19 час.30 мин.)

ИНТЕРВЬЮ

КАК СЛАВНО БЫТЬ
НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТЫМ...

Около года назад два советских военнослужащих, двадцатилетние Игорь Рыков и Олег Хлань, оставили свою часть в Кандагаре (Южный Афганистан) и пробрались в расположение афганских партизан. Оттуда они были переведены в лагерь афганских беженцев в Пакистане. При посредничестве члена Европейского парламента лорда Н.Бетелла оба получили политическое убежище в Великобритании.

Ниже публикуется запись беседы нашего корреспондента М.Филлимор с Игорем Рыковым. Мало что можно добавить к рассказу этого рядового участника – и соучастника – преступной войны. Перед нами кровавая реальность, аннулирующая все демагогические разговоры о войне за правое дело. Эта война еще ждет своего Нюрнберга. Остается вопрос: как могло случиться, что граждане нашей страны, дети и внуки тех, кто защищал ее от фашистов, сами стреляют в беззащитных людей?

Как началась Ваша служба в Афганистане?

Я отслужил в Ашхабаде пять месяцев, получил там звание младшего сержанта. В Афганистан попал впервые в 1982 г. Молодой солдат обычно боится попасть в другое подразделение, потому что там дембели¹ новичков терроризируют. Но об Афганистане у нас было полно иллюзий. Когда видишь на аэродроме, как улетают ребята-десантники в синих беретах, думаешь, что там воюют дружно, полное братство. Летели мы туда на самолете ТУ-134, человек 100–160, из одной учебной роты нас было шестеро. Летели и говорили о том, что нас ждет. Никак не ожидали, что с нами случится.

Разве Вы не слышали до этого, что там происходит? Слухи до вас не доходили?

Какие там слухи. Мы были напичканы такой пропагандой, что в Афганистане наши солдаты проявляют неслыханный героизм. Мы летели туда как в рай. Наша бригада стояла в Гардезе. Я попал в десантно-штурмовой батальон, в первую роту. К вечеру начали нас вызывать офицеры, спрашивать, кем хочешь служить. Меня спросили: как ты относишься к тому, что мы назначим тебя заместителем командира взвода? Я был, признаться, ошарашен. Взвод все-таки, тридцать человек. Я сказал: не знаю, может быть, не справлюсь... Тогда меня определили в пулеметный взвод наводчиком-оператором. В палатке, куда я попал, встретился мне хороший парень Вася Гетманов. Он мне и сказал, что если определили наводчиком-оператором, то в рейды ходить не буду. По штату, сказал он, наводчик-оператор в рейды ходить не должен, он остается в машине, за пулеметом. Но потом оказалось, что должность эта фиктивная, и меня послали в первый же рейд. Я прилетел 27 апреля, а уже 3 мая был первый рейд. Никакой подготовки не было, просто объявили, что едем в большой рейд. Было немного страшно, потому что перед этим в рейде погибло очень много народу. И мы об этом знали. Был такой обычай: когда погибает солдат, его кровать застилают белой простыней, на подушку кладут берет, и к кровати никто не должен притрагиваться. Так вот, в одной нашей роте были застелены две койки. Впоследствии офицеры стали бороться против этой традиции, и ее отменили.

Где был первый рейд?

В районе Кандагара. Ехали целые сутки по бездорожью. Сказали, что будем стоять на блокировке. На нас будут гнать басмачей, а мы должны или их уничтожить, или брать

¹ Солдат последнего года службы, которому предстоит скорая демобилизация. – Ред.

И.Рыков и О.Хлань в лагере афганских партизан.

в плен — на усмотрение командира. Уже в этом рейде произошел со мной страшный случай. Мы шли, и навстречу нам попался старик, мирный старик. И вот Геворкян, командир нашего взвода, сказал сержанту Змеевскому: "Змей, кто еще из наших не убивал никого?" Тот показал на меня. И Геворкян говорит: "Пускай он убьет этого старика". Змеевский приказал: "Иди за мной, заряди автомат". Автомат и так был заряжен, потому что это был мой первый рейд, и я шел, держа палец на курке, боялся, что могут вдруг откуда-то выстрелить. Зашли мы во двор. Змеевский показал старику, чтобы шел вглубь двора, и приказал мне стрелять в него. Я прицелился — стрелять-то меня уже научили..., и как-то хладнокровно выстрелил. Он был в двух-трех метрах от меня, промахнуться только дурак мог... Я почему-то решил прицелиться сразу в голову. Вижу — полчерепа ему снесло. Это очень страшная пуля, со смещенным центром. Сержант мне вообще-то сказал: пройди его очередь. Но я решил стрелкнуть одиночным, потому что не хотелось потом заряжать магазин. Это единственное, что мной двигало.

Вам не пришло в голову послушаться приказа?

Мне еще было любопытно. Я хотел себя проверить, смогу ли я убить человека. Получилось, что смог. Выстрелил, увидел, что снесло ему полчерепа, упал старик. Не знаю, что Змеевскому пришло в голову, старик уже не дергался, а он сказал: добей его. Я говорю, у него уже полголовы нет, он же мертвый. Ну все равно, — говорит, — еще раз стрельни на всякий случай. Тут уж у меня, как говорится, не выдержали нервы, и я весь магазин в него разрядил.

Потом кошмары не снились?

Нет. Привыкаешь так, что видишь — друг твой лучший, живот ему разворотило, а сам думаешь: еще одна смерть. И все. Очень часто сталкиваешься со смертью, и с какой страшной смертью! Я думал, что меня будет преследовать этот старик, но спал спокойно. Сейчас-то мне стыдно за прошлое... Догнали мы свой взвод, и Геворкян спрашивает Змеевского: "Ну что, нормально?" Тот говорит: "Да, он молодец, справился хорошо". В это время к нам подходят еще двое афганцев, один лет тридцати, наверное, а второму лет двадцать.

Мирные?

Да, мирные. Вышли, видимо, из-за того, что боялись. А в этом взводе еще были те, что со мной прилетели, новички. Бедрий шел с пулеметом. Геворкян ему говорит — стреляй! Ну, пока тот устанавливал пулемет, афганцы, видимо, поняли и бросились бежать. Мы забежали им наперерез, остановили. Опять Геворкян говорит: стреляй! Бедрий отвечает: не могу! А тот: "Я могу тебе приказать или просто изобью..." Ну, Бедрий сразу пулеметной очередью как дал по обоим... Потом шел, опустив голову. Не знаю, что он чувствовал. Больше никого не убивали в тот день. Просто никого не нашли. Потом забрали двух баранов. Геворкян сказал: одного себе возьмите, другого — мне. Афганец шел за нами, так командир хотел его сначала пристрелить, а потом передумал, приказал вернуть баранов. Мы часто забирали баранов, потому что в рейдах очень плохо снабжают.

То есть, кто хочет, тот и забирает, или по приказу?

По-всякому. Иногда офицеры берут машину или две, несколько солдат, едут в деревню и grabят там все, забирают съестное, деньги, ценности и приезжают обратно.

А афганцы не сопротивляются, все отдают?

Кто сопротивляется, того убивают на месте. Бесполезно сопротивляться.

Как же относятся солдаты к этой войне?

В Афганистане никто не хочет воевать, даже офицеры. Разве только комиссары, слишком напичканные политикой, или у кого служебное рвение. И то под пули не лезут — обычно солдат вперед выставляют. Был у нас случай во время рейда в Базарчу, — такой населенный пункт возле Кандагара... Там раньше была большая деревня. И наши до того ее разбомбили, что теперь там негде жить. Но вот как ни заходят туда наши солдаты — постоянно их обстреливают, еле выходили оттуда. Я сам там побывал, там как раз Васку Гетманова убили. Никогда ее так и не взяли полностью. Там я оказался в группе, которая попала в засаду. Получилось, что с одной стороны мы, с другой — опять наши, а между нами — бабаи, которые стреляют и убивают наших пацанов. Вот командир второй группы и приказал своим не стрелять, чтобы своих не обнаружить при отходе. В этом рейде с нами был новый командир роты Осадчий. Жестокий был человек, садист.

Почему новый? Что случилось со старым?

Дело в том, что офицеры в Афганистане служат два года. Им это в счет идет как шесть лет — год за три, выслуга лет. Через два года офицер возвращается назад в Союз. И вот новый командир назначил троих солдат, — двое из них должны были через три дня де-

мобилизоваться. И сказал им: "Вы пойдете дозорной группой". Когда они ушли, он говорит остальным: "Если тех убьют, будем отходить". Как бы штрафная группка такая... Это в порядке вещей: офицерам солдат не жалко... Вот так проходит служба там.

Вы говорили об отношении к войне...

Никто не хочет там воевать, ни офицеры, ни солдаты... Солдаты думают, лишь бы скорей кончилась эта служба и уехать домой. И офицеры — чтобы скорей смениться.

Но вначале Вы верили, что едете освобождать?

Когда едешь из Союза в Афганистан, то проводят с тобой беседу. Тебе говорят, что ты едешь в Афганистан воевать против китайских, пакистанских, американских наемников, что, мол, на Афганистан напали. Такие ужасы рассказывают в Союзе, что, мол, солдат режут... Ну, это вообще-то бывает... Но воюют, насколько я знаю, а знаю я точно, — воюют одни афганцы, никаких наемников нет.

Когда начинаешь понимать, что воюешь против мирного населения, против афганцев?

Сразу, с первого рейда. Даже раньше. Ты только приезжаешь в Афганистан, попадаешь в подразделение, и тебя вводят в курс дела: не слушай, никаких наемников нет, твоя основная цель — прислуживать дембелям и, если найдешь какую-то ценность, — приносить им. Потом ты уже сам начинаешь разыскивать ценности и стараешься взять как можно больше. А воевать никто не хочет. Вот Осадчий, он часто вызывал к себе перед рейдом нескольких солдат, тех, кто уже год отслужил, и говорил: "Если я дам тебе случай пограбить, то деньги поделишь со мной." Клевали некоторые ребята на это, а в конце концов он забирал себе все деньги. Единственная цель — нажива.

Отсылали все это домой или везли сами?

На деньги, которые брали у населения, покупали джинсы... ну, и разные другие вещи.

Покупали у местного населения? На деньги, которые у них же отбирали?

Да. Или ты, например, снял с какого-то афганца часы, — приходишь в кантину, в магазин, и отдаешь часы. Все покупается, и опиум, и гашиш, и джинсы, и магнитофон, или еще лучше часы, что хочешь... А когда из Союза приходит колонна, грузовики, то с ними переправляют... Раненых и желтушников не обыскивают, и они провозят тоже.

Что еще можно было получить за награбленные деньги?

В армии в Афганистане повальная наркомания, процентов 30 всей армии колетса опиумом, называют его ханкой. Его там очень много, он дешевый. Другие — если не 100 процентов, то 99 — курят анашу. Не курят, может быть, на роту или батальон один-два солдата, то есть те, кто вообще не курят.

А офицеры?

Офицеры пьют водку. Некоторые курят и анашу, не очень-то таясь от нас.

Оружие продавали?

Да, и оружие. Но не свое. Стараются не продавать свои автоматы с этими страшными пулями, потому что знаешь, что завтра эти пули полетят в тебя. Продают или автоматы, взятые в бою и утаенные от командиров, или просто боеприпасы, которые подходят к их винтовкам. Это солдаты делают, чтобы достать больше денег. Очень дорого стоят патроны, гранаты... Просто не думаешь, что завтра под этими гранатами можешь оказаться сам... И потом — эта наркомания. Все к ней ведет: эти искромсанные тела товарищей, постоянно смерть рядом, тоска, мысль, что можешь не вернуться, что в любой момент тебя могут убить, зарезать в палатке. Да еще офицеры терроризируют солдат, часто бьют, что не раз бывало и со мной. Бывает, что между рейдами солдат просто гоняют на плацу. Зачем это нужно, я до сих пор не могу понять. Боевая бригада, и вдруг отрабатывать строевые приемы! Под таким давлением многие ребята становятся наркоманами. Это помогает забыться. Но большинство не колются, а просто курят гашиш, которого там море. Мы один раз из деревни привезли 50-килограммовый мешок этой пыли — анаши. Это тридцать килограмм чистого гашиша.

Что будет, если поймают, узнают, что ты колешься или куришь гашиш?

Зависит от того, кто тебя поймает. Если поймает офицер из особого отдела, который есть в каждом подразделении, то тебе уже не открутиться: грозит суд или, самое малое, пошлют на лечение, а потом вернут обратно, что и было с некоторыми ребятами. А если тебя поймает простой офицер, то он постарается просто шантажировать тебя этим; так и со мной было. Меня вызвал замполит и сказал: "Я знаю, что ты колешься", — у меня над кроватью нашли сверток с двумя шприцами, — проверил руки, вызвал четверых к себе, из которых только я кололся, и нашел у всех четверых какие-то дырочки в венах. Потом этих троих отослал и оставил только меня, и говорит: "Я знаю, что у тебя есть большие деньги, так вот, если ты не принесешь хотя бы половину из этих денег мне, то я сдам тебя в особый отдел." Он хотел афганские деньги. Но я подумал, что если я ему принесу хоть сто афгани, он все равно от меня не отстанет, да и друзья станут меня подозревать. И я сказал ему, что никаких у меня денег нет и не было, а что я колюсь, так это ему просто показалось. У него не было прямых улик, кроме ранок, и я сказал, что это просто царапины. Многие ребята, кто мало колет, стараются расцарапать следы уколов, чтобы казалось, что просто царапины. Мне удалось открутиться. А некоторых офицеры просто берут к себе в качестве слуги-разбойника, который приносит ему награбленное. Но таких солдаты не любят страшно, стараются от себя подальше держать, называют офицерскими шестерками.

Какие случаи особенно поразили Вас?

Вот был рейд 14 июня 1982 г., в котором я лично участвовал. Рота наша была разбита на четыре группы, наша группа была четвертая. Мы шли вдоль арыка, когда нас обстреляли. Двое сразу были убиты. Мы стали отстреливаться. Потом они начали в упор бить. Этот рейд помнится мне как кошмар. По этому арыку, где уже не вода была, а жидкая грязь, мы шлепали целый день, пули вокруг летают, товарищей твоих убивают. Убили много ребят, несколько офицеров погибло. Расстреливали буквально с пяти-шести метров. И когда мы начали отстреливаться из пулеметов и автоматов, нам по радиации передали: не стреляйте, можете попасть в своих, — дело в том, что за басмачами была еще одна наша группа, и они-то и передали, что наши пули летят по ним... Вот так мы в тот день еле успевали выносить убитых, некоторых так и не смогли вынести. На следующий день пришли и нашли их тела изуродованными, с ножевыми ранами.

Когда пришли назад, у всех было такое подавленное состояние, что накурились гашиша до потери сознания, и офицеры нас не останавливали.

Еще запомнился случай, когда в Иран по ошибке попали. Нас должны были высадить на вертолетах на базу муджахеддинов, возле границы с Ираном. Мы сели около деревни, никого в ней не было видно, жители, увидев, что садятся вертолеты и вы-

скакивают солдаты, начали убегать. Мы погнались за ними и обнаружили, что они спрятались в пещерах. Начали забрасывать их слезоточивыми бомбами, гранаты бросать, стрелять в пещеры. Они в конце концов начали выходить, и мы их убивали, убили почти всех.

Вы поняли, что это иранцы?

Да, старики кричали: "Иран, Иран", и в конце концов, когда наш командир понял, что Иран, он сказал: никто ничего не знает... Тут начали появляться иранские самолеты. Пришлось уносить ноги. Два вертолета было сбито иранскими самолетами. Но нас потом никто ни о чем не спрашивал, удалось, видимо, дело замазать.

А базу потом нашли?

Да, разбомбили ее с самолетов, забрали много оружия, гашиша, опиума, ящики целые. Соки разные, конфеты, печенье — все это набивали в рюкзаки. Обратно улетали на вертолетах.

Вот так я и воевал в Афганистане. Под конец я исполнял обязанности командира взвода, так как наших командиров отправили на работы, строить дороги и прочее. Мне надоело ходить в рейды, стрелять, убивать. Один капитан хотел меня использовать. Говорит, — ты походи, пограбь, а мне отдашь половину. Я сказал, что у меня не получается грабить. Такую невинную овечку из себя разыгрывал.

Что же, сами они стеснялись грабить?

Вовсе не стеснялись, просто не успевали за солдатами. Обычно офицеры стараются первыми нагнать, но им всегда кажется, что мало.

Как или когда Вам пришла в голову мысль бежать?

Уже прошло службы моей в Афганистане больше чем полтора года. И мой товарищ, Олег больше полутора лет там провел. Мы с ним одного призыва, до дома оставалось месяца три—четыре. После одного рейда получилось так, что мы с Олегом стояли рядом в ремзоне: у нас у обоих поломались машины. И вот под впечатлением всего увиденного мы решили, что больше мы не можем, взяли ночью оружие и решили уйти в Пакистан, а там добиваться права куда-то выехать. Ночью залезли в комнату, где хранится все оружие роты. Взяли оттуда автомат командира роты и еще автомат одного из офицеров. Пистолеты у нас свои были. Взяли патронов, гранат и ночью ушли. Пока шли, кончилась у нас вода, и мы нашли там воду не воду, а жижу с дурным запахом, но что поделаешь — стали пить. Больше полдня мы шли без воды на сорокоградусной жаре по пескам. После этого будешь хоть мокрый камень жевать. Мы могли убить целый поселок из-за кружки воды. Наутро увидели, что нас разыскивают, летают вертолеты. Мы быстро ушли. Было такое состояние, что если бы за нами погнались наши солдаты, то мы бы начали отстреливаться до последнего патрона. Мы бы старались не попасть в своих товарищей, стреляли бы, чтобы не подпустить близко. Потом мы вышли к реке и вдоль реки пошли, по пути встречая поселки. Спрашивали афганцев, где Пакистан? Они нам показывали. А потом к нам подошли двое молодых афганцев, сказали, что могут провести нас в Пакистан. Мы сначала хотели их застрелить, потому что они подозрительными показались...

Они поняли, что вы дезертировали из армии?

Да. Они увидели, что мы идем в Пакистан с оружием и что мы солдаты: Олег был в форме, я в одежде механика. Они поняли, что мы убежали и рвемся в Пакистан, и

решили сопровождать. Предложили нам зайти в деревню отдохнуть, а потом поехать на чем-нибудь. Пешком, сказали, слишком далеко идти, несколько дней. Но мы были наслышаны, что наша бригада стоит очень близко от границы, километров 30—40, и мы думали, что мы за день дойдем. Как впоследствии оказалось, это было не так-то просто: между нами и Пакистаном лежала пустыня. Мы в конце концов так устали, что согласились пойти с ними в деревню. И все-таки, когда подходили к деревне, какое-то чувство тревоги было, и мы сказали им, что если увидим басмачей, будем отстреливаться.

Вы имели в виду муджахеддинов?

Да, но мы тогда не знали слова муджахеддин, мы были воспитаны, что против нас воюют басмачи, или, как их называют, душманы.

Пришли в деревню, действительно отдохнули, поели, воды попили. Начали засыпать. Вдруг проснулись от шума и увидели, что вся комната заполнена бабаями и у нас уже нет автоматов. Один из них уже лез к Олегу за пазуху забирать его пистолет. Я сказал Олегу, чтоб отдал, — они не знали, что у меня тоже есть пистолет. Берут они наши автоматы, еще один берет винтовку и выходят с нами, — один впереди, другой позади, а мы безоружные между ними. Они сказали, что, мол, идем в Пакистан, а мы испугались, увидев, что они забрали оружие, и решили, что ведут расстреливать. Я незаметно достал свой пистолет, зарядил его и пошел за первым. Думаю, если что-нибудь подозрительное, стреляю ему в затылок, хватаю его автомат, а дальше — будь что будет...

Мы знали, что они очень мучают пленных, мы видели солдата, у которого рядом с ним лежали его ноги и руки, а он еще был живой. Мы видели солдат со вспоротыми животами, видели, как они увечат мертвых, так что боялись мы не то что смерти — мы до такой степени дошли, что о смерти уже и не думали, — а боялись мы этой пытки и решили бороться до конца, а потом — пулю себе в лоб. Но мы уходили все дальше и дальше в горы и пришли в конце концов в какую-то пещеру. Потом забрали у старика автомат — он сам его отдал — и начали по очереди спать. Оказалось, что они нас спрятали, потому что боялись, что наши солдаты найдут нас в деревне. Вечером повели нас дальше. Пришли к кочевникам. Старик велел нам сказать, что я — узбек, а Олег — туркмен из Ташкента. Передохнули у кочевников, потом опять идем. Одну ночь идем, вторую, встретили мой день рождения в песках. К тому времени оставили с нами только одного афганца с нашим автоматом. Толковал я ему, толковал, что у меня сегодня день рождения, а он так и не понял. На третий день приходим в деревню, в которой мы провели одну ночь. Старик-афганец сказал, что нам нужно оставить там оружие, деньги, часы и что мы едем в город. Мы тогда не знали, что с нами будет, просто надеялись на какое-то чудо. Привезли нас, действительно, в пакистанский город — Квет, поселили у какого-то старейшины. Потом посадили на самолет, повезли в Исламабад, а из Исламабада на маленьком автобусе — в лагерь афганских беженцев. Когда нас завезли в ворота, у которых стояла вооруженная охрана, мы поняли, куда мы попали, приготовились к пыткам. Но нас никто не пытал, наоборот, с нами хорошо поговорили. Только заперли в комнате и приставили к нам охрану. И вот мы так сидим — день, второй, третий. Не выдержали и убежали. Потом возвратились: идти-то некуда. Они нас схватили, посадили на цепи. Мы на этих цепях просидели, наверное, месяцев восемь или девять.

К койкам приковали?

Да. Две койки стояли рядом. Меня и Олега за ногу приковали к цепи, а цепь пропустили между койками. Еще впридачу приковали за одну руку меня, за одну руку его. Потом под нажимом нашим сняли все-таки цепи, но опять же никуда нас не выпускали. Только в конце уже начали выпускать. Там такой духанчик, магазин ихний, прямо рядом, так нас туда стали потом пускать. К этому времени о нас уже знали, побывал у нас английский лорд Бетелл и предложил помочь. Мы написали прошение на имя премьер-министра Великобритании о политическом убежище, и после этого забрезжила надежда.

Сколько, по вашему мнению, таких, как Вы?

Часто уходят молодые солдаты, уходят от дембельского избиения. Хватают оружие и расстреливают своих мучителей, а потом себя убивают, или убегают к муджахеддинам, сдают им и воюют на их стороне. Вот сейчас там воюет Ширшов наш, он у них советник по нашему району, наводит банды на наши подразделения. Не знаю, конечно, что он чувствует, когда стреляет в своих товарищей... Сейчас становится все строже, офицеры все чаще обыскивают солдатские палатки в надежде что-то найти из награбленного, и страх все сильнее перед местным населением. И опять же, от жестокости наших солдат ожесточаются басмачи. Сейчас перестали брать солдат из Средней Азии, потому что слишком часты случаи перехода на сторону афганцев. Не хотят стрелять в братьев по вере. Таджики берут в Афганистан только как переводчиков. На работу, — одного, двух, трех. А в основном — русских пацанов, украинцев, белорусов, вообще немусульман.

А какие в армии отношения между различными национальностями?

Ну как, русскому толкуют, что он должен бить украинца, украинцу — что он должен бить узбека. Это офицеры распространяют. Это им на руку — ожесточать друг против друга.

Попав к афганцам, Вы воспользовались советом того старика и сказали, что Вы из Узбекистана?

Да. Сказали, чтобы остаться в живых.

Вы сказали, что родились в мусульманских семьях?

Да, они спрашивали, почему не знаете фарси, а мы отвечали, что учились в русской школе. Мы сначала не хотели молиться по-ихнему, но потом сделали вид, что приняли мусульманство. Но в конце концов мы плюнули на все это и бросили все эти молитвы. Это было уже, правда, после встречи с лордом Бетеллом, уже после того, как мы написали прошение на имя Тэтчер. А все эти восемь—девять месяцев мы боялись мести с их стороны.

И вот — мы здесь, в Англии и благодарим от всей души всех, кто принимал участие в нашем спасении. ●

НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ

Мнение москвичей о советско-афганской войне.

Что думают советские люди о мировых проблемах, о событиях, в которых их государство играет важную роль? Узнать это нелегко. Правда, газеты регулярно сообщают, что заявления советского правительства "трудящиеся дружно одобряют", решения — "приветствуют", предложения — "поддерживают". Вместе с властями граждане СССР "выражают опасения" и "возмущены". Порой они даже стараются предвосхитить намерения своих руководителей... Так, выступая на заводе "Серп и молот" 20 апреля этого года, К.У.Черненко сказал, что в ЦК постоянно приходят письма с просьбами удлинить рабочий день, но время для этого пока не настало и партийные вожди не идут навстречу мазохистским пожеланиям трудящихся.

Однако все заявления о "единодушной поддержке масс" никогда не опираются на общепринятые методы изучения общественного мнения. Сама мысль обратиться к населению с вопросом показалась бы большинству граждан нелепой, а властям крамольной.

Попытка узнать мнение населения по острым политическим вопросам была принята группой правозащитников. В 1981 году они исследовали отношение советских граждан к деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова; в 1982 году изучалось мнение о польском профсоюзном движении "Солидарность".

Эти опросы охватывали 600—800 человек. Разумеется, традиционные приемы получения случайных независимых выборок были невозможны. Советские граждане не привыкли к такого рода опросам и, естественно, относятся к ним с подозрением. Не приходится и говорить о том, что исследование проводилось втайне от властей. Существовала и другая опасность: исследовать лишь мнение узкого круга единомышленников, родственников и знакомых диссидентов. Эти люди не испугаются вопроса и не донесут властям, но их мнение вряд ли можно считать представительным для широких кругов советского населения.

Поэтому все диссиденты, их родственники и знакомые были исключены из опроса, а исследование проводилось косвенным методом, в форме непринужденной беседы, так что отвечающий не знал, что его мнение фиксируется. Исследователь должен был сам оценить ответ своего собеседника, охарактеризовать его отношение к вопросу как отрицательное, нейтральное или положительное. Такая методика довольно громоздка и заметно снижает число опрошиваемых. Она содержит субъективные элементы, связанные с представлениями самого счетчика. Несмотря на это, полученные результаты представляют, по-видимому, мнение довольно широких кругов советских граждан.

По такой же методике зимой—весной 1984 года было проведено изучение отношения советских граждан к войне в Афганистане. Опрос охватил 287 человек (166 мужчин и 121 женщину). Восемьдесят процентов отвечавших — люди активного трудоспособного возраста (23—60 лет). Большинство из них живут в Москве и ее пригородах. Среди опрошенных много членов КПСС (25%); это заметно выше доли коммунистов в населении страны. Напротив, лиц с высшим и специальным средним образованием оказалось всего 9%, то есть в два раза меньше, чем в среднем по стране по материалам последней переписи. Почти все опрошенные — русские.

Из опросов, проводившихся ранее (Сахаров, Польша), известно, что беспартийные, лица с высшим образованием и жители национальных окраин настроены относительно более оппозиционно. Следовательно, полученная выборка неоднородна, но эта неоднородность смещает результат в сторону более благоприятного отношения к точке зрения властей. Опасения опрошиваемого также могут подтолкнуть его к одобрению действий правительства вопреки внутреннему убеждению.

Таким образом, имеющаяся выборка скорее преувеличивает поддержку населением позиции советского руководства, чем преуменьшает ее.

Каковы же полученные результаты?

Безоговорочно поддерживают советскую политику в Афганистане только 13% опрошенных, больше половины из них члены КПСС. С оговорками, как вынужденное зло, одобряют пребывание советских войск в Афганистане еще 16%. Не проявили интереса к вопросу 9% и осудили вторжение 62% опрошенных. Итак, почти две трети советских граждан высказались против действий своего правительства в таком важном внешнеполитическом вопросе. В предыдущих неофициальных опросах об отношении к А. Сахарову и к "Солидарности" оппозиционеры среди рабочих составляли лишь четвертую—пятую часть. Совершенно очевидно, что события в Афганистане задевают жителей страны намного сильнее. Характерно и другое отличие: к Сахарову и польскому независимому профсоюзу отношение женщин было более отрицательным или заметно более безразличным, чем отношение мужчин.

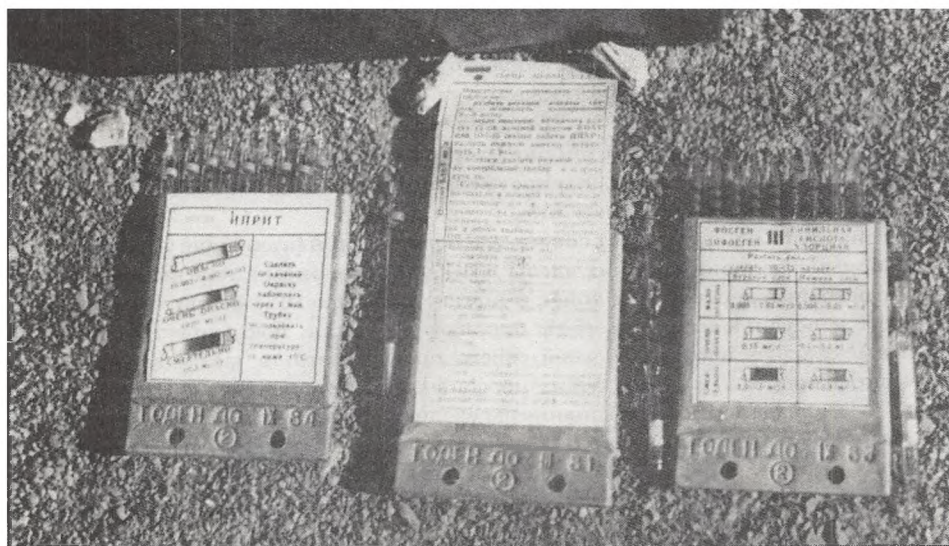
В вопросе об Афганистане правительственную точку зрения одобряют 33% мужчин и лишь 22% женщин. Несколько более положительное отношение к этой войне отмечает у молодежи (30% одобряют) и у пожилых людей (почти половина высказывается

за). Отрицательное отношение заметно у людей с высшим образованием, беспартийных и у лиц среднего возраста. Если выделить группу беспартийных в возрасте 25—60 лет, то среди них против войны в Афганистане высказались 85%.

Сводные данные опроса приведены в нижеследующей таблице.

	Всего опрошено	Поддержи- ваю войну в Афгани- стане	Поддержи- ваю с ого- ворками	Не интере- суюсь	Не имею мнения	Не поддер- живаю	% несоглас- ных
Возраст:							
до 23	23	5	2	3	3	10	43
23—45	156	15	20	8	7	106	68
46—60	76	13	13	—	2	48	63
старше 60	32	4	10	—	3	15	47
мужчины	166	28	27	1	4	106	64
женщины	121	9	18	10	11	73	60
образование:							
высшее	26	1	4	2	—	19	73
среднее и ниже	261	36	41	9	15	160	61
члены партии	71	21	19	—	2	29	41
беспартийные	216	16	26	11	13	150	69
Всего	287	37	45	11	15	179	62
% опрошенных	100	13	16	4	5	62	—

С.Пухов

Коробки с отравляющими веществами советского производства, захваченные муджахиддинами в провинции Пактия

ВЕСТИ ИЗ СССР

ГОЛОДОВКА А.САХАРОВА И Е.БОННЭР

Сообщения о положении А.Сахарова и Е.Боннэр в течение последнего времени представляли собой смесь непроверенных слухов, догадок, косвенных свидетельств и дезинформации. В мире, пронизанном информацией, не удастся узнать совершенно ничего о том, каково положение лауреата Нобелевской премии мира, одного из

крупнейших физиков, действительного члена АН СССР, живущего в нескольких часах езды от столицы.

Скупые крохи имеющейся информации (или дезинформации?) создают следующую противоречивую картину. Через день после того, как знакомой А.Сахарова и Е.Боннэр И.Кристи удалось прорваться в Горький, на три минуты встретиться с А.Сахаровым и узнать о его го-

ловодке, 7 мая А.Сахаров был увезен из своей квартиры в Горьком в неизвестное место. Сведения об этом основываются на телеграмме, подписанной именем Е.Боннэр и посланной детям А.Сахарова в Москву. Как можно заключить из заявления, сделанного позднее генеральным секретарем ЦК ФКП Ж.Марше, А.Сахаров был помещен в Горьковскую областную больницу им. Н.А.Семашко. Но позднее из кругов, имеющих контакт с советским посольством в Париже, поступали сообщения, что приблизительно 18 мая "оба Сахаровы" находились дома в "удовлетворительном состоянии" и "сняли голодовку".

Еще позднее в Москве некий источник, "близкий к официальным кругам", сообщил корреспондентам, что 25 мая Сахаров был госпитализирован, так как "врачи были обеспокоены его здоровьем в связи с последствиями голодовки". В конце мая 1984 г. друзья А.Сахарова и Е.Боннэр дважды ездили в Горький и наблюдали издалека за окнами их квартиры до 9–10 час. вечера. Окна оставались темными, так что, по-видимому, в квартире никого не было. Однако уже после этого, вероятно 28 мая, лицо, хорошо знающее Е.Боннэр лично, видело издалека Е.Боннэр, стоящую в лоджии ее горьковской квартиры.

30 мая ТАСС распространило заявление, в ко-

тором, касаясь "так называемой", как оно выражается, голодовки А.Сахарова, утверждало, что на самом деле он "регулярно питается". Согласно ТАСС, Сахаров и Е.Боннэр ведут "активный образ жизни". Е.Боннэр, в частности, занимается домашним хозяйством, "много печатает на пишущей машинке" и даже "благополучно разъезжает на автомашине".

В течение всего этого времени советские средства массовой информации публиковали разного рода сообщения об А. Сахарове и Е.Боннэр. Все эти сообщения выдержаны в крайне резких тонах. В частности, в статье в газете "Известия" 21 мая вновь утверждалось, что в отношении Е.Боннэр "приняты меры, вытекающие из закона", и что в руки "советских правоохранительных органов попала пачка подстрекательских материалов, которые Боннэр намеревалась отнести в посольство США". В этой же статье впервые открыто было признано, что ссылка А.Сахарова в Горький — это "наказание" за его "антиобщественную деятельность".

Преобладающая часть официальных советских заявлений была посвящена состоянию здоровья Е. Боннэр и А. Сахарова. Всячески подчеркивалось, что состояние здоровья их "удовлетворительное". Относительно А. Сахарова напоминалось, что год назад он подтвердил свои водительские права и тогда врачебная комиссия признала, что он "практически здоров". Аналогичное заявление было сделано в сообщении ТАСС от 30 мая.

Напротив, д-р Ален Жюльяр, зав. отделом кардиологии больницы им.Луизы Мишель под Парижем, исследовав предоставленные ему электрокардиограммы Е.Боннэр, установил распространение вторично перенесенного инфаркта миокарда в область верхушки сердца. Он считает, что "нельзя исключить дальнейшего расширения ишемической зоны".

2 июня распространились слухи о том, что Е.Боннэр якобы позвонила накануне утром Джованне Джумелли, журналистке местной флорентийской газеты, и сообщила о смерти А.Сахарова. Разговор прервался на 34-й секунде. В настоящее время можно считать твердо установленным, что, хотя звонок и имел место, но говорила не Е.Боннэр, и вообще звонок был не из СССР (на телефонной станции Флоренции в это время не было зарегистрировано звонков из СССР, номер телефона Дж.Джумелли недавно

сменился и не мог быть известен Е.Боннэр, в разговоре была употреблена фраза на французском языке, которого Е.Боннэр не знает и т.д.).

3 июня в лондонской газете "Санди Таймс" было опубликовано сообщение ее московского корреспондента Э.Стивенса о том, что А.Сахаров, якобы, скончался в горьковской больнице 31 мая вечером. Позднее, в ответ на запрос, Э.Стивенс заявил, что газета "сильно преувеличила" его слова, и что он сообщал лишь о слухах. Сообщение Э.Стивенса никем более подтверждено не было.

4 июня ТАСС в заявлении, как всегда составленном в очень резких тонах, сообщило, что А.Сахаров и Е.Боннэр "чувствуют себя хорошо", и обрушилось на "западную шумиху", "империалистов" и "секретные службы". Однако это туманное и общее заявление ничего не разъясняет. Нет ответа даже на вопрос — где А.Сахаров. Его никто не видел уже более месяца. А степень правдивости советских официальных заявлений тоже хорошо известна — всем памятно, как долго советские власти пытались скрыть факт хладнокровного убийства 269 пассажиров мирного корейского самолета.

Советские власти остаются глухи к призывам и требованиям мировой общественности, крупнейших государственных деятелей. В защиту А.Сахарова и Е.Боннэр выступили Папа Римский Иоанн Павел II, президент США Р.Рейган, президент Франции Ф.Миттеран, президент Италии С.Пертини, премьер-министр Португалии М.Соареш, министры иностранных дел стран Общего рынка, Европейский парламент, бундестаг ФРГ, конгресс США, Академии наук США, Великобритания, Франции, Швеции, французская социалистическая партия, немецкие социал-демократы, итальянские коммунисты, международный ПЕН-клуб, президенты нескольких университетов и многие-многие другие.

Ответ — полное молчание.

ЧТО С САХАРОВЫМ И ЕЛЕНОЙ БОННЭР?

Во всех официальных советских заявлениях последнего времени о положении А. Д. Сахарова и Е. Г. Боннэр преобладает успокоительный тон, повторяются лаконичные заверения, что оба они — в "хорошем состоянии здоровья" и не голодают. Об этом говорилось в заявлении ТАСС от 4 июня — с добавлением обвинений в адрес "сек-

ретных служб", которые якобы подняли шумиху вокруг Сахарова". 7 июня советское правительство официально информировало администрацию США о том, что "Сахаров жив и его жизнь вне опасности", — явно непоследовательный шаг после громогласных заявлений о том, что "вопрос о Сахарове — внутреннее дело Советского Союза".

Однако все эти успокоительные заявления не вызывали большого доверия. Примеры публичной лжи советского правительства и его представителей еще свежи в памяти западной общественности. Ведь еще полгода назад журналистов заверяли, что генсек Андропов "поправляется и скоро приступит к работе", хотя он в то время уже был при смерти.

Видимо, понимая это, советское правительство решило представить "независимые доказательства" своих утверждений. 17 июня советский журналист Виктор Луи, известный своими связями с КГБ, продал в Цюрихе представителям западногерманской газеты "Бильд" и американской телекомпании CBS фотографию А. Сахарова, сделанную, по словам Луи, 15 июня, и фотографию Е. Боннэр, снятую 12 июня. Он заверил журналистов, что фотографии подлинные. Однако на самих фотографиях нет ничего, что могло бы подтвердить указанное Виктором Луи время их изготовления. Следующее "независимое доказательство" было представлено 26 июня. Родственники Сахарова и Боннэр получили в Бостоне телеграмму из Горького, отправленную за четыре дня до этого, в которой говорилось: "не беспокойтесь, мы живы и здоровы". Далее шло поздравление Е.Янкелевичу, мужу дочери Е. Боннэр, с наступающим днем рождения. Телеграмма была подписана: "мама и Андрей".

Вслед за этим просочились сведения из независимых источников, правда, весьма скудные. Но как бы ни были они неполны, теперь ясно, что советское правительство не лжет по крайней мере в одном вопросе — А.Д.Сахаров и Е.Г.Боннэр действительно живы. А что касается здоровья...

О положении Андрея Дмитриевича Сахарова сейчас известно следующее. Он содержится в отдельной палате в горьковской областной больнице им. Семашко. К обслуживанию этой палаты допущен особо назначенный персонал. По крайней мере до середины июня в Горьком находилась бригада специалистов по искусственному

кормлению. Возможно, эта бригада там и сейчас, но сведений об этом нет. С конца мая лечением А. Сахарова руководит зав. кафедрой психотерапии Всесоюзного института усовершенствования врачей АМН СССР Владимир Евгеньевич Рожнов, известный специалист по гипнозу. Для него созданы особые условия: ему выделен специальный самолет, на котором он совершает челночные рейсы из Москвы в Горький и обратно. А.Д.Сахарову делают инъекции психотропных средств.

Несколько прояснилось и положение Елены Боннэр. В начале июня ее видели в Горьком идущей в булочную в сопровождении двух человек. По-видимому, она сейчас не голодает. Сопровождающие ее, как можно понять из полученного сообщения, — агенты КГБ. Извлечен, таким образом, опыт из неожиданной поездки Ирины Кристи в Горький, сумевшей сообщить миру о положении Сахаровых. Теперь к Боннэр никто не может даже приблизиться.

Тем временем, следствие по делу Е.Г.Боннэр продолжается. По этому делу были допрошены члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях В. Бахмин и А. Подрабинек (после выхода из заключения первый живет в Калининне, второй — в г. Киржач Владимирской обл.). В Ленинграде по делу Е. Боннэр прошел обыск у Леонида Гальперина.

Призывы видных представителей мировой общественности, крупнейших государственных деятелей к советскому правительству прекратить преследования Сахаровых падают в пустоту. Черненко, Громыко и другие отказались даже обсуждать этот вопрос с президентом Франции Миттераном, министрами иностранных дел ФРГ и Великобритании Геншером и Хау.

Президент Ф.Миттеран, однако, нарушил официальную благопристойность обеда в Кремле, который К. Черненко дал в его честь. Коснувшись в своей речи Хельсинкских соглашений и гарантий прав человека, Миттеран сказал: "Любые ограничения свободы могут поставить под сомнение эти свободно избранные принципы. Вот почему мы иногда говорим с вами об отдельных лицах, и некоторые из них приобрели ныне символическое значение. Мы хотим, чтобы таким образом стали понятны чувства, существующие в Европе и в других частях мира, относительно того, в каком положении находятся некоторые

граждане вашей страны... Таков случай проф. Сахарова".

Услышав во французской речи имя Сахарова, Черненко схватился за наушники, Устинов громко вздохнул. Когда был транслирован русский перевод, по залу прокатился ропот. Тем не менее Черненко смолчал. В официально опубликованной речи К.Черненко содержались слова: "Те, кто пытается давать нам советы по вопросу о правах человека, могут вызвать у нас лишь ироническую улыбку. Мы никому не позволим вмешиваться в наши внутренние дела". Однако этих слов Черненко на самом деле не произносил. Напротив, сказанное Миттераном об А.Д.Сахарове из опубликованного в советской прессе текста речи было исключено.

Вопрос о Сахарове был поднят и на пресс-конференции, устроенной в связи с визитом Ф. Миттерана в СССР. Леонид Замятин, услышав вопрос американского корреспондента, поблагодарил и закричал: "У вас два миллиона безработных, а академик Сахаров работает. Он получает 900 рублей в месяц! Он живет хорошо, питается хорошо, и у него во всех отношениях все хорошо!" ●

ПРИГОВОР ЕЛЕНЕ БОННЭР. ФИЛЬМ О САХАРОВЫХ, СНЯТЫЙ КГБ

В середине августа стало известно, что, по-видимому, 16—17 августа в Горьком состоялся суд над Еленой Боннэр. О суде неизвестно практически ничего. Мы знаем лишь, что защиту Елены Боннэр взяла на себя московский адвокат Е.А.Резникова и что Боннэр обвинялась в "распространении клеветнических измышлений" (статья 190¹ УК РСФСР). В предварительном следствии Е. Боннэр отказалась принимать какое-либо участие. Можно думать, что так же вела она себя и на суде.

Е. Боннэр была приговорена к 5 годам ссылки. Статья кодекса, по которой ее судили, ссылки вообще не предусматривает. Однако суды очень часто приговаривают правозащитников к такому сроку, ссылаясь на то, что они хотят назначить наказание "ниже низшего предела", предусмотренного кодексом, ввиду наличия смягчающих вину обстоятельств. Странная мягкость, если учесть, что "низшим пределом" наказания по ст. 190¹ является просто штраф. Дело, конечно, объясняется просто. По этой статье можно дать

только три года лагерей, в ссылку можно отправить на гораздо более длительный срок. А сейчас для властей важнее всего изолировать Е.Боннэр как можно дольше.

Сообщение о суде над Е. Боннэр не привлекло на Западе такого внимания, какого оно заслуживало, ибо как раз в эти дни все тот же неизменный "журналист" Виктор Луи привез на Запад и продал за крупную сумму американской компании ABC снятый и смонтированный КГБ телефильм об А.Сахарове. Обсуждение фильма, начавшееся во всех газетах, отнесило всю прочую информацию на второй план. Другой целью этой "операции" было, конечно, успокоить общественность Запада, требовавшую доказательств, что Сахаров действительно жив.

18-минутный фильм этой цели, в общем, достиг. В нем есть специально демонстрируемые "марки времени" — например, номера иностранных журналов. Можно сделать вывод, что, по крайней мере, во второй половине июля А. Сахаров был действительно жив. Но это максимум, что можно сказать, ибо сказать "здоров" уже не поворачивается язык: выглядит он ужасно. А. Сахаров постарел на много лет, изможден, двигается замедленно. Часть кадров снята, очевидно, очень давно — откровенное признание, что в течение ряда лет жизнь супругов проходила под объективом спрятанной телекамеры. Новейшие кадры сняты в больнице (как говорит диктор в фильме: "Сейчас Сахаров находится на отдыхе"). Показано, как А. Сахаров в больнице обедает (замечание диктора: "обычно в одиночестве"), а значит — голодовку окончил.

Есть в фильме и Е. Боннэр, также резко изменившаяся внешне к худшему. Мы видим ее на улице в сопровождении адвоката Е. Резниковой (которую диктор не называет), видим ее входящей в здание прокуратуры (для дачи "объяснений", по выражению диктора). Но нигде Е. Боннэр и А. Сахаров не появляются вместе — за исключением нескольких секунд зимних, т. е. очень давних съемок.

Все это предварено роскошными панорамными съемками Горького, где, как торжественно объявляет диктор, "с 1980 г. по решению правительства СССР живет академик Андрей Дмитриевич Сахаров". Можно подумать, что сейчас начнется рекламный фильм об очередном "знатном человеке". Впрочем, в каком-то смысле так оно и есть. Только "знатность" А. Сахарова в

другом, а КГБ рекламирует лишь то, что А. Сахарова он пока еще не убил. ●

А. САХАРОВ ВЫПУЩЕН ИЗ БОЛЬНИЦЫ

11 сентября неизменный Виктор Луи — доверенное лицо КГБ — сообщил газете Bild, что А.Сахаров вышел из больницы и снова находится дома вместе с Е.Боннэр. "Он чувствует себя, — сказал В.Луи, — настолько хорошо, насколько это возможно в данных обстоятельствах". Позднее близкий друг Е.Боннэр — адвокат С.Калистратова получила в Москве телеграмму из Горького, подписанную Е.Боннэр и гласящую: "приветствуем и целуем", что, по-видимому, должно означать, что А.Сахаров и Е.Боннэр действительно находятся вместе. Еще одна знакомая Елены Боннэр в Москве получила от нее открытку, в которой подтверждалось, что они с мужем живут в прежней квартире в Горьком.

Е.Боннэр подала кассационную жалобу на вынесенный ей приговор. Жалоба будет рассматриваться, по-видимому, в ноябре, но шансы на отмену приговора — 5-летней ссылки — практически равны нулю. Об этом говорит многолетний опыт рассмотрения политических дел в советских судах.

Тем временем в августовском номере "Журнала экспериментальной и теоретической физики" появилась датированная мартом 1984 г. статья А.Сахарова, подписанная лишь фамилией без указания титула "академик". В статье, между прочим, выражается благодарность "жене Е. Боннэр" за помощь. Известно также, что в августе 1984 г., еще находясь в больнице, А.Сахаров подписал корректуру другой статьи, не сделав при этом никаких поправок в тексте, что для него очень не характерно. Обе статьи посвящены вопросу о происхождении Вселенной. Власти явно хотят создать впечатление, что с А.Сахаровым теперь "все в порядке". ●

СУД НАД МУСТАФОЙ ДЖЕМИЛЕВЫМ

10 февраля Ташкентский городской суд приговорил Мустафу Джемилева к 3 годам лагерей строгого режима "за распространение клеветнических измышлений". Это шестой суд и седьмое наказание, пожалуй, самого известного деятеля крымскотатарского национального движения.

Мустафа Джемилев (Абдулджемиль) родился 13 ноября 1943 г. в селе Боской в Крыму. Первому наказанию подвергся в возрасте 6 месяцев: утром 18 мая 1944 года началась "очистка" села от крымскотатарского населения. Вместе со всеми крымскими татарами семья Джемилевых (мать и четверо маленьких детей — отец сражался на фронте) была выслана на спецпоселение в Узбекистан. Достоверные цифры высланных и погибших при высылке неизвестны. Сами крымские татары оценивают число высланных в 420 тысяч, а число погибших в пути и на месте поселения — 46 %. Согласно советским документам, выслано было "всего" 194 тысячи и погибло "всего" 18%, т.е. каждый пятый.

Крымские татары, официально считающиеся "укоренившимися" на территории Узбекистана, никогда не прекращали борьбу за возвращение в Крым. Одним из активистов национального движения стал Мустафа Джемилев — он, в частности, был инициатором создания "Союза крымскотатарской молодежи". Власти отреагировали быстро: в 1965 г. Мустафа был исключен из Ташкентского института инженеров ирригации, а в 1966 г. осужден на 1,5 года, якобы за "уклонение от призыва в армию".

После освобождения М.Джемилев установил тесные дружеские связи с московскими правозащитниками, в особенности с генералом Петром Григоренко. Он вошел в число основателей первого в Советском Союзе правозащитного объединения — Инициативной группы по защите прав человека — вместе с Татьяной Великановой, Александром Лавутом, Сергеем Ковалевым и др.

В 1969 г. М.Джемилева арестовали вторично — по обвинению в "распространении клеветнических измышлений" и судили в Ташкенте вместе с московским

правозащитником Ильей Габаем. Оба получили по 3 года лагерей. Третий арестованный по тому же делу — П. Григоренко — был признан невменяемым и отправлен в спецпсихбольницу.

Через полтора года после освобождения, в 1974 г. Мустафу арестовали в третий раз, якобы за уклонение от учебных сборов и приговорили к году лагерей. Но этот год для М.Джемилева не кончился освобождением. Он был арестован в четвертый раз в лагере и вновь по обвинению в "распространении клеветы" — по ст. 190¹ УК РСФСР. На этом суде произошли драматические события: один из главных свидетелей обвинения, заключенный лагеря Владимир Дворянский, отказался от данных на следствии показаний и рассказал, как следователи вымогали у него эти ложные показания. На приговор это, тем не менее, не повлияло: те же три года. В.Дворянский же поплатился за свою смелость новым лагерным сроком.

По отбытии срока М.Джемилев поселился в Узбекистане, где его поставили, как большинство бывших политзаключенных, под административный надзор — без права выезда с места жительства, без права выходить вечером из дому и т.д. В 1979 г. его за нарушение этого надзора арестовали — в пятый раз — и отправили в ссылку в Якутию, откуда он освобовился только летом 1982 г.

Из ссылки М.Джемилев с семьей поехал в Крым, но поселиться ему там не удалось. Милиция буквально силой вывезла его из Крыма. В Ташкенте, где живут родственники Джемилева, он тоже не смог поселиться — его опять-таки силой вывезли в г. Янгиюль, где вновь поставили под надзор (по закону после освобождения из ссылки надзор не устанавливается — прокурор Янгиюля, однако, "посоветовал" М.Джемилеву "не лезть на рожон и считаться с реальностью").

2 июня 1983 г. в г.Абинске Краснодарского края скончался 80-летний отец Мустафы. Мустафа очень хотел похоронить его в родном Крыму — если уж не удалось старику хотя бы умереть на родине. Но и мертвому крымскому татарину доступ туда был закрыт. 5 июня похоронная процессия мусульман была остановлена милицией у паромной переправы

через Керченский пролив в Крым. После нескольких часов, проведенных под палящим солнцем у переправы, после оскорблений и насмешек толпы мусульмане отступили. Тело отца Мустафы было погребено в Тамани — предельно близко к родной земле. Мустафа ожидал тело отца в Крыму (туда ему, "поднадзорному" был выписан "маршрутный лист" для участия в похоронах). А в Тамань к могиле отца его не пустили — она не значилась в "маршрутном листе". Позднее этот эпизод — "провокационная попытка похорон" — вошел в его шестое по счету обвинение.

Вскоре после смерти отца у М.Джемилева прошел обыск — изъяты материалы его предыдущих судебных процессов, письма, газетные публикации о Крыме. После обыска вновь возбуждено дело о "клевете" и взята подписка о невыезде. В начале декабря 1983 г. М.Джемилева арестовали в шестой раз. Подробности обвинения еще не все дошли до нас — тут и "провокация" с похоронами, и открытки друзьям ("врагам народа") в Нью-Йорк, и запись на магнитофон передач зарубежных радиостанций...

А что стоит за этими обвинениями? Пожалуй, самый красноречивый ответ на этот вопрос дала "Правда Востока". В статье "Отщепенец", опубликованной 17 февраля 1984 г. и посвященной процессу М.Джемилева, ни разу не упомянуты слова "крымский татарин". ●

СМЕРТЬ АЛЕКСЕЯ ТИХОГО

6 мая в лагерной больнице при пермских политических лагерях скончался заключенный лагеря особого режима, член-основатель Украинской Хельсинкской группы Алексей Тихий. Официально названная причина смерти — рак, но есть основания сомневаться в этом диагнозе. А. Тихий страдал гепатитом, циррозом печени, язвой желудка, из-за которой его дважды оперировали — последний раз незадолго перед смертью.

А. Тихий родился в 1927 г. в Донецкой области на Украине. Ребенком он видел страшный голод 1933 г., юношей — войну и оккупацию. Работал на строительстве, пытался учиться в транспортном и сельскохозяйственном институтах и, наконец, нашел свое призвание в школе: по окончании университета он стал преподавать украинский язык у себя на родине.

А. Тихий был не простым учителем. Его всегда отличало острое чувство социальной справедливости и глубокое национальное самосознание. Позднее он говорил — в последнем слове на суде, — что уже с юности понял: путь к свободе лежит через тюрьму.

Тюрьма встала на его пути впервые в 1957 г. Учителю А. Тихому были вменены в вину его высказывания в защиту украинского языка, который в украинской же школе влачил все более и более жалкое существование. Припомнили ему и его высказывания о советской школе вообще, — по мнению Тихого, она зашла в тупик и ее надо перестроить на принципах, разработанных А. С. Макаренко. Наконец, главным "преступлением" А. Тихого стало его письмо в Президиум

Верховного Совета СССР о проблемах школы: "Не могу больше молчать!"

Алексей Тихий был арестован. Его приговорили к 7 годам лагерей и 5 годам поражения в правах (в старом уголовном кодексе существовало такое наказание).

По освобождении Тихий вернулся в родные края. Вновь стал учительствовать. Много работал как публицист. Ни одна из его статей о проблемах Украины не была напечатана, но все они ста-

ли достоянием самиздата: "Размышления об украинском языке и культуре в Донецкой области", "Мысли о родном Донецком крае", "Вы и мы", "Сельские проблемы" и др. Часть его статей была позднее опубликована на Западе отдельным сборником.

Когда в Советском Союзе началось "хельсинкское" движение, А. Тихий стал одним из инициаторов создания Украинской Хельсинкской группы — вместе с руководителем этой группы писателем Н. Руденко. Вместе их и арестовали в феврале 1977 г., вместе судили — в июне того же года. Материалом для обвинения послужила публицистика А. Тихого, меморандумы Украинской Хельсинкской группы, написанные или подписанные Тихим.

Н. Руденко был приговорен к 7 годам лагерей и 5 годам ссылки. Сейчас у него лагерный срок позади, и он отбывает ссылку на Алтае. А. Тихий, судимый второй раз, был объявлен "особо опасным рецидивистом". Он получил 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки. До ссылки он не дожил... ●

СУД НАД ЭННОМ ТАРТО

18—19 апреля Верховный суд Эстонии рассмотрел дело эстонского правозащитника Энна Тарто, объявил его "особо опасным рецидивистом" и приговорил к 10 годам лагерей особого режима и 5 годам ссылки.

Впервые Энна Тарто арестовали в 1956 г., 18-летним юношей, вместе с семью одноклассниками. За "антисоветскую деятельность" он был приговорен тогда к 5 годам лагерей. Освободившись, пробыл на воле недолго: в 1962 г. его опять арестовали, опять с тем же обвинением, опять в составе группы (на этот раз из шести человек), и приговорили к пяти с половиной годам лагерей.

По освобождении Э.Тарто жил в родном городе Тарту, работал на стройках, кочегаром и т.п. Пытался учиться в университете на филологическом факультете, но за свои политические убеждения был вскоре исключен. Особенно пристальное внимание КГБ он привлек в конце 70-х гг., во время оживления национального и правозащитного движения в Эстонии и в Прибалтике вообще. Вместе с большой группой прибалтийцев Тарто был одним из авторов письма, направленного в ООН и правительствам ряда

стран в связи с 40-й годовщиной печально известного пакта Молотова—Риббентропа, его подпись стоит под письмом 38 граждан прибалтийских республик с призывом создать безъядерную зону в северной Европе. Практически ни одно выступление эстонских правозащитников не проходило без участия Энна Тарто.

Его арестовали в третий раз в сентябре 1983 г. Арест Тарто был последним в волне арестов эстонских правозащитников, прокатившейся по республике в этом году: вслед за Лагге Парек, Хейко Ахоненом, Арво Пести и др. Последним его и судили. Все написанное или подписанное Энном Тарто как правозащитником вошло в состав обвинения. Преступными были признаны также сбор и предание гласности сведений о преследованиях эстонских патриотов.

Энн Тарто — как и прежде — виновным себя не признал. ●

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА

5 июня газета итальянской компартии "Унита" сообщила о партийной реабилитации и восстановлении в КПСС без перерыва партийного ста-

жа 94-летнего Вячеслава Михайловича Молотова. Нынешним двадцати- и тридцатилетним это имя уже не говорит ничего, людям более старшего возраста — очень многое.

В. М. Молотов вступил в РСДРП в 1906 г. Постепенно поднимаясь по ступеням партийно-государственной лестницы, он в 1930 г. стал Председателем Совета Народных комиссаров и был на этом посту до 1941 г., когда И. Сталин решил взять этот пост себе. В 1939 г. Молотов занял также пост наркома (министра) иностранных дел и оставался на нем, с небольшим перерывом, почти до конца своей партийной карьеры. С 1926 г. — неперенный член Политбюро, а позднее Президиума ЦК КПСС.

После разгрома Сталиным вражеских оппозиций имя В. М. Молотова почти всегда стояло вторым в партийной иерархии, и лишь под конец жизни его оттеснил Г. М. Маленков. Молотов вполне оправдал доверие — служил Сталину не за страх, а за совесть. Указания и пожелания Сталина Молотов исполнял не просто беспрекословно: он всегда был готов их перевыполнить и предвосхитить.

Его подпись очень часто стояла рядом со сталинской под списками "врагов народа", их жен и других членов семей, предназначенных к расстрелу или многолетним лагерным срокам. Как рассказал в короткий период десталинизации покойный М. Суслов, Молотов старался быть "большим католиком, чем сам папа": там, где Сталин ограничивался лагерным сроком, Молотов иногда писал: "ВМН" (высшая мера наказания). Рабская преданность Молотова Сталину не поколебалась и тогда, когда по одному из списков ушла в лагерь жена Вячеслава Михайловича П. Жемчужина.

Именно Молотов выдвинул теорию о таком "враге народа", который активно выступает за все партийные решения, энергично участвует в строительстве социализма и ничем не проявляет своей вражеской сущности, чтобы потом тем сильнее нанести по советской власти удар. На февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 г. Молотов заявил, что каждая парторганизация в той или иной мере заражена вредительством.

Приход Молотова в Наркоминдел в 1939 г. на смену М. М. Литвинову ознаменовал крутой по-

Фельдмаршал Вильгельм Кейтель, Рейхсминистр иностранных дел Йоханн фон Риббентроп, Народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов и другие товарищи. Берлин. 1940 г.

ворот советской внешней политики — от антифашистского противостояния к братскому сотрудничеству с нацистами. Секретный договор 1939 г. между СССР и нацистской Германией о разделе сфер влияния в Европе не случайно носит имя Молотова и его нацистского коллеги Риббентропа. И для Молотова это была вовсе не обычная для практического политика сделка-компромисс. Это был действительно шаг к установлению сердечных отношений с близкими по духу "партайгеноссен". Неслучайно, выступая 31 октября 1939 г. на заседании Верховного Совета СССР, Молотов говорил:

"Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру... В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является не больше и не меньше, как "уничтожение гитлеризма". Получается так, что английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде "идеологической войны", напоминающей старые религиозные войны... Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма".

Партийная карьера Молотова прервалась в 1957 г., когда он был исключен из ЦК за участие в "антипартийной группе", противившейся хрущевской десталинизации, вместе с Л. Кагановичем, Г. Маленковым и "примкнувшим к ним Шепиловым". Раздавались требования судить Молотова, прежде всего за соучастие в массовых убийствах невинных людей. Такой судьбы он благополучно избежал, его всего лишь исключили из КПСС, и он стал "пенсионером союзного значения".

На последнем в его жизни заседании ЦК Молотов совершил необычайный для него "диссидентский" поступок: он воздержался при голосовании по вопросу о своем собственном исключе-

нии (Каганович, Маленков и Шепилов такого мужества не проявили). Все последующие годы — без малого 30 лет, находясь вне КПСС, Молотов настойчиво подавал прошения о восстановлении.

И вот — дождался. Он снова в партии. Сообщение "Униты" подтвердил иностранным журналистам представитель МИД, хотя советским гражданам эта новость пока не объявлена. Как сообщают, реабилитированный имел теплую беседу по телефону с К. Черненко (по другим данным, он даже удостоился личного приема).

Партийная реабилитация Молотова — акт высокой исторической справедливости. Вячеславу Михайловичу безусловно место именно в КПСС.

АРЕСТ ВАСИЛИЯ ПИДГОРОДЕЦКОГО

С запозданием пришло сообщение об аресте на Украине одного из старейших участников национального движения Василия Пидгородецкого.

В. Пидгородецкий был арестован первый раз в 1951 г. в возрасте 25 лет. Он был тогда резидентом УПА (Украинской повстанческой армии) по Сколевскому району Львовской области. Остатки УПА в Западной Украине продолжали еще сопротивляться советским оккупантам, "освободившим" Западную Украину в 1939 г., в соответствии с пактом Молотова—Риббентропа. Однако силы были слишком неравны. Войскам КГБ и армейским частям удалось сначала загнать остатки УПА в глухое подполье, а потом и выявить подпольных активистов. В числе последних был арестован В. Пидгородецкий.

Он был приговорен к 25 годам лагерей. Однако в 1955 г. В. Пидгородецкий, пользовавшийся у лагерников большим авторитетом, оказался в числе руководителей вспыхнувшего в лагере восстания. Восстание было подавлено, это стоило В. Пидгородецкому еще пять лет лагерей. Он освободился только в 1981 г., после 30 лет заключения.

56-летний В. Пидгородецкий приехал в свое родное село Крушельница к единственному оставшемуся родственнику — брату Ивану. Однако ему отказали в прописке в селе. Ни киевские, ни московские власти даже не ответили на неоднократные просьбы Василия. А уезжать с родной земли он не захотел. И в 1982 г. его арестовали за "нарушение паспортных правил". Он был приговорен к году лагерей.

А затем все повторилось вновь: освобождение в конце 1983 г., снова приезд на родину и снова арест...

После ареста В. Пидгорецкого отвезли в Львовскую тюрьму. Суд, видимо, уже состоялся, но приговор пока неизвестен. ●

КТО ВИНОВАТ В КАТАСТРОФЕ?

Освобождены из тюрьмы последние четверо обвиняемых в преступной халатности, приведшей к одной из самых крупных в истории Советского Союза экологических катастроф. Суд над ними отложен на неопределенное время, и неизвестно, состоится ли он вообще. Еще четверо были освобождены ранее, и дело против них попросту прекращено. Следствие, длившееся почти год, кончилось ничем.

Катастрофа произошла в шесть часов вечера 15 сентября 1983 г. На заводе искусственных удобрений в г. Стебнике Львовской области прорвало земляную дамбу резервуара, куда сбрасывались жидкие отходы. В прорыв шириной более 50 м хлынул густой рассол, и ядовитая волна высотой в 6 м покатила по долине. В резервуаре содержалось свыше 5 миллионов кубометров концентрированного рассола, около миллиона тонн калиевых солей.

угрожаемый район было прекращено. Утверждают также, что человеческих жертв не было, но ведь их в Советском Союзе обычно "не бывает" при самых серьезных бедствиях, даже стихийных... Проверить невозможно.

Как бы то ни было, по ориентировочным оценкам погибло 920 тонн промысловой рыбы, 1300 тонн молоди лососевых рыб, уничтожена речная растительность, пострадали птицы и животные вдоль почти 500-километрового течения Днестра. Была прекращена подача воды в несколько городов и деревень, десятки промышленных предприятий пришлось остановить.

До сих пор неизвестно, что делать с почти десятиметровым слоем калиевых солей, покоящихся на дне водохранилища и медленно отравляющих Днестр — до недавнего времени одну из самых чистых водных артерий Европы. Наделись, что осадок будет размыт паводковыми водами, но паводок в этом году был низкий. "Даровая" очистка не состоялась. Разрабатываются проекты отсасывания раствора со дна, создания регулируемых природных течений, размывающих осадок, но все это пока находится в стадии проектов и экспериментов. А отравление продолжается.

Катастрофа была столь внушительной, что полностью замолчать ее было невозможно. О ней сообщили "Известия". Говорилось об ошибках в проекте дамбы, о плохом техническом контроле, нарушениях правил пользования резервуаром для отходов производства. Оказывается, о бедственном состоянии дамбы руководство завода предупреждали еще в 1982 г., а затем в мае 1983 г. — за четыре месяца до того, как катастрофа разразилась. Восемь виновников трагедии были арестованы. Началось следствие.

И вот — гора родила мышь. Сейчас уже идут разговоры ("Известия" приводят слова зам. прокурора Украинской ССР) о том, что дело-де, по-видимому, в "геологических особенностях района"... А район — что же его наказывать! Его и так наказали примерно.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЗРЫВА В СЕВЕРОМОРСКЕ

В предыдущем номере журнала мы сообщали о гигантском взрыве на ракетных складах Северного флота в г. Североморске на Кольском полуострове. С течением времени выясняются

подробности, позволяющие оценить размеры этой катастрофы — самой крупной на советском флоте со времен Второй мировой войны.

Теперь известна точно дата взрыва: 13 мая. Взрыв уничтожил около 580 из общего числа 900 ракет типа земля—воздух SA-N-1 и SA-N-3. Из 400 ракет земля—земля типа SS-N-3 и SS-N-12 дальнего радиуса действия уничтожено 320. Ракеты SS-N-12 — это сверхзвуковые крылатые ракеты, несущие ядерные боеголовки. Был уничтожен также весь арсенал — общим числом около 80 — ракет SS-N-22 типа земля—земля, также способных нести ядерные боеголовки. Кроме того, при взрыве было разрушено неизвестное число ракет SS-N-19, предназначенных для действий против морских судов, и несколько ракет SA-N-6 и SA-N-7 (типа земля—воздух). Уничтожено или приведено в негодность огромное количество запасных частей для ракет.

Убито было не менее 200 советских моряков и членов обслуживающего персонала, и примерно столько же ранено.

Наиболее тяжелые повреждения взрыв нанес главному складскому комплексу для ракет, складам для хранения взрывчатых (неядерных) материалов и топлива и главному складу боеприпасов примерно в километре от места хранения баллистических ракет, запускаемых с подводных лодок. Три из шести бункеров, предназначенных для этих ракет, было повреждено снаружи осколками. Но сами ракеты SS-N-17 (ракеты с радиусом действия 5000 км, запускаемые с борта подводных лодок класса "Янки") не были повреждены, ибо они хранились в помещениях, вырубленных в скальных породах.

Пожар, вызванный взрывом, длился пять суток, клубы дыма покрыли огромную область на севере Кольского полуострова.

Масштабы катастрофы в значительной мере объясняются несоблюдением мер безопасности при строительстве складов: склады располагались столь близко друг от друга, что взрыв на одном из них вызвал цепь детонаций на соседних складах.

Военные специалисты пытаются оценивать, как повлияет эта катастрофа на боеспособность Северного флота. Большинство полагает, что потери могут быть возмещены, но на это потребуются время. Речь идет не только о производстве ракет, но и о строительстве специальных складов и испытательных устройств. ●

ЧТО НАМ СТОИТ — ПОРТ ПОСТРОИТЬ

На узкой косе близ эстонской столицы Талли-на недавно начались работы по осуществлению гигантского строительного проекта, который будет иметь жизненно важное значение для десятков миллионов советских людей. Строится крупнейший в Европе порт для приема судов, груженых зерном, овощами, фруктами. Когда строительство будет завершено, порт сможет принимать 30 миллионов тонн зерна в год. В нем смогут разгружаться суда водоизмещением до 100 тысяч тонн.

Советские официальные лица хранят молчание о стоимости проекта, но по имеющимся оценкам он обойдется во много миллиардов рублей.

При рассмотрении конкурсных проектов финнам удалось победить своих шведских конкурентов и получить контракт. Проект включает в себя порт со всеми его службами и жилой поселок близ него. В осуществлении проекта будут принимать участие 900 финских инженеров и техников. Кроме того, будет нанято около 20 тысяч советских рабочих. Значительное число стройматериалов будет доставляться через Финский залив из Хельсинки. 200 инженеров—финнов уже прибыли в Таллин.

Подготовительные работы начались еще в 1982 г., и, как ожидает советская сторона, уже в 1986 г. портовые сооружения смогут начать принимать ежегодно 5,5 миллионов тонн грузов, в основном зерна. Однако полностью строительство будет завершено лишь к 2015 г.

Порт будет состоять из двух параллельных пирсов длиной 3 км каждый: один для приема зерна, другой — для фруктов и овощей. Будут установлены элеваторы и силосные башни, закупленные в Западной Германии.

Смежные проекты предусматривают строительство подъездных путей — шоссе и железной дороги, соединенных с основной транспортной сетью. На полуострове Пирита, в 32 км к северо-востоку от Таллина будут построены доки.

Новый зерновой порт должен будет обслуживать северные районы Европейской части СССР. Сейчас для этой цели используются ленинградский и рижский порты, но они не справляются с возросшей нагрузкой, что приводит к большим потерям зерна и задержкам в доставке его в

крупные центры. Кроме того, на три месяца в году ленинградский порт замерзает. Основную часть ввозимого в СССР зерна принимает Одесса, но ее южное положение делает неудобным и неэкономичным использование ее для поставок зерна в северные районы. Таллинский порт будет открыт весь год и будет специально оборудован именно для приема зерна, овощей и фруктов.

В чем дело? Откуда такой размах? Почему вдруг оказалось необходимым для советской напряженной экономики расходовать такие гигантские средства?

За последние годы Советский Союз был вынужден ввозить ежегодно от 20 до 40 миллионов тонн зерна — в основном из США, Аргентины, стран европейского Общего рынка, Канады и Австралии. Это была единственная возможность удовлетворить спрос. И в этом году ожидается достаточно низкий урожай — 180 миллионов тонн (еще два месяца назад эксперты предсказывали 190). Не избежать закупить 30, а то и 40 миллионов тонн за рубежом. Будут также закуплены миллионы тонн мяса, овощей и фруктов. Ясно уже, что и в будущем году советское сельское хозяйство будет страдать от засухи, наводнений, суховея и ливней. И через год. И еще через год. Так что лучше уж построить порт и возить хлеб оттуда, где не бывает дождей и засухи.

Но так как порт должен быть построен не для показухи, а для надежной работы на десятилетия, то пришлось обращаться не к родным проектным институтам, а к финнам. На это и валюты не жалко (впрочем, финнам скорее всего будут платить не валютой).

У жителей республики, однако, строительство порта вызывает тревогу. В Таллине уже сейчас 28% населения — русские. Ввиду недостатка рабочих рук в Эстонии большинство из 20 тысяч строительных рабочих будут привезены из-за пределов республики. Эстонцы задают себе вопрос: останутся ли эти рабочие по окончании строительства или уедут?

Учитывая то, что уровень жизни в Эстонии выше, чем в других областях, маловероятно, что уедут. В таллинском предместье Ласнамяэ, по пути к порту, строятся новые дома, прокладываются трамвайные линии. Размеры строительства таковы, что ясно, что проектировщики рассчитывают отнюдь не на низкий естественный прирост эстонского населения. ●

"ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ БИТОВ НЕ РАССКАЖЕТ"

"Где же Олег Битов?", "Похищение, политическое преступление, месть?", "Зловещий спектакль", "Установить истину", "Контрабандирован в Англию" — кричали заголовки "Литературной газеты", после исчезновения сотрудника газеты Олега Битова в Венеции в сентябре прошлого года.

"Советские агенты охотятся за Битовым", "Почему я выбрал Запад", "Человек из Министерства Правды" — так английские газеты возвещали о побеге Битова в Англию.

Установить истину о том, почему "человек из Министерства Правды" вначале выбрал Запад, а через год оказался в Москве — нелегко. Официальная версия была оглашена на пресс-конференции 18 сентября в Москве: О.Битова стукнули по голове, одурманили наркотиками и доставили в Англию, где держали под надзором Сикрет сервис и заставляли писать антисоветчину. Заслужив покорным поведением доверие тюремщиков, О.Битов "сам купил билет и сам из Англии улетел" в СССР. На многие вопросы о конкретных деталях происшедшего О.Битов отказался отвечать, пообещав сделать это позднее в своей книге. Вряд ли, впрочем, эти новые подробности, даже если они действительно появятся, помогут выяснить подлинные обстоятельства его "побега" из капиталистического плена.

Олег Битов исчез в Венеции 9 сентября 1983 г. Позднее, в одной из своих первых статей Sunday Telegraph, озаглавленной "Побег из кошмара", он писал, что выбрал для побега время после просмотра фильма Бергмана, окончившегося в час ночи. Слежки за собой он не обнаружил и решил, что настал подходящий момент. О том, как ему удалось связаться с британскими агентами, он тогда не рассказал, дабы, по его словам, не портить шансов для других перебежчиков. Правда, в феврале 1984 г. в открытом письме К.Черненко, он писал, что загадка его побега раскроется, если Черненко выпустит к нему его жену и дочь.

Как бы то ни было, 10 сентября, то есть на следующий день после исчезновения Битова, в книге записей небольшой английской гостиницы в городе Ист Гринстед, к югу от Лондона, появилась подпись Дэвида Лока — имя, которое дали Битову британские власти из соображений

его личной безопасности. Тогда Битов говорил, что за ним охотится КГБ. В январе 1984 г. после бесед и допросов сотрудниками британской разведки и Министерства внутренних дел — обычной процедуры, когда перебежчик просит политического убежища — Битову было предоставлено убежище в Великобритании. 2 декабря 1983 г. в западной прессе было опубликовано заявление О.Битова (от которого он теперь отрекается) под заголовком: "Почему я выбрал Запад".

В заявлении говорилось, что бегство на Запад было его личным протестом против поворота в культурной политике страны после смерти Брежнева. По словам Битова, у него была возможность остаться на Западе и раньше, но пока Брежнев был жив, он еще лелеял надежду на то, что преемник Брежнева как-то изменит международный и культурный курс страны. После смерти Брежнева изменения произошли, но, по мнению Битова, в худшую сторону. Руководство Андропова сразу же продемонстрировало, что оно намерено вернуться к сталинскому типу правления. Началась новая кампания преследования интеллигенции, ущемления свободы слова и совести. В связи с этим О.Битов напоминал и об уничтожении цвета советской интеллигенции в 30-х — 40-х гг. Непосредственным толчком к его решению остаться на Западе был расстрел советским истребителем 1 сентября 1983 г. корейского гражданского самолета с 269 пассажирами на борту.

В феврале газета Sunday Telegraph начала печатать серию его статей о жизни в Советском Союзе. В этих статьях ничего нового, сенсационного и неизвестного на Западе Битов не сказал. Он писал о цензуре в советской прессе, о самоцензуре писателей и журналистов, о систематическом истреблении интеллигенции, о войне в Афганистане, которую он сравнивал с Вьетнамом. Себя самого, советского журналиста, он сравнивал с орвелловским Уинстоном Смитом из Министерства Правды — запуганным, запрограммированным героем романа "1984". Битов, правда, сказал тогда, что Уинстон Смит в нем постепенно умирает, и что он надеется в скором времени от него окончательно освободиться.

Первые три месяца в Англии Битов скрывался. К нему действительно были приставлены "опекуны", как он их называет. Почти все советские перебежчики на первых порах получают

охрану в интересах их собственной безопасности, а у Битова были все основания для опасений, если, конечно, вся эта история не была с самого начала разыграна по сценарию самого КГБ. В январе журналист Дафф Харт-Дэвис, (стилистический редактор, помогавший Битову писать его статьи по-английски) писал, что Битов ему как-то сказал: "Конечно, найдутся люди, которые с радостью уничтожили бы меня до того, как я смогу что-либо написать. Тогда бы они объявили: британская и американская разведка пытались-де его сломать, но не смогли и вынуждены были его убить. К несчастью для Москвы этот вариант уже невозможен".

О.Битов перед статуей У.Черчилля в Лондоне

Британские власти, видимо, тоже решили, что после напечатания статей О.Битова в Sunday Telegraph непосредственная опасность ему уже не угрожает, и Битов остался без "опекунов". Уже начиная с четвертого месяца после своего бегства Битов пользовался полной свободой передвижения, разъезжал на своей красной "Тойоте" по Англии, дважды летал в Соединенные Штаты (один раз — подписывать договор на книгу), ездил в Париж давать интервью радио-

станции "Свобода", отдыхал в Северной Африке. Он имел неограниченные возможности войти в контакт с советскими представителями, но этими возможностями, как он сам признает, так и не воспользовался.

Книга О.Битова, договор на которую он подписал, — о цензуре в Советском Союзе — должна была называться "Истории, которые я не мог рассказать". Этих историй Битов миру так и не поведал. Вместо этого он выступил с сенсационными разоблачениями работы Британской разведки, похитившей, пытавшей и использовавшей его, простого советского журналиста, в своих иезуитских целях. За исключением некоторых мелких подробностей, имен и адресов, суть этой убогой детективной истории, рассказанная Битовым на пресс-конференции в Москве, полностью совпадает с версией, изложенной в "Литературной газете" сразу же после исчезновения Битова в сентябре прошлого года. Западные журналисты с недоумением и ехидством задают вопрос: откуда газета уже тогда все это знала, если Битов, как он утверждает, в течение года не имел никаких контактов с советскими представителями?

Недоуменных вопросов много. В частности, почему О.Битов, свободно разъезжавший по миру, просто не пришел в советское посольство и не заявил о том, что он похищен? На пресс-конференции в Москве Битов ответил: "Я не знал, хотят ли они видеть меня" (?). Этот вопрос и этот ответ "Литгазета" не воспроизвела.

Отказался Битов отвечать и на вопрос о том, на самолете какой авиакомпании, когда и откуда он вылетел в СССР. Неясно, почему это большая тайна, чем, скажем, названия гостиниц, в которых он жил в Англии: ведь Битов, по его словам, "сам купил билет и сам улетел!" Может быть, дело в том, что по регистрационным спискам авиакомпаний легко проверить его слова?

Не смог ответить он и на вопрос, каким паспортом он пользовался, улетая в СССР. На паспорте политического беженца, который у него имелся, советской визы не было. Как он "сам" прошел тогда паспортный контроль?

Если он заранее планировал свое бегство, то почему он не позаботился о лежащих на его счету в банке 43 тысячах фунтов? На московской пресс-конференции он гордо ответил: "Родина дороже всяких денег!" Правда, потом он добавил фразу, которую "Литгазета" не напеча-

тала: "Впрочем, для этого есть международные юристы..."

Почему машина "уехавшего самостоятельно" Битова была просто-напросто брошена, притом даже не в аэропорту, что было бы еще понятно, а в центре Лондона? Почему личные вещи Битова тоже оказались брошенными?

Наконец, помимо множества мелких недоумений, остается большое и главное: зачем? Если Битов, по его словам на пресс-конференции, "просто-напросто журналист, даже в армии не служил", то зачем ЦРУ и Сикрет Сервис организовывать сложное похищение, вовлекать итальянские службы, рисковать международным скандалом? Что даст им "просто-напросто журналист?" Еще одно "антисоветское заявление?" Так ведь они и без Битова появляются чуть ли не ежедневно: бегут балерины и спортсмены, дипломаты и шахматисты, рыбаки и военнотруженики, все они без всяких наркотиков охотно рассказывают о своих мотивах. А о новых эмигрантах (их уже более 300 тысяч) и говорить нечего!

Есть и еще одно странное обстоятельство: поведение самой "Литгазеты", "ничего не знавшей" до самого момента сенсационного возвращения Битова. Обычно во всех — ставших уже привычными — случаях "невозвращения" советская пресса ведет себя совсем по-иному. Пишут об "отщепенцах", "проститутках", "отбросах" и т.п., либо же просто хранят гробовое молчание, как будто ничего не произошло. Так было с Анатолием Кузнецовым, Виктором Корчным, Олегом Протопоповым и Людмилой Белоусовой, Рудольфом Нуреевым, Натальей Макаровой и многими-многими другими. Лишь в беспредельную стойкость "просто журналиста" "Литгазета" продолжала слепо верить целый год. И не ошиблась. В чем тут дело?

Британские власти не особенно озабочены "разоблачениями" Битова. Министерство внутренних дел назвало их абсурдными. Министерство иностранных дел заявило протест советскому поверенному в делах в Лондоне. Британские газеты высказывают всевозможные предположения относительно мотивов Битова, его искренности, роли в сценарии КГБ. Книгу, которую Битов никогда не напишет, можно было бы назвать "История, которую я никогда не смогу рассказать". Уинстон Смит полюбил Большого Брата. Бедный Битов. ●

М.Филлимор

ВАЛЕРИЙ МАРЧЕНКО И ЮРИЙ ЛИТВИН ПОГИБЛИ В ЛАГЕРЕ

В № 3 нашего журнала мы писали о суде над украинским журналистом Валерием Марченко, рассказывали о его жизни. Там же было опубликовано его "Письмо деду" — человеческий документ пронзительной силы, исповедание веры страстного патриота Украины.

И вот теперь Валерия Марченко нет в живых. Он скончался 7 октября в ленинградской больнице для заключенных им. Гааза, отбыв из назначенного ему нового, теперь десятилетнего каторжного срока лишь один год. Валерий Марченко навсегда освободился от издевательств, мучений, бесчеловечности.

Напомним еще раз основные вехи его недолгой жизни. Родился в 1947 году. Блестящая карьера журналиста после окончания университета. Несколько написанных для самиздата статей о судьбе национальных культур нерусских народов, которым грозит гибелью насильственная русификация. Первый арест, обвинение в "украинском и азербайджанском национализме", приговор: 6 лет лагерей и 2 года ссылки.

Срок В.Марченко отбыл полностью, но через два с лишним года был арестован вновь — почти по такому же обвинению, что и в первый раз. На этот раз 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки.

С детских лет страдал В.Марченко хроническим нефритом — неизлечимым заболеванием почек. Уже первое заключение едва не убило его. Вернулся домой В.Марченко инвалидом. В том, что нового срока он не вынесет, сомнения у него не было.

"В моей смерти в условиях лагеря будете виновны вы, гражданин судья", — сказал Валерий в своем последнем слове на суде.

55 дней везли Марченко этапом в Пермский лагерь. Для тех, кто в Советском Союзе еще не знает, что такое этап в "стоыпинском" вагоне, набитом сотнями заключенных, в несколько раз выше "нормы", поясним: конвоиры выводят заключенных "на оправку" раз в сутки. Это мучительно и для здорового, а для человека с тяжелым заболеванием почек — гибельно. "Месяца не хватит рассказывать о том, как они издевались надо мной на этапе. Они отомстили мне за все", — сказал потом

Валерий Марченко

на последнем свидании с матерью В.Марченко.

В пермском лагере В.Марченко смертельно больного погнали на работу, и вскоре он в коматозном состоянии попал в больницу. Его еще можно было спасти. Мать умоляла о переводе в клинику, где есть аппарат "искусственная почка", просила она и о пересадке сыну ее собственной почки. Ответа она не получила. Да, необходимая аппаратура есть, но в больнице для вольных, а Валерий Марченко — политзаключенный. Спасать его вовсе не нужно.

Лишь 13 сентября, когда практически было уже поздно, его самолетом отправили в Ленинград, в больницу им. Гааза. Но "искусственной почки" не было и там. На этот раз сами врачи ходатайствовали о срочном переводе в "вольную больницу", но перевод не разрешил КГБ. Через несколько дней В.Марченко скончался.

Точнее — был убит.

Одно лишь снисхождение было сделано матери: ей выдали тело сына (такого великодушия не дожались родные других погибших в лагерях). Сейчас Валерий Марченко покоится рядом с дедом, профессором истории Михаилом Марченко на кладбище в с. Гатное, на его родной Киевщине.

А когда тело Валерия Марченко уже приняла земля, мир узнал еще об одной лагерьной смерти, произошедшей за месяц до этого: о гибели в 50-летнем возрасте другого украинского политзаключенного — Юрия Тимоновича Литвина.

Ю.Литвин — тоже журналист. Его лагерная биография еще богаче, чем у В.Марченко. В 1951 г. его арестовали в первый раз, предъявив уголовное обвинение, но потом дело было пересмотрено и Ю.Литвина освободили. Вто-

Юрий Литвин

рой раз Ю.Литвин оказался за колючей проволокой в 1955 г. — на этот раз по знаменитой 58-й статье — и свой 10-летний срок отбыл полностью. В 1974 г. Ю.Литвину опять предъявили политическое обвинение: в "распространении клеветнических измышлений". Он получил трехлетний срок и во время отбывания его чуть не погиб. У Ю.Литвина произошло прободение язвы, начался перитонит. Выжил он чудом.

По освобождению Ю.Литвин не прекратил своей общественной деятельности — он вступил в Украинскую Хельсинкскую группу. Этого оказалось достаточно для нового ареста. Однако обвинение Ю.Литвину было предъявлено уголовное, наспех сфабрикованное, и получил он по нему очередные три года. Когда же они истекли, по отношению к Ю.Литвину сделали то же, что в последние годы стало в Советском Союзе системой: за несколько дней до ожидавшегося освобождения его арестовали.

Теперь уже обвинение было предъявлено в открытую: "антисоветская агитация и пропаганда". Суд признал Ю.Литвина "особо опасным рецидивистом" и направил его в лагерь особого режима — тот же пермский лагерь № 36, в который позднее прибыл и В.Марченко.

Там Ю.Литвин и скончался 5 сентября. Что именно произошло — мы достоверно не знаем. Поступали туманные сообщения о самоубийстве, но их не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть. Возможно, вновь дала о себе знать застарелая язва — в условиях каторжного лагеря и она могла оказаться смертельной, как это случилось уже с политзаключенным Ю.Галансковым.

Одно несомненно — не будь Ю.Литвин политзаключенным, он бы еще жил и жил.

Ю.Литвину и после смерти не привелось вернуться на Украину. Похоронили его на лагерном кладбище.

Лагерные смерти политзаключенных в последнее время стали удивительно часты. В том же гибельном 36-м лагере недавно скончался Олекса Тихий ("Страна и мир" № 5). Погиб в лагере эстонский патриот химик Юрий Кукк, погиб московский правозащитник Виктор Томачинский, накануне смерти был выпущен из тюремной психбольницы защитник прав шахтеров Алексей Никитин ("Страна и мир" № 4). Список этот можно длить и длить. ●

ТИХИЙ ПОГРОМ

Еврейская эмиграция из СССР прекратилась. В октябре из Советского Союза в Вену приехал всего 29 человек, а во время максимума эмиграции, в 1979 г., ежемесячная цифра достигала пяти тысяч. Внутри страны по партийным инстанциям, прокуратурам, управлениям КГБ и т.д. рассылаются циркуляры: "метод разрешения внутренних конфликтов путем допущения эмиграции показателю свою несостоятельность". Отказников вызывают в ОВИР, требуют забрать назад заявления об эмиграции, устраиваться на работу и начинать жить прежней жизнью.

Похоже, что сейчас власти приступили к "окончательному решению еврейского вопроса" единственным известным им путем: арестами активистов. Большое число антиеврейских судебных процессов состоялось непосредственно перед началом периода эмиграции, на рубеже 60-х и 70-х гг. Потом, пока эмиграция шла, антиеврейских процессов почти не было. Власти "спускали пар" по-иному. Сейчас все вернулось на 15 лет назад.

Особенно участились аресты еврейских активистов-отказников в последние месяцы. 18 июня в Москве был арестован Александр Якир. Он был обвинен в уклонении от воинской службы.

В течение ряда лет его родители добивались эмиграции, и Александр боялся, что призыв в армию надолго задержит и без того маловероятное получение разрешения на выезд: пройдя армию, он автоматически станет обладателем "военных тайн". Через два месяца А. Якира приговорили к двум годам лагерей.

Через 10 дней после ареста А. Якира судили в Риге Захара Зуншайна, — об его аресте после проведенной им в Москве демонстрации мы писали в № 3 нашего журнала. З. Зуншайн получил три года и отправлен в лагерь в Иркутскую область.

Еще через месяц в эстонском городке Выру арестовали приехавшего туда на отдых москвича-отказника Александра Холмянского. Арестовали за "хулиганство". Сначала "мелкое" — А. Холмянскому дали 15 суток. За это время выяснилось, что "хулиганство" было "злостным", и Холмянскому предъявили новое обвинение, которое теперь грозит ему пятью годами. Затем, в конце августа на квартире родителей А. Холмянского в Москве провели обыск. Казалось бы, зачем, ведь он "хулиганил" в Эстонии. Ответ был немедленно дан: под шкафом "нашли" пистолет. А. Холмянскому теперь грозит обвинение в незаконном хранении оружия. Протестуя против грубой фальсификации обвинения, он объявил бессрочную голодовку.

Пока А. Холмянскому предъявляли и перепредъявляли обвинения, 12 августа в Одессе схватили местного еврейского активиста Якова Левина. Ему уголовщину приписывать почему-то не стали — ограничились стандартным обвинением в "распространении клеветнических измышлений" о советском строе. Дело Левина послужило предлогом для массовых обысков в домах одесских евреев. Сейчас Левин уже осужден. Суд закончился 20 ноября, Я. Левин получил три года.

Начало сентября ознаменовалось арестом в Москве отказника Юлия Эдельштейна. Обвинение — "хранение наркотиков": во время обыска у него нашли, как пистолет у А. Холмянского, спичечный коробок с неизвестным веществом. Через неделю "выяснилось", что это был гашиш. Следователь в беседах высказывает мнение, что "наркотики, видимо, были нужны для проведения субботнего ритуала и являются составной частью еврейского религиозного культа". Его коллега заявляет, что "мы теперь имеем дело с целой сектой". Ю. Эдельштейн, как и А. Холмянский, в знак протеста голодает.

Октябрь. Два ареста, один за другим, оба в Одессе. Марк Непомнящий, отец невесты Якова Левина, арестован 11 октября по обвинению во все той же "клевете на строй". 16 октября взяли за "сопротивление милиции" Якова Меша. Потом, правда, неожиданно выяснилось, что свидетелями "сопротивления" и ареста была группа говорящих по-английски туристов, которые засняли происходившее. Обвинение в "сопротивлении" пришлось снять, но Я. Меш сидит. Скоро мы узнаем, в чем его теперь обвиняют.

Ноябрь. Арестован киевлянин Иосиф Беренштейн. Фантазия следователей поработала: его обвинили в "спекуляции надгробными камнями". Несколько месяцев назад умерла мать И. Беренштейна, и он заказал в Новограде-Волынском камень для могилы матери на еврейском кладбище. Вскоре в новоград-волынскую милицию поступил анонимный донос о "спекуляции". И. Беренштейна вызвали на допрос, а когда он приехал в Новоград-Волынский, его арестовали на вокзале... за "сопротивление милиции". Будут ли его теперь судить и за то, и за другое — пока неясно. Выбор у следствия, во всяком случае, есть.

Ленинградское УКГБ оказалось еще более изобретательным. Кто знает, не ему ли предназначено произвести в малых масштабах своеобразный "поджог рейхстага". Один за другим ленинградских евреев вызывают на допросы в связи с якобы поступающими угрозами подложить бомбы в ленинградский Эрмитаж и в Петропавловскую крепость. Следователи утверждают, что угрозы исходят от некоего "Ленинградского отделения Лиги защиты евреев" (?). Ни Эрмитаж, ни Петропавловская крепость пока, к счастью, не взорваны. Обвинение тоже пока никому не предъявлено, хотя допросы ведутся.

Неизвестно, что принесет декабрь... 50 лет назад в декабре убили в том же Ленинграде Кирова. Все помнят, что началось вслед за этим. ●

ВЛАДИМИР СКВИРСКИЙ — ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИГОВОР ЗА ШЕСТЬ ЛЕТ

Четвертый приговор подряд, вынесенный активисту советского независимого профсоюзного движения Владимиру Сквирскому, кажется, перекрывает все рекорды изуверства и издевательства.

Владимир Ильич Сквирский, геолог по профессии и, по крайней мере до осени 1978 г., "марк-

сист по убеждениям”, родился в 1930 г. До своего ареста в Москве 13 октября 1978 г. Сквирский был мало известен, хотя он уже успел подписать несколько открытых писем и обращений в защиту советских узников совести. Имя Сквирского под заявлением о создании в Советском Союзе независимого профсоюза — Свободного Межпрофессионального Объединения Трудящихся — сопровождается пометкой “арестован”: пресс-конференция, во время которой было объявлено о создании СМОТ, состоялась через две недели после его ареста. Сквирский успел принять участие только в подготовительной организационной работе.

Впервые Сквирский был арестован по обвинению в хищении библиотечных книг. Аресту непосредственно предшествовал обыск, протокол которого состоял из 76 пунктов. Среди них — лишь 9 книг с библиотечными штампами. Остальное — рукописи, в основном имеющие отношение к Свободному профсоюзу Владимира Клебанова. Суд отштамповал первый приговор по делу Сквирского — 5 лет ссылки. Хотя “дело” формально считалось уголовным, никого из друзей Сквирского в зал судебного заседания не пустили.

Ссылку Сквирский отбывал в пос. Байкадам в Казахстане. Находясь в ссылке, продолжал подписывать коллективные правозащитные письма и обращения, в том числе — требование амнистии для политзаключенных и призыв предать суду сообщников Сталина: Л. Кагановича, Г. Маленкова и В. Молотова.

В июле 1981 г. против Сквирского было возбуждено новое уголовное дело — на сей раз его обвинили в хищении двух ведер угля, принадлежащих автотранспортному предприятию, где Сквирский работал токарем. Сквирский был приговорен к 1,5 годам лагерей.

Третий арест Сквирского произошел в лагере в г. Жанатас, по-видимому, в конце 1982 — начале 1983 гг. Тогда, наконец, ему впервые было предъявлено обвинение не в воровстве, а в “распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй”. Свидетелями обвинения, как всегда бывает в таких случаях, стали заключенные того же лагеря. Они показали, что в разговорах с ними Сквирский отрицательно отзывался о советской экономике и положении заключенных, а также нелестно оценивал советских руководителей. Результат — еще три года.

После суда Сквирский был переведен в лагерное “учреждение” в городе Шевченко Мангышлакской области. В этом лагере на него и было заведено четвертое дело — снова по обвинению в распространении “клеветнических измышлений” среди сокамерников.

26 ноября Владимир Сквирский получил свой четвертый приговор — новые три года. Сквирский заявил, что не намерен менять свое поведение, и считает себя пожизненным политзаключенным.

Со дня ареста Сквирского 13 октября 1978 г. прошло немногим больше шести лет. За это время он ни дня не пробыл на свободе. ●

Ю.Вишневская

СМЕРТЬ “СТАРОГО ТОВАРИЩА”

15 декабря несколько родных и близких опустили в свежерытую могилу на Ваганьковском кладбище в Москве наглухо закрытый гроб. На могильный холм поставили стакан вина и тарелку, на которой лежал бутерброд с икрой и кусок колбасы. На временном надгробье укрепили табличку: “Николай Анисимович Щелоков. 1910 — 13 декабря 1984”.

Пресса и радио о смерти Щелокова не сообщали. Колонный зал не раскрыл своих дверей его телу. Так тихо ушел из жизни человек, который 14 лет руководил одним из самых важных учреждений Советского Союза — Министерством внутренних дел. 14 лет партия доверяла ему маленьким железом выжигать преступность, карать и миловать, руководить тем, что получило всемирную известность под именем “Архипелага ГУЛАГ” (впрочем, при Щелокове он назывался бы уже архипелагом ГУИТУ: лагеря стыдливо переименованы в исправительно-трудовые учреждения, — ИТУ, ну а Главное Управление так Главным и осталось).

Щелоков — последний из воспитанников Брежнева, служивший под его началом и в Днепропетровске (“Днепропетровская мафия”) и в Молдавии. Именно в Молдавии он получил свой первый министерский чин — все по тем же “внутренним делам”. Оттуда и забрал его Брежнев в Москву, где позднее доверил ему пост “всесоюзного милиционера”. В Москве Щелоков получил и генеральское звание.

В конце 1982 г. высокий покровитель умер и Щелоков тут же был вынужден уступить свой пост ставленнику нового генсека — Федорчуку. Но это оказалось только началом падения. Дело было не только в смене хозяина — новое начальство объявило еще курс на борьбу с коррупцией, и тут-то и выяснилось, что человек, поставленный карать преступников, сам является одним из самых крупных и дерзких преступников в стране. Снять Щелокова сняли, но рассказать народу о том, кто его "карал и миловал" в течение 14 лет, так и не решились. Лишь обрывки информации просачивались время от времени, неофициальным, конечно, образом.

Так, стало известно об участии Щелокова и его жены в нелегальной торговле алмазами, о перепродаже друзьям и знакомым 50 "мерседесов", поставленных по заказу МВД западногерманской фирмой Даймлер-Бенц. Ходили упорные слухи о замешанности Щелокова в преступные аферы дочери Брежнева Галины, главы советского цирка Колеватова, директора "елисеевского" магазина Соколова и многих других.

Через полгода после потери министерского поста Щелокова "за ошибки" исключили из партии. По-видимому тогда он уже находился под домашним арестом. Жена Щелокова, причастная к его преступлениям, разделила его участь. Через полгода она скорпостижно скончалась, по слухам — покончила жизнь самоубийством, хотя следствие не исключило возможности, что она погибла от руки мужа.

В ноябре 1984 г. произошло падение еще на одну ступеньку: Щелокова лишили генеральского звания "за злоупотребление служебным положением и дискредитацию звания советского генерала". Этот шаг — последний перед началом формального судебного преследования. 13 декабря Щелоков в уединении своей квартиры, ставшей ему тюрьмой, выстрелил себе в голову. Лицо, видимо, было обезображено, что и не позволило нести гроб к могиле открытым.

Важно не только взобраться к вершинам власти, важно и во-время умереть. Умри Николай Анисимович, хозяин ГУЛага, на три года раньше, лежать бы его праху в Кремлевской стене. Те, кому повезло, и кто этой чести удостоился — уже "сраму не имут". По крайней мере до тех пор, пока не вскрыются секретные советские архивы. ●

СНОВА СТАЛИНГРАД?

Объединение ветеранов войны из Волгограда официально обратились в Президиум Верховного Совета СССР с нижней просьбой вернуть городу его прежнее имя — нет, конечно, не Царицын, а Сталинград.

Скоро предстоят торжества по поводу 40-летия победы в Великой Отечественной войне, Удобный повод, чтобы исполнить просьбу ветеранов.

Конечно, принять такое решение непросто. Даже в верхних эшелонах власти в нашей стране есть люди, которые не хотят воскрешения Сталина — если не потому, что они не одобряют его методов, то хотя бы потому, что понимают опасность для самих себя обращения к имени человека, занимающего в истории место рядом с Гитлером. Открыто вновь поднять его на щит — значит перестать даже делать вид, что со сталинизмом покончено. Неизбежны серьезные осложнения внешнеполитического порядка — хотя бы в отношениях с зарубежными компартиями.

Но, конечно, основное — это то, как реабилитация Сталина будет воспринята внутри страны. К реабилитации Сталина народ надо подготовить: несмотря на то, что о решениях XX и XXII съездов по поводу Сталина сейчас стараются не вспоминать, они все же не отменены.

Явно с целью подготовки населения к формальному прекращению критики Сталина (даже в той робкой форме, которая еще дозволена) начата систематическая пропаганда "великих свершений диктатора", в первую очередь, конечно, — военных. Один из последних примеров — вышедший на экраны страны и широко популярный документальный фильм "Маршал Жуков". Поднимают на щит Сталина Иван Стаднюк в своем романе "Война" и Александр Чаковский в "Неоконченном портрете". Ноябрьский выпуск журнала "Коммунист" с похвалой отзывается о сталинской экономической политике времен Отечественной войны и намекает, что кое-что из тех методов сгодились бы и сейчас. Имя Сталина все чаще и чаще появляется в положительном контексте в передачах радио и телевидения, на страницах газет и журналов.

Трудно сказать, будет ли уважена просьба ветеранов о переименовании Волгограда. Если не будет, то во всяком случае не от недостатка желания. ●

АВГУСТЕЙШИЙ ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ

1. ВСЕ "ЗА"

Четвертого марта этого года закончилась очередная кампания "одержания" (термин братьев Стругацких), и в одиннадцатый раз был избран высший орган власти в стране — Верховный Совет СССР. Советский народ продемонстрировал и показал. Точнее, руководители избирательных комиссий и все инстанции, ответственные за проведение выборов — предприятия, ЖЭКи, милиция, райкомы и т.д., продемонстрировали свое усердие, высокую сознательность подопечных избирателей, необходимый уровень обработки данных. Соблюден главный принцип бюрократической отчетности: "лучше, чем прежде". Проголосовало против кандидатов блока коммунистов и беспартийных всего-навсего 109 тысяч, тогда как в 1979 г. их было 185 тысяч, а в 1974 г. — 246 тысяч человек. Испорченных бюллетеней оказалось всего 18 (раньше их было заметно больше), и можно надеяться, что скоро все граждане нашей страны приучатся к аккуратности. Число не явившихся к урнам (есть, увы, и такие) вновь сократилось: 23 039 человек при 23 952 в 1979 г., 34 610 в 1974 г. Хорошо? Замечательно! Я бы даже сказал — удивительно.

В этот торжественный день примерно 10 тысяч человек навсегда закрыли глаза. Столько же умерло накануне, и не менее 60 тысяч, судя по статистике, готовились покинуть этот мир, а пока лежали без сознания на койках. Заставить их голосовать невозможно, но и вычеркнуть из избирательных списков рука не поднимается. Однако покойники — это лишь капля в море невыполнивших свой гражданский долг. Кое-кто — несколько сот тысяч человек — захворал в гостях, в командировке, в дороге. Придет агитатор с урной к такому избирателю по месту прописки, а избирателя нет. Да и не к каждому потащиться с урной. Хорошо в городе: все под боком. А в горах, в тайге, в степи, в тундре?

Но, положим, у больных уважительная причина. А каково с пьяницами? У кого свадьба, у кого поминки или там день рождения. Пьют в одиночку и коллективно — семьями, компаниями, целыми деревнями. Бедный агитатор чуть ли не со слезами умоляет избирателей, а они лыка не вяжут, еще норовят и его напоить.

Стоит упомянуть и неорганизованно уклоняющихся от выборов: дачников, рыболовов, охотников, вообще всевозможных любителей свежего воздуха, для которых воскресенье на лоне природы, конечно же, важнее всего прочего.

Еврей-"отказники" — новое недоразумение. Они себя даже гражданами не считают, но в списках-то числятся. Правда, говорят, их не так много: тысяч сто с небольшим.

Еще одна хорошо знакомая агитаторам категория — предвыборные вымогатели. Эти согласны голосовать лишь на определенных условиях. Отремонтируйте им жилье,

поставьте телефон, переселите из пятиметровой каморки в отдельную квартиру. Но всем не угодишь. Число этих людей, как ни странно, растет. Их сейчас, по скромным оценкам, 4–5% от общего числа избирателей.

Подбить общий итог было бы трудно. Ясно лишь, что не 23 тысячи избирателей не явились 4 марта на выборы, а по крайней мере в 200–300 раз больше. Огорчает даже не самый факт фальсификации результатов выборов. (Говорят, подтасовки случаются и в других странах.) Поразительно, как примитивно это делается. Неужели кто-нибудь поверит, что в 270-миллионной стране не явилась на выборы всего лишь одна десятитысячная часть избирателей? Конечно, все это началось не сегодня. Вот уже одиннадцать раз устроители спектакля вынуждены улучшать предшествующие результаты, при том что и в самом начале, в 1937 году, успехи превосходили всякое воображение.

Теперь нужно сказать несколько слов о гражданах, заведомо не включенных в списки избирателей. Самая демократическая в мире конституция сохраняет право голоса даже за лицами, находящимися в заключении, — кроме немногочисленных случаев лишения этого права по суду. А недавно принятый закон о выборах грозит наказанием всякому, кто посмеет помешать советскому человеку выполнить свой гражданский долг: "Закон предусматривает ответственность за создание препятствий гражданину СССР в осуществлении избирательных прав." Но администрацию тюрем и лагерей этот суровый закон ничуть не пугает, и она спокойно "создает препятствия". Сколько в СССР заключенных, неизвестно; вероятно, несколько миллионов. Чтобы не ставить карателей в трудное положение, издана инструкция: "...Такая обязанность осужденного к лишению свободы, как постоянно находиться в исправительно-трудовом учреждении, не позволяет ему осуществлять избирательное право" ("Комментарий к исправительно-трудовому кодексу РСФСР," 1979). Что же получается? Право голосовать никто у арестанта не отнимает, вот только осуществить его, к сожалению, невозможно.

Разумеется, подобная диалектика для наших граждан не новость. Да и кому это нужно — соблюдать букву закона? Вернемся к тем же выборам. Выдвижение депутатов заканчивается по закону за 30 дней до голосования, регистрация — за 25 дней. Кто мог предвидеть, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.А. Андропов умрет на другой день после окончания регистрации, оставив жителей Пролетарского района Москвы, можно сказать, ни с чем. По закону им следовало 4 марта голосовать лишь за кандидата в Совет Национальностей, а затем снова начинать вольнку и терять еще одно воскресенье ради выборов в Совет Союза. Нашлись, к счастью, умные люди и разрешили трудящимся отступить от буквы закона: экстренно выдвинуть и зарегистрировать нового кандидата (учительницу Т.Н. Бокареву), чтобы не отстать на общем празднике от других районов. Не всем, правда, так повезло. Каким-то образом в целом по стране одного кандидата не досчитались, и вместо 1500 выбрали 1499.

2. ЦАРСТВУЕТ, НО НЕ ПРАВИТ

Чем же занимается всенародно избранный орган высшей власти в стране? Он издает законы, формирует новое правительство, по составу идентичное ушедшему в отставку, утверждает бюджет. Замечательной особенностью процедуры, которую печать называет "работой" Верховного Совета, является единодушие. Тысяча пятьсот человек одновре-

менно и, как один, поднимают правую руку. Этим, собственно, работа и ограничивается. Совершенно очевидно, что задачей Верховного Совета отнюдь не является содержательный анализ государственных вопросов; соблюдение обряда — вот что от него требуется. Поэтому Верховный Совет можно считать как бы коллективным монархом — наподобие конституционных королей в современной Европе. Без санкции короля, без его символического участия в государственных делах закон не имеет силы. Внешний почёт, которым окружены народные депутаты, — игрушечная неприкосновенность, бесплатный проезд на транспорте, особая комната на железнодорожном вокзале, билеты в кино без очереди и т.п. — тоже отдаленная аналогия с королевскими привилегиями. Но августейший социалистический монарх — это монарх без связи с историей нации, без традиций, без благородных манер, без блеска, без королевского великодушия и без тени уважения к самому себе.

3. ПАРАД СОСЛОВИЙ И НАЦИЙ

Возникает вопрос: зачем нужно столько депутатов? Если все голосуют, как один, зачем поднимать 1500 рук? Армия депутатов, по замыслу изобретателей Верховного Совета, отражает многообразный состав советского общества. Это удачно сформулировал один видный советский журналист: "В этом высшем органе государственной власти обеспечивается представительство всем классам и социальным слоям советского общества..." Действительно, институция, призванная одобрять действия центральной власти, представляет все или почти все классы. Подобные собрания, вообще говоря, не редкость в истории государств.

Было бы интересно рассмотреть пропорции сословного представительства в Верховном Совете. Однако социальный анализ советского общества — слишком сложная тема для небольшой статьи, ограничимся поэтому более простой классификацией по занятиям.

Самая распространенная среди депутатов Верховного Совета профессия — партийное руководство. При этом на центральный аппарат приходится 50 кресел в Кремлевском Дворце съездов (члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари и заведующие отделами ЦК, ответственные работники аппарата ЦК). Местные партийные чины представлены 185 первыми и 22 вторыми и третьими секретарями обкомов, крайкомов, ЦК союзных и автономных республик и крупных городов. Все секретарствующие близки к пенсионному возрасту либо уже перешагнули этот рубеж. Центральная власть, разумеется, старше местной. Она более однородна по национальному составу: 80% депутатов этой группы русские.¹ Национальный состав партийных руководителей на местах довольно разнообразен и до некоторой степени отражает национальный спектр населения подведомственных им территорий.

Государственная (собственно советская) власть тоже представлена в Верховном Совете руководителями двух уровней — центрального и местного. Центральный — это министры СССР, некоторые заместители министров, председатели государственных коми-

¹ Сведения о профессиях депутатов — для Верховного Совета последнего 11-го созыва ("Правда" 7 марта с.г.) Данные о возрасте и национальности взяты из справочника "Депутаты Верховного Совета 10-го созыва" (М., 1979). О новоизбранных лицах соответствующих сведений пока нет.

тетов, начальники крупнейших учреждений, приравненных в определенном отношении к министерствам (Прокуратура СССР, Государственный банк, Центросоюз). Всех вместе руководителей министерского уровня сто человек. Все они пожилые мужчины, десять министров достигнут 80-летнего возраста еще до истечения срока полномочий этого созыва. Но есть в их рядах комсомолец — Б.Пастухов, недавно отпраздновавший свое пятидесятилетие и переброшенный, вероятно в связи с этим, с поста первого секретаря ЦК ВЛКСМ на укрепление Комитета по делам издательств. Национальный состав правительства не слишком разнообразен — четыре пятых всех министров русские.

Провинциальные советские руководители получили в Верховном Совете тоже около 100 мест. Они, естественно, моложе, чем высшие, и принадлежат к главным народам, имеющим собственные союзные республики. Их профессия — начальники и председатели важных учреждений: Президиумов Верховных Советов, Советов Министров, исполкомов краев и крупнейших областей, ведущих республиканских министерств.

О министрах стоит упомянуть особо. Представлены — угольная промышленность и черная металлургия Украины, сельское хозяйство РСФСР и Казахстана, а также 14 Комитетов государственной безопасности союзных республик. Российская Федерация подвергается дискриминации, своего Комитета нет, зато несколько депутатов делегировал центральный аппарат КГБ. Предпочтение, оказываемое органам безопасности, неудивительно. Понятно и то, что рыцари порядка не афишируют свои занятия и в списке депутатов против их фамилий стоят лишь воинские звания (от генерал-майора до генерала армии).

Настоящая армия сохраняет в парламенте страны вот уже более 20 лет постоянное число мест: 56—58. На последних выборах, как и прежде, в корпусе депутатов выступает все высшее военное руководство: заместители военного министра, главкомы родов войск, их первые заместители, командующие военными округами, группами войск, флота и т.п. Вместе с тем снизилось представительство парадной группы военных депутатов: вместо четырех маршалов не у дел и трех героев космоса выбран один единст-

венный летчик-космонавт. Увольнение на пенсию выдвинутых военных лет привело и к некоторому выравниванию национального состава. Ныне свыше 90% депутатов-генералов — русские; их средний возраст чуть выше шестидесяти.

К партийно-государственному аппарату примыкают профсоюзные руководители, представленные в Верховном Совете председателями республиканских организаций и четырьмя общесоюзными лидерами. Среди рабочих вождей весьма много женщин, а именно две: Н.М.Махмудова из Узбекистана и Л.Х.Расулова из Азербайджана. Всего в рядах депутатов от номенклатуры, насчитывающих несколько более пятисот человек, выступают целых пять представительниц прекрасного пола (кроме названных выше профсоюзниц, в их число входит Л.П.Лыкова — заместитель председателя Совета Министров РСФСР — и две партдамы: второй секретарь горкома Москвы Р.Ф.Дементьева и первый секретарь Ленинаканского горкома Д.А.Арутюнян). Один процент — конечно, не слишком много для наших дней, но у Хомейни, очевидно, и того нет.

Особенность положения депутатов партийно-государственного руководства заключается в том, что почетное кресло предоставляется не им лично, а, как и персональная машина, приписано к должности. Министр, секретарь обкома, завотделом ЦК автоматически окажутся в Верховном Совете, коль скоро они займут этот пост, и потеряют депутатский мандат после отставки от должности.

За шеренгой руководителей страны следует административная и ученая элита. Это директора знаменитых предприятий (таких как Московский автозавод им.Лихачева), президенты и вице-президенты Академии Наук СССР и Академий Наук союзных республик, ректоры университетов, генеральные конструкторы, академики. Их около ста человек, директоров и ученых примерно поровну. Здесь особенно много женщин — семей. Кроме того, среди депутатов-руководителей есть еще две женщины; они возглавляют влиятельные общественные организации: Общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами и Комитет советских женщин. Молодежь (около 50 лет) составляет в этой группе примерно одну десятую, столько же приходится на пожилых людей старше 75 лет. Большинство же находится в интервале 60—70 лет. В отличие от деятелей партийно-государственного аппарата, некоторые ученые занимают места в Верховном Совете не по чину, а благодаря личной известности.

В сходном положении оказывается творческая элита (50 чел.) — писатели, художники, артисты (почему-то, главным образом, оперы и балета), а также редакторы столичных журналов и газет. Вся эта публика занимает кресла во Дворце съездов в основном по должности — как руководители различных творческих союзов; однако немалую роль играет и имя. Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Юрий Бондарев, Расул Гамзатов, Сергей Михалков — не просто секретари чего-то, но и громкие имена. Несколько удивляет немногочисленность женщин в творческих рядах: две актрисы и председательница правления Союза эстонских художников; среди пишущей братии — никого. Почти все жрецы искусства немолоды. Что касается национальной принадлежности, то здесь есть своя особенность: в этой группе депутатов представлены малые народы. Вероятно, это следствие государственной культурной политики, цели которой очевидны, а отчасти и свидетельство уважения, которым пользуются среди небольших нацио-

нальных групп люди "творческих" профессий. Правда, и тут практика выработала оригинальные методы национального представительства: например, среди депутатов Чечено-Ингушетии числятся: некто Василий Фролов (заведующий Отделом¹ ЦК КПСС), генерал армии Александр Алтунян и... Сергей Михалков. Экзотическая Кара-Калпакия делегирует в парламент страны двух министров СССР — Николая Васильева и Юрия Израэля. И так далее.

4. ХОЗЯИН СТРАНЫ

До сих пор мы говорили лишь о сановных депутатах. Но в Верховном Совете заседают и трудящиеся. Рассмотрим, как представлен в парламенте страны народ.

Первое, что заметно отличает депутатов четвертого сословия от рассмотренной выше группы, — это пол и возраст. Рабочие, крестьяне и служащие намного моложе административных руководителей, а женщин среди них даже больше, чем мужчин. Профессии их весьма разнообразны.

За скупыми строчками газетного перечня депутатов видна опытная рука мастера-составителя: сталевар и дояр, звеньевая и водитель трамвая, докер-механизатор и токарь-оператор, слесарь-комплектовщик и пошивщица обуви, машинист сырьевых мельниц и паласница ковровой фабрики, бригадир рабочих очистного забоя и бригадир бригады комплексной механизации, пекарь-мастер, охотник-рыбак, тракторист-машинист, мастер-швея, бурильщик, проходчик, земледель, маслодел, полевод, зверовод, свекловод, аппаратчица (не путать с а п п а р а т ч и к а м и), эмалировщица, обмеловщица, штамповщица, регулировщица, тростильщица, паяльщица, кокономотальщица, арматурщица, лекальщица, гребнечесальщица, колхозница, колхозница, колхозница...

Здесь с особой тщательностью продуман и соблюден национально-этнический принцип. Не только представители именных народов страны, но и делегаты самых неправдоподобных и, если можно так выразиться, полулегальных национальностей — вепс, цыган, несколько евреев и немцев — занимают плюшевые кресла в зале заседаний. Разнообразие национальных костюмов, как и профессий, не случайно: чувствуется, что была проделана большая работа.

Рабочих и колхозников в списке депутатов 165 человек, а колхозниц и работниц 345. Преобладание женщин среди работающих на полях — редкий случай, когда состав депутатов отражает реальную ситуацию в стране. Бригадир — первая ступень производственных руководителей — делегировали в Верховный Совет 100 мужчин и 65 женщин. Председателей колхозов и директоров совхозов — 66 человек (из них 4 женщины). Наконец, служащих числится в Верховном Совете 85. Среди них 15 медиков (все до одного женщины), 17 учительниц и 3 учителя, 20 агрономов и ветеринаров, 16 мелких начальников и начальниц. Итак, трудящиеся города и деревни имеют в общем и целом 829 представителей, или 55% от общего числа депутатов.

¹ Слово, которое в этом случае пишется с большой буквы.

5. ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ В СОВЕТЕ СТАРЕЙШИН

Теперь можно оценить удельный вес сословий в парламенте страны. Партийно-государственный и военно-охранительный аппарат занимает 520 мест, то есть 35%. Техническая и культурная элита — 150 мест (10%). Итого 45%. Конечно, эти соотношения весьма далеки от социальной и профессиональной структуры населения.

Высшие партийные и государственные чины присутствуют в Верховном Совете *in сохроге* — никто не забыт. Генералы и академики представлены один к десяти. Писатели — один из нескольких сот. Председатели колхозов — один на тысячу, а рабочие и колхозники — один на несколько сот тысяч. Но этого мало. Кроме числа депутатских мест, важную роль играет "усидчивость" депутата, то есть вероятность повторного избрания: тут тоже есть свои неписанные правила, и они существенно меняют всю картину.

Как обновляется состав депутатов? За короткое правление предыдущего Генерального секретаря было отставлено довольно много высших партийных чиновников. В свою очередь природа почистила ряды членов Политбюро. Тем не менее, две трети ответственных работников, избранных в Верховный Совет 11-го созыва, были и прежде депутатами. Депутаты — работники искусства и директора предприятий обновились наполовину, депутаты-писатели — на две трети, а ученые — менее чем на 20 процентов. Всего среди партийного начальства и примыкающей к нему культурной элиты сохранили свои места в Верховном Совете 440 человек.

Иначе обстоит дело с трудящимися. Служащие в составе депутатов сменились на 90%, рабочие — на 85%, крестьяне — на 80%. (Некоторую устойчивость крестьянскому контингенту придают именитые председатели колхозов и бригадиры).

Картина станет еще красочней, если мы рассмотрим продержавшихся у руля три и четыре срока. Среди партийных и административных шишек более трех раз подряд переизбирались 260 человек; среди ученых, директоров, деятелей искусства — 65, среди крестьян, рабочих и служащих — 45 (включая в это число всех бригадиров и председателей колхозов).

В составе Верховного Совета есть особый почетный орган — Совет старейшин. Выступление члена Совета старейшин, открывающего сессию, — неперемный компонент ритуала "работы" народного парламента. По-видимому, Совет комплектуется из депутатов, которые избирались пять и более раз — другими словами, просидели в креслах не менее 18 лет и продержатся по крайней мере еще пять. В этом году от имени Совета старейшин перед депутатами выступил член Политбюро Григорий Романов, переизбранный в Верховный Совет на пятый срок. Столько же раз пользовался доверием народа и другой аксакал, председатель КГБ Грузии генерал-полковник Алексей Инаури. Но есть и старцы, не пропустившие ни одного созыва, заседающие с 1937 года. Из кого же собственно состоит этот ареопаг? Пять раз и более избирались 13 членов Политбюро, 13 работников аппарата ЦК, 34 первых секретаря обкомов, 40 министров, 10 маршалов и генералов, 35 ученых и писателей, 7 председателей колхозов и бригадиров; рабочих и колхозников — ноль.

Строго говоря, трудящиеся ничего от этого не теряют. Ни о каком участии в управлении страной говорить не приходится. Скорее речь идет о мере престижа, каким поль-

зуются разные социальные группы, и в этом смысле опереточный Совет старейшин — истинное зеркало действительности. Каждому понятно, что министр госбезопасности или партийный вельможа — лицо более уважаемое, чем бригадир или председатель колхоза, не говоря уже о каких-то рабочих.

6. КУХАРКА НА ЧАС

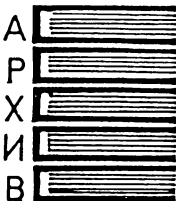
Верховный Совет переизбирается каждые пять лет. При этом всякий раз он обновляется более чем наполовину. Среди лишившихся полномочий большинство составляют одноразовые депутаты, продержавшиеся в креслах Дворца Съездов только один срок. Сойдя с государственной сцены, эти люди перестают кого-либо интересовать, хотя выбраны были потому, что в некотором роде подавали надежды. Кто же они, избранные в Верховный Совет 10-го созыва и отсутствующие в списках депутатов сегодня? Таких неудачников более 600 человек, или 40% всего собрания. Почти все они — собственно трудящиеся, якобы почетных и порой удивительных профессий, намного более разнообразных, чем у оставшихся в Верховном Совете. Как и занятие, национальный признак оказавшихся за бортом вроде бы не должен вызывать нареканий — представлены почти все народы страны, даже самые редкие. Что особенно резко отличает выбывших от оставшихся, так это пол и возраст. Изгнанникам обычно меньше сорока лет, больше половины из них молодые женщины, "усидчивые" же, как правило, мужчины под 60. Из 488 женщин-депутаток 10-го созыва две трети пробыли в Верховном Совете только один срок.

Между прочим, в группе бедных родственников попадают и довольно важные персоны. Около 40 партийно-государственных чиновников, военных и представителей культурной элиты выпали из повозки. Как же это могло произойти? Помощники Генерального секретаря ЦК КПСС (то есть Брежнева) лишились мандатов по понятным причинам. Несколько первых секретарей отдаленных областей союзных республик, судя по всему, поскользнулись на крутой партийной лестнице, военные были переброшены на другую работу, лишившись при этом представительных должностей. Что же касается творческих деятелей, то они не относятся к категории знаменитостей, а принадлежат к той значительно менее известной группе, где соблюдается негласное правило чередования: побыв в этот созыв председатель Союза латвийских художников в Верховном Совете, уступи место председателю эстонских.

Все это не требует объяснений. Но чем провинились изгнанные трудящиеся? Как и все остальные депутаты, они исправно выполняли свои обязанности: расторопно поднимали руку, во-время аплодировали, заседали в комиссиях, а порой и председательствовали в них, рассылали положенные депутатские запросы, "работали на местах". Судя по всему, бедняг вытеснили объективные закономерности. Одна из них — возраст. Согласно некоторой негласной разнарядке, в Верховном Совете должна быть представлена молодежь. Это важно и для устойчивости показателя среднего возраста депутатов. Между тем, молодой призыв десятого созыва к моменту новых выборов постарел на пять лет. Подобно девушке, украшающей обложку иллюстрированного журнала, он должен уступить место более молодой звезде. Другая причина — предписываемая

традицией необходимость обновления Верховного Совета более чем наполовину. Кто-то должен уступить свое кресло. Кто же? Конечно, не член Политбюро. Мода на профессии диктует свои жесткие требования. Постепенно сходят на нет скотницы, чабаны, комбайнеры, отступая перед техническим прогрессом в лице операторов птицефабрик, комплексных механизаторов и наладчиков автоматов. Наконец, некоторую роль играют, очевидно, и должностные перемещения депутата. Подчас ему приходится менять почетную, но утомительную работу сталевара на место в профкоме, а то и райкоме. Из рядов комсомола он шагает в партию. Все это, однако, лишает его определяющих признаков, по которым он, собственно говоря, и был призван в так называемый парламент.

Каждая кухарка будет управлять государством, сказал вождь революции. Отсюда следует, что кухарки должны чередоваться. Такое объяснение едва ли понравится одно-разовым депутатам. С тоской они будут вспоминать сияющие люстры, мягкие кресла, роскошные номера гостиниц, праздничные пиры в банкетном зале, улыбающиеся лица вождей. За что их лишили всего этого? Почему? На этот вопрос давно уже ответил один английский писатель: "Все равны... но некоторые равнее." ●

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

КАК СТОЛП И УТВЕРЖДЕНИЕ ПОПОВЩИНЫ

Религия — дурман для народа.

Тов. Л. Д. Троцкому.

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
АТЕИСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„АТЕИСТ“

Москва, Гранатный пер., д. 1.
Тел. 4-53-12.

КНИЖНЫЙ СКЛАД:
М. Никитская ул., д. 12.

18/УЩ/28 192 г.

Ксх. № 2649

Редакция АТЕИСТА пересылает на Ваше ознаком-
ление выпущенный ею ко дню предстоящего толстовского
юбилея сборник полезных материалов

“ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК СТОЛП И УТВЕРЖДЕНИЕ ПОПОВЩИНЫ”

С атеистическим приветом

Ответственный Редактор АТЕИСТА
/Шпицберг/

ЭКОНОМИКА РАЗБИТОГО КОРЫТА

Кажется парадоксальным, что первая в мире марксистская революция стала возможной лишь после революции в марксизме. Суть этого тихого (без криков "ура" и залпов "Авроры") переворота состояла в замене фундаментального тезиса об экономических предпосылках революции формулой "слабого звена". Совершенно очевидно, что с точки зрения классического марксизма ни до, ни после Февраля Россия не была г о т о в а к коммунистической революции. По таким важнейшим характеристикам, как уровень развития производительных сил, степень пролетаризации и проч. она явно уступала странам Запада, которые отнюдь не стояли на пороге социализма. "Преимущества" России лежали совсем в иной — и скорее надстроечной — плоскости: психологическая усталость от бесконечной войны, идейный разброд, слабость новой власти...

В этих условиях ленинский лозунг социалистической революции был не просто ревизией марксизма, но отказом от самих основ учения. То была попытка осуществить марксистскую программу иным путем, если угодно — в иной последовательности. Сначала взять власть (создать новую надстройку), а затем, используя ее как рычаг, ввести новые производственные отношения. Подвести, так сказать, под готовые этажи здания фундамент, — способ, получивший позднее некоторое распространение в строительной практике...

Как это ни удивительно, Ленин верил в эту умоизобретательную конструкцию. Короткую передышку, последовавшую за Брестским миром, он считал началом эры коммунизма. Деньги теряют свое значение, торговля заменена распределением, бесплатный транспорт. Остается сделать последний шаг — производить больше — и наступит коммунизм: все будут получать по потребностям (пусть для начала скромным) и трудиться по способностям, с полной отдачей сил.

Отрезвление наступило быстро. Рабочие покидали предприятия, не приносившие заработка, крестьяне не желали отдавать продукты в "долг". Не хватало хлеба, топлива, сырья. Заводы и фабрики закрывались. Начались волнения в деревне, наконец, вспыхнуло Кронштадтское восстание матросов и рабочих.

При всем своем фанатизме Ленин обладал здравым умом. "С попыткой перейти к коммунизму, — сказал он, — мы к весне 1921 года потерпели поражение, гораздо более серьезное, чем какие бы то ни было поражения, нанесенные нам Деникиным и Пилсудским..." (ПСС, т. 33, стр. 69). Из этой неудачи был сделан правильный практический вывод — введен НЭП. "Отсталый", отживший свой век капитализм за какие-нибудь два-три года вызволил страну из безвыходной ситуации абсурдного военного коммунизма. Но в более общем, философско-историческом плане проблема не рассматривалась.

1. Доисторическое будущее

Единственной реально существовавшей в прошлом моделью коммунистического общества была первобытная община — строй, для которого характерен крайне низкий уровень развития производительных сил. Этому уровню соответствовали столь же примитивные производственные отношения и элементарная надстройка: вождь и пле-

менной совет вместо государства, обычаи вместо права, суеверия и тотемы в качестве идеологии и религии. Тем важнее было оценить итоги первого практического эксперимента по созданию коммунистического общества, которое до этого существовало лишь в теории, в сочинениях Маркса и Энгельса. Эксперимент, поставленный Лениным в России, не удался, это было очевидно. Но почему? Потому ли, что исходный уровень производительных сил был ниже, чем ему надлежало быть по Марксу? Или, напротив, он был слишком высок по сравнению с первобытной общиной? В таком случае требовалось резко сократить уровень производительных сил — путь, по которому, видимо, решили идти красные кхмеры в Кампучии.

Ленин и его соратники такими вопросами не задавались. Движение к коммунизму они представляли себе как непрерывный рост производительных сил. Предполагалось, что на конечном этапе (впоследствии Хрущев пытался определить его точную дату) количество перейдет в качество и социализм — зрелый, развитый, полный — трансформируется в коммунизм.

Надо признать, что линию на развитие производства советские руководители проводили неумолимо и последовательно. Ленин, например, лично занимался не только планом ГОЭЛРО, но и множеством менее сенсационных технико-экономических нововведений. Сталин с трибуны съездов провозглашал: "Техника решает все", "Кадры решают все", "Кадры, овладевшие техникой, решают все". Выплавкой чугуна и стали, строительством электростанций, сначала обычных, затем атомных, производительностью труда, планированием постоянно были озабочены и их преемники.

Пожалуй, ни одна страна, ни одно правительство, ни один народ не уделяли столько внимания своей экономике. Все — от заключенных до писателей, от пионеров до пенсионеров, — казалось, были заняты лишь одним — развитием производительных сил, созданием материально-технической базы коммунизма. В неимоверно трудных условиях возводились гигантские комбинаты. Строились железные дороги и прокладывались каналы. Осваивались целинные земли.

Поначалу результаты были впечатляющими. Все или почти все показатели стремительно росли, из отсталой аграрной страны Россия превращалась в индустриальную державу. Правда, никто не давал себе труда подсчитать, во что это обходится: фирма не жалела затрат. Промышленный рост — при всей его стремительности — был преимущественно экстенсивным и количественным; качественные показатели оставались невысокими; в стране хронически не хватало продуктов питания и товаров широкого потребления.

И до поры до времени это как будто не имело особого значения: людей хватало, колоссальные природные ресурсы страны казались неисчерпаемыми. Но уже с середины 50-х годов, вначале осторожно, а затем все более открыто в СССР заговорили об опасности экстенсивных методов развития, о низкой эффективности существующей экономической системы, о недостатках действующего механизма хозяйствования. К концу правления Брежнева всем, включая партийную верхушку, стало ясно: надо что-то менять. Похоже, однако, что и Андропов плохо знал положение в экономике, а главное — не представлял себе, как его поправить. Об этом свидетельствуют не только его первое заявление ("у меня нет рецептов..."), но и быстрая радикализация предложенных им мер: от простого укрепления дисциплины до "совершенствования производственных отношений". В докладе Т.Заславской, очевидно, санкционированном свыше, впервые за многие десятилетия существования советской власти, прямо и недвусмысленно было сказано не о недостатках производственного механизма, а об отставании самой системы производственных отношений¹.

¹ Анализ доклада Т.И.Заславской "Проблемы совершенствования социалистических производственных отношений и задачи экономической социологии" на всесоюзном семинаре экономистов, социологов, философов и других специалистов в Новосибирске (апрель 1983 г.) посвящены материалы, опубликованные в №1-2 журнала "Страна и мир".

У нас нет оснований думать, что академик Заславская не понимает разницы между механизмом и системой отношений. По Марксу, история знает пять типов производственных отношений, каждому из которых соответствует целая эпоха: первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм (социализм). Что же получается? За каких-нибудь пятьдесят лет социалистическая система производственных отношений, основу которых составляет общественная (фактически — государственная) собственность на орудия и средства производства, отстала и превратилась в тормоз.

Если Заславская права, говоря о том, что в тридцатые годы советская хозяйственная система хорошо соответствовала уровню развития производительных сил, то что же изменилось с тех пор? Ответ очевиден. За эти годы производительные силы выросли, поднялись до уровня капиталистических. И тогда произошло то, что можно было предвидеть: социалистические производственные отношения перестали им соответствовать. Проще говоря, строить каналы, железные дороги, шахты, металлургические комбинаты можно было и при такой системе отношений, какая существовала и давала возможность воздвигать пирамиды и прокладывать каналы в Древнем Египте. Но веку электроники, компьютеров, лазерной техники эта система никак не соответствует.

2. При коммунизме все будет просто

Советская система управления хозяйством поражает своей громоздкостью и сложностью. Внешне она напоминает геологическую структуру, где пласты разных эпох причудливо смещены и перемешаны: ленинские "идеалистические" слои (дань революции) соседствуют с "диктаторскими" сталинскими, "волюнтаристскими" хрущевскими, лишенными всякой окраски брежневскими. Бесчисленные отделы, управления, главки, комитеты (Советы Министров и при Совете Министров) громоздятся друг на друга, каким-то образом сочетаясь с системой управления "по горизонтали" — с исполкомами и партийными комитетами. Последние формально вообще ничем не руководят и ни за что не отвечают, но в любом вопросе именно им принадлежит последнее слово.

Еще сложнее внутренняя экономическая структура. Планы, которые официально имеют силу закона, свободно "корректируются" в любую сторону; цены, которым полагалось бы колебаться вокруг стоимости, безнадежно оторвались от нее, стали свободным элементом политики (так это и называется — "политика цен"); показатели, должностные отражать реальное положение дел, превратились в предмет хитроумных манипуляций, ведомственных и общегосударственных.

Советский хозяйственный механизм столько раз ремонтировался, в нем так много швов и заплат, что даже самим руководителям трудно понять, что к чему: "Если говорить откровенно, — с недоумением заметил Андропов, — то мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся" ("Правда", 16 июня 1983).

Сейчас уже плохо верится, что основоположники считали простоту управления одним из главных достоинств коммунизма. "В коммунистическом обществе легко будет учитывать как производство, так и распределение: так как известно, сколько необходимо в среднем каждому в отдельности, то очень просто выяснить, сколько потребуется определенному числу лиц..." Эта замечательная фраза принадлежит Энгельсу. Вера в грядущую простоту, очевидно, подсказала и Ленину его сентенцию о кухарке, которая сможет управлять государством, а также ошеломляющую мысль о том, что знания четырех правил арифметики будет более чем достаточно для руководства страной.

Что ни одно из предсказаний "классиков" не сбылось, увы, ясно сейчас всем. Рабочие не руководят и не контролируют, а так же, как и при капитализме, стоят у

станков; золото не украшает "отхожие места на улицах", а хранится в тщательно охраняемых подвалах банков; деньги не только не отменены, но и играют в жизни граждан Советского Союза все более заметную роль. Может возникнуть впечатление, что советская экономика постепенно сближается с западной, что идет процесс той самой конвергенции, к которой призывал академик Сахаров. Но это иллюзия. Конечно, современная советская система внешне мало напоминает военный коммунизм. Однако различия главным образом количественные. При некотором внешнем сходстве с капиталистической системой советская отличается от нее по сути. Не как одна экономическая структура от другой, пусть далекой, а как неэкономическая структура от экономической.

3. Отходная плановому хозяйству

Узловым моментом советской системы хозяйствования принято считать ее плановый (или, вернее, планово-директивный) характер. Именно вокруг принципа плановости ведутся самые острые споры. Советская экономическая наука, идеология и пропаганда утверждают, что плановость (разумность, целенаправленность, согласованность всех звеньев) есть важнейшее преимущество социалистической экономики, а причина ее "частных" неудач — недостаточное совершенство существующей системы планирования. Критики советского строя, со своей стороны, доказывают, что именно с планированием связаны все беды экономики. Нелепо думать, что планирование — явление специфически советское. Это типичный миф советской пропаганды. В наши дни на Западе не только крупные корпорации, но и мелкие, так называемые "семейные" фирмы, изучают тенденции рынка, строят прогнозы, программируют свою деятельность, иначе говоря, занимаются планированием.

В то же время деятельность, которой в Советском Союзе руководит Госплан, может быть названа планированием лишь условно. Во-первых, плановые органы оперируют заведомо неверными исходными данными. Во-вторых, планируемые показатели определяются не естественной динамикой развития производства, а очередными директивами, пресловутыми "це-у", и сложными внутриведомственными соображениями. В-третьих, заранее известно, что планы в течение года будут меняться в любую сторону. При таких обстоятельствах планирование превращается в бюрократическую фикцию и самый спор о возможности планового учета всех обстоятельств становится беспредметным.

Один из руководителей Госплана заметил как-то в узком кругу журналистов: "Неужели вы не понимаете, что Госплан — это всего лишь псевдоним ЦК?" Плановая экономика есть псевдоним советской системы хозяйствования. Псевдоним чрезвычайно удобный, подменяющий суть — видимостью.

Вполне очевидно, что суть советской экономической системы составляет государственная собственность на орудия и средства производства. Вообще говоря, в наше время любому государству принадлежит значительная часть орудий и средств труда. Это верно и для Соединенных Штатов — классической страны "свободного" капитализма. Если же взять Францию или Израиль, то здесь государство владеет большинством крупных предприятий страны и выступает в роли одного из основных работодателей. Можно добавить, что влияние государства на экономическую жизнь не ограничивается сферой его собственности. Современное государство, особенно в экстремальных условиях (война, стихийные бедствия, кризис), нередко присваивает себе право распоряжаться частным имуществом, временно изымая его, ограничивая размеры производства, контролируя сделки, регулируя цены и пр.

Общность советской системы в том, что государство выступает как единственный владелец орудий и средств труда, как абсолютный монополист во всем, что связано с производством и распределением материальных благ.

По традиции, идущей от Ленина и Каутского, советскую систему принято отождествлять с государственным или государственно-монополистическим капитализмом. Это типичное недоразумение. Подобное определение можно было бы применить к западным странам, где государство-собственник функционирует по законам капиталистического рынка, хотя и обладает монополией в той или иной области. Советская система управления хозяйством — и в этом ее сущность — построена на совсем иных принципах. Автор Новосибирского меморандума называет эти принципы административными. Ниже мы постараемся показать, что правильнее называть их административно-политическими. А пока рассмотрим, как проявляют себя социалистические производственные отношения в экономической жизни государства.

4. Товар — это не деньги, а деньги — не товар

Известно, что себестоимость изделия складывается из затрат на оплату труда, на возмещение износа орудий и на оплату предметов и услуг, используемых в процессе производства. Иначе говоря, себестоимость отражает как прошлый ("чужой") труд, так и собственный, затрачиваемый на выпуск данной продукции.

В условиях капиталистического производства все эти расходы одинаково реальны и в общем равнозначны, поскольку сырье, материалы, энергия, станки, инструменты и т.д. принадлежат (или, по крайней мере, принадлежали) не самому предприятию, а другим владельцам. Для капиталиста в принципе безразлично, на что потратить деньги — на приобретение нового станка или на зарплату, важны лишь размеры расходов и доходов.

В Советском Союзе все принадлежит одному владельцу — государству, и ему безразлично, на что расходуются деньги. В этом легко убедиться, проанализировав структуру так называемых фондов. Фонд зарплаты, командировочный фонд, фонд канцелярских расходов, оборотные средства и т.д. — построены по принципу несообщающихся сосудов: деньги из одного фонда не могут свободно переливаться в другой. Расчеты, в которых участвуют предприятия, в сущности сводятся к перекладыванию из одного кармана в другой. Но не ценностей и не денег, а чисел. Нередко эти "безналичные" расчеты вообще лишены экономического смысла: сверхплановая прибыль предприятия изымается в бюджет, министерство свободно распоряжается фондами и оборотными средствами предприятий. Приобретение сырья, материалов и оборудования, расход энергии и воды в этом смысле носят условный характер. Единственной реальностью — тоже относительной, как мы увидим ниже, остается заработная плата, так как деньги, получаемые живыми лицами, действительно меняют владельца. Естественно, что для государства деньги, выплаченные в виде зарплаты, отнюдь не равноценны той же сумме, потраченной, скажем, на приобретение сырья. И хотя государство, стремящееся контролировать все, ограничивает предприятие в любых расходах, фонд зарплаты оно контролирует особенно жестко. Как-то на совещании руководителей объединений Ленинграда ответственным работнику министерства финансов был задан вопрос: "Как оценили бы финансовые органы перерасход 50 рублей из фонда зарплаты, если бы в результате предприятие получило миллион рублей прибыли?" Ответ гласил: "Резко отрицательно. Прибыль нас не интересует, нам важна зарплата".

Почему она так важна, как будто ясно. Деньги — всеобщий эквивалент, они осуществляют функцию обращения, дают их владельцу право на получение определенных товаров и услуг. Стоит, однако, присмотреться к этому процессу внимательнее, и мы без труда обнаружим, что действительная себестоимость товаров и услуг тоже определяется зарплатой, выплаченной в процессе их производства. Иными словами, подлинная себестоимость любого изделия, изготовленного в СССР, представляет собой лишь сумму зарплат.

Любопытно, что это правило действует даже в тех случаях, когда часть сырья, оборудования и т.п. приобретена за границей. Для государства-монополиста нефть, золото и товары, отправляемые за границу в обмен, допустим, на валюту, стоят ровно столько, сколько стоит вложенная в них зарплата. Правда, природные запасы нефти, золота и драгоценностей неограниченны, но кредиты в счет будущего не смущают советских руководителей.

Итак, все упирается в деньги, попавшие в руки населения. Ведь только эти деньги должны быть обеспечены реальными ценностями — товарами и услугами. Нарушение баланса между денежной массой и товарами в обращении должно — по всем правилам — вести к обесценению денег и росту цен. Поэтому одна из главных или, по крайней мере, декларируемых задач планирования — соблюдение упомянутого баланса.

Однако в Госплане хорошо знают, что баланс этот мнимый. Значительная часть запланированных товаров вообще не будет изготовлена, так как предприятия, которые должны их произвести, только по плану считаются построенными. Другая часть продукции будет выпущена (и даже в сверхплановых количествах), но ее не купят: потому ли, что рынок ею уже завален, или из-за низкого качества. Известно, наконец, что несмотря на все формальные заслоны, в оборот будет пущено больше денег, чем планировалось. В результате диспропорция между денежной и товарной массой возрастет.

Отчасти этот разрыв компенсируется черным рынком, где цены в три, пять, порой даже в десять раз выше государственных. В том же направлении действуют проводимые периодически резкие повышения цен на "предметы роскоши" — автомашины, ковры, мебель, хрусталь, импортную одежду и обувь. Тем не менее, общей тенденции это не меняет. По подсчетам И.Бирмана, с 1965 по 1980 год в обращение было выпущено 200 миллиардов руб. — в 3,5 раза больше, чем суммарная стоимость всех товаров в торговле и промышленных складах! (И.Бирман. Экономика недостат. Нью-Йорк, 1983, стр. 49—69).

В условиях нормальной экономики это привело бы к чудовищной инфляции. В СССР ничего подобного не происходит, потому что цены определяются не спросом и предложением, а Комитетом цен. Выпуск в обращение дополнительных миллиардов рублей приводит лишь к росту "трудовых сбережений" граждан.

Несбалансированность — одна из важнейших особенностей советской экономики. Она обеспечивает государству почти неограниченный "кредит" у населения и позволяет ему свободно оперировать огромными суммами. В конечном счете, несбалансированность отражается на всех сторонах экономической жизни страны.

5. Кому положено, а кому — нет

Известно, что самая устойчивая в мире советская валюта (устойчивая без кавычек, ибо она обеспечивается не национальным достоянием, но армией, полицией и КГБ) не является конвертируемой. На внешних рынках ее заменяют сомнительный доллар, презренное золото и сырье, которым российская земля, слава Богу, еще не оскудела. В тех случаях, когда в расчетах фигурирует рубль, стоимость его зависит от клиента: в отношениях с западными фирмами и туристами — стоимость одна, в отношениях с братскими странами социализма — другая.

Но и в самой стране покупательная способность рубля отнюдь не одинакова. Несбалансированная экономика породила систему, при которой роль торговли ограничена и подменена, как в эпоху военного коммунизма, распределением. Тот факт, что в распределении номинально участвуют деньги, ничего не меняет: стоимость денежных знаков в большой мере зависит от статуса владельца.

Деньги рядового гражданина, покупающего товары в обычном магазине и, кроме того, вынужденного пользоваться базаром и черным рынком, имеют одну ценность. Деньги человека, прикрепленного к распределителю, обкомовской столовой, поликли-

нике Четвертого управления Министерства здравоохранения, — другую. Вдобавок, существуют распределители разного ранга не только с разным качеством и ассортиментом товаров, но и с разными ценами, существует система сертификатов. Есть, наконец, и "кремлевский паек". Неконвертируемость рубля, произвольность цен, различная природа "государственных" и "личных" денег, зависимость покупательной способности рубля от положения владельца — все это лишает деньги их традиционной роли всеобщего эквивалента. Эту особенность денег при социализме предвидел Маркс: "При общественном присвоении денежный капитал отпадает... Производители могут, пожалуй, получить бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Но эти удостоверения — не деньги: они не выполняют функции обращения".

Конечно, хроническая несбалансированность не может не отражаться на общем состоянии экономики. Зарплата в СССР постепенно теряет характер вознаграждения за труд и становится чем-то вроде гарантированной пенсии — ради "бумажек" люди не хотят работать. Поэтому деньги все чаще дополняются льготами: правом приобрести на предприятии мебель или мясо, получить путевку в санаторий и т.п.

Характерно, например, что работникам БАМа выдаются талоны на покупку не только теплой одежды и обуви, но и ковров, хрусталя, импортной мебели. Однако людям, живущим в общежитии, эти товары не нужны, и они перепродаются по спекулятивным ценам. Так государство, ведущее жестокую борьбу с частной "спекуляцией", вынуждено становиться ее пособником и организатором.

Наблюдается еще одна, опаснейшая для экономики тенденция: люди вообще теряют интерес к "бумажкам". Они отказываются от сверхурочных работ, неохотно берутся за "халтуру". Чтобы как-то сохранить престиж денег, Советский Союз вынужден закупать все больше импортных товаров, пользующихся спросом у населения. Но резервы валюты ограничены, а денег в обращении все больше. Это может привести к тому, что труд утратит всякий экономический смысл. И тогда, возможно, у государства не останется иного выхода, как перейти к принудительной стимуляции труда, — попросту говоря, к системе исправительно-трудовых лагерей, трудовым или чего-либо в этом роде. Не станем утверждать, что другой возможности нет. Но жесткие меры последних лет по укреплению трудовой дисциплины свидетельствуют, что подобная опасность существует.

6. Начальству виднее

Характерная черта западной экономики в любой ее форме, включая монополистическую, — зависимость производства от рынка, то есть, в конечном счете, от потребителя. Эта зависимость вынуждает производителя создавать нужные потребителю товары и регулировать их количество, повышать качество, снижать стоимость, внедрять в производство достижения науки и техники, поддерживать на достаточно высоком уровне оплату труда, подбирать и выдвигать работников с учетом их деловых качеств. Понятно, что в условиях рынка, насыщенного товарами, прибыль выступает в роли синтетического показателя, свидетельствующего не только о положении дел на предприятии, но и о степени удовлетворения потребностей населения.

Это не значит, что капиталистическая экономика функционирует идеально. Запоздывание информации или неправильная ее оценка, ограниченность объективных возможностей или субъективные недостатки исполнителей приводят к тому, что механизм свободного рынка нередко допускает сбои (кризисы перепроизводства, расхождение ресурсов, высокая безработица и т.д.). Но если говорить о тенденции, то она именно такова: капиталист, даже если это противоречит его специфическим интересам и склонностям, вынужден подчинять производство требованиям рынка. В силу своего

положения он прямо и непосредственно подчинен работе хозяйственного механизма; внешним выражением этой зависимости служит прибыль. Естественно, что и административная система управления строится здесь на совершенно иной основе, чем в СССР.

Связь в советской системе осуществляется почти исключительно по вертикали: с помощью "команд", спускаемых сверху, и сведений о выполнении этих команд, поступающих снизу. Понятно, что при подобной организации зависимость производителя от рынка минимальна. Система служит интересам особого класса людей, которые выступают в роли руководителей производства, но чье благополучие зависит не от производства, а от их места на иерархической лестнице.

Разумеется, формально какая-то связь существует: предполагается, что успешное выполнение команд сверху (например, планов) служит удовлетворению потребностей населения и свидетельствует о высоких деловых качествах исполнителя.

Но это фикция. Сами планы до такой степени оторваны от реальных потребностей населения, а их выполнение — функция стольких случайных факторов, что вся процедура "учета" носит откровенно игровой характер. И руководители на верхних этажах об этом, конечно, знают. А, главное, их собственное благополучие тоже никак не зависит ни от результатов работы предприятия, ни от удовлетворения потребностей населения. Решающее значение приобретают куда более простые и весомые факторы: личные отношения, преданность, умение лавировать... Искусство делать вид, что в общем и целом все обстоит превосходно.

В такой административной системе неизбежно совершается подмена ценностей. Изначальная цель — производство нужных народу товаров — вытесняется другой: исполнением команд сверху.

Уже отмечалось, что советская экономика — система не просто административная, но административно-политическая. Это значит, что на всех ее этапах специфически административные резоны дополняются и корректируются политическими. От соображений "высокой политики" — на верхних этажах, до сугубо прозаических (районных, областных, ведомственных) — на нижних. С учетом подобных соображений определяются приоритеты изделий, подбор работников и оценка их деятельности, политика цен и множество других вещей.

На один из бакинских машиностроительных заводов райком партии возложил выпуск... фонарных столбов. Почему? Потому что секретарь райкома захотел утереть нос секретарю соседнего районного комитета, установив у себя столбы необычной формы. Не его вина, что в районе не нашлось другого, более подходящего предприятия.

Бакинский завод холодильников долго бился над тем, чтобы справиться с явно нереальным планом — 40 тысяч аппаратов в год, как вдруг план увеличили до 100 тысяч. Что произошло? Ничего особенного. Просто на совещании в Москве секретарь ЦК КП "братской" республикой взял обязательство увеличить производство холодильников в Армении до 80 тысяч в год. Понятно, что председатель Совета Министров Азербайджана не мог оказаться у него в хвосте.

Азербайджан закупил в Венгрии (это обошлось в два миллиона рублей) завод по переработке водоплавающей птицы. Венгры осторожно намекнули: может быть, вам больше подойдет предприятие по переработке кур? Нет, именно водоплавающих. Завод прибыл, приступили к монтажу. Только тогда кто-то догадался заняться подсчетами. Оказалось, что завод в состоянии переработать всю имеющуюся в республике водоплавающую птицу за 48 часов, а количество, запланированное на пятилетку, — за неделю. (План остался невыполненным.) Почему? На одном из совещаний в ЦК КПСС говорилось о достижениях где-то за рубежом в разведении водоплавающей птицы. Представитель республики тут же выступил с инициативой. Инициатива была одобрена, выделены средства на покупку предприятия. Остается добавить, что в скором времени от завода почти ничего не осталось: растащили...

7. Притча о кастрюле

Всякая административная система консервативна. Система управления хозяйством консервативна вдвойне, ибо имеет дело не с бумагами, которые можно и переписать, а с такими тяжелыми и малоподвижными вещами, как орудия и средства производства. Механизм такой системы напоминает маховик. Однажды запущенный, он имеет тенденцию вращаться с заданной скоростью. В масштабах Советского Союза маховик обладает колоссальной инерцией; нестандартные команды сверху доходят медленно и воспринимаются слабо. Система идеально приспособлена к тому, чтобы вырабатывать однажды освоенные изделия в определенных количествах, на постоянном оборудовании, при неизменной организации труда.

Такая система могла бы превосходно функционировать без потребителя, как система, полностью замкнутая в себе и на себя. Руководители советского государства не могут не считаться с тем, что людей ("главную производительную силу общества") надо кормить, одевать, надо строить для них жилища. Приходится реагировать и на внешний мир — прежде всего, создавать и совершенствовать военную технику. Именно эти обстоятельства вынуждают советских вождей время от времени сетовать на несовершенство хозяйственного механизма и проводить те или иные реорганизации. Цель и смысл этих реорганизаций — совершенствование так называемых показателей.

Административная система по самой своей природе не может жить без показателей. Показатели оправдывают ее существование, позволяют ориентироваться в чуждом ей мире действительности, оценивать неизвестные — и в сущности глубоко безразличные ей — процессы. В системе административно-политической показатели, сверх того, играют роль верстовых столбов, свидетельствующих о прогрессивности строя. Характер движения — от одного показателя к другому — должен создать ощущение осмысленности и целенаправленности, подлинного движения вперед.

Разумеется, выбор показателей преследует не только идеологические (демагогические), но и практические цели. Советское руководство заинтересовано в том, чтобы найти такой идеальный показатель, который наилучшим образом подстегивал бы предприятия, а вышестоящим инстанциям давал бы обобщенную картину производственной деятельности. Но огромная, бесконечно сложная и динамичная сфера экономики меньше всего поддается формализации. Это можно показать на примере простой кастрюли.

Допустим, мы задали предприятию план выпуска кастрюль в натуральном выражении — в тоннах или штуках. В первом случае предприятию будет выгодно изготовить минимальное количество как можно более тяжелых кастрюль, в идеале — одну гигантскую кастрюлю. Во втором случае — огромное множество микрокастрюль, чем мельче, тем лучше. Другая система показателей — в трудовых затратах (нормо-часах) может дать еще более нелепый результат. Предприятию выгодно вытачивать кастрюлю из огромных слитков металла: кастрюль получится немного, зато трудовые затраты будут вполне соответствовать плану.

Несколько труднее понять механизм действия показателей, заданных в денежном выражении. Казалось бы, при системе цен, устанавливаемых государством, предприятие не только обязано, но и вынуждено выпускать именно ту продукцию, которую ждут от него планирующие организации. Однако давно известно, что есть изделия выгодные и невыгодные (в том числе и кастрюли). Причем "выгодными" считаются не те товары, которые нужны потребителю (для выполнения плана по "валу" это не имеет значения), а изделия дорогие и давно освоенные. Короче говоря, в любом случае условные правила игры, продиктованные административно-политической системой, для предприятия неизмеримо важнее потребностей рынка.

8. Герой Труда Гейдар Алиев

В 60-е годы, когда обсуждался проект экономической реформы, оценка работы предприятий по "валу" подверглась в советской печати уничтожающей критике (из газетных статей тех лет взят и пример с кастрюлей). Вал именовали не иначе как "пресловутый", на него валили все грехи: и отсутствие нужных товаров, и низкое качество продукции, и огромное количество "неликвидов" — изделий, которые никто не берет. Утверждали, что новый показатель — "реализация" — вызовет прямо-таки сказочные перемены: повысит, поднимет, улучшит, обеспечит...

Ничего подобного не произошло. О том, почему не произошло, стоит сказать подробнее, ибо тут механизм советского административно-политического хозяйствования проявил себя особенно отчетливо.

Вал — показатель локальный. Выполнение плана по валу означает, что предприятие выпустило продукцию на установленную сумму. Другой вопрос, каково качество этой продукции, нужна ли она потребителю, удастся ли ее продать. Конечно, предприятие заинтересовано в реализации — хотя бы для того, чтобы вернуть деньги и освободить склады. К выполнению плана реализация изделий прямого отношения не имеет. Если общая стоимость изготовленной продукции соответствует установленным показателям, план считается выполненным, и предприятие может об этом рапортовать вышестоящим организациям.

Фокус прост (и всем понятен). Поскольку свидетельством успешной деятельности руководящих инстанций — райисполкомов, облисполкомов, райкомов, обкомов, ЦК партии республик, министерств — служит выполнение плана подведомственными предприятиями, руководителей интересует именно получение "рапорта". Остальное не так уж важно.

Реформа 1965 года заменила вал реализацией. Теперь для выполнения плана надо было не только изготовить изделия на определенную сумму, но и суметь их сбыть.

Специалисты понимали ограниченность этой меры. В Советском Союзе, где большинство предприятий связано лимитами, разнарядками и так называемыми "прямыми" договорами, у предприятия-получателя не остается выбора: приходится брать, что дают, не то вообще ничего не получишь. Однако предполагалось, что с товарами для населения будет легче. Торгующие организации обладают известной свободой: устаревшую, неходовую или некачественную продукцию они могут и не принять. В этом случае предприятие, изготовившее такое изделие, действительно окажется в трудном положении.

Но трудно придется и учреждениям, которым подведомственно это предприятие — райкомам, обкомам и пр. Неудивительно, что все они вдруг начали проявлять интерес... нет, не к качеству продукции, а к ее реализации. А так как именно партийные органы обладают в стране реальной властью, то и торговые организации, и банки стали объектом их нажима. От первых требовали принимать без разговора продукцию, от вторых — предоставлять торгам кредиты в том (весьма вероятном) случае, если население эти товары не купит.

В итоге уже в 1980 году общая масса кредитов, предоставленных предприятиям банками, достигла невероятной суммы — более 250 миллиардов рублей, зато планы по реализации выполнялись так же успешно, как раньше по валу (И.Бирман, цит. соч.).

Жители СССР хорошо знают, что между показателями выполнения плана и действительностью нет прямого соответствия. В годы, когда в бакинских магазинах не было ни мяса, ни сыра, ни колбасы, первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана Гейдару Алиеву присвоили звание Героя Социалистического Труда за высокие показатели республики в развитии сельского хозяйства...

Смешно думать, что дело можно поправить, введя какой-нибудь новый показатель, — даже если это будет показатель прибыли. Такой проект, кстати, рассматривался еще в 1979 г. Советом Министров СССР и не был принят — по чисто практическим (а отнюдь не идеологическим) соображениям. В самом деле, прибыль как показатель эффективности никакими мистическими свойствами не обладает. В условиях капиталистической экономики ее роль определяется двумя факторами: во-первых, тем, что рынок насыщен товарами, во-вторых, существованием класса предпринимателей, чье благополучие прямо зависит от прибыли. В Советском Союзе, при существующей здесь государственной собственности на орудия производства и административно-политической системе управления хозяйством, оба этих фактора отсутствуют. Когда рынок не насыщен товарами, высокая прибыль будет свидетельствовать не о хорошей работе предприятия, а всего лишь о ненасыщенности рынка. К примеру, советскому издательству, которое выпустило бы вдруг роман "Доктор Живаго", была бы гарантирована сверхприбыль независимо от производительности труда в издательстве и качества издания.

Точно так же нельзя ожидать чудес от расширения прав предприятий. Чтобы это "расширение" имело смысл, интересы предприятий и их руководителей должны зависеть не от показателей, а от рынка — насыщенного, свободного, конкурентного. Иначе говоря, нужна система хозяйствования, регулируемая не административно-политическими, а экономическими законами.

9. Упражнения с бюджетом

Неэкономическая природа советской системы хозяйствования наглядно проявляется в бюджете. Внешне государственный бюджет СССР выгодно отличается от бюджета любой западной страны своей удивительной гармоничностью. Доходы всегда — и при составлении бюджета, и, что еще удивительней, при его исполнении — несколько выше расходов. Основную часть поступлений составляют отчисления от прибыли государственных предприятий; основную часть расходов — затраты на финансирование народного хозяйства и социально-культурные мероприятия. Военные расходы за последние 15 лет практически не менялись, оставаясь на уровне 17 миллиардов рублей в год — менее 5 процентов расходной части бюджета 1984 года ("Правда", 31 декабря 1984).

Нечего и говорить о том, что эта сумма откровенно условна и занижена. Зарубежные специалисты гадают, где спрятаны остальные затраты: в расходах на финансирование народного хозяйства или еще где-то. Причем считается, что сам по себе бюджет отражает реальное положение дел.

В этом можно усомниться. Отсутствие контроля (в стране нет парламента и нет независимых средств массовой информации) позволяет советским руководителям свободно манипулировать бюджетом. При его подготовке решающую роль играют соображения пропаганды; при исполнении — конъюнктурные соображения. Административно-политическая система хозяйствования дает возможность Политбюро на любой стадии исполнения бюджета изымать из одной статьи и перебрасывать в другую практически неограниченные средства. Причем — и это особенно важно — под средствами понимаются не деньги (которые, повторим, — всего лишь числа), а фонды — на сырье, материалы, оборудование, рабочую силу (фонд зарплаты), ибо лишь фонды имеют практическое значение, определяя действительные возможности развития той или иной отрасли.

Приведем два примера. Управление строительством БАМа — "Бамстройпуть" — было создано в конце 1971 г. Уже в январе следующего года на места работ прибыли руководители стройки и рабочие. В 1972—1973 гг. изыскания велись по всей огромной трассе. В апреле 1974 г. 600 комсомольцев прямо со съезда ВЛКСМ отправились стро-

ить БАМ. К этому времени на строительстве уже работали тысячи заключенных и "химиков" (досрочно освобожденных), кадровые железнодорожники, военно-строительные отряды.

В условиях советской системы планирования, учитывающей, казалось бы, все — от зарплаты дворника до расхода гвоздей, — следовало ожидать, что такое крупное строительство найдет отражение в планах. Ничуть не бывало. Ни в решениях XXIV съезда партии (1972 г.), ни в девятом пятилетнем плане о стройке даже не упоминается. Постановление ЦК КПСС "О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали" было принято лишь 8 июля 1974 года.

В данном случае я не берусь судить о том, как отразилось существование "нелегального" объекта на финансировании потерпевших ущерб отраслей. Но в других обстоятельствах я сам был тому свидетелем. В 1969 г. в редакцию республиканской газеты, где работал автор этой статьи, поступило множество жалоб: бакинский электромашиностроительный завод сорвал поставки электродвигателей. На заводе мне предъявили документы — предприятие получило менее 20% запланированной ему меди; а шепотом разъяснили, что по решению Политбюро основная часть медной проволоки изъята из гражданского оборота и передана министерству обороны.

Правда, получив менее одной пятой того, что ему полагалось, завод все же ухитрился выполнить план почти на 90%. На вопрос: как? — директор завода только пожал плечами: "Секрет производства".

Никакого секрета не было. Зная надежность советской плановой системы, всякий опытный руководитель заранее готовится к неожиданностям: всеми возможными способами занижает план, завышает заявку на материалы, создает тайные запасы, мобилизует "внутренние ресурсы" (например, добывает медную проволоку из бракованных двигателей)...

Нет, в своих действиях советские руководители не ограничены ни бюджетом, ни планом. Ограничения, с которыми они действительно вынуждены считаться, совсем другого рода, — назовем их историческими.

10. Коммунизм минус электрификация плюс кукурузизация

Мы уже отмечали, что советское хозяйство всегда развивалось экстенсивно. В последние годы темпы развития (точнее, роста) резко замедлились. Есть отрасли, где даже крупное вложение средств практически не дает отдачи. Это прежде всего сельское хозяйство.

Со времен Ленина деревня считалась врагом советской власти, и обращались с ней соответственно — как с оккупированной страной. Граждан этой страны ссылали, загоняли в лагеря или просто уничтожали. Им не платили за труд и грабили их, отбирая даже семенной фонд — основу будущих урожаев. Десятилетиями не строили ни домов, ни дорог. Одним словом, у деревни стремились взять как можно больше, ничего не давая взамен. "Мелкое хозяйство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе" (Ленин). Классовая ненависть отменила здравый смысл.

Хрущев и его преемники пытались что-то изменить. Но им приходилось действовать в рамках все той же системы административно-политического управления. Вводилось и отменялось травополье, страну охватывала лихорадка "кукурузизации"; на Апшеронском полуострове вековые масличные деревья и виноградники выкорчевывались, и песчаные почвы засевались пшеницей; глубокая вспашка превратила богатейшие черноземные земли в источник черных бурь. Понемногу старшее поколение сельских жителей вымирало, молодые бежали в города: привязанность к земле, самые основы земледельческого труда были подорваны. Попытка решить проблему с по-

мощью "варягов" (наезжих трактористов) окончилась провалом: им все было "до лампочки" — включая лампочку Ильича.

Чтобы теперь снова сделать сельское население и сельское хозяйство производительной силой, нужны не обычные, даже крупные, бюджетные вложения, а многолетние колоссальные затраты. Деревня в ее нынешнем состоянии не способна обеспечить реальную отдачу.

Сходное положение в так называемой группе Б — отраслях, занимающихся производством средств потребления. Провозглашенный Сталиным курс на преимущественное развитие группы А (производство средств производства) естественным образом привел к тому, что по всем показателям (техника, технология, организация труда, заработная плата и т.д.) предприятия группы Б оказались на задворках советской экономики. Десятки лет здесь не велось серьезных исследований, за все годы советской власти не было сделано ни одного значительного изобретения. К тому же, предприятия группы Б лишены стабильной сырьевой базы: даже выпуск простейшего фруктового мармелада стал проблемой — нет нужных сортов яблок. В результате отставание этой группы сейчас измеряется не годами, а техническими эпохами.

На Западе отставание группы Б объясняют догматизмом советских руководителей и их милитаристскими устремлениями. Говорится о том, как много выиграла бы экономика страны от сокращения военного бюджета и использования освободившихся средств для развития мирных отраслей промышленности.

Милитаризм и догматизм — все верно. Но очевидно и то, что даже с точки зрения советских руководителей было бы нелишне накормить народ и обеспечить его предметами первой необходимости. Если они этого не делают, то не потому, что не хотят, а потому, что не могут.

Рассказывают историю, напоминающую анекдот. На заседании правительства один из министров, упорно отбивавшийся от попыток навязать ему новую продукцию, привел последний довод: чем производить негодные изделия, выгоднее приобрести их на Западе. Косыгин, который до этого угрюмо молчал, поднял голову и буркнул: "Подумаешь, новость. Да нам любую продукцию выгоднее покупать на Западе". Подумав, он уточнил: "Кроме, может быть, золота..."

И оружия, добавим мы. Ибо, в отличие от мирной продукции, оружие дает — прощу читателя извинить этот каламбур — отдачу. Во-первых, оружие всегда находит покупателя; наряду с сырьем оно составляет важнейшую статью советского экспорта. Во-вторых, поставки оружия создают угрозу для Запада, а следовательно, стимулируют его готовность "во имя мира и добрых отношений" предоставлять Советскому Союзу кредиты, новую технику и товары. В-третьих, производство и экспорт оружия маскируют неэффективность советской экономики, ее органическую неспособность обеспечить собственное население продуктами и товарами, создавая иллюзию, будто хронический дефицит товаров потребления порожден военными расходами.

Административно-политическая система хозяйствования неэффективна. Эта неэффективность — источник постоянной тревоги советских руководителей. Они могут не понимать, что устойчивость их строя будет обеспечена лишь тогда, когда исчезнет всякая возможность сравнения с другими системами. Таким образом, не те или иные властители, а сама система порождает милитаризм. Не умея заменить пушки маслом, она все свои ресурсы тратит на подготовку к войне. Выбора у нее нет.

ИНЖЕНЕР НА КАРТОШКЕ

Ниже публикуется письмо ленинградского инженера-патентоведа Эрнста Семеновича Орловского в "Литературную газету". Письмо посвящено методам "восполнения" нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве, с которыми хорошо знаком почти каждый советский горожанин. Целый фольклор уже сложился вокруг этого хозяйственного и социального абсурда. В свойственной ему сдержанной манере автор, уже известный в Самиздате (одно из его писем опубликовано в № 5 нашего журнала за 1984 г.), пробует вникнуть в суть дела. "Литературная газета" откликнулась на письмо Э.Орловского канцелярской отпиской на готовом бланке.

Письмо печатается без ведома автора с незначительными сокращениями.

*Товарищи ученые, доценты с кандидатами,
Замучились вы с иксами, запутались в нулях,
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель на полях.*

Владимир Высоцкий

Уважаемая редакция!

Я целиком и полностью согласен с каждой строкой статьи (письма) А.Раздобреева "Странная помощь..." ("ЛГ" от 14 марта 1982 г.). Я уверен, что вы получите сотни писем в поддержку высказанных А.Раздобреевым мыслей. И я очень сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог по-деловому оспорить их.

Но ведь десятки подобных статей уже публиковались и месяц назад, и год назад, и 5, и 10 лет назад — и в вашей газете, и в "Труде", и в "Известиях", и в "Социалистической индустрии", и даже в "Правде". И что же? А ничего! Если что и меняется, то лишь к худшему. Сперва рабочих, служащих, инженеров, школьников, студентов направляли лишь на уборку картошки и хлопка, да на разгрузку картошки в периоды массового завоза. Теперь уже направляют в колхозы, совхозы, на овощные базы в течение всего года — и на прополку, и на сенокос, и на переборку овощей. Не редкость направление инженеров и служащих на помощь в сборочные цеха, на стройки, на уборку снега и льда и другие работы по благоустройству. А недавно ваша газета писала о направлении людей на книготорговые базы, а "Труд" — о направлении на хлебозаводы.

Очень важен нравственный аспект этой проблемы. Если человек может по документам сидеть за кульманом, а фактически перебирать картошку, то почему же нельзя именовать снабженца грузчиком, а продукцию, выпущенную 1–2–3 числа, учитывать как произведенную 30–31 числа предыдущего месяца? Если людей изо дня в день приучать к тому, что допустимо в некоторых случаях писать не то, что есть на самом деле, то такая привычка неизбежно обнаружит тенденцию к распространению на другие случаи. Ни в одном опубликованном документе не предусмотрено сохранение за направленными на сельскохозяйственные и т.п. работы полного заработка по месту основной работы. Но повсеместно в этих случаях выплачивается полный заработок и все виды премий. И я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь отказался от этой оплаты. Наоборот, во многих случаях, кроме полной оплаты за день, полностью — или чаще частично — отработанный на сельскохозяйственных работах, работники требуют и получают оплаченный отгул на полдня или даже на 1–2 дня (недавно ваша газета писала, что этот порядок очень удобен для тех, кто готовит диссертацию без отрыва от производства). И коммунисты отнюдь не показывают примера сознательности и бескорыстия.

Качество работы как правило ниже среднего, так как горожане плохо знают работу, инструктируют их обычно на ходу за 2–3 минуты. Не редкость, когда путают при прополке сорняки с полезными растениями, а при сортировке картошки, скажем, я не раз встречал женщин, которые полагали, что позеленевшая картошка может дозреть на солнышке, подобно помидорам. Кроме того, люди видят, что труд обычно плохо организован, а качество труда никак не стимулируется ни морально, ни материально (с количеством сделанного бывает по-разному: иногда тем, кто сделал больше и быстрее, объявляют благодарность в приказе, но это бывает редко, а материальные стимулы почти полностью отсутствуют). Поскольку оплата труда, начисленная колхозом, совхозом, овощной базой, обычно весьма незначительна по сравнению с заработком, сохраняемым за работником по месту основной работы, и поскольку люди незнакомы с расценками на сельскохозяйственные работы, а некоторые к тому же и стесняются получать два заработка за один и тот же рабочий день, — в начислении и выплате этих сумм существует масса злоупотреблений. Я думаю, что немало сумм остается невостребованными, и это (на бумаге!) улучшает экономические показатели хозяйства и овощных баз. Очень многие работы, выполненные прикомандированными работниками "проводятся" как выполненные "своими" работниками с выплатой им за это заработка, премий и т.п. Порой начисленный заработок переводится на счет командировавшего предприятия (нам официально сообщили, что в последнее время такой порядок установлен в нашем НПО и что поступившие суммы перечисляются затем в "Фонд мира"). Не редкость и такие случаи, когда начисленный за сельскохозяйственные работы заработок на всю группу кладут в свой личный карман "старшие" групп. (У нас в НПО такое случалось не раз. В отношении двух подобных случаев я получил несколько лет назад официальный ответ из ОБХСС о том, что проверка подтвердила, что двое "старших" получили деньги на свои группы и их не раздали — речь шла о 200 или 300 руб., — но в возбуждении уголовного дела отказано из-за невозможности доказать умысел на присвоение этих денег. Дирекции института было предложено принять меры к этим людям и взыскать с них деньги. Но этого сделано не было, эти люди спокойно уволились. Впрочем, по другим сведениям, часть денег оказалась у одного из сотрудников отдела кадров.)

Может показаться странным, почему же люди терпят эти безобразия и редко категорически отказываются от поездки на посторонние работы, хотя администрация, как известно, не вправе за такой отказ ни уволить работника, ни наложить на него дисциплинарное взыскание. Причин немало. Ну, во-первых, у любого начальника есть немало способов прижать строптивого работника. Один из наиболее "законных" способов — никогда не отпускать с работы; газеты (и ваша в том числе) часто пишут о том, что различные ремонтные и бытовые службы, госучреждения, ЖЭК и т.п. вынуждают людей уходить с работы в рабочее время, начальник же отнюдь не обязан отпускать работника, и потому ставший неугодным работник может попасть в безвыходное положение. Начальник может также без особых формальностей срезать премию, а если очень захочет, то и "зааттестовать" работника, то есть снизить ему зарплату; еще легче не повысить зарплату, когда работник имел основания ожидать такого повышения. Это первая причина. Не буду утверждать, что она главная. Немалое значение, конечно, имеет то, что люди верят: их помощь нужна государству, надо спасти урожай. Впрочем, все больше становится людей, которые видят, что вся эта практика — экономический абсурд, который ведет постепенно к экономическому краху. Третья причина — сознание, что если я не поеду, кто-то вынужден будет поехать за меня. Многие, однако, охотно едут на сельскохозяйственные работы, руководствуясь куда более прозаическими мотивами. Прежде всего, многие очень заинтересованы в отгулах. Далее чаще всего (хотя не всегда) на сельскохозяйственные работы даже с учетом времени на дорогу уходит не полный рабочий день. С тех, кто чаще и охотнее ездит "на картошку", меньше спрос по основной работе (недавно это ярко показал журнал "ЭКО" в юмореске, называвшейся "На одном нерве" или что-то вроде этого). Для многих коллективов поездка в колхоз — повод, чтобы "скинуться", то есть организовать коллективную выпивку (хорошо, если после окончания работы, а не в ее начале). Не секрет, что большинство работающих на овощебазах или на уборке урожая "отовариваются", то есть прихватывают овощи с собой; более того, многие, даже общественники-активисты весьма иронически относятся к тем, кто приходит на такую работу,

не прихватив с собой вместительного пустого рюкзака. Ну и, наконец, если погода хорошая, приятно подышать свежим воздухом, да и в любом случае смена умственного труда физическим полезна для здоровья, если человек здоров и если труд не чрезмерно изнурительный (а он редко бывает очень уж интенсивным).

Таким образом, я полагаю, что несмотря на все описанные выше недостатки в охране труда работников, привлекаемых к сельскохозяйственным и прочим работам, большинство этих работников не чувствуют себя очень уж ущемленными. Лично они и их здоровье в большинстве случаев не страдают. Страдает порученное им по основной работе дело и экономика страны в целом. (Не говоря уже о том, что люди привыкают к неизбежности лжи, о чем сказано выше.)

Самое важное место в статье А.Раздобреева – это констатация факта, что в результате подобного рода "помощи" "фактически неизвестна точная себестоимость ни промышленной, ни сельскохозяйственной продукции, а с неточными исходными данными не поможет даже самая совершенная, самая научная и автоматизированная система управления". Именно так! Я бы только вычеркнул здесь слово "точная" (перед "себестоимость") и даже думаю, что его у А.Раздобреева не было, а оно появилось скорее всего при редактировании письма редакцией. Ведь нельзя сказать, что неизвестна лишь точная себестоимость, она неизвестна вовсе (или, если хотите, можно сказать, что неизвестна истинная себестоимость). А то, что именуется "себестоимостью" в документах, отличается от истинной себестоимости не на несколько процентов, а в лучшем случае в несколько раз, а то и в несколько десятков раз, и потому никак не может быть названо "приближенным" или "неточным" значением себестоимости, а разве что – себестоимостью ф и к т и в н о й. Труд экономистов, подсчитывающих эти фиктивные цифры, в лучшем случае бесполезен. (Совершенно правильно отмечает "Социалистическая индустрия" 21 марта 1982 г. в статье "Планирование липы" бесполезность труда плановиков и экономистов, планирующих заведомо завышенные объемы расхода топлива с тем, чтобы показать экономию части этого топлива; но ведь такая же липа предписана "сверху" и во многих других вопросах: в доходах госбюджета планируется "доход от экономии расходов на управление", "доход от сокращения размеров премий". Это явно бессмысленно – ежегодно заранее одной рукой планировать расходы на управление и премии в определенном размере, а другой рукой часть этих расходов тут же записывать в проект доходов.) Попытка использовать эти фиктивные данные при принятии управленческих решений не может не приводить к принятию ошибочных решений, которые в свою очередь ведут к дальнейшему ухудшению состояния экономики.

Одним из результатов отсутствия сведений о реальной себестоимости сельскохозяйственной продукции является сдерживание разработки и выпуска машин для сельскохозяйственного производства и для работ по хранению и переработке сельскохозяйственной продукции. Работники совхозов порой придерживаются иного мнения. Однажды, около 10 лет назад, работая на уборке картофеля в совхозе "Красносельский", я разговорился на эту тему с одним из руководителей совхоза (если не ошибаюсь, это был директор совхоза). Он сказал мне: "Вы неправы. Если я услышу, что выпускается хорошая машина для уборки картофеля или турнепса или для прополки, я на коленях стану умолять вышестоящее начальство и добьюсь выделения средств и фондов на приобретение таких машин, пусть даже по расчетам они будут совершенно нерентабельны". Я не сомневаюсь, что директор говорил искренне. И все же я думаю, что он ошибается. Если бы нужные ему машины выпускались, можно допустить, что директор выпросил бы ассигнования и фонды и приобрел бы машины. Можно даже допустить, хотя уже с трудом, что директора не взгрили бы, а совхоз не лишили поощрительных фондов за то, что после приобретения этих машин себестоимость продукции (на бумаге) сильно возросла бы. Но ведь дело в том, что выпрашивать можно лишь выпускаемые машины. А серийно выпускаться могут лишь машины, которые согласно расчету и ТЭО (технико-экономическому обоснованию) будут рентабельными. И вот если себестоимость применения проектируемой машины сравнивать с себестоимостью продукции, полученной с применением ручного труда, то результат оценки, естественно, зависит от того, с каким значением себестоимости будет проводиться сравнение. И если вместо реального значения себестоимости при таких сравнениях будет использо-

ваться фиктивная себестоимость, то очень часто вполне рентабельные машины будут признаваться нерентабельными и, естественно, не будут запускаться в производство. Ведь на бумаге стоимость одного человекодня ручных работ составляет от 0,5 до 2–3 руб., а на деле (прибавляя к этому зарплату инженера, ведущего инженера или кандидата наук – даже без учета отгулов) – от 6 до 17 рублей!

Несколько лет назад ваша газета писала об опыте некоторых колхозов и совхозов Таджикистана, где вместо обычного привлечения "дешевой" (для колхоза, но не для государства и общества в целом) рабочей силы из города ввели повышенную оплату наличными и надбавки за сортность, и оказалось достаточно помощи деревенских подростков, домохозяек и пенсионеров, причем почти весь хлопок был собран и сдан первым сортом, так как деревенские жители, естественно, лучше городских умеют правильно собирать хлопок. Эксперимент, помнится, был прекращен как "нарушающий финансовую дисциплину", и сведений о возобновлении эксперимента я не встречал. По-видимому, опять практикуется массовое привлечение горожан к уборке хлопка. Не этим ли, наряду с другими причинами, объясняется и резкое снижение сортности собранного хлопка, о чем говорил недавно в Ташкенте Л.И.Брежнев?

Пусть "сейчас не обойтись без массовых приездов горожан на село" (как пишет А.Раздобрев). Но что мешает учитывать реальную себестоимость?

Для учета реальной себестоимости надо всю зарплату, выплаченную работникам, направленным на помощь селу (овощной базе, стройке, хлебозаводу и т.п.), за дни прикомандирования и за дни отгула учитывать отдельно и относить не на себестоимость продукции по месту основной работы, а на себестоимость продукции по месту прикомандирования. И не только зарплату, но и другие расходы (например, по перевозке работников на село, по направлению автомобилей для перевозок урожая и тому подобное), которые несет "шефствующая" организация. Технически это можно сделать по-разному. По одному из вариантов никаких взаимных расчетов и перечисления денег производить не надо. Просто бухгалтерия или планово-экономический отдел "шефствующей" организации подсчитывает общую сумму расходов на "помощь", сообщает ее колхозу, совхозу (или иной "принимающей" организации), а там эту сумму относят на себестоимость разных видов продукции пропорционально числу отработанных "шефами" часов на производстве соответствующей продукции. Этот вариант особенно пригоден при массовых выездах работников на один день. Для тех же работников, которые направляются на неделю, а тем более – на месяц, был бы, пожалуй, целесообразнее иной вариант: работник берет с собой справку о среднем заработке, и колхоз, совхоз выплачивает ему этот средний заработок, получая соответствующую дотацию из госбюджета, а госбюджет снимает эту сумму со счета "шефствующего" предприятия (у которого ведь образовалась экономия фонда зарплаты, поскольку откомандированным работникам зарплата не начислялась и не выплачивалась). Зарботок по ставкам для сельскохозяйственных рабочих может, как и сейчас, выплачиваться сверх указанных сумм либо не начисляться и не выплачиваться.

Меня могут спросить: так что же, вы предлагаете узаконить нелепую и незаконную практику? Отвечая: я предлагаю прекратить лгать и обманывать самих себя. Я согласен, что описанная практика двойной оплаты, отгулов и т.п. уродлива и нелепа. Но гораздо более уродливо и нелепо, что постоянно и повсеместно составляются фиктивные документы, никак не отражающие практику. А практика, пусть нелепая и незаконная, всем известна и поощряется, но нигде в документах не отражается. Только после того, как в документах будет отражено реальное положение дел, можно будет принимать решения о путях его улучшения. В противном случае все попытки улучшения положения приведут лишь к улучшению отчетов, а реальное положение останется прежним или даже ухудшится.

Конечно, можно предвидеть трудности в реализации даже такой минимальной меры, как предлагаемый А.Раздобревым и мной учет реальной себестоимости. Например, руководители предприятий склонны будут занижать численность и зарплату командированных, опасаясь того, что правильные сведения приведут к сокращению штатов и/или лимитов по труду.

Тем не менее иного, менее радикального пути нет. (Возможны лишь более радикальные, комплексные преобразования экономики на пути расширения применения стоимостных рычагов.) Если же даже эти минимальные меры не будут осуществлены – это значило бы, что руководящие органы видят спасение экономики от грозящих опасностей в том, чтобы этих опасностей не замечать, игнорировать их. Но подобная страусова политика прятания головы в песок никогда не приводила к успеху и не может не вести к краху экономики.

21 апреля 1982 г.

С уважением Орловский Эрнст Семенович

ведущий инженер научно-патентного отдела
ВНИИ метрологии им. Д.И.Менделеева

193936 Ленинград, ул. Восстания, 13, кв.33

Рисунок В. Сысоева

ИЗ ГАЗЕТ

ПОРА СЕНОКОСНАЯ

В народе заметили: зацвела белая ромашка — начинай сенокос.

Точно к этому сроку завершили подготовительные работы в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР: запаслись инструментом, организовали транспорт и людей.

И вот пошла косовица, выделившая своих мастеров: отбить литовку — этим особенно отличался старший архитектор В. Колгушкин; лучший забойщик-косарь — младший научный сотрудник С. Красильников; не было равных на подборке старшему лаборанту Т. Швайковской. Душой коллектива стал председатель профсоюзного комитета старший научный сотрудник М. М. Ефимкин.

90 тонн зеленой массы заготовил коллектив, составленный в основном из молодых сотрудников института. Это в два раза больше, чем в прошлом году.

г. Новосибирск

Ю. Степанин

"Советская Сибирь", 30 июля 1983 г.

ТАЙНА ПЛЕСЕЦКА

Владимир Губарев столкнулся с дилеммой поистине космического масштаба. Ему, как научному корреспонденту "Правды", полагалось сообщать о космических полетах и прочих достижениях передовой техники. Однако он должен был также способствовать воспитанию советского человека в духе доверия к государственным учреждениям. Теперь ему предстояло заняться вопросом, честное обсуждение которого в печати могло привести к раскрытию государственной тайны. Это были неопознанные летающие объекты (НЛО). Захватывающие дух зрелища наблюдались по всей стране, а правительство уверяло население, что все в порядке и никаких "летающих тарелок" не существует.

Что было делать Губареву? Единственный разумный выход из положения — открыть правду о причинах появления неопознанных летающих объектов — был для него невозможен по соображениям военной тайны. Ибо никто иной, как советские военные, занятые деятельностью в космосе, которая официально отрицалась, были причиной массовых появлений НЛО над страной.

Из Шереметьевского аэропорта Губареву позвонил смущенный летчик.

"Я второй пилот ИЛ-62, — сказал он. — Вчера вечером при заходе на посадку наблюдали необычное явление. Огненная точка поднялась над горизонтом, некоторое время летела параллельно нашему курсу, затем резко ушла вверх!"

Один за другим раздавались такие, поразительно похожие звонки. Звонил человек из Шатуры:

"Просим разъяснить, что мы видели вчера на рыбалке. Около полуночи я выбрался из палатки и глянул на восток. По небу двигалось что-то необычное: из светящейся точки исходило пламя. Это "летающая тарелка"?"

Губарев-то знал, что это был не НЛО. Более того, он почти наверняка знал, что это было на самом деле. Но когда он попытался объяснить, рыбак не поверил. По иронии судьбы журналист из "Правды" на сей раз действительно говорил правду, но ему не верили.

В течение нескольких лет удивительные видения полыхали в ночном небе северо-запада СССР. Огненные призраки витали даже над Москвой, — особенно впечатляющим было явление 14 июня 1980 г. Десятки тысяч очевидцев были удивлены и напуганы, а буквально миллионы слышали из вторых или третьих уст рассказы об этих событиях (соответственно приукрашенные и драматизованные, как и полагается в фольклоре.)

Наиболее эффектной была НЛО-"Медуза", появившаяся над Петрозаводском в сентябре 1977 года. Агентство ТАСС передало сообщение, озаглавленное: "Необычное

природное явление над Карелией.” Местный корреспондент Николай Милов писал:

”20 сентября около 4 часов утра в темном небе неожиданно вспыхнула огромная звезда, от которой на землю импульсами исходили лучи. Эта звезда медленно двигалась в направлении Петрозаводска и, растянувшись над ним в форме медузы, повисла, освещая город множеством тонких лучей, создававших впечатление дождя. Через некоторое время светящиеся лучи исчезли. Медуза превратилась в яркий полукруг и продолжила свое движение в направлении Онежского озера. В световой пелене возникло полукруглое яркое пятно, красное посередине и белое по краям. Явление продолжалось 10–12 минут.”

Советские энтузиасты НЛО накнулись на это сообщение. В прессе появилась целая волна публикаций. ”По-моему, — заявил писатель-фантаст Александр Казанцев, — это был внеземной космический корабль, производивший разведку”. Доктор наук Владимир Ажажа писал: ”Я думаю, что над Петрозаводском наблюдали или НЛО, корабль, посланный высокоразвитой цивилизацией, с командой и пассажирами, или энергетическое поле, созданное таким НЛО”. Алексей Золотов, геолог, один из главных защитников гипотезы о том, что Тунгусский метеорит 1908 г. был взрывом космического корабля, сказал западным журналистам: ”Объект был типичной летающей тарелкой. Имеющиеся сообщения не оставляют никакого сомнения, что наблюдался НЛО.” Старейшина советских ”тарелочников” Феликс Зигель согласился, что это был настоящий НЛО: ”Сомнений нет, объект обладал всеми характерными признаками”. Специалист по НЛО Сергей Божич указал на сложную природу петрозаводского феномена. По его данным, ”сообщалось по меньшей мере о 13 НЛО, совершенно непохожих на запуски ракет; девять из них наблюдались в 4 часа утра.” Вот один из примеров. ”По сообщению А.Павленко, огненный шар неизвестной

Запуск ракеты (кадр из советского фильма). Для неосведомленного очевидца это выглядит как НЛО-”Медуза”

Конденсационный след ракеты может висеть на небе часами (на фото: после запуска из Плесецка 20 сентября 1977 г.)

природы летел с юга к Петрозаводску, опустился по винтовой траектории над гостиницей ”Северная” в 4 часа утра и висел над ней в течение 5 или 7 минут. Он испускал характерное жужжание.” В другом случае ”НЛО в форме выпуклой линзы аметистового цвета, размером с половину луны, в течение 15 минут висел над деревней Намоево в 35 км на северо-запад от Петрозаводска в 3 часа утра, то есть за час до запуска. На краю линзы в телескоп с 80-кратным увеличением конструкции Ю. Линника были видны шестнадцать точек.”

Распространялись также сообщения о разрушениях в городе. По слухам были выбиты окна, а в брусчатке мостовых образовались загадочные дыры. Однако лишь немногие сообщали, что видели повреждения. Все вещественные доказательства (если они были), очевидно, быстро попали в руки КГБ.

На Западе петрозаводский НЛО недолго оставался неопознанным. Как только я услышал о нем, мне сразу же вспомнились сообщения прошлых лет из Финляндии об аналогичных явлениях, оказавшихся ничем иным, как запусками советских ракет с космодрома в Плесецке (Архангельская область). Быстрый просмотр данных о новых запусках позволил тут же установить, что в 3 часа 58 мин. в Плесецке был запущен спутник-шпион Космос-955. Выхлопной след двигателя первой ступени, освещенный утренним солнцем, находившимся как раз под восточным горизонтом, не был виден в Москве из-за облаков (это подтвердилось, когда я получил сделанные этим утром фотографии с американского метеорологического спутника). Однако условия наблюдения в районе Ленинград–Петрозаводск, в Финляндии и Эстонии были превосходными. И именно из этих районов посыпались сообщения.

Официальные советские представители кинулись объяснять наблюдавшиеся явления. Директор Пулковской обсерватории ныне покойный член-корр. АН СССР В.А.Крат полагал, что это были просто метеоры или спутники, сгорающие при входе в атмосферу. Член-корр. АН СССР В.В.Мигулин был уверен, что все это — северные сияния. Инженер-химик Михаил Дмитриев полагал, что наблюдалась хемилюминесценция промышленного смога, чуть ли не болотные огоньки. В отчете Академии Наук 1979 г. говорится о поистине необычной природе явления, вызывающих визуальные наблюдения НЛО.

В письме ко мне от 18 мая 1979 г. В.Мигулин писал: "Я не могу согласиться с Вашим утверждением, что Петрозаводское явление в сентябре 1977 г. было вызвано запуском ракеты, так как целый ряд аналогичных явлений наблюдался над довольно большой территорией в течение 3–4 часов как до, так и после событий, происшедших в Петрозаводске. Глобальный характер явления свидетельствует скорее в пользу его геофизической природы". В статье В.Мигулина, опубликованной в 1980 г., говорилось: "Активный процесс развивался примерно в течение 3 часов... Момент, когда наблюдалось Петрозаводское явление, был совершенно уникальным с точки зрения солнечной активности и состояния атмосферы и магнитосферы. В этот момент магнитное возмущение и поток солнечных электронов одновременно достигли земли; магнитосфера оказалась в чрезвычайно возбужденном состоянии. Наблюдалось интенсивные полярные сияния редкого типа... Было бы удивительно, если бы в эту ночь над Карелией ничего не наблюдалось."

К 1982 г., однако, В.Мигулин начал допускать возможность человеческой деятельности, как одной из причин наблюдавшихся явлений. В "Литературной газете" от 20 октября 1982 г. он писал:

"Полностью природа этого явления все-таки непонятна. Мы слишком мало знаем о процессах, которые вызвали всю совокупность наблюдавшихся тогда явлений, — почему все происходило именно так, а не иначе. Но можно утверждать, что там имело место сочетание по крайней мере двух факторов — сложной геофизической обстановки (происходили мощные колебания магнитного поля, интенсивные полярные сияния и т.д.) и технического эксперимента в космическом пространстве".

Траектория запуска из Плесецка, вызвавшего НЛО 20 сентября 1977 г.

Пока В.Мигулин медленно продвигался к хотя бы частичному признанию того, что в это дело был замешан запуск ракеты, энтузиасты НЛО продолжали развивать собственные версии событий. А.Казанцев писал в 1980 г., что НЛО "висел в ночном небе по крайней мере два часа на высоте порядка ста километров." Н.Милов — журналист, первым поведавший об этой истории, утверждал:

"Это был центр огромной активности: тела меньшего размера казалось отлетали от него, а другие наоборот приближались и исчезали в огромных иллюминаторах".

Хотя многие западные специалисты по НЛО довольно быстро согласились, что Петрозаводское явление было вызвано запуском ракеты из Плесецка, некоторые не приняли эту точку зрения. В 1980 г. Дейл Круикшенк (астроном в обсерватории Гавайского университета на Мауна-Лоа) и Дэвид Свифт писали в "Journal of UFO Studies", что, несомненно, "нечто необычное произошло в небе над северной частью России, но мы не знаем, что это было или чем это было вызвано." Большое впечатление на этих авторов произвели сообщения (хотя и неподтвержденные) о выбитых окнах, дырах в брусчатке мостовых: "...детали, придающие явлению загадочный характер и порождающие сомнение в справедливости гипотезы о запуске ракеты, вполне правдоподобной во всех других отношениях... Эти подробности меняют дело, — из явления, которое казалось уже объясненным, оно вновь превратилось в неопознанное. В настоящее время события в Петрозаводске остаются необъясненными".

В переписке со мной Круикшенк пояснял: "Я согласен с тем, что большая часть ставших известными на Западе фактов говорит в пользу запуска в Плесецке, однако это объяснение оставляет без ответа несколько вопросов. В их числе: множественность явлений над городом; странные дыры в окнах и на улицах; серьезный характер исследования, проведенного АН СССР, в отчете о котором, однако, ничего не говорится о деятельности человека как о возможной причине явления; скептицизм советских ученых, беседовавших с очевидцами, в отношении объяснения явлений запуском ракеты... Не ко всем свидетелям петрозаводских событий можно отнестись пренебрежительно".

Но все перечисленное в той или иной степени характерно и для многих других фальсифицированных сообщений о НЛО, появляющихся в разных концах мира. Уже поэтому они не могут всерьез поставить под сомнение объяснение явлений запуском ракеты. Кажущаяся множественность событий объясняется тем, что очевидцы неточно запоминали время и путали направления. Физические следы события (дыры на мостовой и разбитые стекла окон — это, возможно, лишь слухи, пущенные теми самыми организациями, которые заинтересованы в укреплении версии о НЛО в умах советского населения, чтобы отвлечь внимание от истинных причин. Отчет АН СССР 1979 г., как было доказано, является просто фальшивкой, почти наверняка имеющей целью замаскировать "летающими тарелками" советскую военную деятельность в космосе. Как показывает продолжительный и горький опыт, бесспорная искренность очевидцев и исследователей, к сожалению, имеет мало общего с точностью даваемых ими объяснений.

Давно известно, что советские ракеты вызывают эффектные ночные явления. Кертис Пиблс нашел два интересных упоминания о таких явлениях, относящиеся к самому началу космической эры. Они были связаны с испытаниями межконтинентальных баллистических ракет в Тюратаме, он же Байконур (ускоритель такого же типа использовался несколькими годами позднее в Плесецке).

Американский специалист Герберт Сковилл, производя оценку испытаний советских межконтинентальных ракет SS-6, описал необычные световые явления, которые их сопровождали (см. John Prados, "The Soviet Estimate", 1982). О том же пишет в своей книге "Operation Overflight" (1970) пилот самолета U-2 Фрэнсис Пауэрс. Описывая разведывательные полеты вдоль границ СССР в 1958–59 гг., он отмечает: "Особый интерес представляли запуски советских ракет. По какой-то причине многие из них проводились ночью и... часто представляли собой великолепное зрелище, освещающая небо на несколько сот миль."

Таким образом, становится понятным интерес американских разведывательных организаций к сообщениям о "световых явлениях" или просто о "неопознанных летающих объектах". Именно потому, что это не "настоящие НЛО", а нечто более прозаическое и значительно более важное для национальной безопасности, сообщения о НЛО из-за железного занавеса и из стран, граничащих с Советским Союзом, тщательно собираются и анализируются. Судебные иски, возбужденные группами энтузиастов НЛО, вынудили ЦРУ в 1982 г. предать гласности "секретные документы о НЛО", например, записи наблюдений НЛО пилотами гражданских авиалиний западных стран во время полетов ночью над территорией СССР или поблизости от нее.

В.Губарев, как и целый легион лиц, дававших официальные объяснения, конечно, знал об истинном происхождении этих "НЛО", знал, что причиной явления были запуски ракет из Плесецка. Но поскольку эта база является в первую очередь военным космодромом, сведения о ней держались в тайне даже спустя пятнадцать лет после того, как оттуда начали запускать спутники-шпионы. Любое упоминание о ней в советских средствах информации было строго запрещено, а разглашение тайны грозило суровым наказанием.

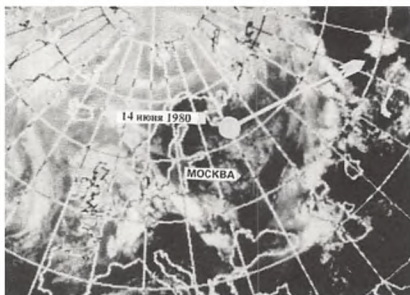

Фото с американского метеоспутника, показывающее погодные условия во время запуска Космоса-1188, вызвавшего московский НЛО 14 июня 1980 г.

Так как упоминать о существовании космодромов было нельзя, феерические эффекты следовало официально объяснять "естественными причинами". Или, если публике хотелось видеть в этом "летающие тарелки", то что ж в этом плохого? Таким путем тайна охранялась еще более надежно.

К несчастью, советских граждан не удалось успокоить ложными объяснениями, в особенности, когда последовали новые поразительные явления, — уже упомянутые появления НЛО над Москвой 14 июня 1980 г. и 15 мая 1981 г.

15 мая 1981 г., около половины второго утра в Плесецке был запущен метеорологический спутник Метеор 2-7. Несколько мгновений спустя, когда первая ступень ракеты достигла высоты около 150 км, выхлопной след двигателя над северным горизонтом осветило солнце. Спутник был запущен на околополярную орбиту высотой более 800 км и летел практически точно на северо-восток от Плесецка.

В течение нескольких минут после запуска северо-восток Европейской части РСФСР, в частности Москву, охватила "тарелочная" паника. Был замечен "шарообразный НЛО", движущийся над Москвой на восток. По сообщению американского журналиста Генри Гриса ("National Enquirer", 8 декабря 1981 г.), исследователями НЛО было после этого собрано более 80 сообщений очевидцев, а действительное число лиц, наблюдавших

”НЛО”, вероятно составляло десятки тысяч. ”НЛО был изучен очень тщательно”, — писал Грис. Прежде всего это касалось его траектории: ”Довольно странно, что она повторяла траекторию НЛО 14 июня 1980 г.” Грис опубликовал подробный отчет о том, что советские ”тарелочники” рассказали ему об этом НЛО. ”Кремлевские власти охвачены паникой из-за невероятных вторжений в советское воздушное пространство”, — утверждалось в статье. ”По сообщению из хорошо осведомленного источника”, сам Андропов, тогда еще глава КГБ, якобы получил приказ ”немедленно расследовать мрачный инцидент с НЛО.” Грис продолжал: ”Тысячи русских были очевидцами потрясающего появления НЛО. Некоторые прятались, крича от страха”.

”Сверкающий голубой НЛО, почти 600 м в поперечнике, в течение тридцати минут висел над Внуковским аэропортом, а затем пронесся в сторону северных окраин Москвы, где поразил очевидцев серией воздушных фейерверков”, — так писал советский энтузиаст НЛО Владимир Ажажа.

Согласно реконструкции событий, сделанной Феликсом Зигелем, НЛО сначала появился над Тулой в 170 км к югу от Москвы. Через три минуты его видели над Москвой. Московский инженер-механик Виктор Лапочкин заметил, что в центре ”инопланетного корабля” произошла ослепительная белая вспышка, которая потом расплылась в огромный оранжевый шар с белым центром. Затем, рассказывает Лапочкин, на город стали падать ”огненные красные капли.”

От ”корабля-матки” отделились несколько маленьких НЛО. Один из них, как сообщал В.Ажажа, ”в течение двух часов висел над подмосковной железнодорожной станцией. Затем он неожиданно нырнул в озеро вблизи станции. Через несколько секунд он вынырнул на поверхность и улетел”.

Один из советских любителей НЛО предположил, что событие в мае 1981 г. ”было повторным визитом того же космического корабля, который уже прилетал 14 июня прошлого года, и что при этом произошло что-то рассердившее пришельцев или приведшее их в воинственное настроение.” В этом предположении содержится некоторая доля правды. Оба явления вызваны запусками ракет одного и того же типа.

Как и раньше, удивительное событие породило всякого рода преувеличенные и вообразимые побочные эффекты. Как и раньше, некоторые советские правительственные организации намеренно ”мутили воду” сенсационными слухами с тем, чтобы помешать распознаванию истинной природы явления.

Запуск ракеты, произведенный 15 мая, был виден даже в Швеции, а фотография, сделанная Сюзанной Халтман из университета Умео (на берегу Ботнического залива), была позднее опубликована в журнале ”Aviation Week”.

Упомянутый выше С.Божич приводит бесчисленные примеры ”независимых” наблюдений НЛО в день запуска 15 мая. ”Сообщалось по меньшей мере о десяти НЛО, отличных от запуска ракеты. Восемь из них наблюдались от 1 часа 30 мин. до 2 час. 02 мин., то есть одновременно с тем, когда наблюдалось световое явление... Пилоты шести гражданских самолетов сообщали либо о летящих НЛО, либо о нападении НЛО на их самолеты; в 1 час 30 мин. НЛО атаковал грузовик на Рязанском проспекте в Москве; в 1 час 45 мин. дискообразный НЛО двигался над восьмизэтажным зданием, причем приблизительно в ста метрах за ним летел самолет; между 1 час. 55 мин. и 2 час. 02 мин. над Ленинградом наблюдался НЛО в виде двух тарелок, одна из них перевернутая, — он двигался вверх по спирали. Божич приходит к заключению: ”Запуски земных космических кораблей могут совпасть по времени с сообщениями об обычных НЛО”.

Все главные советские газеты игнорировали появление НЛО 15 мая 1981 г. Однако второстепенные издания неожиданно пренебрегли запретом упоминать о такого рода событиях. "Строительная газета" 22 мая поместила интервью с астрофизиком Юлием Платовым (молодым протеже В.Мигулина); в этом интервью ученый комментировал письмо одного очевидца, коллеги журналиста этой газеты.

Фотография запуска Союза-13 из Байконура в 1973 г. Видны полосы, отходящие от яркого узла на вершине облака

Этот человек наблюдал НЛО, который, "в течение нескольких минут был неподвижен, источал ровный белоголубой свет, потом от него спиралью спустился яркий оранжевый шлейф, после чего на фоне тарелки возник темный квадрат правильной формы, который стал симметрично увеличиваться, одновременно медленно удаляясь в сторону. Затем НЛО остановился вновь, несколько минут висел неподвижно, после чего стремительно взмыл к звездам".

После исчезновения НЛО очевидец хотел включить свет, прежде чем выйти на балкон гостиницы, однако обнаружил, что лампа перегорела!

Платов без обиняков объяснил, что это был запуск ракеты. "Огненный шлейф [космического корабля ночью] виден за сотни километров", — осторожно заметил он, избегая точного указания места, откуда была запущена ракета. "Один из [таких запусков] видел ваш коллега", — доверительно сообщил Платов журналисту. "Если бы он совместил сообщение ТАСС о запуске в космос космического корабля, который был произведен именно в это время, для него все бы стало на свое место". Относительно лампочки Платов предположил, что это было простое совпадение. Газета согласилась с этим объяснением, снабдив статью заголовком "Чуда не было".

Чудо предстояло совершить Губареву, а именно — снять покров с тайны Плесецка. Трудно сказать, что непосредственно побудило власти к этому шагу, но большинство наблюдателей связывают это с широкой оглаской на Западе и неблагоприятными, если не сказать издевательски-насмешливыми комментариями по поводу грубого камуфляжа запусков при помощи "НЛО". В 1982 и начале 1983 г. ведущие журналы многих стран опубликовали подробные отчеты о смехотворных опровержениях Москвой существования Плесецка, даже когда запуски вызвали массовую "тарелочную" панику. Начало этому было положено моими изысканиями, и я был автором многих статей. Публикации на эту тему появились в "Readers Digest", "OMNI", "Christian Science Monitor", "Skeptical Inquirer", "Aviation/Space", "Technology Review", "New Scientist" и "Spaceflight", а также в многочисленных бюллетенях энтузиастов НЛО в Западной Европе. Надо полагать, Губарев и его коллеги получили указания.

В середине 1983 г. Губарев — по-видимому после неизвестных нам интриг в цензурном аппарате и на верхах — сделал ход. Сначала это

Зарисовка московского НЛО 15 мая 1981 г. Структура облака такая же, как и на предыдущей фотографии

было "намеренно-случайное" упоминание "плесецкого космодрома" в статье о другой пусковой площадке — Капустином Яре. Западные наблюдатели, первым среди них Теодор Шабат из "New York Times", тотчас же поняли значение этого упоминания. Но к следующему шагу Губарева они оказались неподготовленными: это была большая статья, посвященная исключительно Плесецку.

Статья появилась в "Правде" 20 июня 1983 г. Заголовок гласил: "Место старта — Плесецк", и уже первый ее абзац был оглушающим ударом после стольких лет лжи.

"В легенду о "летающих тарелках" (НЛО) космодром Плесецк вносит немалый вклад", — писал Губарев. Прикрытие разлетелось на куски.

В статье рассказывалось о НЛО, который наблюдал пилот из Шереметьева, и о НЛО, который видел в полночь рыболов из Шатуры. Губарев объяснял:

"Узнав, что он наблюдал запуск искусственного спутника Земли с космодрома Плесецк, рыболов не поверил... А ведь в ясные дни, когда устанавливается антициклон, в Подмоскowie можно увидеть, как работает третья ступень ракеты-носителя, выводящая на орбиту спутник. Ну а во многих других городах, расположенных "вокруг" космодрома, их наблюдают гораздо чаще".

Как будто исчерпав силы из-за привычки говорить правду, Губарев снова скатился на ложь. Плесецк, писал он, был построен в 60-х годах и должен был "внести свой вклад в использование спутников Земли для решения народнохозяйственных задач. В частности, для нужд связи и метеорологии."

В действительности Плесецк — в первую очередь военный космодром, и лишь 10% запускаемых оттуда спутников предназначены для гражданских целей. Больше половины — это спутники-шпионы, остальные также являются военными спутниками различных типов. Первые пусковые установки, построенные в Плесецке в 1960 г., были, вероятно, предназначены для ракет с ядерными боеголовками, нацеленными на Запад. И только в 1966 г. из Плесецка были выведены на орбиту первые спутники. О существовании базы впервые сообщили радиолюбители из Великобритании. Название Плесецк появилось в печати несколькими неделями позже, когда один американский журналист сопоставил с картой широту и долготу, указанные англичанами.

В декабре 1967 г. появился первый "НЛО", вызванный запуском из Плесецка. Хотя о нем от советских энтузиастов НЛО поступило много сообщений, в нем не распознали еще первый псевдо-НЛО особого нового типа.

К 1969 г. из Плесецка производилась почти треть всех космических запусков в мире, а пятью годами позже — больше половины. К концу 70-х гг. две трети искусственных спутников во всем мире запускались с космодрома, который официально не существовал. Одновременно производились и эффектные запуски НЛО.

Губарев не смог обойтись и без фотоподделок, которые в СССР стали традицией. Статья иллюстрирована фотографией небольшого научного спутника на вершине ракеты-носителя. Этот снимок уже был опубликован много лет назад как фотография польского спутника "Коперник-500", предназначенного для изучения солнечной радиации и запущенного с космодрома Капустин Яр в 1973 г.!

Из военного космического центра в Плесецке производятся также испытательные запуски ракет. Отсюда осуществлялись запуски новых межконтинентальных баллистических ракет на твердом топливе ПЛ-5 в направлении Камчатки. Характерно, что в нарушение соглашения СОЛТ-2 телеметрические данные об этих испытаниях были зако-

дированы. По имеющимся сведениям, первый запуск в октябре 1982 г. не удался. Следующий такой запуск ожидался 30 августа 1983 г., и американский самолет электронной разведки RC-135 был направлен для патрулирования вблизи места ожидавшегося приводнения ракеты. Позднее, пытаясь оправдать преступление — расстрел мирного корейского авиалайнера 1 сентября 1983 г., советские представители намекали, что они могли принять авиалайнер за этот разведывательный самолет. Версия слишком грубая, чтобы в нее можно было поверить: RC-135 вдвое меньше "Боинга", имеет совсем иной внешний вид и барражировал не у Сахалина, а к западу от Камчатки. Несомненно, однако, что в это время и в том районе имела место повышенная напряженность, вызванная ожидавшимся запуском из Плесецка.

По данным американской разведки, в Плесецке в 1982 г. находилось от сорока до ста мобильных межконтинентальных баллистических ракет SS-16. Если это так, то перед нами еще одно нарушение соглашения СОЛТ.

Камуфляж при помощи НЛЮ способствовал в течение многих лет сохранению тайны северного космодрома. Рассматривать это как намеренную дезинформацию означало бы оказать слишком большую честь советской пропаганде, как правило, не отличающейся особо тонкими методами. Однако не подлежит сомнению, что она извлекла максимум пользы для себя из подвернувшегося случая и, может быть, время от времени "поддавала пару", распуская сенсационные слухи о событиях, связанных с появлением НЛЮ.

Крушение тайны Плесецка под натиском НЛЮ — один из наиболее забавных эпизодов в истории советской цензурной бюрократии, занимающейся и военными тайнами, и литературой, и явлениями природы. На один миг кусочек правды появился на страницах "Правды" — брешь, пробитая гигантскими ракетами, годами уносившимися на вневенные орбиты. Какой счастливый виток в истории космических исследований! ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

Галоши — не роскошь, а необходимый предмет для рабочего, колхозника или служащего. Наши заводы в настоящее время вырабатывают такое количество галош, которое покрывает потребность в них. Это значит, что каждый желающий мог бы в любом пункте страны купить пару галош. Мог бы, но не всегда это удается. Наступила осень, и уже кое-где галош не хватает. Нехватка эта двойного рода. В некоторых местах галош вообще нет, в других — нет нужных размеров. Где же галоши?

В Москве уже сейчас трудно достать галоши большого размера, для валенок. На Урал, наоборот, этих галош завезли в пять раз больше, чем требуется. Почему так получается? Очень просто. Распределение товара по районам зависит часто от кладовщика завода. Галош в стране достаточно. Мы производим их в два с половиной раза больше, чем до революции. Нет никаких оправданий тому, что заводы не вырабатывают галош в нужном ассортименте.

"Правда", 8 октября 1934 г.

Слава о русской галоше гремела по всему миру. Это был один из немногих козырей царской России.

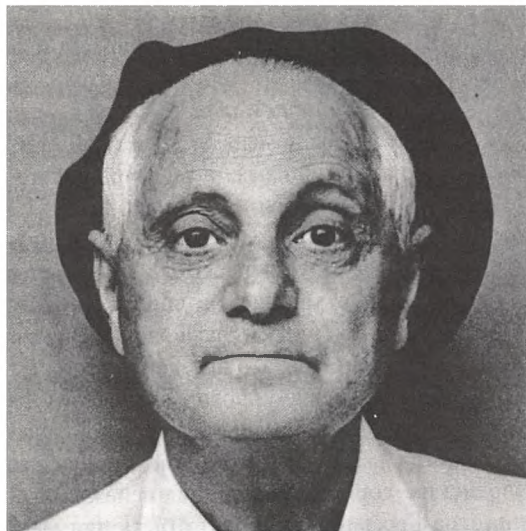
Но в той русской галоше было очень немного русского: льняное масло да мел. Все остальное сырье ввозилось из-за границы.

Сейчас галоша делается почти целиком из собственного сырья. Нашими заводами достигнуты крупнейшие успехи по замене импортного сырья советским. Однако галоша, идущая на внутренний рынок, страдает крупными недостатками. Это и привело на скамью подсудимых галоши. На общественно-технический суд явились пострадавшие — потребители, свидетели — работники магазинов и представители обоих заводов. Установив полную верность предъявленных галоше обвинений, суд выяснил и причины, порождающие плохое качество. Низка производственная культура. На заводах небрежно обращаются с ценнейшим сырьем, грязь попадает в каучук, пыль садится на только что отлакированную галошу, неостывшая еще галоша небрежно засовывается в ящик. В результате ухудшается не только внешний вид, но и качество галоши.

Выступавший на суде свидетелем начальник Главрезины тов. Биткер обещал, что в каждую пару галош будет вкладываться печатное обращение к потребителю, разъясняющее его право обменять недоброкачественную галошу в течение месяца.

"Да, виновны!" ("Правда", 17 октября 1934 г.)

Манес ШПЕРБЕР

ВЕЛИКАЯ И БЕСПОМОЩНАЯ ЕВРОПА

"Как-то раз — это было уже в Берлине — я проснулся на исходе ночи в слезах. Такое случилось со мной только в детстве... Но теперь я был взрослым, уверенным в себе мужчиной. Я пытался вспомнить, что же такое мне приснилось. Во сне я снова был в Советском Союзе, в каком-то городе, не очень большом. Люди бежали по улицам, готовилось что-то страшное — а может быть, уже произошло. Меня торопила незнакомая женщина: надо спасаться, а то будет поздно. В чем дело? — спросил я. Она ответила, что в городе погром. Я возразил ей, что нас не дадут в обиду, — и указал на комсомольский отряд, шагавший по улице. Тогда она сорвала с головы платок и крикнула: „Сумасшедший! Ведь это и есть погромщики!“ И я проснулся".

Это отрывок из воспоминаний М.Шпербера, озаглавленных „Тщетное предостережение“. Умерший в феврале 1984 года в Париже романист, эссеист и публицист Манес Шпербер был одним из самых известных писателей нашего времени. Он родился в 1905 г. в городке Заболотове, в Австро-Венгрии (ныне — Ивано-Франковская обл. УССР), в юности активно участвовал в рабочем движении, был членом австрийской, а затем германской компартии; был также учеником и сотрудником основоположника "индивидуальной психологии" Альфреда Адлера и пытался соединить научную психологию с марксизмом. В начале тридцатых годов он посетил СССР, где встречался с Н. И. Бухариным. После нацистского переворота был арестован как участник одной из последних коммунистических манифестаций, по случаю дня рождения Гитлера выпущен; эмигрировал в Югославию, а оттуда в Париж. Дальнейшая жизнь Шпербера была, по его словам, "поиском холмов за холмами" и постепенным пробуждением от сна, в котором он все еще принимал погромщиков за гонцов счастливого будущего. Шпербер писал по-немецки и по-французски. Выпустил, кроме двух томов воспоминаний ("Водоносы господ Бога", 1974, и "Тщетное предостережение", 1975), сборники эссе "Анализ тирании" (1938), "Ахиллесова пята" (1957), "Чурбан, или Непостижимая очевидность" (1979), роман-трилогию "Как слеза в океане" (1949–1953). На русский язык произведения Шпербера не переводились.

Речь, которую мы публикуем, была написана по случаю присуждения М.Шперберу Премии мира Немецкого объединения книготорговли осенью 1983 г. Это лебединая песня писателя. Речь вызвала шумные дебаты, во время которых левоориентированное руководство Союза писателей Федеративной республики потребовало отмены решения жюри.

Я второй лауреат Франкфуртской премии, который остался — в силу "избирательного сродства", и просто потому, что таково мое происхождение, — евреем из Восточной Европы и вместе с тем с болезненной нерасторжимостью приковал себя и свое творчество к немецкой культуре. Мой предшественник, скончавшийся восемь лет назад знаток хасидизма, немецкий писатель и университетский профессор в Израиле Мартин Бубер, говорил 27 сентября 1953 года в речи, которая называлась „Разговор начистоту о возможности мира”, — я цитирую главное: "Немало немецких граждан, повинаясь приказу имперского правительства, планомерно и целенаправленно истребили несколько миллионов евреев. Они, эти убийцы, отлучили себя от всего человеческого настолько, что я даже не испытываю к ним ненависти. И кто я такой, чтобы посметь говорить здесь о прощении!"

Сам я, между прочим, отвечая в 1963 году на анкету Германа Кестена, писал следующее: „Весной сорок третьего года мне пришлось услышать от очевидца, что произошло в Польше. Молодой человек рассказал мне все, что он видел в нескольких еврейских городах Польши и пережил в Трешлинке. И мне стало ясно, что больше никогда Германия не сможет быть для меня тем, чем она была прежде, в первые 37 лет моей жизни". Но и тогда, в ту страшную минуту, я не жаждал расплаты. Я не питал ненависти к народу, чьи правители — между прочим, пришедшие к власти в результате свободных выборов — подвергли унижению, а затем попросту приказали уничтожить ни в чем не повинных детей, женщин и мужчин моего народа.

Ни ненависти, ни жажды отмщения. Что же тогда разлучает меня с Германией?

"Скорбь — такая бездонная, что жизни целого поколения не хватит, чтобы вычерпать ее до конца. И глубоко засевшее в душу сознание того, что должны будут смениться несколько поколений, прежде чем евреи моего склада смогут снова — если смогут — считать себя немцами."

Если бы я сейчас не напомнил вам обо всем этом, я оказался бы субъективно и объективно в ложном положении. В память об униженных и уничтоженных, как их оставшийся в живых безутешный представитель, я до конца моей жизни буду чувствовать, что я обязан напоминать себе и другим об этом незаживающем прошлом, об этой непостижимой очевидности.

Когда в первые месяцы 1915 года, во время наступления русских, мы бежали во второй раз и вернулись в наш городок на реке Прут, с нами был учитель, выписанный из Вены: надо было как можно скорей наверстать упущенное время. По утрам он готовил меня к поступлению в венскую, то бишь немецкоязычную гимназию, а вторая половина дня была посвящена религии предков. В ранние послеполуденные часы я должен был зубрить отрывки из Торы, остальное время — переводить пророков на идиш и на немецкий. Сначала Исая, чья беспощадно требовательная и вместе с тем полная надежды исповедь и сегодня будоражит меня, неверующего; потом Иеремия, страдалец о собственном народе, Иеремия, от которого я узнал, что любовь — неиссякаемый источник горя. "Шалом, шалом, ве-эйн шалом... Мир! Мир! — а мира нет..." С той первой военной зимы эта жалоба, словно тоскливый припев, провожает меня всю жизнь, — вечная песня, которая звучит вот уже два с половиной тысячелетия и на которую никто не обращает внимания.

Тот, кто пережил эту войну, находясь в стане Центральных держав, никогда не забудет тоску по миру, которая овладела всеми нами — и теми, кто был в тылу, и солдатами в окопах. Она тиранила всех, она превратилась в неутолимое вожделение. И когда к концу второго года войны мы, наконец, нашли укрытие в императорской столице, тоска по миру широко разлилась по всей стране. Только восстановление мира могло решить проблемы, которые усложнялись с каждым днем. В одиннадцать лет я был ярым пацифистом: бегал на запрещенные собрания, распевал мятежные песни и вместе с демонстрантами, надсаживая глотку, выкрикивал: “Nie wieder Krieg!. Больше не будет войны!” Слова эти остались нашим девизом.

Я пустился в личные воспоминания, ибо предвижу, что кое-что из того, что я скажу дальше, вызовет сомнения в моем пацифизме. Вместо того, чтобы и дальше прославлять мир, я уже много лет задаю себе вопрос: почему, несмотря на весь наш тогдашний опыт, через каких-нибудь двадцать лет после Первой Мировой войны началась вторая — и опять на нашем континенте, война, которая в конце концов вовлекла в свою орбиту весь мир? Да, я еще ребенком научился ненавидеть войну, я никогда не переставал ее ненавидеть; но именно потому, что я помню те времена и могу сравнить их с нынешними, именно поэтому, когда я слышу до предела агрессивные заявления сегодняшних пацифистов, — я не могу к ним присоединиться.

Высокоцитимые слушатели, я буду сейчас говорить не о мире, а о войне. Мы все согласны в одном: хорошей войны не бывает. Но мир может быть хорошим, а может быть плохим, и даже чаще бывает плохим; это тот самый мир, который принято сейчас называть холодной войной. Иммануил Кант, наш общий учитель, в статье “О вечном мире”, в 1795 году выдвинул следующий постулат: “Нельзя договариваться о мире с тем, кто тайне готовится к будущей новой войне”. И правда, дурной мир — это отец новой войны. Однако везде, где люди веруют в Бога Библии, существует понятие о вечном мире — мире, о котором вещал Исайя как о состоянии, которое наступит “в исходе дней”. И ни прежде, ни потом — то есть вот уже 2500 лет — ни единого года не прошло на земле без войны. Существовали лишь перемирия; они-то, собственно, и назывались миром. Нет мира! — восклицает Иеремия, и он прав. Значит ли это, что война — нормальная, периодически возобновляемая форма отношений между народами? Кто ответит на этот вопрос?

Будем говорить начистоту: я решительно против всякой войны, какая бы вера ни вдохновляла зачинщика войны, на какую бы идеологию он ни ссыался. Сколь бы ни был чреват конфликтами мир, наступивший после Второй Мировой войны, нужно отменить любые попытки изменить сложившиеся отношения путем новой войны. Мы, однако, знаем, что это за отношения. Они возникли из-за того, что свободные государства были вынуждены вступить в союз с тоталитарной державой, которую бросила в их лагерь безумная агрессия Гитлера. С тех пор Европе пришлось изрядно потесниться. Польша, в культурном отношении западная страна, уже не является европейской. Чехословакия, которая некогда была одной из самых передовых демократий Центральной Европы, тоже перестала быть ею. Венгрия, Румыния, Болгария — все это больше не Европа, все они утратили свою национальную независимость.

В отличие от моего старого друга Реймона Арона, неутомимого искателя истины, философа, социолога, политического мыслителя, который несколько лет назад опубликовал монументальный труд о войне и мире и немного позже — двухтомное исследование о Клаузевице, я сейчас говорю о войне лишь как внимательный современник, как исследователь индивидуальной и социальной психологии, которому много лет не дает покоя вопрос, почему его сверстники так легко примирились со второй всемирной войной, — словно первая их ничему не научила. Вопрос этот тянет за собой более общую проблему отношения человека к войне. И вот я ищу решение у еврейских пророков, у драматических поэтов древности, у античных историков, у христианских авторов и у современных исследователей социологии войны. За несколько тысячелетий накопилась уйма ответов. Но нет ответа, который дал бы нам подлинное понимание сути дела, и то, что я могу добавить здесь как психолог, конечно, никоим образом этой сути не исчерпывает.

Одна мысль преследует меня вот уже многие годы: речь идет об отношении человека к порабощающей его повседневности, которую он воспринимает как посягательство на самое ядро своей личности и сознательно или бессознательно стремится спастись от нее. Да, тысячелетиями люди самых разных общественных слоев ищут способов так или иначе избавиться от рутины повседневного существования, бежать от нее — все равно куда. Разумеется, можно найти прибежище в интимных переживаниях, в любви, в дружбе; можно обрести желанное разнообразие в личных конфликтах. Но полностью отменить постылый быт, перевернуть жизнь до основания и опрокинуть все, что делает ее невыносимо скучной, способно лишь Великое Приключение: пожар, наводнение, землетрясение — и, конечно, творимая самим человеком под предлогом чего угодно, религии, идеологии, национальных или классовых интересов, превосходящая все стихийные бедствия катастрофа — Война. В первые дни войны в странах, где она разразилась, господствует настроение, которое невозможно описать, — смесь эйфории и животного стыда, чувство личного раскрепощения и всеобщего рабства. Нет, уважаемые слушатели, я вовсе не считаю, что эта примечательная психологическая реакция на приход войны, как и многочисленные побочные явления, которыми сопровождается продолжительная война, — могут породить восхищение войной. Но факт остается фактом: здравый смысл, отвращение к войне далеко не всегда одерживают верх; напротив, царит радостное упоение войной, которое невозможно объяснить лишь одними политическими, религиозными или социальными мотивами.

О необычайно интенсивном, почти совращающем чувстве фронтового братства проникновенно рассказывают известные писатели — участники Первой Мировой войны: Эрнст Юнгер, Эрих Мария Ремарк, Людвиг Ренн и многие другие. У вдумчивого читателя должно было возникнуть впечатление, что сам он, не побывавший на фронте, никогда не поймет, в чем тут дело. Все мы знаем, что существуют переживания, о которых вроде бы все известно, но которые по-настоящему может понять только тот, кто сам их извещал. Материнство, отцовство, одиночное заключение, изгнание — все это надо пережить самому. Картина войны остается плоской для человека, который на ней не был; о многом из того, что глубоко вонзилось в душу пережившего войну солдата, он даже не догадывается. В том числе и о том удивительном ощущении, которое можно сравнить с чувством восставшего из гроба Лазаря, — не зря вторая жизнь Лазаря вдохновила иных поэтов.

Многим из вас нетрудно вспомнить о том, как приходилось спасаться от воздушных бомбардировок, помните, как вы вылезали из бомбоубежища на Божий свет, какое странное возбуждение охватывало вас посреди развалин, подъем, который заставлял вас отворачиваться от ужасов, давал вам мужество жить и внушал поистине опьяняющее чувство триумфа, наподобие того, какое испытывает игрок, когда после бесконечных проигрышей он вдруг на рассвете выигрывает такую сумму, о которой и мечтать не смел.

Какая же мораль следует из всего этого? Уважаемые дамы и господа, я уже сознался вам, что никакой теории происхождения войны у меня нет и я не в состоянии объяснить, почему люди с незапамятных времен, говоря словами Шиллера "дают вести себя на бойню". И все же я не могу заставить себя перестать думать об этом, не могу отказаться от попыток разрешить загадку человеческой судьбы, скрытую за непонятным, необъяснимым и полным противоречий человеческим поведением.

В статье Канта, которую я цитировал, содержится и второе определяющее правило: "Право народов должно быть основано на содружестве свободных государств". Этот тезис прямо относится к нам: теперь, когда война за господство в Европе потеряла всякий смысл, когда любая европейская война вообще может стать для всех лишь истребительной гражданской войной и более ничем, — федерация свободных народов Европы даже скептику и пессимисту должна казаться столь же возможной, сколь и желательной. Да, война стала такой бессмыслицей, какой она никогда еще не была. Первая Мировая война выглядит сейчас как самая безумная авантюра человечества. Об этом свидетельствует не только ее фактический ход и то колоссальное кровопускание, каким она сделалась для европейских наций — и победителей, и побежденных, — но и хаос, оставшийся после нее. И все-таки, все-таки! Все ли воспринимают войну как полный абсурд? Участники движения за мир обычно мало говорят о переживании войны, но все время твердят об ее разрушительном безумии, об апокалипсисе, которому нет конца, об ужасах атомного оружия. Кто же сомневается в том, что ядерная бомба представляет собой самое чудовищное из всего, что когда-либо было придумано человеком для уничтожения людей и их жилищ? Неудивительно, что можно увлечь огромное множество людей, мужчин и женщин, подписывать протесты против атомного оружия, участвовать в демонстрациях, предупреждать сограждан об опасности атомной катастрофы и противиться производству и размещению ракет.

Дамы и господа, пацифизм в Европе отнюдь не новое явление. Еще в прошлом столетии происходили международные антивоенные конгрессы, в которых участвовали выдающиеся люди эпохи — назову хотя бы Виктора Гюго. Пацифистские идеи играли большую роль в рабочем движении всех стран, и марксистском, и анархистском. Не следует забывать, что Второй Интернационал — признанный руководитель международного социалистического движения — был политическим вождем профсоюзов и значительной части потребительских коопераций. И до последней минуты рабочие партии протестовали против военной политики своих и чужих стран. Огромные толпы демонстрировали в европейских столицах против войны. А через несколько дней, на тех

же самых улицах, мужчины и женщины маршировали, громко заявляя о своих патриотических чувствах, и с восторгом приветствовали солдат, уходящих на фронт.

Однако, как я уже говорил, речь идет не только об истребительной силе оружия — всякая война представляет собой узаконенное, более того, совершаемое по приказу убийство ни в чем не повинных людей, каким бы способом их ни убивали: кремневыми ружьями или самозарядными винтовками, из артиллерийских орудий или с самолетов, с помощью отравляющих газов или с применением атомного оружия. Речь идет о том, чтобы неотступно задавать себе и другим вопрос: почему, зачем возникает война? Почему она вдруг начинает казаться необходимой даже тем, кто многие годы перед войной не устал бороться с войной, предостерегал от войны как от самого страшного несчастья? Ну так вот: тот, кто вместо того, чтобы задуматься об источнике и причинах военной опасности, всю силу и страстность своего протеста направляет только на оружие, хотя бы и самое смертоносное, — тот отказывается, сознательно или бессознательно, от поисков подлинного очага войны и становится жертвой широко распространенного заблуждения: смешивает средства с целью.

Повторяю, я против войны. Безо всяких оговорок. Но я знаю, я знал это еще в годы Третьей империи: тоталитарный режим убежден, что ему грозит опасность, до той самой поры, пока он не распространит свою неограниченную власть сначала над ближайшими соседями, потом над соседями соседей, а в один прекрасный день и над всей планетой. Всякий раз, когда мы предупреждали против уступок непрерывно растущему аппетиту Гитлера и напоминали, что наша капитуляция в конце концов сделает войну неизбежной, — Геббельс и его крысы поносили людей, подобных мне, как поджигателей войны. И вот теперь мы уже несколько десятилетий живем в страхе перед псевдоидеологическими угнетателями. А ведь следовало бы знать, что требования угнетателей растут и угрозы нагледят тем больше, чем чаще и больше им уступают. Дамы и господа, мы находимся с вами в самом сердце континента, чьи внутренние раздоры на протяжении 25 лет стали причиной двух мировых войн. Как и для многих из тех, кто начиная с 1951 года удостоился этой премии, для меня самое главное — вот эта наша часть земли, этот континент, который больше, чем в географическом смысле, является нашей родиной. Если сама она перестала кому-либо угрожать, то ей зато угрожают больше, чем когда-либо. Да, эта старая Европа заслужила лучшей участи, чем рухнуть в тартарары. Она больше не владычица морей и колоний, и ее не соблазняют территориальные завоевания; в прошлом самая воинственная часть земли, она стала примером, образцом мирного государственного устройства. Но остается факт, значение которого невозможно переоценить: Европа делит огромный континент с тоталитарной империей, чьи властители считают, что их власть находится под угрозой, пока они не распространили ее до берегов Атлантики, а если удастся — и над всей землей.

В самой сущности тоталитаризма заложено стремление подчинить себе весь мир. Делается это не просто, а в "идеологическом" платице, в соблазнительных оборочках, которые хотя и утратили с годами свою привлекательность, но зато весьма эффективно подкрепляются недвусмысленными угрозами пустить в ход ядерное оружие. Что это действительно так, доказывают, сами того не желая, те, кто сегодня идут по улицам европейских столиц, требуя, чтобы Европа отказалась во-время установить у себя средства защиты против шантажа, против атомной угрозы.

Я хочу весьма настойчивым образом напомнить всем вам о том, что долгое время усилия объединить европейские народы в единый союз государств терпели крах из-за того, что по крайней мере два народа боролись друг с другом за господство в Европе, сея раздор по всему континенту. Ныне Франция и Германия твердо знают, что их будущее — не в национальной гегемонии над Европой. Сегодня по обе стороны Рейна убеждены в том, что лишь взаимопонимание всех спасет свободную Европу. Но тот, кто думает или хочет внушить другим, что Европа, открестившаяся от атомного оружия, Европа, готовая капитулировать, сумеет в будущем обеспечить мир, тот заблуждается и водит за нос других. Кто предлагает поднять руки перед грозной империей, превратившей после войны уже несколько европейских государств в своих сателлитов, тот заблуждается и вводит в заблуждение других.

Для европейца моего поколения, да и для тех, кто родился позже, не может быть сомнений в том, что Европа сумеет отстоять себя, а тем самым и свои непреходящие ценности, если она сплотится на федеральных началах. Но этого мало. Европа спасется, если вместо того, чтобы быть яблоком раздора между двумя сверхдержавами, она сама превратится в великую державу, которая не жаждет ни завоеваний, ни мести, но самым решительным образом, своими собственными средствами обороны будет готова отпугнуть тех, кого толкают к захвату Европы внутренняя слабость и гегемонистские вожделения. Подобно многим другим, я всегда был непрочь безжалостно критиковать нашу цивилизацию. Тем категоричнее я настаиваю сегодня на том, что, вопреки всему, Европа способна решать свою судьбу сама — если она не даст соблазнить себя сдать на милость сильного именно тогда, когда мужество защищать человечность и правду можно сохранить, лишь обретя мужество самоутверждения. И как бы ни развивались в дальнейшем отношения между Америкой и Россией, Европа сумеет выстоять в их конфликте не благодаря своей мазохистской беззащитности, а лишь в том случае, если она сама превратится в сверхдержаву с такой же отпугивающей мощью, какой обладают сейчас оба эти гигантских государства. Это несказанно печально — но неизбежно. Мир, в котором мы живем, не может десятилетиями подвергаться опасности, с трудом удерживаясь от соблазна самоубийства. Мы старые европейцы, и мы боимся войны. Поэтому мы, к сожалению, должны сами стать опасными, чтобы обезопасить мир.

И под конец позвольте мне сделать еще два попутных замечания. Первое касается той враждебности, которую проявляют к Америке многие европейцы, — их агрессивной неблагодарности, которая представляет собой самую низменную форму индивидуального и национального самоутверждения.

Для всех, кто понимает, что европейская культура есть нечто большее, чем совокупность ставших уже почти невыносимыми претензий, кто всеми фибрами своей души привязан к духовным сокровищам Европы, разница между нашим старым континентом и нынешней Америкой, бывшей европейской колонией, остается весьма ощутимой. И дело тут не в оценке, а в самосознании. Ни Россия, ни Америка не были бы тем, чем они стали, если бы многие годы Европа не служила для них образцом, если бы она не стояла у них перед глазами как духовная родина либо как пугающий пример.

Тот, кто сегодня утверждает, будто Европе одинаково угрожают и Соединенные Штаты Америки, и Советский Союз, ослеплен агрессивной неблагодарностью. Однако верно и то, что Европа может доверить свою защиту только собственным силам, а не какой-либо сверхдержаве.

Гельдерлин вкладывает в уста Гипериона следующие слова в его последнем письме к Белармину: "Распри мира — что размолвка любящих. Примирение наступает посреди раздора, и все что разобщено, сходится вновь". Эти слова я произношу в заключение речи, где много говорилось об устрашении и войне. Позвольте мне закончить следующим, отнюдь не модными исповеданием веры.

Я старый революционер. И я остаюсь верен надеждам, которые сам был вынужден похоронить. Да, я верую, как и прежде, что мир может быть изменен и будет улучшен. В противоположность многим моим современникам, я убежден, что лишения, от которых страдает так много людей, и прежде всего в Азии, Африке и Америке, можно преодолеть, а энергия расщепления атомного ядра превратит даже Сахару в цветущий сад. Я верую в весть моих предков о пришествии вечного мира, верю, что мечи могут превратиться в орала. И это не просто надежда верующего или иллюзия идеолога-утописта, — но уверенность оптимиста, пережившего катастрофу, человека, который подобно стольким европейцам прошел сквозь чистилище и поэтому — или несмотря на это — полон решимости ничего не забыть из всего, что ему довелось пережить за долгие годы учения и странствий. Может быть, поэтому вы и присудили мне эту премию. Благодарю вас. Спасибо и вам, мой дорогой Зигфрид Ленц, старый друг. Спасибо за дружбу, которая в отличие от нас самих никогда не стареет. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

О Беломорстрое знает вся наша страна, знает весь мир, ибо это строительство замечательно не только тем, что оно представляет собой осуществление смелейшего технического замысла, но и тем, что на этом строительстве партией и советской властью перевоспитаны тысячи вчерашних преступников. Об этом строительстве страна и весь мир знают из постановления правительства, отметившего вчерашних преступников высшей наградой республики — орденами Ленина и Красного трудового знамени. Об этом строительстве знают из десятков очерков, помещенных в нашей периодической печати; о нем рассказывает одна из интереснейших книг — "Беломорстрой", являющаяся коллективным делом лучших советских писателей. Весьма понятен поэтому повышенный интерес, проявленный советской общественностью к фильму "ББВП" — документальному фильму о Беломорстрое, который должен был показать то, о чем не могли рассказать писатели и очеркисты в своих произведениях.

К сожалению, приходится констатировать, что фильм не выполнил своей ответственной задачи. Как это ни странно, фильм, показывающий живые снимки отдельных этапов строительства, создает о нем значительное меньшее представление, чем очерки и рассказы.

В чем причина? Прежде всего в скудости и разорванности самого материала. В фильме нет последовательного систематического показа роста строительства, не показаны героические люди стройки, не показана перековка людей. Все это делается намеками, не всегда убедительными: нельзя же счесть за показ перековки людей выступление на митинге двух бывших преступников.

Вторая причина неудач — это использование материала сценаристами В.Инбер, В.Шкловским и А.Лембергом. Инбер и Шкловский — писатели, участвовавшие в составлении книги Беломорстрой, и от них можно было ожидать гораздо большего, чем они дали.

Я НЕ ВЕРЮ В КОЛЛЕКТИВНУЮ ВИНУ, Я ВЕРЮ В КОЛЛЕКТИВНЫЙ СТЫД

Беседа с Симоном Визенталем

В 1984 году исполнилось 75 лет со дня рождения основателя венского Документационного центра Союза евреев, подвергавшихся преследованиям при нацизме, Симона Визенталя. Мы предлагаем вниманию читателя интервью, которое С. Визенталь дал нашему специальному корреспонденту К. Любарскому в Вене в июне этого года.

Г-н Визенталь, Вы известны миру как неутомимый охотник за нацистами, совершившими тяжчайшие преступления против человечности. Но не менее тяжкие преступления совершались и в Советском Союзе. Не кажется ли Вам, что лица, виновные в этих преступлениях, тоже не должны остаться безнаказанными?

С моей точки зрения, между национал-социализмом и коммунизмом много общего. Правда, национал-социализм был преступен и в теории, и на практике, коммунизм — только на практике. Это отличает их друг от друга. Но ведь для жертв эта разница несущественна. Я все время говорю не только о прошлом, но и о настоящем, не только о пережитых ужасах, но и о будущем наших детей. Именно поэтому я занялся защитой прав человека в Советском Союзе, стал членом комитета Сахаровских Слушаний, вошел в совет директоров Дома Свободы. Когда мир узнал о преступлениях нацизма, было уже слишком поздно, но сейчас еще не поздно помочь тем, кто находится под гнетом коммунизма. Для меня Советский Союз всегда был тюрьмой народов и остается ею сейчас. Конечно, во всякой тюрьме надзиратели могут относиться к узнику строже или мяг-

че, но тюрьма остается тюрьмой. Историки будут спорить, какой режим был более преступным: нацистский или коммунистический. Я думаю, что это не так уж важно. Мои враги — и нацисты, и коммунисты; и те, и другие ненавидят меня, нападают на меня. Но именно поэтому я уверен, что иду по правильному пути. Годы, которые я провел в Советском Союзе, — с 1939 по 1941, — дали мне духовную закалку для жизни при нацистах. Людей можно убивать сразу, но можно убивать и медленно. Я видел и то, и другое.

И еще. Я по опыту знаю: когда преступления совершаются в стране, где существует правая диктатура, будь то Чили, Южная Африка или еще что-нибудь, тотчас начинаются протесты, уличные демонстрации против правительства этой страны. А когда преступление совершено в стране, дружественной Советскому Союзу, то оно и за преступление не считается. Советский Союз присвоил себе право определять, что такое преступление и кто преступник. Таков наш мир. Со временем люди свыкаются с подобным образом мыслей, и это опасно. Посмотрите, сколько договоров, начиная с 1918 г., СССР заключил с другими странами мира, и сколько из них он нарушил.

Почти все.

Вот именно — почти все! Никакой договор с Советским Союзом никогда не будет гарантией нашей свободы. Мы вынуждены вести переговоры с Советским Союзом, у нас нет иного выбора, но мы должны быть очень осторожны, должны учитывать наш опыт. Я был во Львове, когда туда вступили советские солдаты. Только в этот день — и не раньше — Советский Союз разорвал договор, который он заключил с Польшей.

Потому что у него было секретное соглашение с нацистами.

Конечно. А еще через месяц после того, как официально был подписан пакт Молотов—Риббентроп, они подписали новое соглашение о совместных действиях против польского Сопротивления. Я нашел его в архивах несколько лет назад. Они действовали совместно против всех польских патриотов. Полковник НКВД был прикомандирован к немецкому генерал-губернатору Польши. Сотрудники НКВД приезжали к своим коллегам-гестаповцам в Закопане, а гестаповцы — в Киев и Львов, чтобы обмениваться деловой информацией. Вот почему до нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. в Польше не было коммунистического движения Сопротивления.

Компартия Польши была разгромлена Сталиным.

Да, но и в Чехословакии коммунистического Сопротивления не было. Готвальд сидел в Москве и слал письма: относитесь к нацистам дружелюбно. Когда нацисты оккупировали Голландию, компартия Голландии тоже выступила с призывом дружить с нацистами. Когда была оккупирована Дания, датская компартия опубликовала в своей газете заявление, где говорилось: хорошо, что немцы, а не англичане. То же самое происходило во Франции. Только после 22 июня 1941 г. коммунисты в Польше начали действовать, причем их доля в общепольском Сопротивлении не превышала пяти—шести процентов. А после войны они переписали историю заново. Они объявили, что все Сопротивление в Польше было коммунистическим, а участники национального Сопротивления были предателями.

Geheimes Zusatzprotokoll

Die unterzeichneten Bevollmächtigten haben bei Abschluss des deutsch-sowjetischen Grenz- und Freundschaftsvertrages ihr Einverständnis über folgendes festgestellt:

Beide Teile werden auf ihren Gebieten keine polnische Agitation dulden, die auf die Gebiete des anderen Teiles hinüberwirkt. Sie werden alle Ansätze zu einer solchen Agitation auf ihren Gebieten unterbinden und sich gegenseitig über die hierfür zweckmäßigen Massnahmen unterrichten.

Moskau, den 28. September 1939.

Für die Deutsche Reichsregierung:

In Vollmacht der Regierung
der UdSSR:

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся полномочные представители, по заключению Германно-Русского Договора о Дружбе и Границе, заявляют о своем согласии в следующем:

Обе Стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью.

Москва, 28 сентября 1939 г.

За Правительство По уполномочию
Германии Правительства СССР
И. Риббентрон В. Молотов

Поработало "Министерство правды".

Вот именно.

Преступный характер советского режима сейчас ясен почти всем. Но как быть с личной ответственностью преступников за их преступления? Что надо сделать, чтобы не только заклеить режим как целое, но и вывести на чистую воду конкретных виновников?

Я думаю, прежде всего нужно помнить о тех людях, которые там сейчас продолжают сопротивляться режиму. Дать им знать, что они не забыты. Когда мы сами сидели в немецких лагерях, мы хорошо знали: миру до нас нет дела, мы забыты, для нас все кончено. Многие из-за этого покончили с собой. Ибо не было ни одного государства, ни одного правительства, которое вступилось бы за нас, никто не выходил на демонстрации, никто нами не интересовался.

Но теперь те, кто находится в тюрьмах, должны знать, что они не забыты. Пусть новые, только что арестованные, приносят с собой вести с воли, пусть они скажут узникам: вы не забыты. Мы ведь когда-то забрасывали новичков вопросами: ну, что там на воле, что говорят о нас по радио? И они отвечали: ничего! О, это молчание мира...

Но ведь смысл того, что вы сейчас делаете, — не только помочь жертвам, но и наказать палачей.

Знаете, у западных союзников еще с 1942—1943 годов находились списки нацистских преступников, и одной из крупнейших ошибок было то, что они не предали гласности

эти списки во время войны. Союзники получали вести от участников Сопротивления через подпольные радиопередатчики. Они знали, какие преступления совершены и кто несет за них персональную ответственность. С 1943 г. в Лондоне существовало специальное бюро. Туда приезжали эмиссары, например, из Польши, которые сообщали об эсэсовцах, карателях и т. п. Однако полученные сведения предполагалось использовать только после войны. Подумайте, какая это была бы поддержка для всех нас, если бы они уже во время войны по радио систематически оглашали такие списки. Тогда об этом знали бы и те, кто совершал преступления. И кто знает, может быть, это заставило бы их призадуматься! Уже то, что их имена названы во всеуслышание, послужило бы им предостережением и спасло бы немало человеческих жизней.

Не думаете ли Вы, что нечто подобное должно быть сделано и в отношении советских преступников?

Да. Имена совершивших преступления должны быть названы. Нельзя все валить на одного Сталина. Я хочу рассказать Вам об одном случае, связанном с делом Эйхмана. Я приехал в Израиль на суд над Эйхманом. Туда же приехал юрист из Восточной Германии — профессор Кауль. Он устроил пресс-конференцию и обвинил израильское правительство в секретном сговоре с немцами: обвинить-де только одного Эйхмана и не трогать остальных. Я присутствовал на этой пресс-конференции и спросил: г-н Кауль, сейчас 1961 год, а еще в пятьдесят шестом на XX съезде КПСС Сталин был обвинен в многочисленных преступлениях. Скажите, пожалуйста, сколько советских следователей, сколько судей, которые приговаривали невинных к смерти, даже не взглянув на них, сколько их предстало перед судом, сколько было осуждено? А если вы этого сказать не можете, вы, коммунист, то значит, вы не имеете права обвинять нацистов. У нас есть это право, а у вас — нет. Поднялся шум, стали кричать, что это провокация, что они-де расстреляли Абакумова, потом Берию. Я ответил им: этого недостаточно. В Нюрнберге перед трибуналом предстало целое правительство, но даже этот процесс мы не считаем достаточным. А как быть с сотнями и тысячами маленьких абакумовых, маленьких берия? С ними ведь, кажется, ничего плохого не случилось!

Когда я был в лагере, в 1973 году, на все советские политические лагеря было всего-навсего два "бериевца" — Броверман из Ленинграда и Пачулия из Грузии.

Мне рассказывали, что в шестьдесят восьмом году, когда была оккупирована Чехословакия, в страну прибыли те самые "советники", которые в сорок восьмом помогали выносить смертные приговоры. Их жертвы только что были реабилитированы во время Пражской весны. Нельзя быть спокойным, пока повторяются такие вещи. Мы — поколение переживших величайшую трагедию в истории человечества, наш долг — не забывать об этом. Мы свидетели этой трагедии, то, что останется после нас, будет принадлежать истории. Это касается и нацистской Германии, и Советского Союза.

Но что мы можем сейчас сделать? Можно — в какой-то мере — собрать сведения о нынешних преступниках. А дальше? Обнародовать эту информацию и все?

Да. Они должны понимать, что мир о них знает. На свете есть или был не один лишь Черненко, не один Андропов, это фигуры, так сказать, символические. Я не был в советском лагере, но из книг Солженицына, из многих других публикаций известны имена

огромного числа рядовых преступников. На каждом лагпункте был свой начальник, который в буквальном смысле распоряжался жизнью заключенных. Он мог освободить человека, когда кончался его срок, а мог сделать так, что заключенному добавляли еще несколько лет.

Что Вы думаете о нацистских преступниках, оставшихся на территории СССР? В свое время было много процессов над ними и советскими гражданами, которые с ними сотрудничали.

Я не понимаю одного: почему большинство этих процессов не были открытыми? Чаше всего мы лишь задним числом узнаем, что такой-то военный трибунал приговорил таких-то к расстрелу и что приговор приведен в исполнение. Иногда даже и имена не сообщаются.

Я должен заметить, что устраивались и открытые суды, — например, над теми, кого власти называли "украинскими националистами", сотрудничавшими с Гитлером.

Да, в Прибалтике тоже были такие процессы. Несколько лет назад я даже получил приглашение на такой суд. Но не поехал. После освобождения из последнего нацистского лагеря я дал себе слово, что никогда добровольно не поеду в страну, лишенную свободы. Считайте, что у меня такая аллергия.

Как Вы думаете, есть ли сейчас в СССР нацистские преступники, — именно нацистские, а не советские, — которые не наказаны и которых сознательно покрывает государство?

После войны большое число нацистов содержалось в специальных лагерях, где из них выкачивали информацию. Потом власти провели много процессов. Но вот что важно: они располагают огромным количеством немецких документов. Им известно чрезвычайно много, но обвинения предъявляются лишь по небольшим делам. Они не помогают судебным органам в преследовании нацистов в западных странах, в частности, в Западной Германии. Мне приходилось много сотрудничать с министерством юстиции США в связи с расследованиями по делу ряда русских, украинцев, латышей и т. д., которые были пособниками нацистов на оккупированных территориях. Американский обвинитель ездил в Советский Союз и просил о содействии. Он говорил: мы возбудим дело против людей, совершивших преступления в вашей собственной стране. Вы должны быть заинтересованы в том, чтобы помочь нам, ибо мы хотим лишить этих людей гражданства и выслать из страны. У вас есть свидетели. Мы знаем их имена и адреса. Позвольте им приехать и дать показания, расходы мы берем на себя. Ни один свидетель не получил разрешения поехать в США и выступить на суде.

И я скажу Вам — почему! Советский Союз нуждается в нацистских преступниках, свободно живущих в западном мире. Они нужны советской пропаганде, чтобы сказать: вот видите! В советской прессе печатаются красочные сообщения о преступниках, которые проживают в Канаде, США и т. п. Иногда американцы впервые узнают о них из советских газет. На основании газетной статьи никого нельзя ни арестовать, ни привлечь к суду. И когда вы запрашиваете у них дополнительную информацию, вы не получаете никакого ответа.

Я приведу пример. Восточная Германия не ответила на 600 или 700 запросов Западной Германии в связи с делами нацистских преступников, и притом достаточно крупных.

Единственная страна восточного блока, которая сообщает нужные данные, присылает документы, — это Польша. Но и это делается только в последнее время.

Как обстоит дело с нацистскими преступниками в самих этих странах: в ГДР, в Советском Союзе?

В ГДР утверждают, что они осудили 14 тысяч человек. Но вот в 1968 г., после оккупации Чехословакии, я опубликовал материалы о 40 бывших нацистах, которые заняли руководящие посты в восточногерманской прессе. Когда-то эти люди выступали со своими произведениями в "Stürmer", "Völkischer Beobachter" и многих других газетах рейха. Я не только привел названия статей и фамилии авторов, я указал также их эсэсовские и партийные номера. Естественно, разразился скандал. Западные журналисты стали допытываться у секретаря ЦК СЕПГ г-на Нордена и у других восточногерманских деятелей, что же неверно в отчете Визенталя. Они не решались сказать, что все верно, но и не могли обвинить меня во лжи, ибо все было документировано. Они заявили: эти люди изменились, перевоспитались... Позже я представил аналогичный материал о 100 нацистских профессорах в Восточной Германии.

Тамошняя пропаганда твердит, что нацизм — это западногерманская проблема. Но я убежден, что это проблема также и для Восточной Германии, и для Австрии. Из 10,5 миллионов членов национал-социалистической партии сейчас, через 40 лет после войны, живы более трех миллионов человек. Где же они находятся? Примерно 2 млн. 200 тыс. — в Западной Германии, 600 000 в Восточной, 450 000 в Австрии и около 100 000 в остальном мире. Многие из этих нацистов стали теперь образцовыми коммунистами. Средний возраст бывших нацистов сейчас 63—64 года. Когда я просматриваю списки офицеров СС, я вижу, что большинство из них — люди, родившиеся в 1917—1920 гг.; во времена Гитлера это было молодое поколение. Все диктатуры апеллируют прежде всего к умам и душам молодежи. К сожалению, демократические партии мира не имеют специальных программ для молодежи.

Я хочу вернуться к Советскому Союзу. Думаете ли Вы, что там сделано все необходимое, чтобы наказать нацистских преступников, оставшихся на территории страны?

В первые послевоенные годы для всех союзников проблемой номер один была денацификация. Но с началом холодной войны для западных стран на первое место выдвинулась проблема защиты Европы. Сходное действие холодная война оказала и на Советский Союз. Западная Германия заявила: мы не можем крепить оборону и одновременно держать наших опытейших генералов в тюрьме. То же произошло и в Восточной Германии. Когда говорится о многих тысячах осужденных, это относится лишь к периоду до начала холодной войны. В последующие годы процессы проводились лишь время от времени, чтобы дать понять миру, что проблема еще жива. При этом каждый раз, когда оказывается, что в ФРГ кого-то оправдали, можете быть уверены: в ближайшие четыре недели появится сообщение о процессе в Советском Союзе с двумя—тремя обвиняемыми, которых осудят и казнят. Все это выглядит даже комично: как будто у них там есть склад, откуда они по мере надобности извлекают людей и выводят их на суд.

Приходилось ли Вам сотрудничать с советскими инстанциями в сборе информации о нацистских преступниках?

До 1967 г. мы переписывались с одним следователем из Риги, который посылал нам документы. На обратной стороне каждого документа стояла печать, удостоверяющая, что бумага выслана официально, — впрочем, в Советском Союзе ничего без разрешения не делается. Но в 1967 году, после Шестидневной войны, Советский Союз порвал все отношения с Израилем. И хотя я к этому никакого отношения не имею, с нашим сотрудничеством было покончено. Тем временем и человек из Риги умер.

Я выпустил много книг, — конечно, не по-русски. Ни одна моя книга не является анти-советской, все они — о моей работе по розыску нацистских преступников. Но все мои сочинения в СССР оказались в черном списке. Один советский писатель просил меня прислать ему мою книгу. Я послал — но она не дошла. Книга была послана заказной бандеролью; я запросил почту. Мне ответили, что книга конфискована.

Чем Вы объясняете ненависть, которую питает к Вам советская печать? Можно ли связать ее с вашей деятельностью в защиту прав человека в СССР?

Да, дело, по-моему, только в этом. То же происходит и в Польше. В 1968 г. там опубликовали книгу "В сетях Симона Визенталя". В ней говорилось, что я владелец журнала "Шпигель" и газеты "Ле Монд", что Жан-Поль Сартр — мой агент и т. д. Приводился длинный перечень других агентов — людей, которых я в глаза не видел. Книгу издало польское министерство обороны, автор Вацлав Штефаньский, но это не его настоящее имя. На самом деле его зовут Игнаций Красивский, он происходит из старого дворянского рода. Однажды он ездил в Италию, был по возвращении пойман с контрабандой, и ему сказали: или будешь работать с нами, или сядешь в тюрьму. Вот он и стал работать. Чего только нет в этой книге! Разумеется, черным по белому написано, что я служил нацистам и благодаря этому выжил. Как-то раз на дипломатическом приеме я встретил польского посла и сказал ему, что если бы на каждой странице автор солгал только один раз, это было бы для него большим достижением.

Кампания против меня началась тогда же — в 1968 году, после того как я предал гласности материалы о нацистах в ГДР. Делается все это на очень низком уровне. Вот, например, была статья в советской газете "Социалистическая индустрия". Ее немедленно перепечатали в Чехословакии, оттуда она перекочевала в ГДР, а затем в польские газеты. Из Польши текст, якобы написанный там, обратным ходом пошел в советскую газету, на этот раз в другую; через два года добавляется несколько новых деталей, снова публикуется, и все опять сначала...

Может быть, ненависть к Вам отчасти объясняется антисемитизмом, который негласно поддерживается государством?

Без сомнения. Вас, наверное, удивит история, которую я Вам расскажу. Два года назад ко мне явился сотрудник консульского отдела китайского посольства. Он спрашивал меня об антисемитизме в Советском Союзе, просил показать кое-какие публикации... Я сказал ему: но ведь в Китае нет евреев, почему это Вас интересует? Он ответил, что они занимаются национальными проблемами Советского Союза, среди прочего их интересовал и вопрос об антисемитизме.

Евреев в Китае нет, но Китай сам проводил политику геноцида по отношению к некоторым национальным меньшинствам, — по крайней мере, так было в Тибете. Морально ли какое бы то ни было сотрудничество с людьми, которые сами замешаны во многих преступлениях?

Это вопрос не этики, а политики. Их интересует положение в СССР и, в частности, государственный антисемитизм как часть если не официальной, то практически осуществляемой доктрины. Я уверен, что китайцы обращались и к украинским националистам за рубежом, спрашивали их о положении на Украине; возможно, беседовали и с представителями других национальностей. В наше время информация — это оружие. Должен сказать, что этот визит меня удивил. Я спросил: почему же Вы не пошли в израильское посольство? Он сослался на то, что у Китая нет дипломатических отношений с Израилем, и ему было приказано обратиться ко мне.

Простите за острый вопрос, рассматривайте его как вопрос адвоката дьявола. Представим себе, что война закончилась победой нацистской Германии и начался розыск советских преступников против человечности. Морально ли было бы помогать нацистам в таком расследовании? Можно ли сотрудничать с одними преступниками против других?

Все, что я делаю, делается исключительно законным путем. Иногда одни нацисты дают мне информацию о других, предлагают даже купить ее. Признаться, самое большое удовлетворение мне как еврею и как человеку, побывавшему в гитлеровских лагерях, доставляют такие случаи, когда один нацист, поссорившись с другим, угрожает: "Вот я пойду и расскажу о тебе Симону Визенталю!" И они действительно приходят и становятся моими лучшими информаторами. Но если вы используете одних преступников против других, за это приходится платить. Не деньгами, конечно, но — отпущением грехов... Я никогда не делаю недостойных вещей. Знаете, после войны ко мне пришли евреи-партизаны, которые сражались в лесах Белоруссии, Югославии, Польши. Они сказали: "Симон, дай нам имена, дай адреса, и мы выполним свой долг. В лесу мы судов не устраивали. Для нас достаточно, если ты скажешь — этот человек виновен!" Я отказался называть им имена. Я спросил у них: сколько человек вы сможете убить? Пять, десять? Может быть, сто? А затем мир вас остановит. И будет подбит итог: 100 против 6 миллионов. Люди скажут: нацисты убивали евреев, а после войны евреи убивают нацистов, и вопрос будет закрыт. Но пока живо поколение жертв, пока живо поколение, породившее преступников, вопрос этот должен оставаться открытым. Он должен быть вечным предостережением для будущих убийц, для тех, которые, может быть, уже родились сегодня. Сейчас мы разыскиваем тех, кто совершил преступления сорок, сорок два, сорок четыре года назад. Этим людям теперь под 80. Когда вы выводите на суд восьмидесятилетнего старика, симпатии публики всегда на его стороне. И все-таки судить его — наша обязанность. Нельзя допустить, чтобы мир забыл о случившемся.

В конце концов, каждый суд имеет только символическое значение. Ведь невозможно найти меру наказания для человека, который убил 5000 человек, или даже для преступника помельче, погубившего "всего лишь" 500. Но чрезвычайно важно, чтобы будущие потенциальные преступники через 10, 50, 100 лет знали, что их ожидает. Все эти негодяи, которые прячутся сейчас в Южной Америке, никакой реальной опасности не представляют, не имеют никакого влияния, они вообще — никто. Но нельзя дать им умереть спокойно. Нельзя! Потому что мы должны предупредить убийц будущего. Всех преступников против человечности во всем мире.

Такие книги, как "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына, в самом Советском Союзе произвели, может быть, не очень сильное впечатление, ибо люди там в общем и так все знали. Пусть не во всех подробностях, но в целом это не было неожиданностью. Зато в западных странах действие этой книги было потрясающим.

Очень интересно то, что Вы рассказали о пришедших к Вам еврейских партизанах. Но если представить себе, что им в самом деле удалось бы казнить без суда не 60, а 6 000 000 преступников, — как по-Вашему, было бы это справедливым возмездием? Верите ли Вы вообще в справедливость возмездия без суда?

Нет. Мы всегда должны помнить о моральной стороне дела. В старинных судебных палатах вы можете увидеть весы — эмблему правосудия. Я сказал как-то раз одному судье: вы знаете, в чем смысл этого символа? Наказание должно быть соразмерно преступлению! На одну чашу весов кладем преступление, на другую — приговор. А вы — вы можете всегда наказывать соразмерно? Он промолчал... Знаете, на одном процессе подсудимый получил по полминуты заключения за каждую жертву! Так что приходится иметь в виду не только юридическую сторону. Нужно учитывать и нравственную, и историческую, и воспитательную сторону. Это касается и тех, кто совершил преступления против человечности в Советском Союзе. Представим себе, что Сталин жив и предстал перед судом. Как наказать его за одни только преступления на Беломорканале, где погибло полмиллиона? Ведь у него самого только одна жизнь, как можно говорить о соразмерном наказании? Можно покарать убийцу, погубившего одного или двух человек. Но то, что мы сейчас делаем, — это против самого духа закона, ибо каждый человек, лишенный жизни, имеет право на судебное разбирательство в связи с его смертью. Можете ли вы провести 40 тысяч процессов, если подсудимый обвиняется в убийстве 40 тысяч человек? Бедой всех этих наших процессов является то, что преступления, о которых идет речь, столь огромны, что для них нужно было бы изобрести поистине космическое право. Почти во всех странах действуют уголовные кодексы более чем столетней давности. Загляните в анналы криминалистики. Кто совершал массовые убийства сто лет назад? Больные люди. Какой-нибудь маньяк в состоянии амока мог убить десяток прохожих на улице. Но в нашем столетии в нацистской Германии и сталинском Советском Союзе мы встретились с убийцами, которые сидят в кабинете за письменным столом и по телефону или по телеграфу убивают 20 тысяч человек, находящихся от них на расстоянии сотен и тысяч километров.

Да, в XX веке мы впервые столкнулись с ситуацией, когда массовые убийства стали "нормальным" явлением. При этом в стране, где это происходит, все граждане становятся в той или иной мере соучастниками преступления, осуществляемого государством. Как же тогда отличить виновных от невиновных? Ведь даже маленький чиновник оказывается так или иначе причастным к злодеянию.

После освобождения из лагеря я около года работал с американцами. Это было американское ведомство по расследованию военных преступлений в Линце, в Австрии. Нас было двадцать душ — людей, которых преследовали нацисты. Я был среди них единственным евреем. Было также несколько американских граждан. Однажды к нам приехал инспектор и начал нас учить, как мы должны искать виновных. Мы сидели вокруг стола, и каждый по очереди делился своим опытом. Обсуждали, как выявлять тех, кто только сотрудничал с нацистами, и как искать отдававших приказы. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что, по моему мнению, мы поступаем неправильно. Сейчас, через год после войны, надо искать не виноватых, а невинных. Их не так уж много. Гораздо больше виновных. Одни прямо совершали преступления, другие одобряли, третьи хранили молчание... Террористический режим, подобный нацистскому, всех вовлекает в свою машину — тысячи людей, десятки и сотни тысяч. Все находится под постоянным давлением и контролем. В доме с двумя сотнями квартирантов всегда было два или

три осведомителя гестапо, и люди знали, что наблюдение ведется за каждым. То же самое происходило и происходит в Советском Союзе. И, разумеется, всякая оппозиция подавляется — совершенно так же, как наци устранили всех своих потенциальных врагов, тех, кто даже еще ничем себя не проявил, но кому они просто не доверяли.

Что ж, выходит, что виноваты все? Но ведь всех наказать невозможно, — что же делать?

Я не верю в коллективную вину. Я против этого понятия по двум причинам. Во-первых, если говорить о евреях, то они сами на протяжении столетий были жертвами огульного навета. Весь народ считался ответственным за действия, совершенные единицами. Кроме того, я чту Библию, а в Библии есть место, прямо противоречащее идее коллективной вины: это история Содомы и Гоморры. Но я верю в коллективный стыд, в коллективный стыд немецкого народа, ибо от его имени совершались все эти преступления. Немцам всегда говорили, что все это делается ради Германии. В Советском Союзе преступления совершались во имя режима, а не во имя народа. В этом разница. Иногда говорилось: во имя социалистического общества, — но не во имя народа, ведь в Советском Союзе множество разных национальностей...

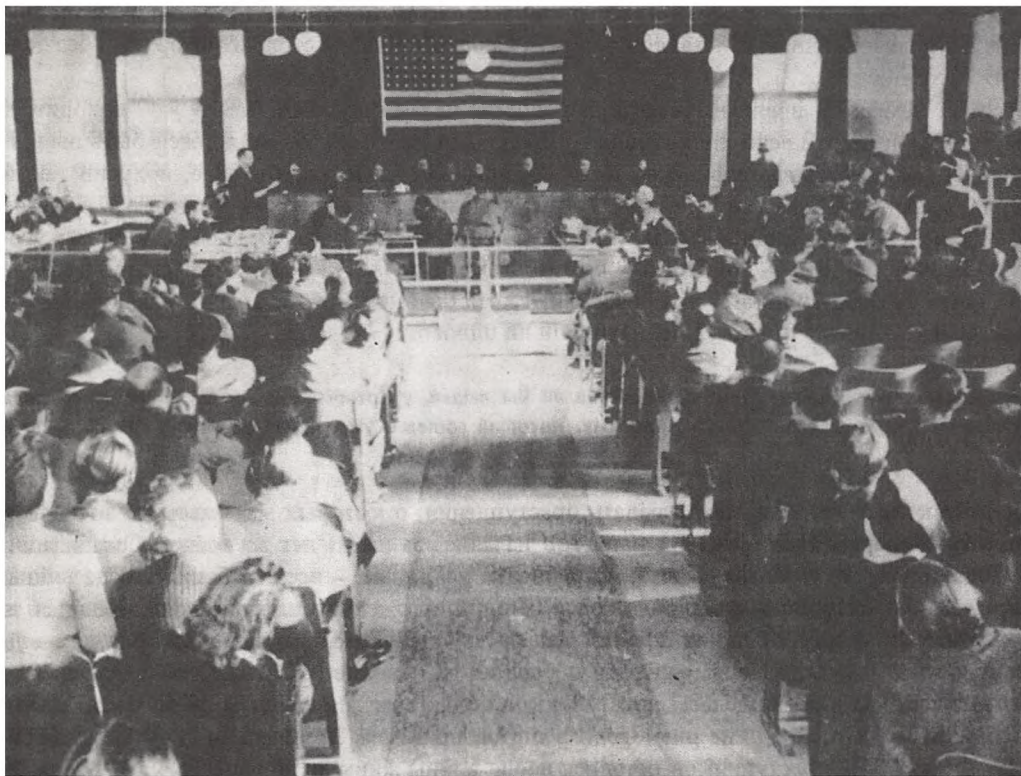
Однако специально изобретено выражение "советский народ", и во имя этого народа все злодеяния и совершаются.

Да, но это искусственное понятие.

Я все же думаю, что они неслучайно использовали выражение "враг народа". Не "враг коммунизма", а именно "враг народа".

Помню, как же. Но те люди, которые называли других врагами народа, позднее сами оказывались врагами. Это было обычным делом. Вы спрашиваете — что делать, каково же решение? Нет решения. Что делать, чтобы не допустить повторения истории для наших детей и внуков? Это не в наших силах. То, что делаю я, — лишь попытка в какой-то степени создать алиби для моего поколения, искупить вину выживших. Я был архитектором во Львове. Там было 150 тысяч евреев — половина населения города. Осталось пятьсот человек. Вы понимаете, что это значит — выжить в числе 500 из 150 тысяч? Это вовсе не счастье. Спрашиваешь себя: почему я, а не другой?.. Другой был лучше меня, умнее меня, мог дать обществу больше, чем я. И тогда появляется желание заменить тех, кому не довелось выжить. Может быть, это лишь мое личное ощущение. Я встречал выживших, которые после войны старались все забыть. Они уезжали — в Израиль, в США, занимались своими делами, наживали деньги, иногда даже становились миллионерами. Потом уходили на покой. Но если они были верующими, они должны были чувствовать себя ужасно, ведь они верили в то, что на том свете они встретятся с погибшими. А те спросят: что ты сделал, чтобы искупить нашу смерть? С этой точки зрения, я — не только большая совесть нацистов, но и большая совесть евреев. То, что я делаю, — это долг и тысяч других евреев. Но возможно, это лишь мой личный ответ. Он не может быть ответом целого народа, потерявшего 6 миллионов человек.

Практический вопрос: если все в той или иной степени причастны к преступлениям, то кого Вы выбираете в качестве конкретного объекта вашего преследования? Ясно, что тот, кто убил 6 миллионов евреев, — преступник, но...

Суд над палачами концлагеря Дахау

С самого начала я действовал не только против тех, кто убивал евреев. Для меня нет разницы между теми, кто убивал евреев, цыган или русских. Среди тех, кого мне удалось помочь арестовать, были палачи цыган, и убийцы итальянских заключенных, и те, кто зверствовал в русских деревнях. Я все время говорю не только о шести миллионах моих соплеменников, я говорю обо всех погибших в нацистских лагерях.

Мой вопрос был не о "национальном предпочтении". Речь идет о размерах преступления. Будете ли Вы преследовать того, кто убил всего лишь одного человека, или даже не убил, а помог убить? Где разделительная линия, за которой находится тот, кого необходимо преследовать?

Это очень серьезный вопрос. Его уже давно обсуждают историки и юристы. Есть разные группы преступников. Первая группа — это те, кто отдавал приказы, вторая — те, кто их исполнял. Но больше всех виноваты те, кто совершал преступления без приказов. Многих людей удерживает от преступления лишь боязнь наказания. И когда такого человека освобождают от ответственности, юридической или моральной, как это сделали гитлеровцы, он начинает действовать без приказов, повинаясь лишь собственным садистским импульсам. Вот вам пример. Сейчас я надеюсь со дня на день арестовать одного человека. Он окончил в свое время медицинский факультет и должен был отправиться в Норвегию в качестве военврача в войсках СС. Чтобы он приобрел некоторый опыт, его направили на практику в концлагерь Маутхаузен. И он начал приобретать опыт: "человеческий материал" значил для него не более, чем кролики или крысы. Никто не приказывал

вал ему: делай то-то и то-то. Он брал здоровых людей, без наркоза отсекал им конечности, вскрывал животы и оставлял умирать на операционном столе. Повторяю — без всяких приказов.

Кстати, немецкий военный устав при нацистах не был изменен. Там в § 47 говорится, между прочим, что если приказ носит преступный характер, он не должен быть выполнен. И были немецкие офицеры, даже среди чинов полиции, которые, получив такой приказ, заявляли: на основании § 47 я отказываюсь повиноваться. И ничего с ними не случилось! Им говорили: вы дураки, фюрер любит сильных людей, после войны мы с вами посчитаемся и т. п. Но делать с ними ничего не делали. Так вот, на всех процессах, а их были тысячи, адвокаты пытались найти хотя бы один случай, когда подзащитный отказался выполнить приказ. И не находили ни одного.

Вы видели много преступников. Встречали ли Вы людей, у которых возник бы "комплекс Клода Изерли" — пилота, бомбившего Хиросиму, который сошел с ума, когда осознал ужас им содеянного?

Я считаю, что неправильно называть преступления, о которых мы говорим, военными преступлениями. Преступления нацистов начались за шесть лет до войны. Организация концлагерей, "хрустальная ночь", истребление невинных — все это было еще до войны. Да и во время войны миллионы людей были уничтожены в лагерях, находившихся за тысячи километров от линии фронта. Эти преступления не имеют ничего общего с войной. Война сделала их возможными, но она их не извиняет. Называя эти преступления военными, мы как бы делаем преступников солдатами. Но солдаты рискуют собственной жизнью, а эти люди не рисковали решительно ничем. Это была их "внутренняя война", не зря 95% преступников остались после войны живыми и невредимыми. Вот почему я всегда говорю не о военных, а о нацистских преступлениях.

Я понимаю, конечно, что существуют и чисто военные преступления. Хиросима — это военное преступление. Бомбардировки Ковентри или Дрездена — военные преступления. С моей точки зрения, всякая война вообще преступна. На Земле есть место и пища для всех. Все проблемы могут быть решены мирно, по доброй воле. Геноцид никаких проблем не решает, найти ему оправдание невозможно.

В свое время я основал Институт по изучению геноцида при колледже уголовного права Джона Джея в университете города Нью-Йорка. Десять дней назад у нас было годичное собрание, на котором было сделано два доклада. Один докладчик говорил о геноциде в Кампучии — мир о нем уже знает. Другой был индеец, сидевший в тюрьме в Никарагуа. Он рассказал о положении ста тысяч индейцев в Восточном Никарагуа, о том как нынешний режим старается их подчинить своему контролю. Индейцы ни от кого никогда не зависели. Каким образом правительство может лишить их независимости? Только контролируя источники их питания. Но индейцы жили охотой и рыболовством и не нуждались в помощи государства. Что сделал сандинистский режим? Половина индейских деревень была разрушена, жителей переселили в лагерь. Теперь они полностью в руках правительства.

Рассказ этот для многих был полной неожиданностью. Я послал отчет о докладе Вилли Брандту, председателю Социалистического интернационала, так как Интернационал выступает в защиту сандинистского режима в Никарагуа. Я просил Брандта принять делегацию из трех индейцев и заслушать их. Не знаю, согласится ли он.

После зверств, совершенных при нацизме, — сколько еще людей было убито во время

Вы упомянули о сомнениях в вине. Каковы главные источники вашей информации? Как Вы можете судить об их надежности? Приходилось ли Вам сталкиваться с намеренной дезинформацией?

Ежедневно ко мне приходит от 30 до 50 писем, многие содержат информацию о преступниках. Много писем, в частности, из Южной Америки. У меня составлен огромный список подозреваемых — 60 тысяч имен. Знаете, когда имеешь такой большой опыт, то чувствуешь кончиками пальцев, пишет человек правду или ложь. Спору нет, бывают и ошибки, но в большинстве случаев нетрудно почувствовать: вот это возможно, а вот это невозможно. В ходе расследования тысячи ста случаев, уже рассмотренных судом, и шести тысяч случаев, по которым следствие еще не закончено, мне приходилось сталкиваться с огромным множеством всяких людей. Лишь четыре человека возбудили против меня встречное дело о клевете, и все четверо проиграли, — последний из них был крупным политическим деятелем в Австрии. С моей точки зрения, осудить невинного — само по себе тяжелое преступление. Прежде чем обвинять кого-либо, мы многократно проверяем дело, опрашиваем свидетелей, сопоставляем их показания. Вот отчего во многих случаях расследование занимает так много времени.

Вы уже говорили о помощи, которую вам оказывают (точнее, не оказывают) Советский Союз и страны Восточной Европы. А как обстоит дело с Соединенными Штатами, ФРГ и другими демократическими странами?

Самое лучшее сотрудничество у меня налажено с Западной Германией. Прекрасное сотрудничество. Это в немецком национальном характере: получив распоряжение, они выполняют его безукоризненно. Совершенно иное положение с Австрией. Эта страна заявляет, что она была первой жертвой нацизма. Да, как страна, но не как народ. Многие спрашивают меня, почему мое бюро находится в Вене, ведь проще и легче было бы открыть его в Западной Германии. Дело в том, что население Австрии составляет всего 8,5% от населения ФРГ, зато австрийские нацисты ответственны за 50% всех нацистских преступлений. Четыре пятых сотрудников Эйхмана составляли австрийцы. Три четверти комендантов лагерей уничтожения были уроженцами Австрии. После аншлюсса — присоединения Австрии к рейху большое количество офицеров австрийской полиции, а также гражданских чиновников было переведено в Германию. А когда была занята Польша, их направили туда. 2000 сотрудников полиции — австрийцев было командировано для работы в Польшу. Затем было принято "окончательное решение" еврейского вопроса. Евреев со всей Европы стали свозить в Польшу, в лагеря уничтожения. Большинство должностей в этих лагерях заняли опять-таки австрийцы. И вот — именно в Австрии моя деятельность встречает наиболее сильное сопротивление. Канцлер Крайский был в ярости, когда я обнаружил, что четыре члена его правительства — бывшие национал-социалисты. Еще хуже было, когда накануне выборов я установил, что вице-канцлер в планируемом коалиционном правительстве — человек из карательного отряда и в течение 20 месяцев занимался в России только тем, что убивал, — не на фронте, а в тылу. При Крайском в Австрийской республике состоялось лишь восемь судебных процессов нацистских преступников, и на шести из них подсудимые были оправданы.

Очень хорошее сотрудничество у меня с Голландией, с Норвегией, с Данией. Что касается США, то сотрудничество с ними просто прекрасное, но таким оно стало только после того, как при Картере было создано Бюро особых расследований. Прежде этими вопросами занималась служба иммиграции и натурализации. В Нью-Йорке сидели три работни-

ка этой службы, которые ведали всей территорией страны. Что они могли сделать? Теперь положение изменилось. Вы видели в нашем бюро молодую женщину из исторического отдела Бюро особых расследований — она изучает здесь наши материалы. Ежедневно мы общаемся с сотрудниками Бюро в США по телефону. Сейчас мы работаем над 220 случаями, и, я полагаю, число их может быть доведено до 3000. Это трудная работа. Наши расследования мало похожи на деятельность какой-нибудь Мата Хари. Они скорее напоминают выкладывание мозаики из мелких камешков, которые приходится подбирать по одному. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

Сегодня открывается Первый всесоюзный съезд советских писателей. Он открывается после длительной подготовки. За его спиной тянется целая вереница съездов, конференций, совещаний в разных национальных республиках и областях нашей огромной социалистической страны. С Запада и Востока на съезд приехали писатели-иностранцы, те, кто сильнее других чувствуют притягательную мощь новых центров социалистической культуры. Съезд, который просто не знает прецедентов, должен подвести итоги, критически разобрать плюсы и минусы, наметить дальнейшие перспективы развития, поднять всю нашу литературу на более высокую ступень. Съезд должен стать новым этапом в этой борьбе за художественную культуру. Мы не сомневаемся, что армия советских писателей, ликвидируя остатки групповщины и анархическо-богемской разнузданности в своей среде, под знаменем партии, под руководством Сталина, в ногу со всем пролетариатом, победоносно решит свои боевые задачи.

"Известия", 17 августа 1934 г.

Доклад т. Бухарина оставил у меня двойственное чувство. Объясняется это тем, что в докладе очень много противоречий. Например, Владимир Маяковский определяется — с одной стороны — как классик советской поэзии, а в другом месте говорится, что время агиток Маяковского прошло. Другой пример. Бухарин показывает незаурядные возможности нашей живой советской поэзии, а с другой стороны — безапелляционно утверждает, что в нашей поэзии царит глубокая, некультурная провинция.

У Бухарина получилось так, что центр, вершинное выражение нашей сегодняшней поэзии сосредоточено на именах Б. Л. Пастернака, Сельвинского и еще двух-трех поэтов. При всем моем глубочайшем уважении к Пастернаку как к мастеру и поэту я все же вынужден сказать, что для большой группы людей, которые растут в нашей литературе, творчество Пастернака — неподходящая точка ориентации. Это я вынужден сказать для того, чтобы уточнить один из очень существенных и принципиальных вопросов расстановки сил на фронте нашей поэзии...

У нас по праву входят в широкий обиход понятия: любовь, радость, гордость, составляющие содержание гуманизма. Но некоторые молодые наши писатели забывают четвертую сторону нашего гуманизма, выраженную в суровом, но прекрасном понятии — ненависть. (Продолжительно аплодисменты.)

Я заговорил о ненависти потому, что у нас за последнее время развивалась тенденция к так называемому увеселению вообще, к развлекательству вообще.

Давайте же, товарищи, не будем размагничивать молодежь интимными лирическими стихами! Давайте не будем смущаться, несмотря на возмущенное бормотание снотов, простой энергичной поступи походной песни, веселого пафоса и мужественного стиха. Будем, товарищи, держать лирический порох сухим!

*Выступление поэта Алексея Суркова
на Первом съезде советских писателей.
"Правда", 30 августа 1934 г.*

ХРИСТИАНЕ И ЕВРЕИ ПОСЛЕ ОСВЕНЦИМА

ЭТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ТРАДИЦИИ

Я не специалист в вопросах иудео-христианского экуменизма. Если, однако, я решаюсь высказаться на тему о взаимоотношениях христиан и евреев, то не в последнюю очередь потому, что я плохо понимаю, что собственно означает быть "специалистом", когда речь идет о катастрофе, имя которой — *Освенцим*. Вот мы и произнесли это слово, вспомнили это имя, которое нельзя не назвать, если мы хотим сформулировать или хоть как-то определить отношения евреев и христиан в нашей стране, да в конце концов и во всем мире. Имя, которое не обойдешь молчанием, которое нельзя забывать ни на минуту, именно оттого, что оно уже грозит стать историческим, словно и ему предстоит, заодно с прочими, занять положенную графу в столбцах канонизированной, равнодушно вззирающей на все истории и, значит, обречь себя на благополучное забвение или, что в общем-то одно и то же, торжественно-календарное упоминание по каким-то там дням; имя — *Освенцим*, звучащее прежде всего как символ миллионнократной казни, совершенной над еврейским народом.

Оттуда, из этой тьмы, Освенцим глядит на нас всех. Ведь непостижимое в нем — не только палачи и их пособники, не только апофеоз зла, торжествующего над людьми, и не только молчание Бога. Непостижимым и ужасным было молчание людей, молчание всех тех, кто смотрел или отворачивался и тем предал этот народ смертной муке в несказанном одиночестве. Говорю это не из презрения — но со скорбью. И не для того, чтобы восстановить в правах сомнительное понятие коллективной вины. Я выступаю, если можно так выразиться, за этическое толкование традиции. Лишь тогда можно доверять истории, лишь тогда — заимствовать у нее мерки для собственного поведения, когда не пытаешься отрицать ее поражений и искать оправдание ее катастрофам. Обладать историческим сознанием и стараться жить, исходя из этого сознания, как раз и означает не отворачиваться от катастроф; но это значит также никогда не отвергать и не принижать по крайней мере один авторитет — авторитет мучеников. В нашей христианской и германской истории, больше чем в какой-либо другой, это относится к Освенциму. О судьбе евреев нужно помнить, памятуя ее этический смысл, — именно потому, что она уже грозит стать чисто историческим воспоминанием.

ОСВЕНЦИМ — ПРОВАЛ И ПЕРЕВАЛ

Вопрос о том, станут ли отношения христиан и евреев исходным пунктом для поворота, для реформации, решается, по крайней мере в нашей стране, в зависимости от того, как мы, христиане, относимся к Освенциму, как мы оцениваем его применительно к нам самим. Или мы согласимся признать, что это действительно провал, обрыв истории, — чем он и был на самом деле, — или сочтем его в рамках истории всего лишь чудовищным недоразумением, своего рода несчастным случаем, в общем-то не нарушающим ее хода.

Я хотел бы пояснить на примере одного разговора, что я лично считаю важным для нас, христиан, когда говорю об Освенциме как о конце и рубеже — провале и перевале. В конце 1967 года в Мюнстере происходил публичный диспут, участниками которого были чешский философ Милан Миховец, Карл Ранер и я. В конце нашей беседы Маховец вспомнил слова Адорно: *"После Освенцима истории больше не существует"*. Слова, которые все считают гиперболой, давно уже опровергнутой, а ведь это, я думаю, не совсем так, во всяком случае если иметь в виду самих евреев: разве Пауль Целан, Тадеуш Боровский, Нелли Закс и прочие, те, кто, как никто другой, были рождены для того, чтобы выразить себя в слове, разве они не умерли в конечном счете из-за невыразимости, невыговариваемости того, что случилось в Освенциме, и о чем нельзя было не сказать? Итак, Маховец процитировал фразу Адорно и спросил меня, возможно ли нам, христианам, после Освенцима возносить молитвы? Я ответил ему то же, что сказал бы и сегодня: да, мы можем молиться *после* Освенцима, потому что люди молились и там.

Если брать это высказывание изолированно, оно, пожалуй, прозвучит таким же преувеличением, как и слова Адорно. Я, однако, не считаю его преувеличением. Мы, христиане, никогда уже не вернемся к тому, что было до Освенцима; но, переступив через Освенцим, живя после Освенцима, мы замечаем, что идем уже не одни, а вместе с жертвами Освенцима. В этом и коренится, по-моему, иудейско-христианская экумена. Поворотный пункт в отношениях между евреями и христианами соответствует неопровержимости конца, наступившего в Освенциме. Лишь устояв перед ним, удержавшись на ногах, мы почувствуем, что есть или чем могут стать "новые" отношения между евреями и христианами.

Устоять перед Освенцимом вовсе не значит понять его. Кто хотел бы здесь что-то понять, не понял бы ничего. Непостижимый, неподвижно взирающий на нас словно из мглы доисторических времен, Освенцим ускользает от всякой попытки разобраться в нем, от надежды худо-бедно свести концы с концами, и баста: вычеркнуть его из памяти. "Объективны" здесь только пострадавшие и скорбящие. Да еще кающиеся. Перед лицом Освенцима нет и не может быть посторонних, воздерживающихся от голосования,

нет безучастных. Любая попытка устраниваться была бы тайным сговором с неосознанным страхом, еще одной капитуляцией перед ним.

Но как же нам, христианам, разделаться со всем этим? Прежде всего не будем стараться истолковывать мученичество еврейского народа в каком-то спасительно-историческом, промыслительном смысле. Нам-то уж во всяком случае не подобает мистифицировать эти муки! В них мы прежде всего сталкиваемся с загадкой нашей собственной бесчувственности, с тайной нашей собственной апатии, а вовсе не с Божьим перстом.

Я рассматриваю всякую христианскую теодицею — то есть всякую попытку так называемого "оправдания Бога", — равно как и всякие разговоры о "смысле" перед лицом Освенцима, разговоры, имеющие целью вынести эту катастрофу за скобки либо подняться над ней, — как богохульство. Апеллировать к смыслу, тем более божественному, нам позволительно здесь лишь постольку, поскольку он не был растоптан даже в самом Освенциме. Но что это значит? Это значит, что нам, христианам, ради нас самих отныне и впредь указано на жертвы Освенцима, и притом в значении спасительно-исторического союза, — если слово "история" еще сохранило какой-то смысл в специфически христианских словосочетаниях типа "история спасения", а не просто используется в качестве удобного повода для триумфальной метафизики, которую ни одна катастрофа ничему не научила, которую не колеблют никакие катастрофы, ибо для нее, собственно говоря, никаких катастроф смысла вовсе не существует.

Только этот спасительно-исторический союз положит конец всякому преследованию евреев со стороны христиан. И если бы вновь начались преследования, то гонимыми оказались бы евреи *вместе* с христианами, как это было некогда, в первые времена. Ведь гонения на первых христиан были, как известно, одновременно и гонениями на иудеев; и тех, и других, отказавшихся признать римского кесаря богом и тем самым подрывавших основы политической религии Рима, преследовали как "атеистов" и "врагов рода человеческого", и тех, и других обрекали на смерть.

ЕВРЕЙСКО-ХРИСТИАНСКИЙ ДИАЛОГ В ПАМЯТОВАНИИ ОСВЕНЦИМА

Когда смотришь с этой точки на сложившиеся связи, то вопрос, не пора ли христианам в их взаимоотношениях с евреями перейти, наконец, от миссионерства к диалогу, — собственно говоря, не может быть поставлен. Самое это слово — "диалог" — кажется каким-то чересчур благополучным, недостаточным и попросту неуместным. И все-таки: что такое диалог между евреями и христианами в виду Освенцима, в памятовании Освенцима? Мне кажется нелишним задать этот вопрос, хотя будем осторожны: уже сейчас христианско-еврейский диалог испытывает на себе воздействие конъюкту-

ры, уже появились многочисленные организации и институты, заинтересованные в нем.

1. Еврейско-христианский диалог в памятовании Освенцима значит для нас, христиан, прежде всего вот что: не нам принадлежит первое слово, не мы начинаем этот диалог. *Жертвам вступить в диалог не предлагают.* Разговор может начаться только тогда, когда сами жертвы начнут говорить. И тогда наш долг, первейший христианский долг, будет — послушать, *наконец-то хоть раз послушать*, что сами евреи говорят от себя и о себе. Разве я не прав, если скажу: впечатление такое, что до сих пор в этом диалоге, если он и происходил, больше говорили мы сами и все о самих себе, о *наших* представлениях насчет еврейского народа и его веры. Что мы опять спешим проводить сравнения, без всякого учета ситуации, забыв, к кому мы обращаемся, забыв все случившееся, спешим сравнить оба вероучения, и хотя более доброжелательным, более мирным тоном, но с той же безответственностью, что и раньше, ибо мы опять-таки не хотим слушать, и в конце концов разговор, которого никогда по-настоящему не выходило, рискует и на этот раз не состояться. Потому что мы снова не видим дальше своего носа и предпочитаем говорить о "еврействе", вместо того, чтобы говорить с евреями. Слушали ли мы кого-нибудь, слышали что-нибудь за эти несколько десятилетий? Что мы узнали нового о евреях и об их религии? Научились ли мы внимательней вслушиваться в пророчество их полной страданий истории? Не возрождается ли прежняя эксплуатация, прежние злоупотребления в более тонких формах, на сей раз под знаком демонстративной симпатии к евреям? То самое обирательство, когда мы, например, выхватываем из текстов, принадлежащих иудейской традиции, отрывки, чтобы использовать их как иллюстративный материал для нашей христианской проповеди, когда мы со вкусом цитируем хасидские причитания — без единого помышления о той мученической ситуации, в которой они возникли и которая очевидным образом составляет неотъемлемую часть заключенной в них истины?

2. Для диалога евреев и христиан нет заведомых образцов, которые можно было бы позаимствовать из привычного репертуара внутрехристианской экумены. Все надлежит измерять Освенцимом. В том числе и нашу христианскую манеру носиться с *вопросом об истине*. Что приходится слышать? Экумена ни в коем разе не может обходить вопроса о религиозной истине, она обязана постоянно иметь его в виду. Конечно. Но наш-то случай особый, следовать истине в данном случае значит прежде всего не отворачиваться от истины Освенцима и безо всякого стеснения разоблачать сладкозвучные мифы и примирительно-утешительные теории, издавна бытующие в христианской среде. Вот это и будет экуменическое служение истине! Вообще же христианам стоит порекомендовать именно в разговоре с евреями с особой осторожностью обращаться с понятием истины. Слишком часто то, что христиане победоносно и безжалостно выдавали за истину, превраща-

лось в карающий меч, в орудие пытки, в инструмент преследования евреев. Не забывать об этом ни на минуту — будет тоже служением истине в христианско-еврейском диалоге.

И еще одно: чтобы мы, христиане, были поосторожнее с громкими словами о себе в этом диалоге. Кто осмелится перед лицом Освенцима объявлять наше христианство "подлинной", "в собственном смысле слова" религией страдающих, "в собственном смысле слова" религией гонимых, "в собственном смысле слова" религией рассеянных по свету? Сдержанность и скромность, о которых я сейчас говорю, теологический принцип экономии, держаться которого я предлагаю, — не имеет ничего общего с поражением в вопросе о религиозной истине. Это лишь выражение определенного недоверия к так называемой чисто воспитательной, а на деле игнорирующей реальную ситуацию и память о прошлом экумене. *После Освенцима не может быть никакого не считающегося с субъектом и с ситуацией теологического академизма, никакой богословской высоколести.* Такое "глубокомыслие" было бы не чем иным как легкомыслием. С Освенцимом окончательно похоронена эпоха теологических построений, для которых не имеют значения субъект и ситуация. Вот почему мне не внушают доверия и все эти столь благонамеренные и столь мелодично звучащие академические сопоставления разных вероучений и систем, все эти старания вычленить "теологическое общее". Какой от них толк? Да и не существовали ли всегда эти черты сходства? Почему же они не смогли уберечь евреев от ненависти христиан? Корень проблемы, быть может, лежит куда глубже. Может ли наша теология после Освенцима оставаться той же, какой она была до него?

3. Наконец, разговор христиан и евреев выпадает из экуменических шаблонов еще в одном отношении. Всякий еврейский партнер в этих искомым новых взаимоотношениях будет не только иудеем в конфессиональном смысле, но и просто *евреем, которому грозит Освенцим*. Выдающийся писатель Жан Амери незадолго до своей смерти сказал об этом так:

"В круге ада — в Освенциме — разница проявилась по-настоящему и словно огненными буквами была написана на лбу у каждого, — вроде тех вытатуированных номеров, которыми нас метили. Все "арийские" узники, хоть и оказались в одной пропасти с нами, евреями, стояли выше, более того — были отделены от нас расстоянием в несколько световых лет... Жид был жертвенным животным. Ему предстояло испить чашу до последней, горчайшей капли. Я выпил ее. Вот тогда до меня и дошло, что значит быть евреем."

ХРИСТИАНСКАЯ ТЕОЛОГИЯ ПОСЛЕ ОСВЕНЦИМА

Разумеется, достижение экумены христиан и евреев зависит не от одной готовности христиан слушать, предоставив слово евреям как евреям, то

есть как еврейскому народу в его собственной истории. Экумена включает в себе и глубокую *теологическую* проблему, а именно, вопрос о том, готово ли и способно ли христианство — и если да, то в какой мере — признать мессианскую традицию иудаизма в ее неотчуждаемой самобытности, признать ее продолжающееся мессианское достоинство — и при этом не предавать и не унижать представляемую христианством христологическую тайну. Вопрос этот опять же нельзя рассматривать абстрактно, но лишь памятуя об Освенциме. *Освенцим должен стать отправной точкой для радикального самовопрошания христианства, вопрошания теологии о самой себе.* Он должен стать поводом к самокритике, без которой новое экуменическое признание ценностей иудейской религии и еврейской истории окажется для христиан попросту невозможным. Позвольте мне кратко изложить некоторые элементы этого самовопрошания, которые представляются мне наиболее существенными; вместе с тем они служат указанием на вновь и вновь возникающие и потому как бы прирожденные опасности внутри самого христианства и его вероучения.

1. Не кажется ли вам, что христианство слишком уж настойчиво на протяжении многих веков выдавало себя, в качестве абстрактной противоположности иудаизму, за чисто аффирмативную, "утвердительную" религию, — так сказать, *теологическое учение победителей*? Религию, которая "преодолела" иудаизм, у которой на все готов ответ и которой явно недостает страстных вопросов? Не слишком ли часто вопрошание Иова оказывалось в христианской религии оттесненным на задний план, так что образ Сына, который страдает о Боге и бессилии Бога в мире, наделялся слишком уж праздничными чертами? И нет ли в этом опасности, ссылаясь на христологию, сузить, недооценить историю страданий мира сего? Поясню это выдержкой из синодального документа Католической церкви ФРГ.

"Быть может, в истории нашей церкви и всего христианства мы... чересчур высоко подняли над историей страданий человечества Его творящее надежду страдание. Не произошел ли разрыв в результате того, что христианская мысль о страдании сосредоточена исключительно на Его кресте и нас самих, Ему наследующих, не оторвались ли мы тем самым от чужого, незащищенного, просто человеческого страдания? Не были ли мы, христиане, зачастую ужасающим образом бесчувственны и равнодушны к этому страданию?"

И в самом деле, получается, словно "их" страдание — это не наше страдание, словно оно относится к "чисто профанной" сфере, а мы по отношению к нему — словно какие-то победители. Как если бы это страдание не имело искупительной силы, как если бы сами мы не влачили на себе бремя этого страдания! А как же иначе понимать ту историю мук, которую христиане веками навязывали еврейскому народу или по крайней мере не смогли его от нее уберечь? Разве в нашем отношении к ней не проявились равнодушие и бесчувственность — типичные черты победителей?

2. Не скрывалась ли в христианстве, по контрасту с иудаизмом, некая *мессианская слабость*? Не проявляется ли в нем снова и снова упоение своей спасительно-исторической миссией, ложное и опасное упоение, которое с особой чуткостью умеют распознавать именно евреи? Но кто сказал, что оно, это упоение, — неизбежное следствие веры христиан в окончательное спасение, обещанное Христом? Разве христиане избавлены от необходимости ждать, ждать со страхом — не только за самих себя, но и за весь мир и историю в целом? Не следует ли и христианам устремить взор навстречу брезжащему мессианскому дню Господа? Но какой логический смысл имеет, собственно говоря, для христианской теологии это раннехристианское учение об ожидании мессианского Дня Господня? Какова его роль — не только в качестве содержательного элемента христианской теологии (о котором чаще всего упоминают с неловкостью и даже с каким стыдом), но и в качестве ее познавательного принципа? Если бы христиане в самом деле находили в этом учении смысл (или если бы он открылся им в Освенциме), оно прежде всего убедило бы их, что мессианское упование не имеет ничего общего со столь распространенным среди христиан прекраснодушием, из-за которого они становятся до такой степени нечувствительны к апокалиптическим угрозам и опасностям, какими кишит наша история, что с истинным безразличием победителей взирают на чужую боль. Благодаря ему, этому учению, христианская теология, быть может, яснее осознала бы, насколько заблокирована, *задавлена* в христианстве апокалиптически-мессианская мудрость иудаизма. Если опасность иудейского мессианизма с нашей точки зрения состоит в том, что он упорно отказывается от всякого примирения с настоящим, то опасность мессианизма в его христианской версии заключается, по моему убеждению, в том, что здесь опирающееся на Христа примирение слишком уж вырастает в настоящее, в нашу современность, и слишком охотно выдает современному христианству, каким бы оно ни было в действительности, аттестат моральной и политической благонадежности.

Повсюду, где христианство, окруженное победным ореолом, прячет собственную мессианскую слабость, одновременно и в возрастающей степени притупляется отзывчивость к тем, кто подвергается опасности и гибнет. Теология лишается органа, воспринимающего провалы и крушения истории. Разве наша христианская вера в спасение, обетованное Христом, как-то неприметно не выродилась в некий логический оптимизм, который просто уже не способен смотреть в глаза крушению логики, смысловым катастрофам? Не наблюдаем ли мы прямо-таки типичную для христиан твердокаменную способность ни от чего не приходиться в растерянность — даже перед лицом таких катастроф? И разве это не дает себя знать прежде всего в том, как рядовые христиане (и теологи!) относятся к Освенциму?

3. Не демонстрирует ли история нашего христианства угнетающий *недостаток примеров политического сопротивления* и, наоборот, избыток при-

меров конформизма? Вот, на мой взгляд, решающее основание, почему христиане и христианская теология обязаны, в память об Освенциме, потребовать отчета от самих себя. В эпоху возникновения христианства, мы уже об этом говорили, евреи и христиане вместе подвергались гонениям. Однако преследование христиан вскоре прекратилось, тогда как травля евреев все возрастала и с течением веков достигла невероятных масштабов. Конечно, такое различие судеб христиан и евреев имело много разных причин. Не все из них надо поставить в упрек христианству. И тем не менее этот исторический факт побуждает задать христианству и его теологии вопрос, который давно меня гложет и который должен был бы поразить всякого теолога после того, что произошло в Освенциме: не придало ли христианство мессианскому спасению, о котором возвестил Христос, чересчур личный, чересчур индивидуалистический и эгоистический смысл? И не получилось ли так, что именно это сведение мессианской вести о спасении к сугубо личному делу породило у христиан еще раньше, чем в еврействе, начиная еще со времен апостола Павла, стремление приспособляться к существующему политическому порядку, более или менее безропотно подчиняться преобладающим властям и мириться с ними? Кто знает, не оттого ли христианство было "лучше" евреев, а его двухтысячелетняя история в меньшей степени, чем еврейская, была историей мучений, травли и рассеяния, что с христианами легче было столкнуться в "деле государственного строительства"? Разве Бисмарк не попал в самую точку, сказав, что с Нагорной проповедью империю не построишь? Какое же это тогда преимущество, да еще мессианское, если оказывается, что христиане везде и всегда явно успешнее умели приспособливать свое понимание спасения как сугубо индивидуальной, интимной задачи к требованиям государственной власти! Не правильнее ли было, напротив, ожидать, что история христианства будет куда богаче столкновениями с властью — подобно мученической истории гонимого еврейского народа? В самом деле, разве не поразительно, что христианству явно недостает истории политического сопротивления, в то время, как история его политического приспособленчества и послушания так богата! И ведь вот что в конце концов получается: мы, христиане, узнаем ту самую судьбу, которую Иисус заповедал своим верным, не в нашей истории, не в действительной истории христианства, а в страдальческой летописи еврейского народа! Как теолог, я не могу умолчать об этой загадке, которая тревожит меня именно в связи с Освенцимом. Она-то в сущности и привела меня к мысли о "*политической теологии*", той теологии, которая выдвигает (ориентируясь больше на авторов синоптических Евангелий, чем на линию апостола Павла) программу отказа от индивидуализма и тем самым противостоит опасности свести христианское спасение к чисто личному делу отдельного человека, иными словами, противостоит опасности безответственного примиренчества по отношению к существующей политической власти. По понятиям этой теологии сугубо аполитичная интерпретация хри-

стианского учения, недialeктическое истолкование его содержания в индивидуалистическом духе, с ориентацией только на внутреннюю жизнь личности, как раз и приводит снова и снова к бессознательной, как бы задним числом навязанной политизации христианства. Но христианство не может быть политизировано задним числом — путем подражания, путем копирования внеположных ему образцов политической деятельности или механизмов власти; оно политично само по себе как мессианская практика следования за Христом, оно является в одно и то же время мистическим и политическим. И это возлагает на нас ответственность не только за то, что мы делаем или не делаем, но и за то, что, будучи допущено нами, происходит с другими — в нашу эпоху, у нас на глазах.

4. Не слишком ли старается христианство скрыть *практическое ядро* своей миссии? То и дело приходится слышать, что вот-де еврейская религия вся нацелена на практику и мало заботится о единстве учения, тогда как христианство есть прежде всего вероучительная религия, и эта разница будто бы ставит значительные препятствия перед иудео-христианским сближением. *А ведь христианство тоже в первую очередь не доктрина, которую надо блюсти в наивозможной чистоте, а практика, дело, которым надо смелее жить!* Мессианская практика следования за Христом, преображения, страдания и любви не пристегивается задним числом к христианской вере, но представляет собой реальное выражение этой веры. Если уж на то пошло, в христианскую веру надо не верить — надо этой верой жить. Вот это и будет мессианская практика следования Христу. Есть, конечно, и такое христианство, где в веру только верят, "надстроечное" христианство, служащее нашим собственным интересам, — *христианство в качестве буржуазной религии*, христианство, которое не наследует Христу, а лишь "верует" в наследование и, прикрывшись этой верой, идет своей дорожкой; христианство, которое не сострадает, а только верит в сострадание и под личиной веры в сострадание раскармливает в себе ту бесчувственность, которая в конце концов сподобила нас, христиан, спокойно веровать и спокойно молиться, повернувшись спиной к Освенциму; бесчувственность, с которой мы, говоря словами Бонхеффера, распевали грегорианские хоралы, когда надо было кричать и вопить об евреях. *Здесь*, в этом вырождении мессианской религии в чисто буржуазную, я усматриваю одну из коренных причин и предпосылок несостоятельности современного христианства в еврейском вопросе и в конечном счете — причину того, почему мы, христиане, в большинстве своем оказались неспособны по-настоящему каяться, почему в послевоенные годы церковь не сумела противостоять всем многочисленным попыткам снять с нашего общества лежащую на нем вину.

Вероятно, есть и другие, не менее серьезные вопросы, которые обязана задать себе христианская теология в памятовании Освенцима, вопросы, через которые пролег путь к экумене христиан и евреев. Нечего и говорить о том, что необходимо до последнего вершка вскрыть *корни антисемитизма*

в самом христианстве, в его учении и в его практике. Здесь, между прочим, немалую роль играет та позиция "спасительно-исторической подмены", с которой христиане привыкли взирать на евреев, и которая приводила к тому, что к евреям относились не как к товарищам и даже не как к врагам, — враг тоже имеет свое лицо! — а превратили их в какую-то антикварную вещь, в неодушевленную историческую предпосылку для спасения. У меня нет возможности рассмотреть подробнее проблему внутрехристианского антисемитизма. Не стану касаться и вопроса о корнях антисемитизма в немецких философских системах XIX века, наложивших неизгладимый отпечаток на весь строй мышления и категорийный аппарат теологии нашего времени.

Что могут "сделать" теологи-христиане для убитых в Освенциме — а тем самым для будущей христианско-еврейской экумены, — во всяком случае ясно: *не заниматься больше такой теологией, которая настраивает на безразличие или воспитывает способность оставаться безразличными к Освенциму*. На этот счет я даю своим студентам по видимости простой, но в высшей степени ответственный критерий оценки, чего стоит такая-то богословская система. Спросите себя: могла бы теология, которую вы учите, остаться после Освенцима такою же, какой она была прежде? Если да — то держитесь от нее подальше!

ЛИНИИ ПЕРЕСМОТРА

Решение вопроса о том, удастся ли нам достичь такой экумены между христианами и евреями, принять которую для евреев не означало бы необходимости отречься от самих себя, в последнем счете зависит от того, сделают ли этот экуменический шаг *церковь и общество*. Все усилия theologов примирить противоречия двух вероисповеданий останутся пустой тратой сил, если эта задача не войдет глубоко в сознание церкви и общества, другими словами, если она не затронет душу народа.

Католическая церковь Федеративной Республики в своем синодальном постановлении "Наша надежда" (мы на него уже ссылались) провозгласила новый подход к религиозной истории еврейского народа. Она заявила, что принимает на себя особую задачу и особую миссию. История того, как составлялся этот раздел синода, могла бы пояснить, откуда берутся эти тенденции смягчить, извинить прошлое, тенденции, дающие о себе знать и в окончательной редакции текста. Но отнесемся к этому тексту всерьез. Там сказано: "При достойном подражании поведению отдельных лиц и групп, мы, церковная община, в общем и целом были во времена национал-социализма слишком равнодушны к судьбе преследуемого еврейского народа; мы были слишком поглощены заботой о наших собственных институтах, подвергавшихся угрозе, и молчали о преступлениях, совершенных против евреев и еврейства".

Времена нацизма прошли — но разве на смену им не пришло великое забвение? Мертвецы Освенцима должны были бы, если уж на то пошло, перевернуть все. Ничего не должно было остаться прежним ни в нашем народе, ни в наших церквах. Прежде всего в наших церквах. Уж им-то, казалось бы, следовало прочувствовать в полной мере, какой катастрофой душ был Освенцим, не пощадивший никого и ничего — ни народ наш, ни наши церкви. А что получилось, где теперь оказались мы, христиане, граждане этой страны? Мало того, что делают вид, будто Освенцим — это недоразумение, несчастный случай — прискорбный, но все же случай. Похоже, что кое-кто у нас уже снова принимается искать причины того ужаса, который произошел в Освенциме, не в стане гонителей и убийц, а среди самих жертв, самих гонимых. Сколько же можно носить покаянное рубище, спрашивают те, кто, похоже, никогда его и не надевал. А пришло ли кому-нибудь в голову спросить у самих жертв, долго ли нам еще каяться и уместно ли здесь вообще такое понятие как давность срока? Желание ограничить эту самую "давность" применительно к Освенциму продиктовано, по-моему, вовсе не христианским всепрощением (уж тут-то прощать должны *не мы!*), а стремлением нашего общества и нашего христианства (!) окончательно оправдаться и... поскорей покончить со всей этой неприятной историей.

В такой ситуации становится очевидным: основа нового отношения христиан к евреям в памятовании Освенцима — не в культивировании некоего расплывчатого чувства примирения, не в дешевом и ни к чему не обязывающем благорасположении к евреям (которое на самом деле нередко маскирует не изжитую враждебность к ним), нет, основу эту надобно искать в нацеленном на жизненную практику пересмотре нашего сознания.

Так например, искомые новые "диалогические" отношения, если их действительно удастся завязать, не могут сводиться к диалогу специалистов — профессиональных теологов и специалистов по делам церкви. Нужно, чтобы экумена проникала в гущу народа, в повседневный труд педагогов, в воскресную проповедь, в жизнь церковных общин, в семью, школу, во все главнейшие институты. Новые традиции, как известно, закладываются не в академиях и не на семинарах ученых, не на торжественных церемониях, не на фестивалях. Новые традиции возникают в процессе медленного, неуклонного воспитания, внедряясь в души и становясь атмосферой для каждой души. А что происходит на деле в наших храмах и школах? Причем не в последнюю очередь — в сельских школах и храмах, в так называемой христианской деревне? Разумеется, *деревенский антисемитизм* обусловлен многими причинами; но в немалой степени его поддерживало и поддерживает религиозное воспитание. В моих родных местах, в типично католической среде, "жиды" и после войны оставались традиционным жупелом, привычным, хотя и абстрактным клише; представление о евреях черпалось в основном из народно-фольклорных спектаклей в Обераммергау.

Некоторые историки полагают, что антисемитизм в немецком народе в годы нацизма был распространен не больше, чем во многих других странах Европы. Лично я сомневаюсь в этом, но если это правда, то, значит, дело обстоит еще хуже, возникает еще более ужасное подозрение, то самое, которое и высказал уже много лет назад один из историков: выходит, что немцы дошли до крайней степени антисемитизма — начали истреблять евреев — *только потому, что им приказали*, то есть из простого повиновения власти!.. Каковы бы ни были конкретные обстоятельства в каждом отдельном случае, тут явно налицо — такой вывод делался уже не раз — то, что называется типично немецкой опасностью. И потому самое важное, если вернуться к нашему разговору, это чтобы и общество, и церковь самым решительным образом занялись воспитанием такого послушания авторитетам и такой солидарностью с властью, которые не исключали бы критического отношения к авторитетам и властям, воспитанием, цель которого — преодолеть страх перед конфликтами и внушить презрение к успеху, достигаемому пресмыкательством перед властью.

В этой связи позвольте мне привести высказывание одной молодой еврейской женщины, школьной учительницы, по поводу так называемых недель братства. Оно не нуждается ни в каких комментариях.

”Два выражения врезались мне в память, еще когда я сама училась в школе и не имела ни малейшего представления об их истинном смысле. Первое: ”с формально-юридической точки зрения” и второе: ”законом не предусмотрено”. Все, что совершается в школе — и, полагаю, в других учреждениях тоже, — должно быть правильным с формально-юридической точки зрения, хотя бы это было совершенной бессмыслицей... Куда ни помотришь, везде демократия и везде порядок, везде люди старательно, не задумываясь, не испытывая никаких эмоций, выполняют законы, указания, распоряжения, предписания, установки и циркуляры. А тех немногих, кто противится этому, кто проявляет хоть немного самостоятельности и гражданского мужества, тех подвергают систематическому запугиванию... Оттого у меня нет никакого желания брататься с немцами, и не нужна мне эта неделя братства. У меня все в душе переворачивается, когда я слышу трескотню о дорогих еврейских братьях. Те, кто нынче с такой помпой разглагольствует о примирении, — все те же автоматы, просто в них вложили новую программу”.

Я начал с того, что память наша об Освенциме должна носить морально-этический, а не ”чисто исторический” характер. Моральная память о преследовании евреев не может не распространяться и на отношение людей нашей страны к *государству Израиль*. У нас, немцев, тут нет выбора — и в этом пункте я расхожусь с моими левыми друзьями. Кому-кому, а нам не подобает укорять евреев, после того как в совсем еще недавние времена они оказались в нашей стране на грани тотального уничтожения, в том, что они чересчур озабочены своей безопасностью; раньше, чем кто-либо, мы долж-

ны были бы отнестись с пониманием к заявлениям евреев о том, что они обороняют свое государство не под флагом сионистского империализма, а как дом спасения от смерти, как последнее прибежище веками травимого народа.

ЭКУМЕНА В МЕССИАНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

То, о чем мы здесь рассуждали, — будущая экумена евреев и христиан в памятовании Освенцима, — составляет отнюдь не периферию внутрихристианской экумены, но ее средоточие. Экумена между христианами, я глубоко убежден, в конечном счете будет реализована лишь при условии, что она вновь обретет библейско-мессианские соотношения экумены вообще, то есть узнает и признает своего изначального соучастника — забытый и изгнанный иудейский народ с его мессианской религией. Так я понимаю наставление Карла Барта в его "Экуменическом завещании" 1966 года: "Не будем забывать, что фактически имеется только одна экуменическая проблема — наше отношение к еврейству". Мы только тогда сойдемся и столкуемся между собой как христиане, когда выработаем совместно новый взгляд на еврейский народ и его веру, новое отношение, которое не обойдет стороной Освенцим, но предстанет как *лик христианства, открывшийся нам лишь после Освенцима* и взыскующий с нас за многое. Ибо, повторяю, мы, христиане, никогда не вернемся к тому, что было до Освенцима, но, выйдя из Освенцима, отправимся вперед уже не сами по себе, а вместе с жертвами.

И тогда, быть может, — не будем слишком самоуверенны в наших предсказаниях, но как знать? — придет день, и *союз мессианского упования* соединит евреев и христиан против торжества пошлости и человеконенавистничества в нашем мире. Память Освенцима обострит наш слух и зрение перед лицом ныне продолжающихся преступлений против человечества в странах, где на поверхности царит тишь да гладь, "порядок и спокойствие", как некогда в Германии при нацизме.

МЕЦ И ТЕОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

"Теология... может и должна изложить центральные истины богопознания с точки зрения того, как вера относится к социально-обусловленному разуму. С позиций политического богословия христианская вера предстает как образ общественно-критической свободы, а церковь — как место этой свободы" (Теологический словарь Гердера, 1973, т. 6, стр. 57). Так разъясняет смысл своей "политической теологии" И.-Б. Мец, католический богослов и религиозный писатель, снискавший себе в последние годы громкую популярность главным образом среди западногерманской студенческой молодежи.

По ряду причин русский читатель, не только советский, но и зарубежный, почти не знаком с современной христианской теологией; это можно отнести и к Мецу, о котором русскоязычная печать, насколько нам известно, упомянула лишь однажды — в статье Татьяны Горичевой "Оторвавшись от духа" (журн. "Континент" №28), где, однако, содержится информация, в большой мере дезориентирующая читателя.

Отправная точка рассуждений Меца — осознание неблагоприятия современного мира. Западное общество — наследник эпохи европейского Просвещения, когда "субъектом истории" стал бюргер. С воцарением бюргера одержали победу гражданские свободы и буржуазные добродетели; вместе с тем, утвердив свою иерархию ценностей и сделав основой человеческих отношений обмен услугами, куплю и продажу, капиталистическое общество трансформировало и унаследованную им религию: образцом христианина стал буржуа, мессиянская религия Христа превратилась в буржуазную "религию сервиса". Возникло глубокое противоречие между сущностью христианства как религии следования за Христом и чаяния спасения — и его нынешним буржуазным обликом.

Между тем время исторического главенства буржуазии подходит к концу. Здесь Мец солидарен с целой армией мыслителей разных толков, предсказывающих этот конец. "Принцип господства", на котором основалось поведение европейского человека со времен Возрождения, воля к покорению природы и народов, представлявшихся отсталыми, привела по крайней мере к двум катастрофическим последствиям: экологическому кризису и расщеплению мира на процветающий Север и бедный Юг, или Третий мир. Чтобы преодолеть опасное для судеб Земли противостояние бедных и богатых народов, недостаточны программы экономической помощи и малоэффективны меры благотворительности. Необходимо переустройство всего сознания западного человека — преобразование сердец; нужно набраться смелости взглянуть на себя "глазами наших жертв" и научиться видеть в обездоленных гражданах Третьего мира "наших соотрапезников на Тайной вечере".

Европа больше не центр мира, антропология господства скомпрометирована, и буржуазный мир стремительно движется навстречу миру послебуржуазному. Создатель политической теологии цитирует Теодора Адорно: "Ужас в том, что у бюргера не нашлось наследника." Никто не знает, каким будет этот новый мир. Но для того, чтобы нас всех не захлестнуло новое варварство, чтобы человечество не растеряло драгоценное наследство буржуазной истории освобождения — права человека, свободу и достоинство личности, чтобы оно не стало жертвой тоталитаризма, существует, по мысли Меца, только один выход. Единый якорь спасения — обновленное христианство. Теолог говорит о Второй Реформации, ориентированной не столько на апостола Павла, сколько на синоптические Евангелия — Марка, Матфея и Луки.

Перед христианством вновь, как четыре с половиной века назад, встал вопрос обретения благодати. Новая Реформация должна восполнить то, чего недостает двум главным христианским вероисповеданиям Запада. Тем самым она сблизит их и облегчит будущую экумену. Чего же им недостает? Буржуазное христианство двойственно: оно молчаливо мирится с несовместимостью "незримой благодати и безблагодатного мира человеческих дел и делишек". Это прежде всего относится к современному протестанству. Протестанство индивидуалистично, холодно и сверхчувственно; его представление о благодати слишком умозрительно, для него характерен страх соприкосновения с земным. Поэтому протестантский аспект Второй Реформации должен состоять в возвраще-

нии благодати в чувственный мир. Что касается католицизма, то он не чурается чувственного начала, ему свойственна человеческая теплота. Но зато ему не хватает того, что сумел отвоевать Лютер, — свободы. Поэтому католический аспект Второй Реформации — призыв к благодати в свободе. Католичество консервативно, это "второгодник в буржуазной школе прогресса", и ему предстоит наверстать упущенное. Но его прорыв к послебуржуазному будущему не будет повторением лютерового пути. Протестантская свобода — это свобода индивидуума, который никому не слуга перед лицом своего Бога, и одно из проявлений этой свободы, ее социальное воплощение, — политическая свобода гражданина. Однако с ней неразрывно связана и другая сторона — эгоистический индивидуализм, буржуазная отъединенность (*Unnahbarkeit*). Католический путь свободы есть процесс, в котором личность сознает себя свободной не в одиночку, а в солидарности с другими людьми, в том числе с теми, кому не повезло в жизни, с бесправными и угнетенными "меньшими братьями", которых буржуазное христианство фактически высадило из-за стола. Такая солидарность уже достигнута — в католических общинах Латинской Америки, где удалось соединить спасение души с борьбой за социальное раскрепощение, "опыт благодати" с "опытом свободы", мистику с политикой; и христианам благополучной Европы надо учиться у них. Христианская религия должна стать подлинно общественной, народной во всех смыслах слова. Отсюда — третий аспект Реформации, общехристианский и всемирный: призыв к благодати в политику.

Политика — слово достаточно скомпрометированное, и тем не менее христианство не имеет права безразлично отворачиваться от политики, ибо политика в нашем мире перестала быть "делом" отдельных людей. В руках политиков — жизнь и смерть сотен миллионов людей. Возврат благодати и есть вклад христиан в борьбу за послебуржуазную человечность. "Быть может, именно от христиан зависит, придет ли реально на смену буржуа его исторический преемник, наследник завоеванных с такими муками политических свобод, без которых немыслима любая заслуживающая этого названия политическая культура будущей солидарной жизни", — пишет Мец в статье "На пути ко Второй Реформации" (сб. "По ту сторону буржуазной религии", 1980, стр. 86).

В сборник "По ту сторону..." включена занимающая там особое место речь "Христиане и евреи после Освенцима", которую мы публикуем в этом номере журнала. Гибель европейских евреев есть событие, имеющее провиденциальное значение для судеб христианства, — такова центральная мысль этого выступления. "После Освенцима истории больше не существует." Эти известные слова в истолковании Меца означают, что после катастрофы евреев не может быть ни прежнего христианства, ни прежней теологии. И если в самом деле христианству предстоит радикальное обновление, то исходным пунктом для него могли бы стать новые отношения евреев и христиан. "Освенцим глядит на нас всех".

Речь "Христиане и евреи после Освенцима" выбрана нами для первого знакомства с И.-Б. Мецом не только потому, что с исчезновением лагерей смерти, печей и газовых камер отнюдь не исчез антисемитизм. Не только потому, что теология гражданской и политической активности представляет разительный контраст с официальным и полуофициальным православием, к которому, увы, в полной мере можно применить слова о теологии, прошедшей мимо Освенцима, оставшейся после Освенцима такою же, какой она была. Политическая теология Меца — частный, но выразительный пример той мнимой "бездуховности" западной культуры, о которой мы столько слышали и читали и в СССР, и в русской свободной прессе. Растерянность и испуг перед зрелищем огромной,

пестрой, многоголосой и отнюдь не остановившейся в своем развитии интеллектуальной жизни Запада поощряет желание заклеить сплеча всю эту жизнь как "оторвавшуюся от Духа" — и поставить на ней крест. Русская духовность традиционно представляла себя Западу. Русская совестливость находила сильные и справедливые слова, чтобы бросить их в лицо европейскому мещанству. Русская религиозная и нравственная цельность сознавала, что ей есть что отстаивать перед лицом этого шумного торжества. Однако наши предшественники находились в лучшем положении, чем мы. Они не страдали в такой мере от последствий культурной изоляции и сами были на высоте западноевропейской культуры и образованности. Они умели говорить с оппонентом на равных. Сейчас мы жалуемся на то, что западная интеллигенция не понимает нас, не хочет прислушаться к нашим предостережениям, вникнуть в общемировой и пророческий смысл нашего тяжелого социального опыта. Но и мы не понимаем и, хуже того, не желаем понимать европейцев. Не хотим их читать, не питаем никакого интереса к их проблемам, заранее уверенные, что эти проблемы ничего не стоят по сравнению с нашими. И тут уж не имеет никакого значения, лелеет ли тот или другой доморощенный мыслитель свою самобытную мысль у себя в отечестве или вывез ее в свет, на Запад. Вырвавшись на волю, она демонстрирует все ту же боязнь сквозняков, ту же затхлость, ту же неспособность к диалогу с чужой мыслью, на какую она была обречена у себя дома.

Борис Хазанов

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

В наши дни грозно встал исторически и научно обоснованный, подлинно общечеловеческий, пролетарский гуманизм Маркса—Ленина—Сталина — гуманизм, цель которого — полное освобождение трудового народа всех рас и наций из железных лап капитала. Это подлинно человеколюбивое учение неопровержимо доказало, что железные лапы капитала создаются рабочими и что именно пролетарий строит для капиталиста "красивую жизнь", оставаясь бесправным нищим. Этот революционный гуманизм дает пролетариату исторически обоснованное право на беспощадную борьбу против капитализма, право на разрушение и уничтожение всех гнуснейших основ буржуазного мира. Впервые за всю историю человечества организуется как творческая сила подлинное человеколюбие, оно ставит целью своей освобождение сотен миллионов трудового народа из-под бесчеловечной и бессмысленной власти ничтожного меньшинства, оно указывает сотням миллионов людей физического труда, что именно этот труд создал все ценности культуры и что, опираясь на них, пролетариат должен создать новую общечеловеческую культуру социализма, которая неизбежно установит в мире братство и равенство трудового народа. Этот гуманизм пролетариата — не фантазия, не теория, а боевая, мужественная и героическая практика пролетариата Союза Социалистических Советов, практика, которая уже доказала, что в бывшей буржуазной, мужицкой, "варварской" и пестро-племенной России действительно осуществлены братство и равенство племен, действительно и неоспоримо развивается процесс превращения огромного количества физической энергии в энергию интеллектуальную.

М. Горький, "Пролетарский гуманизм"
 ("Известия", 23 мая 1934 г.)

СООБЩЕНИЕ

К нам поступили первые отклики на появление за рубежом нового независимого журнала. Вечером 11 июня с. г. на квартиру одного из редакторов — д-ра К.А. Любарского — звонили неизвестные. Мужской голос по-русски предупредил Любарского, со ссылкой на приказ "оттуда", что через неделю он будет убит. Редакция журнала "Страна и мир" считает полезным довести это до сведения наших читателей в Советском Союзе.

Только тогда, когда человек свободно избирает и на деле совершает путь к Богу, — Бог "встречает" его на этом пути. Когда христианин стремится на деле осуществить личную *"жизнь во Христе"*, вступает в практическое служение любви и правды, воспитывает в себе, по слову апостола, *нового человека*, проявляет в этой духовной работе "ежедневную доблесть", — тогда, среди скорбей и испытаний истинно-христианской жизни, приходит к человеку на помощь таинственная духовная сила — Божественная благодать... Я думаю, что и неверующий человек, когда он осуществляет практическое христианство в героическом акте, в милосердии, в страдании за правду, — я думаю, что он испытывает тогда невидимую помощь Божественной благодати: глубокий мир совести, силу терпеть боль, преодоление страха... Когда встречаешь такое практическое анонимное христианство неверующего человека — охватывает чувство, что здесь-то, на этом последнем пределе свободы, и совершается самое высокое торжество христианства...

Христианство сверхразумно, как сверхразумна вся тайна бытия. Христианство совершенно бездоказательно и "неубедительно" — в том смысле, что не принудительно. Есть только прагматические аргументы, которые отталкивают нас от других, как мы надеемся, ложных решений мировой тайны. Совершенно ясная для всех отрицательная правда заключается в том, что без религии в человеческом существовании нет никакого доброго смысла и нет никакой надежды. Наша положительная вера свободна. "В е р у е м", — в этом слове не насилие над свободною мыслью, а свободная интуиция, свободное преклонение, свободное дерзновение, свободное доверие, свободная надежда. И если бы мне предложили "совершенно своими словами" дать самый краткий отчет в нашем уповании, то "с лицом, проникнутым смирением", я ответил бы приблизительно так: мы веруем — мы надеемся, что та духовная Красота, которая открывается нам в Личности Христа и везде там, где в нашей жизни изображается Христос, — мы надеемся, что эта Красота имеет абсолютное, Божественное значение, единосущна Божественной жизни, — что это и есть сама Божественная жизнь, которая является нам сегодня в человеческом унижении, а завтра откроется во славе для всех.

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЖЕЛУДКОВ

”Современные теологи поняли и растолковали, что драма веры разыгрывается не столько в уме, признающем, что он ”верит”, сколько в глубине совести, избирающей милосердную любовь, а не своекорыстие. Это и есть ответ Богу — пережитое, а не сказанное Да. Человек может считать себя неверующим, когда в *этом* смысле, на *этой* глубине он — истинно верующий.

Я вижу глазами веры неверующего, который любит ближнего и живет по правде, и я узнаю в нем предузнанного Богом и осененного благодатью. Сам Господь почитает свободу и внутренний мир неверующего.”

В одном из своих писем С.А.Желудков привел эти слова из книги ”Я верю в надежду” Хосе Мария Диес-Алегрия: ему казалось, что они хорошо передают его собственное умонастроение.

Умерший в ночь на 30 января 1984 года в Москве Сергей Алексеевич Желудков — русский православный священник отец Сергей Желудков — был одной из самых привлекательных фигур религиозного и демократического движения в СССР. По общему мнению всех знавших его, он обладал чертами святости. Выдающиеся свойства его личности сделали его духовным руководителем многих людей. Отец Сергей, оплакиваемый сейчас по обе стороны железного занавеса, был выдающимся теологом, самобытным религиозным мыслителем и видным правозащитником.

В молодости о.Сергий Желудков — сын церковного старосты в московском Зарядье — был богоискателем; уже взрослым человеком он поступил в Ленинградскую Духовную академию и окончил

ее в 1952 г. Рукоположенный в священники, он занимался пастырской деятельностью в смоленской, кировской и псковской епархиях. В 1958 г. он выступил против развернутой в те годы антирелигиозной кампании. Общественная активность и религиозное мирозерцание о.Сергия привели его к конфликту с церковными властями. Под нажимом КГБ он был лишен права церковного служения. Это обстоятельство, однако, лишь способствовало широкой популярности о.Сергия среди оппозиционной интеллигенции. Свои философские, религиозно-этические и общественные взгляды Сергей Алексеевич Желудков изложил в книге ”Почему и я христианин”, в многочисленных письмах и статьях, ходивших в самиздате, частично опубликованных в самиздатском журнале ”В Пути” (издателем которого четыре года был о.Сергий) и на Западе. Отдельно нужно упомянуть сборник ”Литургические заметки”, в котором автор рассматривает трудный и болезненный вопрос о жизнеспособности византийского правоверия в условиях современной жизни и советской действительности. Именно эта книга послужила конкретным поводом к тому, что о.Сергий Желудков был обвинен в отходе от православия.

Литературное творчество С.А.Желудкова выгодно отличается от многочисленных произведений на религиозные темы, создаваемых в СССР и в среде русской эмиграции: его тексты написаны простым, ясным и вместе с тем пронизанным сдержанной сердечностью языком. Благородный стиль отца Сергия отражает черты его личности — скромность, искренность, серьезность, отсутствие какого-

либо самолюбования, отвращение к претенциозной роли пророка и истерической экзальтации.

Особой формой общественной деятельности о.Сергия, обладавшего редким даром объединять людей, были инициированные им диспуты по вопросам веры, на которых следует остановиться подробнее. Нет нужды говорить о том, что в Советском Союзе невозможны какие бы то ни было открытые дискуссии на недозвоненные темы. Обсуждения, организованные С.А.Желудковым, носили характер многосторонней переписки, в которой участвовали люди, часто не знавшие друг друга; каждому корреспонденту была присвоена условная литера и оставалась его единственным обозначением; буквой "А" подписывал свои письма Сергей Алексеевич Желудков. Среди этих переписок нужно особо выделить обсуждение переведенной по инициативе отца Сергия книги известного современного теолога Ганса Кюнга "Быть христианином" (за которой последовал перевод второй книги того же автора — "Существует ли Бог?") и два тома переписки на тему о взаимоотношениях христианского вероучения и современного атеизма, изданных институтом "Вера во Второй мир" (Цюрих) и издательством "Жизнь с Богом" (Брюссель) под одинаковыми заголовками "Христианство и атеизм". В этих эпистолярных дискуссиях, выявивших значительное многообразие точек зрения, приняло участие несколько десятков человек — писателей, философов, историков, богословов, математиков, верующих, сомневающихся и вольнодумцев.

Такая форма духовного общения оказалась чрезвычайно плодотворной — не только потому, что она представляет собой единственную возможность коллективной религиозной дискуссии в условиях тотальной несвободы. Преимущества анонимной переписки вытекают из самого предмета, обсуждаемого участниками этой новой разновидности "невидимого колледжа". У нас нет сверхъязыка, который позволил бы нам соединить несоединимое — рефлексию о Боге с непосредствен-

ным переживанием Его присутствия (или чувством, что Его нет). Тем не менее человеку присуще стремление открыть себя другим. Одной из внутренних предпосылок наблюдаемого сейчас в России религиозного брожения в среде интеллигенции, пробуждения интереса к религиозной проблематике можно считать потребность, испытываемую многими, ответить каким-то образом на вопросы, которых нельзя избежать, и сделать это по возможности ясно и четко, как подобает разумному человеку. Противоречие между субъективной и объективной стороной религиозности преодолевается благодаря пониманию того, что если мысль — насилие над чувством, то она же и способ испытать глубину и подлинность чувства. Так рождается потребность в интеллектуальной исповеди, обращенной к себе и к другому и вместе с тем не стесняемой ничьим присутствием.

Оставаясь предельно интимной, негласной и не претендующей на какой-либо профессионализм, переписка была одновременно обращена к неопределенно широкому кругу адресатов. О них было известно только то, что они представляют ту или иную точку зрения. Перепечатанные на машинке письма ходили по рукам, возбуждая желание так или иначе откликнуться, обрастая новыми корреспондентами. При этом инициатор переписки — отец Сергей Желудков — постоянно находился в центре духовного кружка; он был единственным, кто знал всех участников, отвечал каждому, он же распространял письма среди всех корреспондентов. Оценить по достоинству эту работу может лишь тот, кто жил в Советском Союзе.

Здесь нет возможности рассмотреть подробно деятельность Сергея Алексеевича Желудкова как участника демократического правозащитного движения и члена организации "Международная Амнистия". Одной из форм этой деятельности были открытые письма и статьи, из которых отметим небольшую статью, написанную к шестидесятилетию академика А.Д.Сахарова (опубликована в юбилейном сборнике на русском и осно-

вных европейских языках). В статье о Сахарове о.Сергий возвращается к концепции Анонимного христианства — ключевой для его мировоззрения. Термин "анонимное христианство" принадлежит, как известно, Карлу Ранеру, крупнейшему католическому теологу нашего века; но не столько чтение Ранера, сколько впечатления жизни, опыт священнослужителя и борца за права и достоинства личности в Советском Союзе были источником размышлений отца Сергия Желудкова.

В последние десятилетия много говорится и пишется о возрождении церковного христианства в современной России. В лице С.А.Желудкова это представление нашло серьезного критика. Его аргументация опирается на отчетливое понимание того, что русская церковь в большой мере утратила контакт с современной жизнью. Этот разрыв, это чувство омертвения живого Слова под золоченым панцирем "слов" переживается мыслящей интеллигенцией и в особенности молодежью как глубокая трещина, уходящая в далекое прошлое и грозящая расколоть будущее. Можем ли мы, — спрашивает о. Сергий Желудков, — положить руку на сердце, утверждать, что летаргия православия вызвана только внешними условиями, что только так, съевшись и спрятав голову, вера сумела выжить в СССР, а церковь — сохранить минимальное влияние и авторитет? К сожалению, есть основания предполагать, что если бы вдруг каким-нибудь чудом церковь освободилась от государственного гнета, церковное сознание едва ли бы переменялось. Причина этого, по мнению отца Сергия, двоякая: она связана и с особым консерватизмом восточной догматики, и с традиционной для России общественной пассивностью церкви, сосредоточенностью православия на личном спасении.

В ряде работ о. Сергий развивал свое понимание новозаветных текстов, близкое к известной на Западе концепции "демифологизации". Согласно толкованию С.А.Желудкова, Евангелия — это "иконы христианства". Они повествуют о жизни и деятельности основателя христианства

на языке, который обусловлен эпохой и специфическими обстоятельствами возникновения Нового Завета и не может быть понят буквально. Воскресение Христа, как и бессмертие человеческой души, — сверхразумная тайна, не поддающаяся расшифровке доступными нам средствами. Область тайны разграничивает сферы компетенции религии и позитивной науки, но ни в коей мере не означает их несовместимости; существует язык, на котором с равным достоинством, не унижая друг друга, могут изъясняться вера и разум. Условием и главным качеством веры, противопоставляемой обрядоверию, отец Сергий Желудков считает, вслед за Н.А.Бердяевым, духовную свободу.

Центральным для размышлений С.А.Желудкова нужно считать убеждение, что христианство не есть идеология и не сводимо ни к системе верований, ни к перечню догматов. Ядром христианства является этический кодекс, заповеданный Христом и поддерживаемый особого рода "онтологическим" оптимизмом. Этого оптимизма не может быть, по мнению С.А.Желудкова, у атеистов, не верящих в вечную жизнь и существование абсолютно благого божества (что превращает для них в абсурд всякое бытие вообще), но это отнюдь не значит, что атеисты отлучают себя от христианства и Христа. В мире больше христиан, чем нам кажется. Примеры истинного следования заветам Христа, образцы высокой человечности отец Сергий находит у людей, которые формально не верят в Бога, но, быть может, ближе к Нему, чем иные громко возглашающие о своей вере христиане. Таков, например, Сахаров.

"В представлениях христианства Бог не "за границей", — писал о. Сергий — Он везде с нами там, где мы позволим ему быть в нашей человеческой жизни... В том-то и дело, что христианство — это не только вероисповедание, христианство — это духовная и культурная сила, действие Духа святого, который дышит, где хочет, и в этом своем качестве христианство давно уже "вышло из берегов" церковных исповеданий." ●

ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ ДУХА

Первый подступ. Чаадаевский перпендикуляр

Статья О.Э.Мандельштама о Чаадаеве — одна из поразительных страниц в истории русской мысли. Я чувствую невозможность писать, не переписав ее почти всю.

”Мысль Чаадаева — строгий перпендикуляр, восстановленный к традиционному русскому мышлению”, — начинает Мандельштам, и сразу отмечено главное: движение ”поперек и в сторону” (Абрам Терц). ”Он бежал, как чумы, этого бесформенного рая, этой мечты о прекращении истории в западном значении слова, о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое ”миром”...¹

Никто почти не соглашался с ним. Но ни один серьезный мыслитель не мог пройти мимо Чаадаева. ”След, оставленный Чаадаевым в сознании русского общества, — такой глубокий и неизгладимый, что невольно возникает вопрос: уж не алмазом ли он проведен по стеклу?”

Перпендикуляры, движения ”поперек и в сторону”, скандалы — так же необходимы в фабуле русской культуры, как в романе Достоевского. Нельзя вычеркнуть Философическое письмо. Нельзя смести в канаву ”Прогулки с Пушкиным”, ”В тени Гоголя”, ”Литературный процесс”. Что-то во всем этом совершилось, чего не миновать. Что же именно?

Мандельштам указал на одну, но, может быть, важнейшую причину необходимости Чаадаевых: резкую очерченность в них личностного начала. По принципу дополнительности русская текучесть должна время от времени порождать, как свой противовес, личность резко очерченную, непоколебимую в своей внутренней свободе.

”Все те свойства, которых была лишена русская жизнь, о которых она даже не подозревала, как нарочно соединялись в личности Чаадаева: огромная внутренняя дисциплина, высокий интеллектуализм, нравственная архитектоника и холод маски, медали, которым окружает себя человек, сознавая, что в веках он — только форма, и заранее подготавливая слепок для своего бессмертия...”

¹ Все цитаты — из текста статьи ”Петр Чаадаев” в журнале ”Аполлон”, 1915, № 6—7, стр.57—62.

“Что же такое прославленный ”ум“ Чаадаева, этот ”гордый“ ум, почтительно воспетый Пушкиным, освищенный задорным Языковым, как не слияние нравственного и умственного начала — слияние, которое столь характерно для Чаадаева и в направлении которого совершался рост его личности.

С этой глубокой, неискоренимой потребностью единства, высшего исторического синтеза родился Чаадаев в России. Уроженец равнин захотел дышать воздухом альпийских вершин и... нашел его в своей груди.”

“Чтобы понять форму и дух ”Философических писем“, нужно представить себе, что Россия служит для них огромным и страшным фоном. Зияние пустоты между написанными известными отрывками — это отсутствующая мысль о России.”

Многие письма Чаадаева были утрачены и найдены после того, как Мандельштам написал свою статью. Но фрагментарность мысли Чаадаева не изменилась от этого, и никто глубже Мандельштама не объяснил ее смысла.

“Начертав прекрасные слова: ”Истина дороже родины“, Чаадаев не раскрыл их вещего смысла. Но разве не удивительное зрелище эта ”истина“, которая со всех сторон, как неким хаосом, окутана чуждой и странной ”родиной“?”

“Мысль Чаадаева, национальная в своих истоках, национальна и там, где вливается в Рим. Только русский человек мог открыть этот Запад, который сгущеннее, конкретнее самого исторического Запада. Чаадаев именно по праву русского человека вступил на священную почву традиции, с которой он не был связан преемственностью. Там, где все необходимость, где каждый камень, покрытый патиной времени, дремлет, замурованный в своде, Чаадаев принес нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею взращенный. Эта свобода стоит величия, застывшего в архитектурных формах, она равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры, и я вижу, как папа... приподнялся, чтобы приветствовать ее.”

“У России нашелся для Чаадаева только один дар: нравственная свобода, свобода выбора. Никогда на Западе она не осуществлялась в таком величии, в такой чистоте и полноте. Чаадаев принял ее, как священный посох, и пошел в Рим. Я думаю, что страна и народ уже оправдали себя, если они создали хоть одного совершенно свободного человека, который пожелал и сумел воспользоваться своей свободой.”

Последние абзацы (мысли о сгущенном восприятии Запада русским умом и нравственной свободе, которую русский ум приносит на Запад) — очевидный парафраз Достоевского. Так Достоевский, вглядываясь в Чаадаева, рассуждает в ”Подростке“ (смешивая в Версилове чаадаевское с тютчевским, с той самой мечтой о прекращении истории, которой Чаадаев противостоял). Так Чаадаев откликнулся в словах Ивана Карамазова о до-

рогих могилках. И, наконец, так это звучит и в Пушкинской речи, в окончательной форме догмата о всемирной отзывчивости русской культуры.

Однако судьба Чаадаева странная. Все знают его имя (Пушкин, "К Чаадаеву"). Но кто его читал? Почти никто из моих друзей. Вряд ли больше ста человек в России. А кто подхватил мысль Чаадаева? Н.А.Бердяев, М.О.Гершензон, О.М.Мандельштам... Мне остается добавить, что и сам я не смог без него обойтись.

Подступ второй. Народное и Вселенское

В каждой великой культуре дополняют друг друга фольклорное и вселенское. Ассимилированный интеллигент ассимилирован *мировыми* аспектами имперской культуры. Фольклорные пласты могут его не затрагивать, и он в принципе способен совершенно без них обойтись, при величайшей и искреннейшей любви к духовным вершинам. Я это чувствую сам. Но форсирование различий между фольклором и классической культурой может быть шагом к совершенному разрыву с этой культурой. У многих участников алии, вырывавших из своей груди привязанность к России, так и было. Крайний случай — тезис Александра Воронеля, что романы Толстого или Тургенева не более связаны с русской деревней, чем культура американских плантаторов — с плясками их черных рабов. Отголосок этой ереси есть и в предложении Бориса Хазанова (1974) — собрать тысячу интеллигентов, хранителей неповторимого русского языка, на необитаемом острове, — и там, наподобие тысячеголового гомункулуса в колбе, они будут писать свои эссе и романы.

Я не верю в этот счастливый остров и не думаю, что слово Достоевского о Мармеладове можно отделить от 50 000 000 или 100 000 000 мармеладových, спяну валящихся под колеса. Без причастности к страданию твари нет и вдохновенного вопля к Творцу. Вершины русской культуры неотделимы от русских хлябей. Нельзя творить на этом языке, внутренне отгородившись от русской жизни. Но можно выбрать себе роль по характеру и по плечу. В игре вселенских и этнических мотивов многие инородцы выбирают себе место поближе к вселенскому. Не только они — но они в первую очередь.

В каждой национальной и сверхнациональной культуре (например, в Европе, Индии, Китае) можно подчеркнуть и ее универсальные черты, и ее идиомы, но никогда нельзя оторвать их друг от друга. В эвклидовском разуме универсальное — враг особенного, но в жизни они нераздельны. И в известном смысле все равно, с чего начать. Начнешь иногда с универсального, а приходишь к особенному (вне которого и универсального нет). Или начнешь искать, вместе с Достоевским, русскую идею — и приходишь к всемирной отзывчивости. Мировые религии, равнодушные к роду и

племени, сохранили неизгладимый отпечаток лона, из которого они родились: индийского — в буддизме, еврейского — в христианстве, и наложили отпечаток Индии и Израиля на десятки стран, и не стереть этого. Вселенское и этническое — это не два тела, между которыми можно выбрать. Акцент на вселенском не означает разрыва с локальной традицией, перехода на эсперанто, прыжка в утопию. Вселенский аспект культуры — неотделимая часть ее живой жизни.

Мы живем сейчас в России на повороте к национальному, и модно убеждение, что вселенское холодно и даже агрессивно. Один современный автор счел нужным особо оговориться, что католический космополитизм не включает в себе ничего предосудительного. То есть космополитизм вообще что-то плохое, но из этого правила снисходительно изымаются отдельные случаи. В мое время так же снисходительно изымались отдельные случаи национального пафоса (в противоположность буржуазному национализму) ...

Я убежден, что предубеждения против вселенского так же нелепы, как и противоположные (против всего национального). Вселенское может быть самым сердечным. Ни одна национальная религия не превзошла в милосердии Будду или Христа. Другое дело — как их истолковать. Возможен и холодный космополитизм, и яростный интернационализм (так же, как национальное может быть всяким — и обаятельно теплым, и отталкивающим агрессивно). Каждый выбирает то, что ему по сердцу...

Я строю свой дом там, где кончаются национальные долины и начинается общая всем гора. Так всегда поступала какая-то часть ассимилированных евреев. Если бы все евреи так поступали, — народ еврейский исчез бы. Для народа безумие идти навстречу собственному упразднению. Но личность вправе идти, куда хочет. Для иных умов чужое — тоже свое.

Так немецкая культура около 1848 года потребовала противовеса консервативному и национально ограниченному романтизму. Этнически подлинным немцы плохо справлялись с задачей времени, и на первый план выдвинулись онемеченные евреи — Берне, Гейне, Маркс. Потом их книги сжигали, потом снова печатали. Гейне не удалось вытравить из немецкой литературы, так же как из немецкой философии — Маркса. Хотя о том и о другом можно спорить, кто они: немецкие писатели и мыслители еврейского происхождения или евреи, пишущие по-немецки. С.Булгаков во время Первой мировой войны считал Маркса стопроцентным немцем. Потом того же Маркса стали считать стопроцентным евреем. Гейне — то немецкий радикал-западник, то еврей, спорящий со своим еврейским Богом. Можно ли всех этих Гейне отделить, отрезать друг от друга? Стал ли поэт хуже от своей этнической сложности?

Нечто сходное было в России, когда складывался стиль 20-х годов, с его вкусом к остроте формы, стремительности действия, яркости метафор. Партия и правительство осудили теорию этого стиля (формализм).

Они видели в ней что-то слишком независимое, уклонявшееся от прямого партийного задания. Но задним числом формализм (в теории и на практике) так же неотделим от своего времени, как и партийные постановления против него.

Что-то здесь шло от духа времени, от войны, от революции, от разрухи. Еще до перемены в писателях переменялся читатель. "Я перестала писать, — пишет в своих замечательных воспоминаниях Анна Григорьевна Полякова. — Я решительно не понимала, что и о чем мне писать. Более того, я перестала читать: ни Гоголь, ни Пушкин, ни Толстой не уместались больше в моей голове. Я читала только детские приключенческие книги. Забившись в угол своей постели с потрепанным томом Фенимора Купера, я немного переводила дыхание."

Это непосредственное чувство 18-летней девушки, то есть именно того поколения, к которому обращалась литература начинающих 20-х годов. В более продуманной форме положение описал Осип Мандельштам: старый роман предполагал характеры, медленно складывавшиеся и медленно вступающие в связь друг с другом. А сейчас человека швыряет из стороны в сторону, как бильярдный шар, и всю психологию заменил простой закон: угол падения равен углу отражения...

Разумеется, утонченность не исчезла, и не исчезла потребность отгородиться от грохота событий. Но все приобрело другой характер, и все талантливые писатели 20-х годов пишут не как Толстой, не как Достоевский (эпигонствует Толстому Фадеев, а Олеша пишет по-новому, Бабель пишет по-новому). Одесская школа быстрее других почувствовала новый вкус. Но почувствовал его и Владимир Набоков. В чем-то он ближе к Юрию Олеши, чем к Льву Толстому:

"Синяя сырость оврага. Воспоминание любви, переодетое лугом. Перистые облака вроде небесных борзых..." Я взял первую попавшуюся строку Набокова и прошу сравнить эмигранта с одесситом. По-моему, цитаты из Олеси в полемике О. Михайлова против одесской школы вполне можно заменить цитатами из Набокова. Набоков никогда не жил в Одессе, но кое-какие романы его ("Машенька", "Король, дама, валет", может быть, еще кое-что) вполне укладываются в русло литературы 20-х годов. А гений вообще ни во что не укладывается...

Литература 20-х годов в целом склонна обходить предельные глубины, философские и религиозные бездны и искать взамен формального совершенства, не продолжая (ей этого не нужно) задыхающийся лепет Достоевского и толстовские длинноты. Одесситы были только острее и категоричнее других. И время оценило их остроту. Предельно популярный случай, упрощенный до уровня толпы, — творчество И. Ильфа и Е. Петрова. Когда "Золотой теленок" печатался по главам в журнале "30 дней", мы — школьники — заучивали наизусть целые монологи. И еще в 1948 году (когда Иль-

фа и Петрова решились переиздать) публика сломала прилавок, расхватывая юбилейный однотомник. Я работал тогда продавцом в Книжной лавке писателей и видел это своими глазами. Помню и анекдот 1948 года: покупатель приходит в магазин и просит книгу про героя нашего времени. Ему дают Лермонтова. "Нет — возразил человек, — мне про героя *нашего* времени, про Остапа Бендера!"

Потом вкусы изменились, начался процесс возвращения к досоветским глубинам, единое сознание советской империи раскололось, и поиски духовной жизни смешались с поисками национальной почвы. Тогда бросилось в глаза, что центр южной школы — в Одессе (раньше это как-то не мешало); что Бенья Крик — не пролетарский интернационалист, а еврейский бандит; что духовные глубины Достоевского или Толстого значительнее, чем острота сюжета и блеск метафор. Одесская школа в иных (не очень светлых) головах стала рисоваться иностранной диверсией. Валентин Катаев позабыл, что сам он в 20-е годы принадлежал к той же школе и писал в ее духе (хотя менее талантливо, чем Бабель), и бранит, как чужое, то, что было отчасти и его собственным прошлым.

В ненависти нынешнего Катаева к Бабелю много личного, много мелкой литературной зависти, нашедшей, наконец, идейную возможность вырваться на простор и затрубить о себе всему миру. Но в "Алмазном венце" он выразил не только свои чувства, когда писал о "круглых очках местечкового интеллигента" и "южно-новороссийском, черноморском, местами даже местечковом жаргоне, который, собственно, и сделал его талантливым"¹.

Действительная беда формальной, южной или одесской школы не в том, что она одесская и отчасти еврейская, и не в космополитическом духе, а в мелкости этого духа. Космополитизм 20-х годов нес с собой только универсальные технические приемы. Националист и шовинист Достоевский был гораздо глубже вселенским и европейским, чем западники, проходившие мимо иррациональных глубин Запада и мимо всяких глубин. Но через выход на плоскость русский национальный дух должен был пройти. Этот выход не был бесплодным, в обострении чувства формы был свой смысл, и западничество одесских европейцев перекликалось с западничеством Набокова, с вечерней зарей Петербургского периода...

Когда-нибудь возвращение к глубинам совершится, и снова встанет вопрос: как не затеряться в этих глубинах? И снова чувство замкнутой формы перестанет казаться чуждым русскому духу.

¹ Цитирую по статье: А.Львов, "Простота неслыханной ереси". Журн. "Время и мы", 1979, № 40, стр.167–168.

Подступ третий. Шуубийя

Все последние века классической латыни — это творчество инородцев: романизированных галлов, испанцев, африканцев. Иногда инородцы становились к кормилу правления. Но прежде всего они захватили литературу. Латиняне не в состоянии были заполнить литературное пространство своей империи. Навязав покоренным народам свой язык, они потерялись в имперской культуре. Римская по языку, она перестала быть римской этнически. Правда, этого можно и не заметить. Ассимиляция инородцев была медленной, глубокой и прочной, дух латинской словесности оставался латинским духом. Однако возможны и другие случаи — случаи неполной ассимиляции.

В истории арабской письменности был целый период, получивший название шуубийи. Аббасиды, восстав против Омейядов, опирались на восточные провинции халифата, то есть на Иран. Столица была перенесена из Дамаска в Багдад, поближе к Ирану. Выходцы из Ирана получили легкий доступ ко двору. И именно они создали новый поэтический стиль. Это был стиль большого города, а не аравийской пустыни, и многое в идеях шуубийи напоминало тезисы Перро в споре с Буало — о преимуществах поэзии века короля-солнца по сравнению с наивным Гомером. Первые халифы-аббасиды покровительствовали шуубитам и пренебрегали наветами ревнителей старины. Гарун ар-Рашид, может быть, и сам чувствовал себя ближе к иранскому царю царей, чем к нищему бедуину. Его не шокировало, что Абу Нувас гордится своим персидским происхождением и издевается над бедуинским невежеством. Персидское вошло в моду, и писатели персидского происхождения (Абу Нувас, Башшар ибн Бурд, Ибн Мукаффа) создали эпоху в арабской литературе. Михаил Занд в своей книге "Шесть веков славы" описывает это явление как языковое инобытие персидской культуры (накануне ее обособления и выделения в новоперсидском языке).

Это, однако, только одна сторона дела. Другая заключается в том, что шуубиты остались классиками арабской культуры, и ряд реформ, проведенных ими в арабском стихе, и "Калилу и Димну" в арабской прозе невозможно было вычеркнуть самым яростным антишуубитам.

Бывает так, что повороты, внутренне назревшие в развитии культуры, осуществляют главным образом инородцы, но это не значит, что в таком повороте все чуждо почве. Чужое — синоним нового, и часто в оболочку чужого входит просто новое — и остается навсегда. Страсти в борьбе шуубийи и антишуубийи отгорают, а стихи остаются, проза остается.

Есть какая-то аналогия между веком шуубийи и 20-ми годами, веком шуубийи — и нынешним временем. Шуубиты были героями дня (так же, как Ильф и Петров — любимыми писателями Советской России). Новая городская арабская жизнь нашла в шуубитах своих первых поэтов и писате-

лей, и фольклор арабского города усыновил Абу Нуваса. В сказках 1001 ночи он любимый спутник Гаруна ар-Рашида и общий любимец. То, что Абу Нувас смеялся над бедуинами, не шокировало горожан. Они сами смеялись над бедуинами.

Потом положение изменилось. Империю разъедала продажность. Жестокие и жадные наместники доводили жителей до отчаяния. Власть халифов шаталась, восстания следовали за восстаниями, победы арабского оружия сменились поражениями. Арабскую аристократию охватила ностальгия по пустыне. Почвенники объясняли упадок забвением добрых старых нравов и видели в шуубитах что-то вроде жидо-масонов. Следующий век был веком антишуубийи. Ал-Джахиз пишет книгу о скупых, смеясь над скупостью персов, как Абу Нувас смеялся над расточительностью бедуинов. Крайние антишуубиты хотели бы стереть всякий след участия инородцев в арабской литературе...

Шуубиты пали жертвой политических страстей, вызванных угрозой распада империи. Башшар ибн Бурд был засечен кнутом, Ибн Мукаффа обвинен в ереси и казнен с благочестивой жестокостью: сперва сожгли руки и ноги, отрубленные от тела, потом — несчастный обрубок. Только Абу Нувасу повезло: его закололи в пьяной драке. Но рукописи не горят. И сейчас книги шуубитов и антишуубитов стоят на соседних полках, стали главами одной истории литературы.

Разумеется, аналогия не тождество. В современном положении есть неповторимые черты, XX век не дублирует X, и Москва, в общем, мало напоминает Багдад. Но есть что-то общее в судьбе империй, попавших в полосу кризиса. И это общее надо учесть, прежде чем подойти к неповторимому. А не то мы повторим рассуждения Д.С.Лихачева, для которого все, что не Голландия, — уникальная черта России: и юродство, и даже ласковое обращение: мамаша, сынок. Хотя в Индии к каждой женщине обращаются: мать. Хотя юродство есть в Китае (в даосизме, в буддизме чань), есть в Японии (буддизм дзэн), в Тибете (чо-па), в Индии (особенно в культе Шивы-Бхайравы), в странах ислама (юродские формы суфизма).

Подступ четвертый. Исполнение желаний

Боги наказывают нас тем, что исполняют наши желания, — говорили древние. Таким желанием строителей Российской империи была русификация. Желание исполнилось — благодаря Советской власти. Развитие местных языков на уровне начальной школы оказалось самым лучшим мостом к языку империи (на котором велось высшее образование). Способные дети совсем обрусели: стали по-русски думать, по-русски писать стихи и прозу. Но самосознание казахов или киргизов, окунутых в русскую культуру, было не совсем русским. Раньше они существовали попросту вне рус-

ской культуры, а сейчас внутри — и в то же время по-своему. Иногда это "по своему" тихо, не полемично и не вызывает споров. Оно выступает как народная мудрость, которая судит цивилизацию. Русские обычно не отождествляют себя с цивилизацией, и поэтому язвительные замечания старого Хабуга (у Фазиля Искандера) воспринимаются скорее *рядом* с замечаниями русских деревенских стариков и старух. Абхазская или киргизская этнография до какой-то степени поддерживает русскую этнографию, размытую прогрессом. Но в то же время они ее незаметно заменяют и подменяют — как во всех цивилизованных странах, где своей этнографии не хватает. Возникает романтизм западного типа, с интересом к чужой этнографии, а не германо-славянский, почвенный, с преобладающим интересом к своей этнографии, к своей старине¹. Читателю все равно, но теоретик раздражен, и недовольство его прорывается, если колоритным и иногда мудрым оказывается еврейское предание, еврейский быт.

Бескорыстному читателю трудно понять, почему Олег Михайлов восстает против героизации Молдаванки. Почему не раздражает героизация старого Хабуга или Хаджи Мурата или Тараса Бульбы? С чисто литературной точки зрения фигура Бени Крика становится рядом с другими колоритными подданными империи, расширяя рамки имперской русской литературы, создавая целый многонациональный и в то же время русский мир, подобный миру литератур английской, французской, испанской... Зачем России патриотизм, который сужает сердце? Каким образом узко русская культура может существовать в центре огромной империи?

Но есть нации и нации. Шовинизм снисходительно терпит самовыражение тех, кто неспособен (как ему кажется) к управлению империей. Их он готов даже несколько поощрить. Ненависть вызывает соперник во владении высшими духовными ценностями и конкурент в борьбе за рычаги управления. Казахи терпимы, пока они пишат про свои казахские делишки. Но не дай Бог им показать, что они и в русских делах разбираются не хуже нас.

Скандал, вызванный книгой Олжаса Сулейменова "Аз и Я", замечателен в нескольких отношениях. Он показал начало новой волны шуубийи, опирающейся на сильную, уверенную в себе национальную жизнь. Он показал, что шуубийя — это не происки международного сионизма, а неизбежное явление внутреннего развития (и в то же время распада) имперских культур. Можно провести теперь линию: от Абу Нуваса до Олжаса. Можно сказать, что в IX веке шуубийя сложилась в арабской империи, в XX веке — в Российской. Носителями шуубийи могут быть любые лица. Перс так перс, еврей так еврей, казах так казах. Но непременно — ассимилированный иноходец.

¹ См. мои работы о модернизации незападных стран.

Когда Сулейменов прочел "Слово о полку Игореве" глазами половца — это была шуубийя. Это была этническая ересь. "Слово" не рассчитано на половецкое чтение. Его надо читать русскими глазами, так же как "Песнь о Роланде" — глазами француза. Но еретический взгляд только по первоначально разрушает художественное впечатление. Со временем оно восстанавливается, обогащенное. И ересь Сулейменова, по-моему, обогатила восприятие "Слова".

Может быть, не все тюркизмы, которые Сулейменов находит, достоверны. Может быть, отношения между русскими и половцами были не такими идиллическими. Но я впервые понял, почему Игорь легко договорился с Овлуром о бегстве. Ни в одной статье, прочитанной раньше, я не нашел, что храбрый князь был сыном и внуком половчанки (т. е. половцем на 3/4, если заниматься исчислением четвертинок) и половецкий язык он знал с детства. Ни в одной статье я не прочел, что Игорь, бежав из плена, въезжает в Киев с севера, а не с юга — явно нелепым образом для читателя XII века — и в этой детали видна рука редактора XVI века, никогда не выдавшего в глаза ни Киева, ни половцев. Именно эта редакторская работа создала у ученых впечатление подложности памятника, которое я отвергал интуитивно, без доказательств. Сейчас подлинность памятника убедительно подтверждена.

Книга Сулейменова — вызов ортодоксальной трактовке "Слова", но он не разрушает ее. У меня нет тюркского патриотизма. Я смотрю здесь на дело скорее с русской точки зрения. Но я убежден, что русское чтение памятника после ереси Сулейменова должно стать полнее, богаче.

Пока имперская культура не потеряла живой силы, шуубийя только обогащает ее. В спорах, вызванных шуубийей, откровение и вдохновение, лежащее в основе традиции, заново шлифуется и приобретает новый блеск. Плохо одно: разгул политических страстей, господство инстинкта самосохранения над инстинктом истины. Мне кажется, при оценке факта культуры вопрос о судьбе империи не должен выдвигаться на первое место. Шуубийя может быть политически нежелательна; для ее литературной оценки это так же несущественно, как страница о Константинополе в "Дневнике писателя" Достоевского для оценки "Братьев Карамазовых".

Нынешняя еврейская шуубийя связана не с ассимиляцией, а с диссимилиацией. Это отличает ее и от книги О. Сулейменова, и от еврейского участия в литературе 20-х годов. Бабель ассимилируется, у него нет основного конфликта с Россией. Он еще не знает, что Абрам Терц назовет его подглядывающим инородцем. Сам Бабель себя в этом ранге не утверждал. Борис Хазанов диссимилируется, он наполовину оторвался от страны, ставшей ему мачехой, — и не может оторваться до конца. Его конфликт с Россией выражен на уровне сознания. Но его связь с Россией глубже. У него нет никакой еврейской этнографии, никакой еврейской религии. Воспоминания, к кото-

рым все время тянет вернуться, — рассказы русской няни о Христе. Центральный миф в его мирозерцании — хождение по водам. Даже утопия его — "Новая Россия" на необитаемом острове — может быть понята как эпизод из истории русской интеллигенции, предельное выражение интеллигентской мечты: бежать от неразрешимых вопросов политики, сохранив русский язык и культуру... Его инвективы против русской расхлябанности напоминают Философическое письмо Чаадаева или "Тоску по родине" Марины Цветаевой:

"...Пора назвать вещи своими именами. Мы, пишущие и говорящие по-русски, живущие в стихии русского языка, мы — у разбитого корыта. Этот язык, подобного которому нет среди языков живых, ибо он сравним только с греческим, чудо творения, наш невидимый град, единственное, что у нас осталось, — никому больше не интересен, никому в мире не внят: на нем не говорится ничего или почти ничего, что могло бы задеть за живое мир... Разменяв второе тысячелетие своей истории, гигантская империя, подмявшая под себя половину Азии и треть Европы, со своими двумястами шестьюдесятью миллионами подданных, — на карте духа всего лишь обширное белое пятно.

Поразительный контраст между огромностью нации и ничтожной ролью, которую она играет сегодня в мировой культуре, не может быть оспорен. Это не впечатление, а данность; итог и точка отсчета. С этой нулевой точки предстоит начинать заново. Станным образом мы очутились вдруг как бы в российском восемнадцатом веке: прежняя культура разрушена, ее нет, и никакой другой тоже нет. Понимание этого может стать импульсом к солидарности — сплочению погорельцев. Что нас способно объединить, так это чувство ситуации — исторической, культурной, языковой..."

Русская культура, скорее всего, не согласится с диагнозом Хазанова и закричит, что она не хочет умирать, что она подымется, что она воскреснет. Но ведь и Хазанов кричит о том же. Его философическое письмо можно сократить до четырех слов (Мандельштама об акмеизме). "Тоска по мировой культуре". Эта тоска — порыв к жизни. Но петербургский период кончился. Где-то между 1921 годом (смерть Блока) и 1940-м — он умер. Хазанов указывает другую дату (смерть Толстого). Я учитываю серебряный век поэзии и творчество Набокова-Сирина. Расхождение не очень велико. Так или иначе, нам приходится начинать заново, как после петровской ломки. И Хазанов предлагает снова, как в XVIII веке, опереться на Европу, восстановить место России в диалоге европейских культур. Можно довольно много сказать в пользу этой идеи: вспомнить "всемирную отзывчивость", подчеркнуть простой факт, что даже славянофильство возникло не прямо из русской почвы, а через Шеллинга и Гегеля. И может быть, современная западная философская и эстетическая культура не помешали бы даже Леониду Бородину. Мне, по крайней мере, грустно было слушать, как

цельный и искренний Бородин восхищался Ильей Глазуновым...

Хазанов считает, что нельзя просто склеить по кусочкам ось истории культуры, отгородившись от современности лет на 150—200. Хазанов тычет пальцем в разрывы истории, и в этом он опять прав. Россия так же не может вернуться к Толстому, как Испания — к Сервантесу. Уже славянофилы сомневались, к какой Руси возвращаться (к Московской? к Киевской?), а сейчас этот вопрос еще более запутан (по Солженицыну, надо возвращаться к Аввакуму, а Питер переименовать в Невгород. Но разве это сохранение традиции? Разве это не новая ломка?)¹

Однако восстановление живой связи с прошлым необходимо. Все связи надо восстанавливать одновременно. И с настоящим, и с прошлым, и — хочется мне добавить: прежде всего — с вечным. Есть не только широта настоящего и глубина прошлого. Есть еще бездна вечного. И только из этой бездны придет творческая воля, которая сразу завяжет все узлы: и с прошлым, и с настоящим, а там — кто знает? — и с будущим. Я где-то уже писал: думайте о Боге, пишите по-русски, — вот и получится русская культура. А стараться быть русским, по-моему, так же смешно, как стараться быть блондином и красить волосы перекисью. Я вовсе не старался следовать Бердяеву или Федотову, ни малейшего намерения не имел. Просто жил в России, читал Достоевского, думал о русских проблемах, о наших надеждах и бедах — и само собою, попал в след Бердяева, Федотова, Даниила Андреева...

Прошлое само по себе не спасет. Оно в России рваное. И западное настоящее не спасет. Оно тоже рваное. Весь мир сегодня разорван — не за что ухватиться. Надо начинать заново, от нуля, из бездны. Если отчаяние придаст нам силы и целостный дух возродится, то открытость миру не станет ему помехой и не нарушит его целостности; напротив. Если мы, почти от нуля, на пепелище, сумеем заново начать, это будет и мировое событие, и продолжение главной традиции русской истории. Потому что начинать заново от нуля, на пепелище — это и есть главная традиция России. Кто бы ее ни подхватил. Хоть айсоры.

Тогда сразу станет ясно, что географические и исторические связи культуры — не антиподы. Тогда начинаешь понимать, что подчас у чужих находишь свое, а в собственной истории — ферменты, которые помогают переварить и усвоить чужое.

Ни западническая, ни почвенническая традиции не должны прерываться. И обе должны — преобразиться, преодолеть свою обособленность. И если в Москве западничество оскудеет — пусть оно продолжится по дороге в Иерусалим.

¹ Страх современности — черта, воспитанная шестьюдесятью семью годами замкнутости. Мы стали бояться пространства и норовим назад в камеру. Это тот комплекс, который привел к власти Хомейни.

Подступ пятый. Потерянные сокровища

Что такое свое, что такое чужое? У Мандельштама есть стихотворение о том, как он бродил по чужому и вдруг встретил свое, — о своей встрече.

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина, —
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?
И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине,
И ветром колыхаемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.
И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет.
И снова скальд чужую песню сложит
И, как свою, ее произнесет.

Что это за сокровище? Почему сыновья и внуки его теряют и правнуки находят вновь? Потому что откровение раскрывается только откровению и вдохновение — вдохновению¹. Вы читаете текст — и он мертв, потому что вы сами мертвы. Но вдруг вы ожили, и текст ожил, заговорил. Сын хранит заветное слово отца, учит его наизусть, передает детям и внукам, и все они хранят только надгробие над мертвым словом. Но приходит правнук или чужак и открывает сокровище. Потому что его дух достиг глубины текста. Потому что его дух в тайном родстве с духом заветного слова (мимо всякого кровного родства).

Мохаммед говорил, что ради одной крупницы истины стоит доехать до Китая (это в VII веке, при тогдашних трудностях путешествий). Дух часто открывает нам себя в чужом и далеком. Иногда близкое слишком близко, и мы не можем охватить его в целом (не хватает дали, чтобы окинуть его одним взглядом). Или загородили суть пустыки, хорошо известные мелочи — бытовые, смешные, нелепые. Дальнее, в котором мелочь скрыта дымкой пространства и времени, легче открывает свою суть...

А иногда дальнее — это не чужое вовсе, а самое близкое. Так романтики и битники открывали в чужих одеждах себя самих. Потому что мы сплошь и рядом — гадкие утята, ни на кого в своем птичнике не похожие, и настоящая родня наша — где-то за морями. То есть в чужих культурах наше личное нашло свою законченную форму, в нашей собственной — не нашло, остается странным, нелепым, юродским.

Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны...

А глубочайший дух всюду один. То, что называют народным духом, — только игра света в облаках. Но одного и того же света. Народы отличаются

¹ Этот тезис можно подкрепить словами Силуана Афонского: "То что написано со Святым Духом, может быть прочитано только со Святым Духом."

друг от друга в красном и черном, а белое у всех одно (Божье). И чем более мы всматриваемся в белое, тем чаще свое оказывается для нас чужим и чужое своим.

Древние племена воспринимали мир как игру трех цветов: белого, красного и черного (включавшего все темные холодные тона). Английский этнограф Виктор Тернер нашел трехцветную классификацию у племени ндемба в Африке, а потом проследил остатки этой системы почти во всех культурах. Белое — цвет молока и семени, цвет источника жизни. Красное — цвет крови, текущей в жилах и пролитой в битве, знак бодрости, гнева и ярости. Черное — цвет трупa и плодоносной земли, знак смерти и воскресения. Эта система почти полностью сохранилась в индийском учении о трех гунах, трех первоэлементах бытия, из сочетаний которых складываются первообразы предметов и сами предметы. Первый элемент — саттва (одухотворенность, окрыленная легкость). Второй — раджас (активность, динамизм, воинственность, ярость). Третий — тамас (стабильность, инертность, тяжесть, тупость). В метафизике трех гун многое прояснено и потеряно только одно: эмбивалентность третьего элемента, тождество смерти и воскресения. Она сохранилась только в индийской мифологии, в образах темных (в миниатюрах чаще всего темносиних) богов, Шивы и Кришны. Китайская культура потеряла больше: троичность первооснов (это важно потому, что три — образ целого, в котором двойственность темного и красного просветлена чем-то третьим). Но сохранены равноценность темного и красного, стабильности и динамики, пассивности и активности, инь и ян. Белое здесь отчетливо не выражено, может быть, присутствует под знаком инь и под знаком ян как единичное дыхание жизни, ци...

Суть дела не в двух и не в трех, а в отношениях между ними — механических или органических. Средиземноморский разум склоняется к механическим отношениям (против этого восстало только богословие). Китайская и индийская мысль чувствует нераздельность различий, укорененность их друг в друге, текучее единство глубин бытия. Здесь нет догмата о неслиянности и нераздельности, ибо нет ереси разделения. Восточный разум сохраняет архаичную мудрость и мыслит противоположности как мужское и женское, соединение которых есть новое бытие, а не уничтожение друг друга: огня водой и воды огнем.¹

Я убежден, что бытие органично и не развинчивается на атомы. В глубине организма не клетка, а живой дух, единое. Архаическое мышление это сознавало, а мы потеряли. Деление по трем цветам (или по трем гунам, или по схеме инь—ян) кажется наивным, но оно незаменимым образом описывает единство пестрого мира. Без него нельзя, по-моему, представить себе ни макрокосм, ни микрокосм. Даже о трилогии Синявского-Терца я

¹ Это хорошо разъяснила Т.П.Григорьева в книге "Японская художественная традиция", М., 1979.

не мог вполне высказаться, пока не объяснил читателю восточной метафизики. Термины Ад, Чистилище и Рай, употребленные в главе первой, — очень слабые подобию того, что мне хотелось сказать. У Синявского-Терца нет нигде ни рая, ни чистилища, ни ада. Но в "Голосе" я чувствую преобладание саттвы, в "Прогулках" — раджаса (как кипение мысли и как озорство), в "Тени" — тамас (взгляд в неподвижность смерти). Только преобладание, не больше. Во всем есть *все три* гуны, все создано из трех гун. Прообразы вещей и сами вещи отличаются только преобладанием той или иной гуны. По всем колеблются, чередуясь, волны инь и ян...

Так я вижу и западничество с почвенничеством, шуубийю и антишуубийю (взаимное дополнение, а не уничтожение огня в воде, воды в огне). Там, где рационалист пускает в ход закон исключенного третьего, я вижу укорененность друг в друге и неразделенность.

Так и с противоположностью своего и чужого. То, что кажется чужим, — только непривычное сочетание все тех же гун. И потому перпендикуляры, движения поперек и в сторону, вызванные внутренним развитием, так легко путаются с касательными, созданными процессами ассимиляции и диссимиляции чужого. Не только вчуже, в анализе, в понимании критика, но и сами по себе путаются, так что невозможно сказать: что это, свое, кажущееся чужим? Или чужое, ставшее своим?

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет.
И снова скальд чужую песню сложит,
И как свою ее произнесет...

Подступ шестой. Химерический комплекс

Сейчас в моде теория этносов, и я заимствую из нее красивый термин: химерический комплекс. У Льва Николаевича Гумилева — дар, близкий к поэтическому, на такие слова: пассионарии, консорции... Его теория этносов в значительной мере держится на обаянии терминов, многозначных и влекущих, как стихи. Такая эмоциональная манера теоретизировать мне скорее нравится; и слово "химерический комплекс" пришлось по сердцу. Мы живем в каком-то химерическом комплексе, в утопии, ставшей плотью. Но отчего это получилось? По мнению Льва Николаевича — от смешения несовместимых этносов. И тут я хочу спросить: кто нам докажет, что этносы, давно сжившиеся и почти слившиеся, несовместимы?

Все исторические примеры, на которые опирается теория, допускают другое объяснение. Я отчасти уже показал это в своей статье по теории субэкумен ("Ученые записки Тартуского университета", 1976, сер. "Востоковедение", III). Новые примеры, приведенные в статье Бородая ("Природа", 1981, № 9), попросту нелепы. Считать плодом смешения иудеев и эллинов гностицизм и выносить за скобки христианство — значит рассчитывать на

умственно несовершеннолетних. Лев Николаевич Гумилев фактически исходит из своего опыта 20-х годов, когда рядом шли два процесса: разрушение петербургских традиций и наплыв евреев в столицы, и казалось возможным вывести первое из второго. Все остальные (названные) примеры подобраны искусственно, чтобы подтвердить этот (неназванный).

Несовместимости этносов на уровне высокой цивилизации нет. Несовместимы с современностью некоторые племена (бушмены, например). Они и не совмещаются, а вымирают. Что касается этносов, дошедших до вселенских религиозных идей, то между ними 2—3 тысячи лет бывали трения, бывали конфликты, но было и сотрудничество. Убеждение о несовместимости этносов (переставших быть замкнутыми племенами) основано на ложных метафизических предпосылках, которые отчетливо не сознаются, но могут быть выявлены. Этноты несовместимы в одном из трех случаев:

1) если Бога нет;
2) если Бог не един, и у каждой нации и каждого культурного круга свой бог, знать не знающий о соседе;

3) если Бог не есть Дух и все культуры не суть разные воплощения этого единого Духа, веющего, где хочет. Если же Бог есть Дух и Любовь, то трения, возникающие (по грехам нашим) между этносами, могут быть преодолены, как преодолены были трения между обрезанными и необрезанными в ранней церкви. Ибо во Христе несть ни эллина, ни иудея; а в Святом Духе несть ни иудея, ни христианина, ни буддиста. Наши несчастья — от потери общей идеи (например, марксистской) и неумения заменить ее Духом, хула на который — по Евангелию — хуже, чем хула на Отца и Сына.

Говорят, что якуты и эвенки тысячелетиями жили рядом без конфликтов. Но каков плод их диалога? Я его не знаю. Кажется, и мои оппоненты ничего по этому поводу не способны сказать. А от контакта иудеев и эллинов (несомненно, трудного и болезненного) возникла христианская церковь (огромное, всемирно-историческое событие). Не дай Бог случился бы в I веке Лев Николаевич Гумилев и учредил рождение химерического комплекса. Не было бы гностицизма. Но и католичества. И православия. И монофизитства. И несторианства. И Мохаммед (если бы он все-таки был) всех бы нас обратил в ислам.

Лев Николаевич Гумилев считает, что взаимоотношения с тюрко-монгольским миром были плодотворны для России. Несмотря на погромы, угон в плен, растлевающее влияние ига... В "Нашем современнике" эта идея была принята с возмущением, и на Гумилева обрушился град проклятий. Контакты, которые одному кажутся болезнетворными, с другой точки зрения целительны и плодотворны. Все оценки здесь субъективны и легко переворачиваются вверх дном. Можно подчеркнуть несовместимость индийского духа с китайским, еврейского с греческим и проч. А можно показать, что

это совмещалось и давало великие плоды.

Вопрос о трудностях этнических контактов не может быть попросту снят и отброшен, и Л.Н. Гумилев прав, что задает этот вопрос. Но ответ его — на уровне страстей. Акцент на захлебе страстей (этнических, социальных, сексуальных, блатных — каких угодно) опрокидывает абстрактные схемы, но он не только против абстрактных схем, он против Бога, он загораживает путь к Богу — и не дает увидеть, что невозможное снова становится возможным на уровне Духа, более глубокого, чем этнический дух. Через 2000 лет после Христа к нам вернулось язычество. Но эта реакция на рационализм сильна только тем, что она отрицает, и не может быть долгой.

Нация — это этнос, на который легла печать мирового Духа. В самой природе — открытость, всемирная отзывчивость. Не только русской нации (относительно которой это особо подчеркнул Достоевский). Все нации всемирно отзывчивы. Не отзывчивым может быть племя, народность, иная культура (Византия, Тибет после установления теократии далай-ламы). Нация непременно отзывчива. Все европейские нации отзывчивы к чужому. Без их переклички Европы вовсе бы не было. Европейское нигде не существует само по себе, вне национального (хотя существует, на каком-то сверхнациональном уровне, единый Китай). И каждая страна, становясь нацией, непременно становится открытой подсистемой в системе наций. Московская Русь, Япония Токугавы не были таковы, но они и нациями не были. А став нациями — включились во всемирный, начатый в древнем Средиземноморье диалог.

Превращение в нацию есть акт вступления в мировое сообщество, открытое для каждого. Символ веры нации — господство культуры над расой. Шовинистический синдром — следствие непривычки желудка новой нации усваивать чужое.

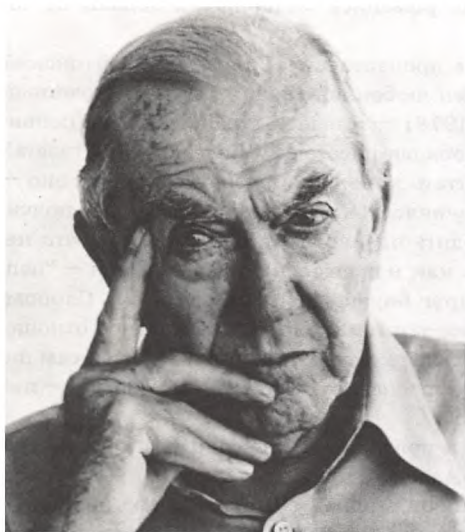
Поэтому Пушкин не боится показать, что Татьяна, русская душою, зачитывается французскими книжками и по-французски пишет письмо Онегину. Поэтому Мандельштам не боится сказать:

Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник...

Откуда же берутся химерические комплексы? От эвклидовского разума, который ищет простых и окончательных решений бесконечно сложных вопросов. И толкает нас в утопию общества без иерархии и социальных напряжений (бесклассовое общество) или в утопию общества без этнических напряжений (расово-чистая империя). И так слепая толпа, увлеченная доходчивыми лозунгами, мечется от классовой ненависти к расовой и от расовой — к классовой. ●

ГРЭМ ГРИН ИЛИ ВЕРА ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

РАЗГОВОР С ПИСАТЕЛЕМ

— Коммунизм, друг мой, нечто большее, чем учение Маркса, так же как католицизм — нечто большее, чем римская церковь. Это не только политика, но и мистика... Коммунисты совершили много преступлений, но они по крайней мере не оставались в стороне, не были равнодушными. Лучше уж обагрить руки кровью, чем умыть их, как сделал Пилат... Молю вас, — ведь в любую минуту за мной могут притти, и я не успею даже дописать эту фразу, так что можете считать ее последней просьбой умирающего, — молю вас: не отказывайтесь от веры, от всякой веры, даже если вы изверились в каком-то одном веровании. Утраченную веру можно всегда восполнить другой верой. Или это та же самая вера, но под новой личиной?"

Эти более чем странные строки завершают роман Грэма Грина "Комедианты" (1966 г.): через несколько минут в дом ворвутся агенты террористической тайной полиции гаитянского диктатора Дювалье, и автор письма доктор Мажю будет убит. В образе доктора Мажю соединены коммунист, черный патриций, верующий католик и — сам писатель.

В нынешнем году Грэму Грину исполнилось 80 лет. Более полувека назад, в 1926 г., окончив Оксфордский университет и успев побывать короткое время в компартии, Грин довольно неожиданно для своих левых друзей начал работать в газете "Таймс". После женитьбы, 23 лет от роду, обратился в католичество. Во время войны был сотрудником британского министерства иностранных дел; кое-какие деликатные поручения, связанные со сбором негласной информации, ему приходилось выполнять и позже. Собирая материал для своих книг, действие которых по большей части происходит в экзотических странах Азии, Африки и Латинской Америки, писатель изъездил весь мир.

К 1959 году, когда в СССР был опубликован написанный за четыре года до этого "Тихий американец", его автор уже пользовался репутацией одного из ведущих мастеров современной западноевропейской прозы. Более или менее отчетливые антиамериканские нотки, звучавшие в романе, подкупили цензуру. Далее последовали советские издания романов "Наш человек в Гаване", "Суть дела", "Комедианты", на волне тогдашнего либерализма удалось выпустить даже откровенно религиозный роман "Ценой потери". Но затем Грэм Грин имел неосторожность выступить в защиту Синявского и Даниэля, обмолвился кое-какими непочтительными замечаниями о политической ситуации в Советском Союзе и странах восточного блока, и дружбе пришел конец. Советско-

му читателю оставалось думать, что знаменитый романист состарился и больше не пишет.

В результате лучшие и наиболее известные произведения Грина — "Брайтонский утес" (1938 г.), "Власть и слава" (1940), "Конец любовной связи" (1951), "Почетный консул" (1973), "С поправкой на человека" (1978) — в нашей стране так и не появились. Но вот в октябре этого года, по случаю юбилея писателя, "Литературная газета" напечатала интервью с Г. Грином. Это надо считать хорошим признаком. О чем оно — не имеет никакого значения; важно, что оно появилось. Тщательно причесанное, подчищенное и выхолощенное интервью должно убедить идеологическое начальство, что несмотря на временные заблуждения, Грэм Грин, как и прежде, в общем и целом — "наш человек": враг американского империализма, друг борющихся народов и т. п. Словом, есть надежда, что запрет с Грина будет снят. И все-таки: каково действительное отношение Грина к социализму и коммунизму? На это нелегко ответить; похоже, что и сам писатель не сумел бы дать краткое и однозначное объяснение. "Читайте мои книги", — вот что он мог бы сказать.

Некое подобие ответа, однако, содержится в признаниях, сделанных в ходе бесед с французской журналисткой Мари-Франсуазой Аллен. Записи разговоров с Г. Грином опубликованы в книге М.-Ф. Аллен "L'Autre et son double" ("Другой и его двойник", 1981). Ниже мы помещаем сокращенную версию одной из этих бесед. Легко заметить, слушая Грина, что он противоречит себе на каждом шагу, иногда даже как будто кокетничая своей непоследовательностью. Тем не менее за кажущейся безответственностью его высказываний скрывается нечто заветное, от чего он не хочет и не может отказаться.

Писатель не настолько наивен, чтобы не понимать, что представляет собой "реальный социализм". Ничто так не скомпрометировало идею социалистического преобразования общества, как этот наконец-то обретенный рай; и никто не нанес идее коммунизма большего ущерба, чем это сделал сам Советский Союз. Но — "коммунизм есть нечто большее, чем учение Маркса..." И еще: "Утраченную веру можно восполнить другой верой..." Какою же? Вопреки всем разочарованиям, вопреки урокам, которые не устает давать история, идея Революции, понимаемой в широком смысле как моральное и социальное обновление, жива. Более того — она неистребима. При ближайшем рассмотрении отказывается, что для Грэма Грина, художника, который и в самых своих "ангажированных" романах остается — как и положено художнику — романтиком и анархистом, коммунизм, эта идея-вера, есть лишь более или менее устарелый синоним противостояния политическому и экономическому насилию, борьбы за общественную справедливость, веры в свободу, если угодно — даже веры в Бога.

— Какой-то глупый журналист написал, что я всю жизнь потратил на то, чтобы изображать в своих романах ад, который я не нашел в реальной действительности. Может быть, он и прав в том смысле, что подсознание писателя насыщено ужасами действительности и они находят выход в его творчестве. Но в том-то и дело, что выдумывать их нет необходимости. После моего путешествия на Гаити эта страна многие годы преследовала меня в ночных кошмарах. Мне снилось, что за мной охотятся, что я скрываюсь под чужим именем и вот-вот меня схватят.

— С вами там что-то случилось?

— Видите ли, после того как я выпустил роман "Комедианты", где описана жизнь на Гаити, Папа Док не поленился мне ответить. Был опубликован некий разоблачительный памфлет, который подготовили для диктатора люди, ставшие теперь министрами в правительстве его сына. В этом документе говорилось, что я наркоман, агент империализма

и что я опозорил гордую благородную Англию. Мой роман и сегодня там запрещен, таможенники конфискуют его у туристов... Что касается моих личных приключений, то я должен сказать, что пока я там был, я все время чувствовал себя под надзором. Шестидесят третий год на Гаити был, может быть, самым страшным. В то время на севере острова действовала небольшая группа партизан, на юге тоже было беспокойно. Ко мне несколько раз приходили с обыском, искали оружие.

— У вас были знакомые среди партизан?

— Да, ради этого я предпринял повторную поездку на остров: мне нужен был дополнительный материал для "Комедиантов". Северной группе удалось перейти границу и скрыться в Доминиканской республике. Там я и побывал. Сначала в пограничной зоне, потом съездил в Сан-Доминг и встречался там с руководителями. Доминиканское правительство разрешило им устроить штаб-квартиру в бывшем доме умалишенных. Два моих друга — Фред Баптист и его брат — вернулись потом в республику Гаити, были схвачены и погибли в тюрьме.

— Говорят, там и теперь мало что изменилось.

— У меня на этот счет есть совершенно точная информация — мне ее поставляют люди, которые оттуда бежали. Года три назад возникла была надежда, что террор прекратится, но потом Бэби Док передумал. Тонтон-макуты теперь называются "леопардами", а в общем все по-старому.

— Давайте поговорим о вашем творчестве. Можно ли сказать, что вы политический писатель?

— "Комедианты" были единственной книгой, которую я написал во имя борьбы — борьбы с омерзительной диктатурой Дювалье. Конечно, и другие мои романы не были лишены политического смысла, но в общем я не политический писатель. Я не пишу ради того, чтобы отстаивать какую-то идею, и произведения мои никогда не создавались с целью вызывать перемены в какой-нибудь стране, так же как и мои так называемые католические романы не были задуманы и написаны для того, чтобы обратить кого-нибудь в католицизм.

— Так-то оно так, но все-таки некоторые ваши вещи, например "Почетный консул" или "Тихий американец", производят впечатление, что вы активно воюете с несправедливостью.

— В романе "Почетный консул" я ни с кем и ни с чем не воюю. Меня занимал образ мыслей моих героев, эволюция их мировоззрения — не больше. А что касается "Тихого американца", то в этой книжке действительно отразилось мое враждебное отношение к американской политике во Вьетнаме. Но было бы преувеличением говорить, будто я негодовал по поводу присутствия американцев в этой стране: не забудьте, что в то время их участие в событиях было совершенно ничтожным. Если хотите знать, я не борюсь против несправедливости, я просто ее изображаю. Моя цель — показать, каково положение вещей, вот и все.

— Извините, но мне кажется, что вы уклоняетесь от ответа. По-вашему, у писателя нет никаких обязанностей перед обществом? Симона де Бовуар тоже однажды заявила, что она всего лишь "свидетельница" и "никогда бы не бросила камень" в кого-то там во время событий 68 года; не уподобляетесь ли вы этой даме?

— Я бы бросил камень не задумываясь! Я не говорю о мае 68 года, я не француз и в это время был в Италии. Но я, конечно же, хотел бы участвовать в политических преобразованиях. Я, например, оказал в свое время скромную помощь сандинистам, надеясь, что в конце концов одна из пуль, купленных на мои деньги, попадет в диктатора Сомосу. Это и есть бросить камень, не так ли? Да только все дело в том, что это не был поступок писателя. Это сделал человек по имени Грэм Грин, который, между прочим, пишет книги.

— Ваш герой Фаулер в "Тихом американце" говорит: мнение — тоже в некотором смысле действие...

— Да, может случиться, что писатель наносит своей книгой удар, с которым не сравнится никакая петиция и никакая подпись под воззванием. Литература, конечно, тоже своего рода действие. Но тот же Фаулер подчеркивает, что он не корреспондент. "Я предпочитаю должность репортера", — вот его слова. То есть он хочет сказать, что просто фиксирует увиденное, не выступая в защиту каких-либо идей. Так делал и я, описывая события во Вьетнаме. Конечно, и репортеру трудно обойтись без ошибок. Я помню, что я тоже допустил две-три ошибки, но они были честными: я располагал неверной информацией. Во всяком случае, репортеру нельзя приступать к делу с заранее составленным мнением или дав клятву верности своей газете.

— Значит, в отличие от беллетристики, ваш материал — факты. Даже если добывание их связано с риском для жизни?

— Мало ли чем приходится рисковать писателю. Для меня написать репортаж — это почти что отдых; романист — существо бессовестное, и это, по правде говоря, утомляет. Я бы сказал, романист балансирует на грани справедливого и несправедливого, между ясностью и сомнением. Романист должен быть бессовестным. В этом смысле я считаю, что не стоит брать пример с Франсуа Мориака. Некоторые его вещи мне очень нравятся, но его приверженность католической церкви превратила его в слишком уж морализирующего писателя, и даже не столько в нравственном, сколько в идеологическом отношении. Писатель должен уметь в любой момент перейти на противоположную сторону. Ибо он не с тем, кто прав, он с жертвами, а жертвы могут меняться. Короче говоря, писатель должен научиться быть беспринципным.

— Ого! Но где же предел неверности?

— Не знаю. Я не пытался его определить.

— Если я вас правильно поняла, вы полагаете, что "избрать какую-то одну сторону значит закрыть глаза на бесконечную сложность человеческих отношений, отказаться от глубокого познания жизни и обкарнать собственную свободу", — так?

— В каком-то смысле так. Хотя, конечно, в иных обстоятельствах не избрать определенную сторону невозможно: например, в войне против фашизма. Вы только что процитировали одно из моих прежних высказываний. Когда я это говорил, я думал о социалистическом реализме, к которому не питаю никаких симпатий.

— Я вижу, мы снова вернулись к политике. Вы привели два крайних случая: гитлеризм и сталинизм. Поскольку они оказались врагами, нужно было сделать выбор, "если хочешь остаться человеком", как говорит ваш Фаулер. Я не раз замечала, что вы не принимаете ничьей стороны и все-таки остаетесь человеком. У меня такое впечатление — прошу прощения за откровенность, — что вы любитель ловить рыбку в мутной воде. То вы увлекаетесь какой-то особенной разновидностью коммунизма, хотя никогда до конца ее не принимаете. То начинаете интересоваться еретическими теологами Кюнгом и Схилебексом — но отказываетесь их поддерживать. Где же ваше место?

— Это потому, что я принимаю сразу обе стороны.

— Тогда разрешите спросить вас: кто вы такой? Писатель, "свободный от обязанности сделать выбор", и одновременно репортер, связанный профессиональным долгом?

— Думаю, что во мне есть что-то от обоих. Во всяком случае, я не совсем Фаулер.

— Итак, вы предпочитаете политическое бездействие. А как насчет чувства вины?

— Я не чувствую себя виновным. Мое политическое действие, если уж вы настаиваете на этом слове, — это мое писание. Как-никак я помогал моим пером защищать людей. Когда арестовали Сняевского и Даниэля, я сделал все, что от меня зависело; я потребовал прекратить переводы моих книг в Советском Союзе, добивался, чтобы мой гонорар, который власти в СССР отказались тогда мне выплатить, был передан женам арестованных; я это делал, хотя у меня не было никаких шансов пробить эту глухую

стену. И это был не единственный случай. Например, я протестовал против войны во Вьетнаме, вышел из американского Института искусства и литературы и пытался увлечь за собой других писателей. Правда, они не последовали моему примеру.

— Вот видите. Значит, и писатель может иметь нравственный и политический вес. "Перо, как и серебряная пуля, может пролить кровь" — это, кажется, тоже слова одного из ваших персонажей?

— Когда удастся нанести удар по таким монстрам как диктатор Дювалье, получаешь удовольствие... Однажды я был приглашен на официальный прием в Вашингтон и оказался рядом с парагвайским диктатором Стресснером. Сопровождавшая меня дама схватила кого-то из министров Стресснера и подтащила ко мне. "Г-н министр, позвольте представить вам..." Тот протянул руку. "...господина Грэма Грина". Рука так и осталась висеть в воздухе. Лицо у министра перекошилось, он круто повернулся и ретировался к своему вождю. Что ж, подумал я, хоть этот меня запомнит.

Вообще-то говоря, в более или менее цивилизованных странах "слава" служит человеку защитой. Я думаю, что и в Советском Союзе мне ничего бы не угрожало, хотя, конечно, они постарались бы использовать мое имя. Но вот в Гаити, когда мне разрешили съездить на юг острова, я подумал, что для Папы Дока это прекрасный случай расправиться со мной. А потом свалить все на партизан. То же самое было в 79 году в Никарагуа: партизаны сандинистского фронта пригласили меня к себе в качестве иностранного наблюдателя. Я отказался, потому что понимал, что Сомосе ничего не стоило подослать ко мне убийцу и объявить, что Грэм Грин убит сандинистами. Лет 30—40 назад, когда я был менее известен, у меня и защиты было меньше — но зато и меньше влияния.

Если мне приходилось бывать в районах, где шли бои, я никогда не брал с собой оружия. Из предосторожности. Ведь если бы я попал в засаду, скажем, во время восстания Мау-Мау в Кении, у повстанцев просто оказалось бы одним ружьем больше. Я помню, я однажды подвез на своей машине сына какого-то вождя. Первое, о чем он меня спросил, — есть ли у меня оружие. Я сказал: нет. Он был очень удивлен. Но в Индокитае мне было очень стыдно, что у меня нет винтовки. Как-то раз, при осаде Фат-Дьема, я оказался в расположении французских парашютистов, и мне пришлось у них заночевать. На случай ночного нападения они дали мне винтовку. Я не умею с ней обращаться. Пришлось, вернувшись в Англию, учиться стрелять из автомата — на всякий случай. К счастью, случай не представился.

— Что вы думаете о таких людях, как Режис Дебре? Если вы помните, его тоже пригласили в Манагуа, и он там маршировал на параде в честь победы сандинистской революции, в военной форме, с автоматом в руках.

— Я ценю Дебре как писателя, но у меня к нему двойственное отношение. То, что он надел форму, меня порядком разочаровало. Конечно, это его личное дело, но если бы я позволил себе обрядиться в сандинистский мундир, — что, впрочем, маловероятно, ибо я ненавижу военную форму, — то вряд ли считал бы, что выражаю этим свое уважение бойцам. Я бы, наверное, думал, что отнимаю у них долю их славы. А щеголять оружием после того, как бои прекратились, — это, знаете...

— Не слишком ли вы строги к человеку, который, вероятно, дошел до "предела верности"?

— Возможно. Но это именно оттого, что я стараюсь не дать себя поработить идее. "Политический писатель" — это для меня все равно что клеймо. Меня уже заклеямили когда-то именем "католического писателя"... Поймите: события ни в коей мере не определяют ни того, как я пишу, ни того, что я пишу. То, что я затрагиваю политические предметы, ровно ничего не значит: ведь политикой насыщен воздух, которым мы все дышим, — точно так же, как он может быть насыщен присутствием или отсутствием Бога.

— Недавно вы уверяли всех, что утратили интерес к политическим делам, так как сделали с годами "в меньшей степени мазохистом". У меня же, напротив, складывается впечатление, что вы все отчетливее выражаете в своем творчестве ваши политические убеждения.

— О мазохизме — это я пошутил. Впрочем, не уподобляйтесь тем, кто думает, будто я совершаю какую-то эволюцию от религии к политике. Я интересуюсь политикой много лет. Мои первые три книги были чистой беллетристикой, зато четвертая — "Поезд идет в Стамбул", приключенческий роман, — уже была с политическим налетом. В 35 году, еще до "Брайтонского утеса", до "Власти и славы", я написал "Вот поле боя" — явно политический роман. "Секретный агент", написанный в 39 году, тоже, по-моему, свидетельствует о заинтересованности в политике. Да и в самых последних моих вещах сохраняется политический привкус, хотя религия занимает меня ничуть не меньше.

Существует термин "ангажированный писатель". Я не знаю, что это значит. Если имеется в виду принадлежность к какой-нибудь политической партии, то я должен сказать, что ни к какой партии я не принадлежу. Обыкновенно люди меняются с возрастом, становятся более консервативными, даже реакционными, особенно те, кто в молодости были яркими революционерами. Со мной этого не произошло. Я всегда симпатизировал левым, и с годами моя симпатия к ним даже окрепла. Между моими книгами разных лет есть определенная связь, есть последовательность; в них выразилась моя тяга к социальным переменам. Но то, что я католик, дало повод обвинять меня в реакционности. Когда-то Джордж Орвелл написал письмо в мою защиту и заявил, что я принадлежу к новому направлению "попутчиков католицизма". Думаю, что он все же переборщил.

Католичество долгое время ассоциировалось с представлением о политической реакции. Связывали католицизм с диктатурой Франко, хотя на самом деле испанская католическая церковь сохраняла во время гражданской войны нейтралитет. Нейтральными оставались доминиканцы. Архиепископ Севильский был даже ярким врагом Франко. И я не понимаю, почему все считают, что католики — на стороне правых диктаторов. Ничего подобного. Они поддерживают правых диктаторов не больше, чем левых, — которые, кстати, меня интересуют гораздо больше.

— Не оттого ли, что эти левые диктаторы были в ваших глазах маленькими, как бы заблудшими диктаторами?

— Можно ли назвать Хо Ши Мина "маленьким диктатором"? Или Фиделя Кастро? Видите ли, слово диктатор не обязательно должно употребляться в уничижительном смысле. Давайте сойдемся на том, что Кастро — авторитарный государственный деятель. Что же касается Хо Ши Мина...

— Простите, я прерву вас. Я хочу воспользоваться случаем и спросить вас, при каких обстоятельствах вы встретились с Хо Ши Мином. То, о чем вы написали в одном из ваших эссе, как-то не очень вразумительно... В чем состояла "миссия", с которой вы отправились к Хо Ши Мину в 55 году?

— Мне очень жаль, но я не имею права ответить на этот вопрос. Меня попросили передать Хо Ши Мину письмо. После того, как французские части оставили Ханой, туда вообще было очень трудно пробраться... Меня самого очень интересовала эта личность. Среди французов тогда ходили слухи, что Хо уже не у власти, что он чудакватый старик и занимает свой пост номинально. Я имел возможность пресечь эти слухи. Когда я приехал в его резиденцию, меня сначала принял министр информации, давший мне понять, что он не владеет французским языком. А я не знал вьетнамский. По-английски министр тоже не говорил. Он провел меня в гостиную, где меня ждал Хо Ши Мин. Председатель бегло изъяснялся по-английски, и мы втроем сели пить чай. Но как только Хо Ши Мин удалился, министр вспомнил французский язык. Видимо, он боялся вступать со мной в контакт, не узнав предварительно, как относится к моей персоне председатель. Уже отсюда было ясно, что Хо Ши Мин — отнюдь не номинальная фигура.

— Позвольте самый общий вопрос. Когда произошло ваше политическое пробуждение?

— В тридцатых годах нельзя было не понять, что происходит; разобраться в обстановке было гораздо легче, чем в пятидесятых, шестидесятых или даже в последнее десятилетие. Мрачные события в Германии явно предвещали близкую войну. В Англии тысячи людей остались без работы, были голодные походы, появились Мосли и фашизм. Когда эта публика устраивала свои манифестации, полиция охраняла их. Полицейские охотней разгоняли антифашистские демонстрации, чем фашистов. Я описал эту атмосферу в романе "Вот поле боя".

— Да, но мне не понятно, с какой стати вы называли эту книгу политическим романом. Вы действительно осуждаете социальную несправедливость, однако эта позиция — скорее гуманистическая, чем политическая.

— Я осудил прежде всего правительство, хотя и не солидаризовался с коммунистами. Между прочим, на собрании партийной ячейки я подшучивал над коммунистами и дразнил одного коммунистического писателя, который был довольно богатым человеком... Роман вышел, когда в Гайд-парке происходили демонстрации, во время которых было ранено несколько полицейских. Критика расценила его как социалистический трактат о лондонской бедноте тридцатых годов.

— Что, однако не помешало вам занять пост помощника редактора "Таймс" во время всеобщей забастовки. Следовательно, вы были сторонником консерваторов.

— Вы совершенно правы. Я был эмоционально связан с этой газетой. Забастовщики решили покончить с ней и подожгли здание редакции. Я был штатным сотрудником и, естественно, защищался. Хотя на самом деле эта история сложнее, чем кажется. Газета "Таймс" боролась не только против забастовки, но и против Черчилля, который собирался издавать свой собственный печатный орган при поддержке крайне правых кругов. Если бы "Таймс" задушили, погибли бы все остальные умеренные газеты, так что я не жалею о своем поступке. Вдобавок я был очень молод, мне было 24 года...

— А о другом вашем поступке вы тоже не жалеете? Я имею в виду членство в коммунистической партии.

— Ах, это... Тогда я был еще моложе. Мне и двадцати не было. Нас было двое — я и мой друг Клод Кокберн. Между прочим, он стал потом настоящим коммунистом и очень не плохим писателем. Но тогда это было несерьезно. Мы вступили в партию, потому что хотели съездить на дармовщину в Москву. Дело было в двадцать втором году, еще был жив Ленин. В Оксфордском университете было не так-то много желающих стать членами коммунистической партии, мы воспользовались этим и стали во главе местной ячейки. Но нашелся человек, который нас раскусил. Кончилось тем, что мы вышли из партии.

— И этот мимолетный эпизод преследует вас всю жизнь?

— Что поделаешь, я сам виноват. Все началось после того, как конгресс Соединенных Штатов, году в 52-м, принял закон Маккарена. Я тогда находился в Брюсселе и познакомился там с первым секретарем американского посольства. Он сообщил мне, что госдепартамент возражает против этого закона и хочет добиться его отмены, сославшись на несколько совершенно абсурдных случаев. Например, история со знаменитым итальянским дирижером Тосканини, которому отказали на основании закона Маккарена приехать в США на гастроли. Тогда я спросил дипломата: не лучше ли будет, если я сам расскажу о моем темном прошлом? Он сказал: да, лучше. Потом прошло немного времени, и журнал "Тайм" решил поместить большую статью обо мне в связи с выходом в свет моего романа "Суть дела". Приехал корреспондент брать у меня интервью. Я достал из стола мой партийный билет, вместе с четырьмя марками по шесть пенсов, которые служили доказательством, что мною уплачены членские взносы за четыре неде-

ли, и показал журналисту. Почему-то на моем партбилете стоял номер 1, хотя в Оксфорде, когда меня принимали в партию, в ячейке уже состояло десять членов. Короче говоря, журналист все подробно расписал в своем репортаже, пересказал все, что я ему сообщил, и я стал очередной жертвой закона Маккарена. С тех пор много лет подряд, всякий раз, когда мне нужно было поехать в Америку, я должен был испрашивать специальное разрешение от Вашингтона. Требовались подробные сведения: когда я лечу, зачем, когда возвращаюсь и пр. Однажды был такой случай: мне присудили в Нью-Йорке какую-то католическую премию за роман "Конец любовной связи". Я возвращался из Индокитая, где был репортером, и решил по дороге заглянуть в Голливуд: там снимался фильм по моей книге (очень посредственный). В итоге я прибыл в Нью-Йорк за несколько часов до истечения срока действия моей трехнедельной визы. Мне предстояло выступить в респектабельном католическом университете, в весьма торжественной обстановке. Я произнес следующую краткую речь: "Господа, мое время ограничено, и я могу сказать лишь несколько слов. Генеральный прокурор Соединенных Штатов предлагает мне на рассвете покинуть страну. Всего хорошего."

Мои муки продолжались до тех пор, пока президентом не стал Кеннеди. Он назначил послом в Лондоне превосходного человека — Дэвида Брюса, который дал завтрак в честь писателей, избранных почетными членами Академии литературы и искусств США; было это в 61 году. Я сидел рядом с послом и сказал ему между прочим, что, по-моему, это довольно странно: меня удостоили такой чести, а я не имею права получить простой визы для путешествий в Штаты. Через две недели он позвонил мне и сообщил, что в посольстве меня ждет открытая виза.

— Вы ею воспользовались?

— Разумеется. Я поехал на Кубу и по дороге остановился в Нью-Йорке. Я хотел им показать, что мое отношение к ним не изменилось!

— Мистер Грин, однажды вы сделали корреспонденту "Таймс" заявление, которое многих шокировало. Вы сказали: "Если бы мне понадобилось выбирать между Советским Союзом и Соединенными Штатами, я выбрал бы СССР".

— Я этого не говорил. Я сказал — разумеется, иронически, — что предпочел бы "окончить свои дни" в Советском Союзе, то есть имел в виду, что как писателю мне, по всей вероятности, пришлось бы умереть в концлагере, — конечно, при условии, что меня бы там сочли достаточно важной птицей. Видите ли, в Америке писателя в грош не ставят: он не считается влиятельной фигурой. А в России писатель у всех на виду, он — лицо, представляющее общественный интерес, даже если по условиям его профессии его дни сочтены. Корни русского материализма глубже, чем американского. В Советском Союзе существует глубоко скрытое, но сильно религиозное настроение. Должно быть, поэтому меня всегда тянуло к коммунизму. Я замечал также, что коммунисты и католики, критикуя мои книги, находили в них нечто большее, нежели другие критики. Я даже не знаю, как определить это дополнительное понимание, которое у них есть; мне кажется, они лучше постигают замысел автора.

Мне трудно объяснить мое увлечение коммунизмом. Пожалуй, я могу сказать, что в глубине души у меня всегда теплилась надежда — вероятно, достаточно наивная — на то, что возможен коммунизм с человеческим лицом. Надежда — и сожаление, что наследие царизма оказалось сильнее революции. Если бы марксизм одержал свою первую победу в менее отсталой стране, очень может быть, что коммунизм сейчас выглядел бы совсем по-другому. А так — все надежды на коммунизм с человеческим лицом уже почти рассеялись... Когда я в 71 году встретился с Альенде, я ему сразу сказал, что он, наверное, удивлен — зачем это я притащился в Чили? Я объяснил: затем, что я пребываю в вечных поисках этого самого "коммунизма с человеческим лицом". Альенде не был коммунистом, но в его правительстве находились члены чилийской компартии. И те-

перь, после свержения Аьенде и Дубчека, — хотя их сокрушили разные силы, Аьенде пал в результате американского вмешательства, а Дубчек — советского, — теперь волей неволей приходишь к выводу, что коммунизму вряд ли удастся когда-либо освободиться от сталинизма или вообще от диктаторских замашек.

— Вас явно привлекает коммунистическая идея, но не коммунистические страны. Если не считать заключительных глав романа "С поправкой на человека", ни одну из этих стран вы не избрали местом действия для своих книг.

— Да. Китай, например, мне совсем не нравится. Когда я возвращался из КНР и приехал в Москву, у меня было такое чувство, что я чуть ли не дома, в Европе. В Москве общаться с людьми было куда легче. За стаканом вина можно было расслабиться. А в Китае — это было как раз во время кампании "ста цветов", при Мао Цзедуне, — вы видели вокруг вежливые улыбки, за которыми чувствовалось полнейшее отчуждение. Ни о каком сколько-нибудь серьезном разговоре не могло быть и речи: безукоризненная вежливость — и пустота. В России я приобрел друзей. Всего я побывал в Москве четыре раза, был там даже со своим грудным сыном, когда ему было отроду двадцать дней. Последний раз был в 61 году и схватил воспаление легких, — видимо, больше уже не придется туда ездить. Поэтому некоторые подробности в московских сценах романа "С поправкой на человека" устарели.

— Можно вас попросить рассказать о вашей поездке в Прагу?

— Это было в 69 году, Дубчек еще оставался у власти, но мне не пришлось с ним встретиться. Я приехал по приглашению Союза писателей и Йозефа Шкворецкого (теперь он в Канаде), с намерением протестовать против советского вторжения в Чехословакию. По приезду оказалось, что Шкворецкий покинул страну сутки назад... Зато я удостоился чести увидеть Смирковского, он как раз был в числе трех министров, которых вынудили совершить поездку в Москву. Должен сказать, что Смирковский произвел на меня приятное впечатление. За завтраком я спросил, какого он мнения о Косыгине, которого мы на Западе считали более привлекательной фигурой, чем Брежнев. Смирковский ответил, что когда их, пленных чехов, привезли на встречу с советскими руководителями, формально равными им по рангу, — Брежневым, Сусловым и Косыгиным, — то вожди вели себя совершенно одинаково: одни и те же жесты, одни и те же слова, одинаковая манера держать себя. И все же ему показалось, что у Суслова в выражении глаз мелькнуло какое-то сочувствие. Это любопытно, ведь Суслов был чем-то вроде теолога партии и, как истинный ленинец, в глубине души был, возможно, против вторжения в Чехословакию.

— Если не ошибаюсь, вы выступили с протестующей речью?

— Да, в Братиславе. Я сказал — опять же не без иронии, — что в свое время имел честь побывать в их стране вскоре после того, как совершилась революция, в феврале 48 года, и что "блаженство было жить тем утром". Это слова Вордсворта о Французской революции... В зале было человек 200 или 300. Гусак тогда еще занимал пост секретаря компартии Словакии (а в апреле он стал секретарем компартии ЧССР). Оказавшись за столом, заставленным микрофонами, я начал свое выступление так, чтобы сразу понять, много ли народу из находившихся в зале понимает по-английски. "Терпеть не могу шеренгу из микрофонов на столе, — сказал я. — Правда, против микрофонов, спрятанных под столом или в потолке, не возражаю." Публика громко засмеялась, из чего я понял, что по крайней мере большинство по-английски понимает. Да, так вот... Я сказал, что был в Чехословакии в 48 году. Что же происходит теперь? Что осталось от революции? Конечно, эта речь ничего не могла изменить. Но все же моя поездка дала мне возможность познакомиться с такими писателями как Хавел и Милан Кундера, которых я весьма уважаю, хоть мы и придерживаемся разных политических взглядов.

— Раз уж мы заговорили о событиях сорок восьмого года, не расскажете ли вы о той первой поездке?

— Тогда я очутился в Чехословакии совершенно случайно. У меня были дела в Вене, а оттуда я собирался лететь в Рим. В те времена для этого требовалось сделать промежуточную посадку в Праге. А в Праге у меня было два издателя, вот я и решил к ним навестись. Мне и в голову не приходило, что я окажусь там в момент "революции": венские газеты ничего не сообщали. Самолет опоздал из-за метели, приземлились ночью. Найти комнату в Праге было невозможно, и я ночевал в номере, заказанном двумя английскими журналистами, с которыми я познакомился в самолете, — один был от агентства Ассошиэйтед пресс, а другой от Би-Би-Си; оказалось, что их направили в Прагу "на всякий случай". Кстати, это дало мне возможность наблюдать, как профессиональные журналисты "освещают" события: забавное зрелище!

В самолете нас не кормили, а в гостинице тоже никакой еды не было. Портье предложил спуститься в подвальное помещение. Там было шумно и весело: мы попали на бал, устроенный персоналом гостиницы. На этом балу мы встретились с самыми неожиданными людьми, например, с послом Венесуэлы; публика была пестрая, можно было за копейки выпить, закусить и поразвлечься. Посол отплясывал с поварихой, а мы с кем попало. Словом, первые впечатления от революции были самые радужные. Утром я вышел прогуляться. Возвращаясь, — мои журналисты, проснувшись после вчерашнего веселья, звонят местным коллегам в надежде узнать что-нибудь новенькое и важное. Им говорят, что ничего важного не произошло. Я снова отправился в город. Иду по улице и замечаю, что кто-то увязался за мной. Наконец, ко мне подходит человек и говорит, что ему нужно попасть в британское посольство. Он ученый, изобретатель и создал проект пилотируемого парашюта, на котором можно приземляться в пятидесяти километрах от места, где совершен прыжок. "Понимаете, — добавил он, понизив голос, — теперь, когда власть захватили коммунисты, мое изобретение неминуемо попадет в руки русских. Умоляю вас, помогите. Подите в ваше посольство и расскажите обо мне". Я спросил, есть ли у него еще какие-нибудь изобретения, которые он хотел бы спасти. Выяснилось, что он изобрел машину, которая воздвигает стены домов со скоростью тридцать сантиметров в секунду. Тогда я понял, что в посольство идти не стоит.

— Вас иногда упрекали в чрезмерной доверчивости — например, Джон Ле Карре, ваш коллега по шпионажу...

— Я не знаю, чему научился Джон Ле Карре на спецслужбе, — если он вообще чему-нибудь там научился. Он намного моложе меня, и, по-моему, его политический опыт сильно уступает моему опыту. Вы, очевидно, имеете в виду его интервью на Би-Би-Си, когда он сказал, что я чересчур наивен для того, чтобы заниматься политикой. По его мнению, мой кругозор ограничен представлениями тридцатых годов, когда коммунизм сражался с католической церковью и притом по определенным правилам. А по-моему, наивно думать, что борьбы этой больше не существует. Можно, конечно, считать, что атеизм является пережитком старого коммунизма XIX столетия, который смешивал философию с экономикой; тем не менее противостояние коммунизма и католицизма дает себя знать и сегодня.

Я очень остро ощущаю эту проблему. Я был в Польше в 55 году, вскоре после смерти Сталина, и тогда эта вражда была ничуть не слабее, чем в тридцатые годы. Кардинал Вышинский находился под домашним арестом. Но тогда же появилось и довольно сомнительное движение под названием "Пакс", то есть "Мир": коммунисты пытались инфильтрировать церковь и хотели создать так называемую Польскую национальную католическую церковь. Да что там говорить, — посмотрите, что сейчас происходит в Польше.

— Если говорить откровенно, то меня, как и многих читателей, удивляет в вас не наивность или старомодность взглядов, а наоборот — ваша прозорливость. Вы прямо-таки ясновидящий. В 58 году, в книге "Наш человек в Гаванне" вы предсказали ракетный кризис. Или возьмите ваш прогноз относительно роли американцев во Вьетнаме после 55 года. Опять же похищение людей в Латинской Америке в "Почетном консуле". Все сбылось.

— Приписывать мне какой-то особенный дар предвидения — преувеличение. Рассказ о ракетах, спрятанных на Кубе, совпал с тем, что произошло потом, по чистой случайности. А что касается "Тихого американца", то, знаете ли, провести четыре зимы в Индокитае и не понять, в каком положении оказались американцы, было мудрено. Догадаться о том, что, скажем, взрыв бомбы на площади в Сайгоне, был инспирирован ЦРУ, — для этого не требовалось никаких особых способностей. Но сам по себе этот инцидент не предвещал войну, и я никак не могу сказать, что это я ее предсказал. Я лишь намекнул на некоторое подводное течение, каким представлялась мне заинтересованность американцев в том, что происходило во время французской войны во Вьетнаме. Это не столько предвидение, сколько разведка на месте... Ну, и наконец, похищения людей по политическим мотивам в Латинской Америке: все это началось еще до моего "Почетного консула".

— И все же это какие-то странные совпадения: чуть где затевается революция, вы тут как тут. В Праге в 48 году, на Кубе, в Никарагуа. Или в очагах вооруженных конфликтов. Вы говорите, что поехали в Малайю, потому что там был ваш брат. В Индокитае — случайно, "навестить друга в Ханое". Написать роман, в котором действие происходит в Конго, — "Цена потери" — вам тоже почему-то вздумалось как раз в тот момент, когда начались беспорядки в Леопольдвиле в 59 году. Может быть, правы были те, кто назвал вас кочующим детонатором?

— Нет. Все это действительно было лишь случайностью. Я не детонатор, хотя мне и приходилось портить настроение некоторым правым диктаторам.

— Простите, я хотела бы напоследок снова вернуться к тому, о чем мы уже говорили. В книге "С поправкой на человека" затрагивается расовая проблема в Южно-Африканской республике. Но мне кажется, что главный мотив, который проходит сквозь весь этот роман, — замороженность человека Москвой. То же самое в книге "Власть и слава": священник, одержимый мыслью о Боге, сам того не понимая, оказывается в идеологических тенетах... Вот я и хочу вас спросить: почему вы, Грэм Грин, до сих пор зачарованы коммунизмом? Почему вы все время толкуете о "предательстве" на Западе?

— И на Востоке тоже. Дело не в бегстве и предательствах самих по себе. Дело в утрате веры. Я хочу понять, что происходит с человеком, когда он подходит к той черте, за которой рушится вера. У меня есть один близкий друг, венгерский коммунист. Однажды в Париже он пришел ко мне и говорит, что он — на этой черте. По его словам, он прочел "Тихого американца" и задумался над цитатой из поэта по имени Клогг, которую я взял для эпиграфа к этой книжке. Я объяснил ему, что это не "Клогг", а Клаф, Артур Клаф, поэт викторианской эпохи, которого я всегда очень любил, особенно стихотворение "Пасхальный день", где каждая строфа кончается словами "Христос не воскрес". Я достал книгу и показал ему три строчки, которые я отчеркнул карандашом; вот они:

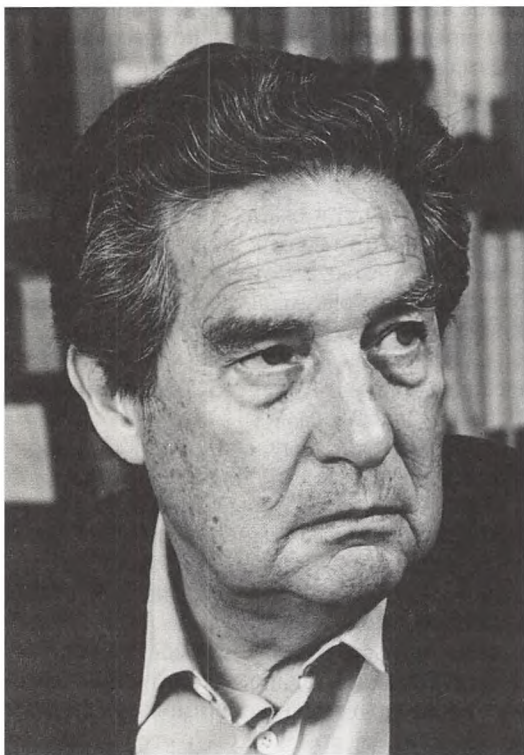
Of all the people under heaven's high cope
They are most hopeless who had once most hope,
The most beliefless who had most believed.¹

Мой друг промолчал, но я почувствовал, что он понимает, что я хочу ему сказать. ●

¹ Из всех людей под сводом небес самые безутешные те, кто больше всех надеялся, и самое великое безверие — удел тех, кто веровал сильнее всего.

Октавио ПАС (Мехико)

ДИАЛОГ ОТВОРЯЕТ ВРАТА МИРА

Я родился в злосчастном 1914 году, и война была неизменной, страшной современностью для всех писателей моего поколения. Я начал писать, посвятил себя самой что ни на есть тихой деятельности среди шума вражды, в громе боев нашего столетия — и вопреки этому шуму и грому. Я писал и пишу, ибо литература для меня — это диалог, диалог с миром, с читателем и с самим собой, а диалог есть нечто противоположное и шуму, который нас отрицает, и молчанию, которое нас игнорирует. Мне всегда казалось, что писатель — не только тот, кто пишет, но и тот, кто слушает собеседника.

Первое подлинно историческое известие, которое донесла до нас наша религиозная традиция, — это рассказ о братоубийстве. Каин убил Авеля. С этого мрачного события началось наше существование на земле. То, что происходило в эдемском саду, оста-

лось за порогом истории. Грехопадение породило два детища греха: труд и войну. Началось проклятье истории. Мирная жизнь была достоинством первоначальной невинности и предварением истории. Конец исторического времени станет началом нового мира — царством вновь обретенной невинности.

Таково религиозное видение мира, оно вдохновило многих создателей философских и политических утопий. Если прежде, чем началась история, люди были равны, были свободны и жили в мире и согласии, то откуда взялось зло? Когда оно появилось? Мы не можем этого знать, но вернее всего будет предположить, что слепец, имя которому — история, рванулся вперед в результате акта насилия. Люди лишились свободы и равенства в ту минуту, когда они подчинили себя вождю. Если источником неравноправия, порабощения и войны было господство немногих над многими, можно ли

сомневаться в том, что именно власть стала причиной несправедливостей, составивших содержание истории? И не власть того или иного конкретного правителя, который может быть жестоким, может быть и мягким, — но самый принцип власти, сама институция, воплотившая в себе власть, — государство! Так давайте уничтожим государство и покончим раз навсегда с человеческим рабством и войной между народами. Революция — вот развязка истории, или, если вернуться к религиозным представлениям, обращение вспять к началу времен — восстановление изначальной невинности, в лоне которой все индивидуальные свободы растворятся в общественной гармонии.

Соблазн этой идеи, соединившей кристально-чистую мораль с самой благородной мечтой, какую когда-либо могла породить человеческая фантазия, был чрезвычайно велик. И все же я не могу разделить ее оптимизма — по двум причинам. Первая: мы имеем дело с недоказанным и, боюсь, недоказуемым допущением. И вторая: есть много оснований полагать, что с возникновением государства не началась, а прекратилась вечная война, которую были обречены вести друг с другом примитивные сообщества. Некоторые современные специалисты считают, что в первобытном обществе люди жили свободно и были относительно равны. Основу свободы составляла физическая сила и изобилие благ. Это общество свободных и независимых воинов было вдобавок и обществом равноправия: из-за того, что жизненные блага легко подвергались порче, их невозможно было накапливать. Но общественные связи внутри простых и изолированных сообществ были крайне непрочны, в них царил раздор — война всех против всех. Государство возникло как механизм защиты людей от них самих.

Выходит, что ликвидация государства вернула бы всех нас к состоянию непрерывного раздора. Как же тогда нам избежать войны? С тех пор, как на земле существуют государства, они дерутся друг с другом. Неудивительно, что стремление к миру во всем мире то и дело выливается в мечты о едином всемирном государстве без врагов и соперников. Этот идеал так же нереален, как и проект покончить с государством, — но, пожалуй, еще опаснее. Мир, построенный на том, что всем нациям навязывается единая и единообразная воля, хотя бы и воля безличного, стоящего над всеми закона, — такой мир рискует очень скоро выродиться. Это будет царство принудительного единообразия, затхлости и бесплодия. Если отмена государственности обрекла бы нас на бесконечную войну партий и отдельных лиц, то воцарение одного единственного государства означало бы всеобщее рабство и гибель духа. К счастью, исторический опыт не раз помогал отогнать этот кошмарный призрак. История не знает примеров общества без государства; зато нам известно немало примеров, когда великие державы рвались к господству над всем миром. Судьба всех великих империй показывает, что эта мечта неосуществима. Хуже того, она гибельна. Гибельно уже возникновение империй, ибо их путь — завоевания и грабеж. Таков же и их конец: распад, расчленение. Рано или поздно империи разваливаются, подобно тому как обречены на раскол вероучения и идеологии.

Государство наделено двойной и противоречивой функцией: оно оберегает мир, и оно же развязывает войну. Впрочем, подобная амбивалентность присуща всем людям. Лица, группы, классы, правительства, наконец, целые народы — все оказываются разделенными на враждующие лагеря. Но обреченные на раздор, мы неизменно возвращаемся к диалогу, к переговорам. Однако есть разница между гражданским обществом индивидумов и групп и международным сообществом государств. В первом случае споры улаживаются благодаря взаимной доброй воле враждующих партий либо авторите-

том закона и правительства; во втором — решает дело лишь воля правительств. Сама природа интернационального сообщества препятствует существованию эффективных наднациональных сил. Ни Объединенные Нации, ни какая-либо иная международная организация не обладают властью, достаточной для того, чтобы обеспечить мир и наказать агрессора: все они — всего лишь консультативные, совещательные органы. Они полезны для ведения переговоров, но их недостаток в том, что они легко становятся трибуной для пропаганды и демагогии.

Правительства — вот кому в первую очередь принадлежит власть решать, быть войне или миру. Но власть эта не является неограниченной. Даже диктатор, готовясь развязать войну, принужден так или иначе считаться с настроениями народа. В открытых, демократических обществах, где правительства обязаны периодически отчитываться в своих действиях и где существует легальная оппозиция, проводить милитаристическую политику еще труднее. Иммануил Кант считал, что монархии склонны к войнам больше, чем республики, так как король рассматривает государство как свою собственность. Тем не менее демократический строй сам по себе еще не гарантирует мира: доказательством служат хотя бы Афины при Перикле или Франция эпохи Великой революции. Любые политические системы могут поддаться влиянию национализма или какой-либо другой агрессивной идеологии, и демократия в этом смысле — не исключение. И все-таки преимущества демократии для сохранения мира, как и во многих других отношениях, для меня неоспоримы: война и мир — это такие предметы, о которых мы не только вправе, но и обязаны высказать вслух свое мнение.

Я упомянул о губительном действии, которое оказывали на мир националистические, нетерпимые, притязавшие на исключительность идеологии. Подобные идеологии принимают еще более разрушительный характер, когда из вероучения отдельной секты или партии они превращаются в официальную доктрину церкви или государства. Стремление к абсолютности — всегда недостижимое — само по себе благородная страсть, но стоит нам только уверовать, что мы обладаем абсолютной истиной, как мы начинаем катиться вниз. В каждом, кто думает не так, как мы, нам чудится недруг, мы усматриваем в его точке зрения опасность — и сами превращаемся в источник опасности.

Как только система наших верований становится догмой, церковной или государственной, все, кто ее не разделяют, превращаются в зловерных отщепенцев: они другие, не такие, как мы, они — инаковерующие. Их надо обратить в нашу веру — либо уничтожить. А если еще вдобавок церковь и государство сливаются воедино, как это случалось в былые эпохи, или если государство провозглашает себя монополистом научной истины и распорядителем истории — как это происходит в XX веке, — тогда тотчас же всплывают идеи крестового похода, священной войны и ее современного эквивалента — великой революционной войны. Идеологические государства воинственны по самой своей сути, воинственны вдвойне: из-за нетерпимости своих доктрин и в соответствии с военной дисциплиной, которой подчинены в таком государстве правящая верхушка и руководители. Противоестественный гибрид монастыря и казармы.

Стремление любой ценой вербовать сторонников, которое почти всегда идет рука об руку с военными захватами, характерно для всех идеологических государств со времен античной древности до наших дней. После Второй мировой войны, в результате сложного переплетения политических и военных мер народы так называемой (и ошибочно называемой) Восточной Европы оказались вовлеченными в тоталитарную систему. Та же судьба, казалось, ожидает и западные нации. Но этого не случилось: они устоя-

ли. Вместе с тем они утратили свою подвижность. Неслыханное материальное благополучие не принесло с собой ни духовного и культурного возрождения, ни свидетельствующей о богатстве фантазии, энергичной, вдохновленной благородными побуждениями и действенной политической инициативы.

Приходится с сожалением сказать: великие демократические нации Запада перестали быть образцом и источником вдохновения для других народов — и для привилегированного класса, и для угнетенных меньшинств. Это имело непоправимые последствия для всего мира — и особенно для народов Латинской Америки. На историческом горизонте нашего клонящегося к закату столетия ничто не могло возместить утрату того плодотворного влияния, которое европейская культура, начиная с восемнадцатого века, оказывала на мысль, восприятие и воображение лучших наших писателей, художников, общественных и политических реформаторов.

Неподвижность — тревожный симптом. Становится страшно, когда понимаешь, что эта неподвижность есть не что иное, как следствие ядерного равновесия. Нынешнее состояние мира отражает и выражает не согласие держав, а их страх друг перед другом. Кажется, что над странами Запада и Востока тяготеет проклятье: либо неподвижность — либо уничтожение. Страх — вот что сохранило нас до сих пор от великой катастрофы. Но если мы убереглись от Армагеддона, то не ушли от войны: с 45-го года воистину ни дня не прошло без боев в Азии или Африке, в Латинской Америке или на Ближнем и Среднем Востоке. И сегодня война носится по свету, кочует из одного региона в другой.

Хотя я и не собирался анализировать современные конфликты, мне все же придется сделать исключение и коснуться одного случая — Центральной Америки. Эта часть мира мне ближе других и причиняет особенно много боли. Кроме того, настоятельно необходимо отметить в сторону манихейские упрощения, к которым склонны представители противоположных взглядов на проблему Центральной Америки. С одной стороны, нас хотят убедить, что эта проблема есть всего лишь частное проявление соперничества двух сверхдержав; другие, напротив, уверяют, что все сводится к чисто местной вражде, не зависящей от международных коллизий. Ясно, что Соединенные Штаты стоят на стороне вооруженных групп, борющихся против нынешнего режима в Никарагуа. Ясно, что Советский Союз и Куба поставляют сандинистам оружие и военных советников. Но не менее ясно и то, что корни конфликта уходят глубоко в прошлое Центральной Америки.

Независимость Испанской Америки (Бразилия — случай особый) привела к распаду старой испанской империи. Роль и значение этого события иные, нежели роль, которую сыграла независимость Северной Америки. Нам и сегодня еще приходится расплачиваться за последствия распада Испанской колониальной империи: внутри у нас хаотические демократии, сменяющиеся диктаторскими режимами, на внешнеполитической сцене — слабость. Невзгоды истории превратили Центральную Америку в нарыв: конгломерат крошечных государств без отчетливого национального самосознания (чем уроженец Сальвадора отличается от гондурасца или никарагуанца?), без достаточной экономической жизнеспособности, которая защитила бы их от алчности посторонних. Хотя все пять стран Центральной Америки (Панама образовалась позже) избрали республиканскую форму правления, ни одна из них, за исключением образцовой Коста-Рики, не сумела построить у себя подлинную и устойчивую демократию.

Очень скоро народы Центральной Америки стали жертвой эндемической болезни всего нашего региона — засилья военных диктаторов-каудильо. Влияние США дало себя знать начиная с середины прошлого века, быстро приняв форму гегемонизма. Ни дроб-

ление на мелкие государства, ни олигархии, ни кровавые и смехотворные диктатуры не были изобретением Соединенных Штатов, но Штаты сумели извлечь для себя пользу из этой ситуации, поддержали и укрепили власть, основанную на насилии; историческая ответственность Соединенных Штатов не подлежит сомнению, и трудности, с которыми ныне им приходится сталкиваться в этом районе, — во многом следствие их политики. В тени Вашингтона возникла и утвердилась в Никарагуа наследственная диктатура. В конце концов стечение многих и различных обстоятельств — всеобщее озлобление, возникновение нового, образованного среднего класса, влияние обновленной католической церкви, распри внутри олигархии, наконец, прекращение североамериканской помощи — привело к народному восстанию. Возмущение, носившее национальный характер, сокрушило диктатуру. Но затем повторилось то, что произошло на Кубе, группа революционных вождей заявила свои исключительные права на революцию. Почти все они были выходцами из среды местной олигархии, многие сменили католицизм на марксизм-ленинизм либо создали причудливый винегрет из обоих учений. С самого начала руководители сандинистского режима искали поддержки у Кубы и получали техническую и военную помощь от Советского Союза и его союзников. Образ действий сандинистского правительства не оставляет сомнений в том, что оно твердо намерено установить в Никарагуа военно-бюрократическую диктатуру по образцу Гаваны. Первоначальный смысл революционного движения, таким образом, полностью извращен.

Нынешняя оппозиция в Никарагуа неоднородна. Будучи весьма обширной, она лишена доступа к средствам информации (в стране существует только одна независимая газета "Ла пренса"). Особая и важная оппозиционная группа живет изолированно в малообжитых районах страны — это туземное меньшинство, говорящее не по-испански, чувствующее, что его культура и образ жизни находятся под угрозой и не раз подвергавшееся при сандинистском режиме нападениям и грабежу. Есть и вооруженная оппозиция, которая опять-таки не едина: тут и консерваторы (в том числе бывшие сторонники Сомосы), и демократически настроенные диссиденты внутри нынешнего режима, и вооруженные защитники интересов туземного меньшинства. Ни одна из этих групп не хочет восстановления диктатуры. Правительство Соединенных Штатов оказывает им военную и техническую помощь, хотя, как известно, эти меры наталкиваются на растущее сопротивление в Сенате и в широких кругах североамериканской общественности.

Наконец, нужно упомянуть о дипломатической активности четырех стран, образующих так называемую группу "Контадора": Мексика, Венесуэла, Колумбия и Панама. Это единственная группа, предлагающая политику разума, политику, которая действительно ставит своей целью достижение мира. Усилия четырех стран направлены на то, чтобы создать условия для прекращения интервенции иностранных государств, чтобы враждующие партии сложили оружие и приступили к мирным переговорам. Вот первый и труднейший шаг, но без него не обойтись: другое решение — военная победа той или иной стороны — лишь посеяло бы семена нового, еще более ужасного конфликта.

Я хочу подчеркнуть, что мир в этом районе можно будет по-настоящему восстановить только в том случае, если народу Никарагуа предоставят возможность свободного волеизъявления на выборах с участием всех партий. Свободные выборы позволили бы сформировать национальное правительство. И все же выборы, притом что они абсолютно необходимы, сами по себе еще не решают дела. Хотя законным в наше время

считается всякое правительство, которое пришло к власти на основе всеобщих, свободных и тайных выборов, должны быть удовлетворены и другие условия для того, чтобы правительство заслужило право называться демократическим: гарантия личных и общественных прав и свобод, плюрализм, уважение к личности и к меньшинствам. Последнее условие жизненно важно для такой страны как Никарагуа, где долгое время существовал деспотизм и где живет множество расовых, религиозных, культурных и языковых меньшинств.

Многим этот проект покажется утопичным. Но это не так: ведь удалось же в Сальвадоре в разгар гражданской войны провести всеобщие выборы. Несмотря на террор партизан, которые хотели запугать людей и заставить их не идти на выборы, большинство населения приняло участие в голосовании. Это уже второй раз, когда в Сальвадоре прошли выборы (первые состоялись в 1982 г.), и оба раза высокая избирательная активность была замечательным доказательством того, что этот народ обладает гражданским сознанием и способен создать демократическую государственность. Выборы в Сальвадоре — это приговор двойному насилию, которому подвергаются нации Латинской Америки: насилию со стороны правых экстремистов и партизан крайней левой. Теперь уже никто не посмеет утверждать, что этот край не созрел для демократии. Но если для жителей Сальвадора политическая свобода не роскошь, а жизненно важный вопрос, почему она не может быть тем же для народа Никарагуа? Задавали ли себе этот вопрос писатели, выступающие с манифестами в защиту сандинистского правительства? Зачем же они одобряют введение в Никарагуа политической системы, которую сочли бы непригодной для их собственной страны? Почему то, что в одной стране ненавидят, должно быть предметом восхищения в соседней стране?

Наш разговор о Центральной Америке, быть может, несколько затянулся. Но он лишний раз убеждает, что защита мира связана с борьбой за демократию. Должен сказать, что я отнюдь не считаю демократию и мир связанными между собой как причина и следствие: демократические государства не раз демонстрировали свою воинственность. Но я полагаю, что именно демократический строй открывает возможность для необходимого обсуждения общественных вопросов, включая тему войны и мира. Великие движения противников насилия в недавнем прошлом — самыми яркими именами в этом ряду были Ганди и Мартин Лютер Кинг — возникали и развивались в демократических обществах. Демонстрации сторонников мира в Западной Европе и Америке были бы немыслимы и невозможны в тоталитарных государствах. Вот почему отделить мир от демократии значит не только совершить логическую и политическую ошибку, но и продемонстрировать определенный изъян морали.

Из всех этих рассуждений следует вывод: простейшим и самым существенным выражением демократии является диалог, а диалог отворяет врата мира. Только защищая демократию, мы сможем отстоять мир. Из этого принципа, в свою очередь, вытекают, как мне думается, три других. Первый: неустанно искать диалога с противником. Такой диалог требует стойкости, но и уступчивости, гибкости — и твердости. Второй: не поддаваться соблазну нигилизма и не давать себя запугать террору. Нельзя купить свободу ценой мира, но и мир недостижим без свободы; мир и свобода неразделимы. Отторгнуть их друг от друга значит уступить давлению тоталитаризма и в конце концов потерять и то и другое. И, наконец, третий принцип: уяснить себе, что защита демократии в нашей собственной стране невозможна без солидарности с теми, кто борется за нее в тоталитарных странах или в условиях военно-диктаторских, опираю-

щихся на насилие режимов в Латинской Америке и на других континентах. Когда диссиденты борются за демократию, они борются и за мир. Тем самым они борются за нас.

В одном из набросков Гельдерлина к гимну, прославляющему мир, в стихах, к которым Хайдеггер написал знаменитый комментарий, поэт говорит, что мы, люди, научились чтить божественное и постигать тайны вселенной "лишь с той поры, как беседа стала нашей природой". Гельдерлин понимает историю как диалог. Но диалог этот то и дело заглушается шумом насилия и прерывается монологами вождей. Насилие обостряет разногласия и равно мешает говорить и слушать. Монолог отрицает права другого. И лишь диалог, не устраняя различий, создает зону, на которой инакомыслие протягивает руку другому инакомыслию. Диалог исключает ультимативный тон и тем самым отвергает абсолюты с их деспотической претензией на всеобщность. Мы относительны; относительно и то, что мы говорим, и то, что мы слышим.

Однако относительность не есть готовность сдаться. Чтобы диалог состоялся, мы должны подтвердить, что мы — это мы, и вместе с тем признать за другим право быть тем, кем он является. Диалог равно запрещает нам отрицать себя и отрицать человеческую принадлежность нашего оппонента. Марк Аврелий провел большую часть своей жизни на коне, воюя с врагами Рима. Он знал борьбу, но не знал ненависти, и он оставил нам строки, над которыми стоит вновь и вновь задуматься: "Едва брезжит день, скажи себе: сегодня я встречу с грубым, гневливым, презренным и неблагодарным человеком... Я знаю его натуру, он мой родич, но не по крови, не оттого, что мы принадлежим к одному семейству. Но потому, что оба мы наделены единым разумом и общей частицей божественного. Мы рождены, чтобы действовать вместе, как ноги, как руки, как глаза, как веки глаз, как верхний и нижний ряд зубов."

Диалог — лишь одно из проявлений космической гармонии, но может быть, наивысшее. ●

Издательство "Страна и мир" выпустило в свет "Список политзаключенных СССР", выпуск 6 (по состоянию на 30 октября 1984 г.) В списке приведены основные биографические данные о 887 политзаключенных, известных поименно, указано место их заключения, сообщаются сведения о семье. Для многих политзаключенных даны их фотографии.

К списку приложен справочный материал: таблица статей Уголовных кодексов союзных республик, применяемых к политзаключенным, фотографии и планы основных мест заключения, таблицы официальных индексов мест заключения, сведения о режиме содержания заключенных.

Стоимость "Списка" — 30 н.м., вне Европы 12 долл. (включая пересылку авиапочтой), в Австралии и Новой Зеландии 13 долл.

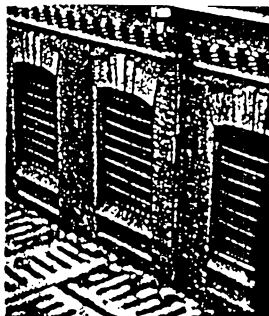
ВЕСТИ ИЗ СССР

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

USSR NEWS BRIEF

HUMAN RIGHTS

СПИСОК ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ СССР

ВЫПУСК 6

ПО СОСТОЯНИЮ НА
30.10.1984

Владимир ВОЙНОВИЧ (Мюнхен)

ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

...Или вот еще мода. Она управляет всем. Модными бывают одежды, прически, направления в живописи или литературе, марки автомобилей, почтовые марки, виды спорта, развлечения, места отдыха. А бывают модные мировоззрения.

Как-то еще в Москве я оказался в одной интеллигентной компании. Сидя на кухне, пили чай и, как водится, обсуждали все или почти все мировые и местные проблемы и события. Говорили о недавнем аресте двух диссидентов, об обыске у третьего, о новом повышении цен на золото (интересы присутствовавших это повышение никак не затрагивало), о пресс-конференции Рейгана, о заявлении Сахарова, о Северной Корее, об Южной Африке, уносились в будущее, возвращались в прошлое, стали обсуждать случившееся сто лет назад убийство народовольцами царя Александра Второго.

Одной из собеседниц была экспансивная и храбрая молодая женщина. Она уже отсидела срок за участие в каком-то самиздатском журнале, ее, кажется, собирались посадить во второй раз, таскали в КГБ, допрашивали, она вела себя смело, дерзила следователю и не дала никаких показаний.

Теперь о событии столетней давности она говорила так же возбужденно, как о вчерашнем допросе в Лефортовской тюрьме:

— Ах, эти народовольцы! Эта Перовская! Если бы я жила тогда, я бы ее задушила своими руками!

— Вы на себя наговариваете, — сказал я. — Перовскую вы бы душить не стали.

Женщина возбудилась еще больше.

— Я? Ее? Эту сволочь? Которая царя-батюшку бомбой... Клянусь, задушила бы.

— Да что вы, — сказал я, — зачем же так горячиться? Вы себя плохо знаете. Тогда вы не только не стали бы душить Перовскую, а вместе с ней кидали бы в царя-батюшку бомбы.

Она ожидала любого возражения, но не такого.

— Я? В царя-батюшку? Бомбы? Да вы знаете, что я убежденная монархистка?

— Успокойтесь, я вижу, что вы убежденная монархистка. Потому что сейчас модно быть убежденной монархисткой. А тогда модно было кидать

в царя-батюшку бомбы. А уж вы с вашим характером непременно оказались бы среди бомбистов.

Я не знаю точно, какие идеи владели умом этой дамы в прошлом, но догадываюсь.

В Москве и сейчас живет литератор, с которым мы дружили лет двадцать. Когда мы познакомились, это был еще сравнительно молодой человек, очень пылкий, романтичный и убежденный в том, что у него есть глубокие убеждения. На самом деле собственных убеждений у него никогда не было, те убеждения, которые он считал своими, были добыты не из непосредственного наблюдения над жизнью, а состояли из цитат основателей вероучения, одним из многочисленных последователей которого он был. Мир для него был простым и легко познаваемым, на любой сложный вопрос, задаваемый жизнью, всегда находился всеобъясняющий ответ в виде подходящей цитаты.

Как легко догадаться, его непогрешимым вероучением, его единственным правильным мировоззрением был марксизм, овладевший умами миллионов, но в то время уже начинавший выходить из моды. К моменту моего знакомства мой друг уже разочаровался в Сталине и "вернулся" к Ленину. Маленький портрет Ленина в рамке стоял у него на письменном столе, на стене висел портрет Маяковского, а на подставке от цветов стоял большой бюст Гарибальди.

Мой друг считал меня циником, потому что я подтрунивал над его кумирами, мои язвительные замечания о Ленине воспринимал как богохульство, я был непрогрессивным, отсталым, не мог правильно оценить явления в их сложной взаимосвязи, потому что с трудами Ленина был знаком лишь поверхностно. "Если бы ты читал Ленина, — назидательно говорил мне мой друг, — ты бы все понял, потому что у Ленина есть ответы на все вопросы".

Я не был антиленинцем, но не верил, что один человек, пусть даже трижды гений, может ответить на все вопросы, волнующие людей через десятилетия после его смерти.

Шли годы. Друг мой не стоял на месте, он развивался. Портрет Ленина однажды исчез, его место заняла Роза Люксембург. Рядом с Маяковским появился Бертольт Брехт. Потом, сменяя друг друга, а иногда соседствуя во временных сочетаниях, появлялись портреты Хемингуэя, Фолкнера, Че Гевары, Фиделя Кастро, Пастернака, Ахматовой, Солженицына. Недолго висел Сахаров. Гарибальди продержался дольше других, может быть потому, что бюсты менять дороже.

Как-то мы поссорились.

Появившись в доме моего друга несколько лет спустя, я увидел, что декорации резко переменились. На стенах висели иконы, портреты Николая Второго, отца Павла Флоренского, Иоанна Кронштадтского и других, неизвестных мне лиц в рясах и монашеских клобуках. Гарибальди, покрытого толстым слоем пыли, я нашел за шкафом.

Мы поговорили о том, о сем, и когда я высказал по какому-то поводу свои отсталые взгляды, мой друг снисходительно сказал мне, что я заблуждаюсь, и мои заблуждения объясняются тем, что я незнаком с сочинениями отца Павла Флоренского, который по этому поводу говорил... И тут же мне была приведена цитата, которая должна была меня совершенно сразить. И я понял, что годы, когда мы не виделись, не прошли для моего друга даром, он уже вполне овладел новым, передовым и единственно правильным мировоззрением, и мне его опять не догнать.

Схема развития моего друга характерна для многих людей моего и нескольких предыдущих поколений. Бывшие марксисты и атеисты теперь пришли кто к православию, кто к буддизму, кто к сионизму, а кто к парапсихологии или бегу трусцой.

А когда-то это были романтически настроенные мальчики и девочки, с пылающим взором и мозгами, забитыми цитатами из сочинений классиков единственно правильного мировоззрения. Я лично их опасался гораздо больше, чем профессиональных чекистов или стукачей. Те по лени или отсутствию разнорядки могли что-то пропустить мимо ушей. А эти, преданные идеалам, с принципиальной прямоотой могли в лучшем случае обрушить на вас град цитат, а в худшем и вытащить на собрание, не пожалев ни ближайшего друга, ни любимого учителя, ни папу, ни маму.

Теперь эти бывшие мальчики и девочки в своих идеалах разочаровались. Некоторые из них отошли от активной деятельности, сосредоточились на своей работе, истину или не ищут или ищут, но не в сочинениях своих прежних кумиров. И ведут себя тихо.

Но есть и другая категория. Те, которые быстро раскаялись и сами себя простили. И теперь утверждают, что тогда все были такими, как они. А это неправда. Это даже клевета.

Конечно, мы все или большинство из нас подверглись невиданной обработке. Идеология вдалбливалась в нас с пеленок. Некоторые в нее поверили искренне. Другие относились, как к религии, со смесью веры и сомнения: раз столь ученые люди (не нам чета) утверждают, что марксизм непогрешим, так может быть, им виднее. Большинство молодых людей, если они не росли в семьях религиозных сектантов, были пионерами и комсомольцами, потому что другого пути не знали. Даже невступление в комсомол было уже вызовом всесильной власти (ведь кто не с нами, тот против нас). Но, вступая в комсомол (а иногда даже и в партию), посещая собрания и платя членские взносы, большинство все-таки сохранило способность к сомнениям. И инстинкт совести не каждому позволял вытаскивать на собрание товарища, который шепотом рассказал анекдот о Сталине или признался, что его отец погиб не на войне, а был расстрелян как враг народа. Большинство, конечно, не возражало (возражавших просто уничтожали), но отмалчивалось и уклонялось. Многие люди совмещали искреннюю веру в марксизм-ленинизм с вполне порядочным личным поведением.

Бывшие пламенные мальчики—девочки теперь иногда всерьез верят, что раньше все были такие, потому что они не слышали никого кроме себя. Некоторые из них, провозглашая теперь антикоммунистические лозунги, опять кричат громче других, хотя именно им, хотя бы из чувства вкуса, следовало бы помолчать.

Я знаю одну немолодую даму, которая, будучи девочкой, так оголтело боролась в своем высшем учебном заведении с идеологической ересью, что даже парторги ее останавливали. В пятьдесят третьем году она обвинила свою подругу на комсомольском собрании, что та не плакала в день смерти Сталина. И теперь, когда эта бывшая девочка пишет в эмигрантской печати: "мы христиане", меня это, право, коробит. Для меня понятие "христианин" всегда было связано с понятием "совестливый человек", но далеко не каждого из наших новообращенцев можно отнести к этой категории людей.

Я вовсе не против того, чтобы люди меняли свои убеждения. Напротив, я совершенно согласен со Львом Толстым, сказавшим однажды примерно так: "Говорят, стыдно менять свои убеждения. А я говорю: стыдно их не менять."

Придерживаться убеждений, которые стали противоречить жизненному или историческому опыту, глупо, а иногда и преступно. Впрочем, я лично (прошу простить за категоричность) н и к а к и м убеждениям не доверяю, если они не сопровождаются сомнениями. И в то, что какое-либо учение может быть приемлемо для всех, тоже не верю.

А вот мой бывший друг в это поверил. Перейдя из одной веры в другую, он верит, что изменился. На самом деле, каким он был, таким остался. Только выкинул из головы одни цитаты и забил ее другими. Но остался таким же воинственным, как и раньше. И оперируя новыми (старыми) цитатами, намерең пользоваться ими не только для самоудовлетворения, не только идти самому к новой цели, но и тащить к ней других.

Мой друг и его единомышленники повторяют давнишнюю выдумку, что Россия страна особенная, опыт других народов ей никак не подходит, она должна идти своим путем (как будто она им не шла). Демократия создателей новых учений не устраивает. Демократические общества, говорят они, разлагаются от излишних свобод, слабы, они слишком много внимания уделяют правам человека и слишком мало его обязанностям, и руководят этими обществами фактически не выдающиеся личности, а серое большинство. Демократии противопоставляется авторитаризм не как компромиссная, а как наиболее разумная форма правления. Я многих сторонников авторитаризма спрашивал, что это такое. Мне говорят вполне невразумительно, что это власть авторитета, то есть некой мудрой личности, которую все будут считать Авторитетом. Но если отбросить испытанную веками практику демократического избрания авторитетной личности путем всеобщих и свободных выборов на ограниченное время и с ограниченными полно-

мочиями, то каким иным способом, кем и на какое время будет устанавливаться чей бы то ни было авторитет? Не будет ли этот Авторитет назначать на эту должность самого себя? И не превратится ли общество опять под мудрым водительством Авторитета в стадо оголтелых приверженцев с цитатами и автоматами? И разве для сотен миллионов людей не были авторитетами (причем вовсе не дутыми) Ленин, Сталин, Гитлер, Мао? А чем Хомейни не авторитетная личность?

Все эти мудрствования о просвещенном авторитарном правлении могут окончиться новым идеологическим безумием. Они не основаны ни на каком историческом опыте, ни на каких реальных фактах. Где, в какой стране существует хотя бы один мудрый авторитарный правитель? Чем он лучше правителей, избранных демократически и контролируемых "серым" большинством? Чем авторитарные страны лучше демократических?

Эмигрировавшие из Советского Союза проповедники авторитаризма красноречиво отвечают на этот вопрос, местами своего жительства выбирая демократические и никогда — авторитарные страны.

Авторитаристы, как и предшествовавшие им создатели единственно правильных мировоззрений, весьма склонны к риторике и демагогии. Они говорят: "Ну хорошо, ну, демократия, а что дальше?" Можно и их спросить: "Авторитаризм, а что дальше?"

Некоторые авторитаристы уже сейчас, называя только себя истинными патриотами (что по крайней мере нескромно), всех несогласных с собой объявляют клеветниками и ненавистниками России (точно так же, как большевики своих оппонентов называли врагами народа), и мне совсем нетрудно представить, как и против кого они используют полицейский аппарат будущего авторитарного строя, если он когда-нибудь будет создан.

Пока этого не случилось, я рискну сказать, что никаких серьезных проблем без демократии решить нельзя. Вопрос "демократия, а что дальше?" бессмыслен, потому что демократия не цель, а способ существования, при котором любой народ, любая группа людей, любой отдельный человек могут жить в соответствии со своими национальными, религиозными, культурными или иными склонностями, не мешая другим проявлять свои склонности тоже. Демократия, в отличие от единственно правильных мировоззрений, не лишает никакой народ своего своеобразия, при ней немцы остаются немцами, англичане англичанами, а японцы — японцами.

Я не могу с уверенностью утверждать, что Россия уже сейчас готова к демократии, но я надеюсь, что переболев марксизмом, пройдя, может быть, через какую-то вынужденную, но промежуточную форму правления, она все-таки не поддастся соблазну нового (любого) непогрешимого вероучения, не сотворит новых кумиров и ступит когда-нибудь на путь свободного, здорового, демократического развития. ●

Марк ДЕЙЧ (Москва)

О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ НЕКРОЛОГОВ

Вообще-то читать некрологи грустно. Ибо каждый некролог — словно чье-то напоминание о бренности нашей жизни, хотя бы и социалистической. Печатаются же некрологи в каждой советской газете, и по несколько штук, так что напоминание это несколько назойливо. А уж как скучны они неимоверно: набор фраз, размер, наличие фотографии или ее отсутствие, количество и качество подписей — все по утвержденному раз и навсегда шаблону. И потому никто их не читает, эти обведенные траурными рамками прямоугольники текста.

А зря. Потому как поразительные вещи можно порою вычитать в некрологах...

30-е ноября 1983 года. Газеты "Правда" и "Известия". Не на первой странице, но на заметном и вполне достойном месте помещен довольно большой некролог, и даже с фотографией. На фотографии — номенклатурный чин в строгом темном пиджаке, в кадр не умещаются всевозможные ордена и медали.

Свернем в сторону от протоптанной тропинки пренебрежения к некрологам. Прочтем его. Прочтем его и поразмышляем.

"27 ноября 1983 года после тяжелой и продолжительной болезни скончался персональный пенсионер союзного значения, член КПСС с 1926 года Семен Денисович Игнатьев."

Постойте-постойте... Это какой же Игнатьев? Неужто тот самый?..

"...родился в 1904 году... в семье крестьянина-бедняка". (Поди проверь!) "С 1920 по 1931 год работал на различных должностях в органах милиции, ВЧК... Был первым секретарем Бурятского, Башкирского обкомов партии, секретарем и вторым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. В 1951 — 1953 годах работал министром государственной безопасности СССР."

Тот самый.

Задержимся на трех недолгих годах из обширного послужного списка покойника. Чем прославил себя в эти годы Семен Денисович Игнатьев на посту министра госбезопасности? Чем заслужил любовь народную и пространный некролог в центральных газетах?

1951—1953. Министр государственной безопасности Семен Денисович Игнатьев заканчивает "дело" Еврейского антифашистского комитета, начатое еще его предшественником Абакумовым. Предшественника своего Семен Денисович не посрамил, расстрелял всех до одного евреев-антифашистов. Чего недополучили они от Эйхмана, того не удалось им избежать при Игнатьеве. С корнем вырван цвет еврейской культуры: убиты Маркиш, Бергельсон, Квитко и многие другие. С легкой же руки Семена Денисовича было начато и успешно завершено "дело" московской еврейской молодежи: несколько десятков юношей и девушек, в возрасте от 17 до 25 лет, в основном — студенты московских вузов, были организованы госбезопасностью в некую "преступную сионистскую группу". Члены этой "группы" зачастую встречались впервые лишь на очных ставках. Трое юношей расстреляны, все остальные получили по 25 лет лагерей...

Приостановимся, однако. Передохнем, переведем дух. Три года — срок небольшой, а министр и так уже успел немало. Не довольно ли?

Но нет. Что-то такое еще слышится из тех недавних, но уже легендарных лет. Что-то энергично-короткое, что с тихой яростью говорилось под ритмичный аккомпанемент шлепков кулака одной руки по ладони другой.

"Бить! Бить! Бить! Бить!"

Такие руководящие указания давал своему верному помощнику Игнатьеву сам Иосиф Виссарионович.

На кого же так разгневался самый большой гуманист всех времен и народов?

На "убийц в белых халатах". Помните? Те самые "врачи-убийцы", чья преступная деятельность была чрезвычайно отягощена их еврейским происхождением. И эпизод этот — с яростно повторяемым "Бить!" — не выдумка досужего романиста. Изложен он с высокой трибуны XX съезда КПСС Н.С.Хрущевым, оказавшимся, правда, впоследствии волюнтаристом.

Добить всех "убийц в белых халатах" не успели — из-за преждевременной кончины Вождя. Но били их страшно. Еще мальчишкой, году в 54 или 55-м, довелось мне побывать на приеме у одного из этих бывших "врачей-убийц" — знаменитого отоларинголога профессора Фельдмана. На всю жизнь я запомнил его остановившийся взгляд: расспрашивая меня и разговаривая с моей матерью, он упорно смотрел вниз, в пол. Какая-то неведомая тяжесть мешала ему поднять глаза на своего собеседника. Через несколько лет он умер, а много позже я узнал, что во время вереницы допросов подручные Семена Денисовича Игнатьева, охотно руководствуясь высочайшим указанием — причем руководствуясь буквально, безо всяких там интеллигентских штучек типа лишения сна или воды, — подручные министра госбезопасности отбили профессору Фельдману все, что только можно было отбить: почки, печень, легкие...

Обращаясь к недолгой, но бурной деятельности Семена Денисовича на этом посту, нельзя не заметить то обстоятельство, что подавляющее большинство злокозненных "врагов народа", деятельность и жизнь которых он успешно пресекал, — евреи. Нет-нет, упаси Бог: мы вовсе не хотим упрекнуть большевика-интернационалиста Игнатьева в патологическом антисемитизме. Чего не знаем, за то не ручаемся. Вероятно, время просто такое было... Антисемитское. Но ведь должен был найтись и такой человек, для которого веление времени — не просто формальная директива, но потребность его беспокойного партийного сердца...

Не удалось Семену Денисовичу довести до конца грандиозное дело "врачей-убийц", которое должно было завершиться всесоюзным еврейским погромом. Обстоятельства помешали. Что же стало с нашим героем дальше? Обратимся к проникновенным, но, к сожалению, кратким строкам некролога.

"...С октября 1952 по март 1953 года был членом Президиума ЦК КПСС" (по внешнему — членом Политбюро). Ну, это еще в бытность министром госбезопасности. Причем на самом вершине партийной карьеры продержался Игнатьев как раз до смерти Сталина. С кончиной покровителя сразу же началось падение фаворита, и с недолгим членством в Президиуме ЦК пришлось Семену Денисовичу распрощаться. Даже всеильный Берия, который еще несколько месяцев оставался у власти, не рискнул — или не пожелал — заступиться за главу органов: в одночасье вывели Игнатьева из Президиума ЦК. Видно, слишком уж палаческой была репутация у Семена Денисовича. Однако еще несколько месяцев продолжал он занимать номенклатурные партийные должности.

"В 1953 году вновь был направлен на работу первым секретарем Башкирского обкома, а затем — Татарского обкома КПСС, где работал до ухода на пенсию в 1960 году".

До чего же, наверное, было обидно Семену Денисовичу уходить на пенсию! И это в 55 лет! Младенческий же возраст для партийца! Другие-то, поди, до полного маразма на своих постах, а тут... Да ничего не поделаешь. Хорошо хоть "персональный" да "союзного значения". Заместителя-то его, Рюмина, — так того и вовсе шлепнули. Подвернулся под горячую руку... А с другой стороны — жизнью своей и прикрыл верный зам своего любимого начальника.

"На всех участках, куда направляла партия С.Д.Игнатьева, он работал с полной отдачей сил, проявлял высокую ответственность, его отличали скромность и чуткое отношение к людям".

Кое-что мы уже знаем о послужном списке Семена Денисовича. Самую малость, конечно, но все-таки. А посему кажется нам, что комментарии к этой фразе некролога попросту неприличны. Приличествуют ей благоговейная тишина и сожаления по поводу присущей нам злокачественной амнезии. Хотя чуткое отношение Семена Денисовича к людям, может быть, кое-кто и вспоминает еще — из тех, кого реабилитировали не по-смертно. Или из тех, кто хотя и остался жив, но не реабилитирован вовсе.

Заканчивается некролог традиционно:

"Светлая память о Семене Денисовиче Игнатьеве навсегда сохранится в наших сердцах."

Сохранится. Навсегда — это, конечно, вряд ли, и не у всех одинаково светлая, несмотря на все старания составителей некролога представить нам экс-министра госбезопасности рабоче-крестьянским рыцарем революции. А в действительности-то — был он весьма заурядным ремесленником заплочных дел.

А к стати: кто подписал некролог? Кто позаботился о причислении к лику местных святых Семена Денисовича Игнатьева?

"Группа товарищей".

Казалось бы, обычная подпись под обычным советским некрологом. Однако в данном случае выглядит она весьма многозначительно.

Прежде всего: именно так подписывалась основная масса документов той поры, когда Семен Денисович руководил нашими славными органами. Документы эти, а иначе говоря — доносы, в наши дни вновь стремительно набирают силу. И анонимная подпись под некрологом ненавязчиво напоминает об этом. А самое главное — содержится в ней некое уверенное напоминание всем нам: хоть и умер Семен Денисович Игнатьев, умер в вынужденной безвестности, но дело, которому он служил недолго, но беззаветно, — дело это живехонько. От временных неурядиц при сумасбродном Хрущеве оно лишь укрепилось да обросло тысячекратно стойкими кадрами. Так что анонимность "Группы товарищей" — всего лишь дань традиции. Кое-кто ведь из представителей этой группы обретается сейчас в самых что ни на есть высших сферах...

Ну, что ж. Хоть и не забывали мы никогда об этом, а за напоминание — все одно спасибо! ●

Декабрь 1983

ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ

Евгений Евтушенко награжден Государственной премией за новую поэму — "Мама и нейтронная бомба". В "Литературной Газете" от 21 ноября помещен рассказ маститого стихотворца о трудностях, которые он испытал, прежде чем ему удалось напечатать свое произведение. Решающую помощь оказал секретариат правления Союза писателей и "лично Г.М.Марков". Это "лично" все ставит на свои места. И одержавший победу лауреат строго предупреждает редакции журналов, что впредь они "должны более четко относиться к предлагаемым им произведениям."

Однако звание лауреата Государственной премии лишило его счастья фигурировать в другом почетном списке: что-нибудь одно. В том же номере газета публикует Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении писателей орденами. Обширный, на полстраницы, наградной лист представляет собой исключительное событие в истории советской литературы. Обычно писателей премировали поодиночке, ко дню рождения, а тут за правительственными наградами выстроился хвост из 290 служителей муз — прозаиков, поэтов, критиков и литературных администраторов.

Любопытно пройти вдоль этой очереди. За первым прилавком девятнадцать счастливых получают орден Ленина. Человек тридцать стоит за орденом Октябрьской революции, тоже весьма дефицитным. Далее кавалеры Трудового Красного Знамени, Дружбы Народов, и в конце пыльный хвост — те, кому пришлось довольствоваться совсем уже барахлистым орденом Знак Почета.

Ни одно место на лестнице наград не выбрано произвольно, ни одно имя не является случайным. Подобно умению здороваться (одному — кивок, другому — всю пятерню), подобно распределению квартир, дач и путевок (кому — в Голицыно, а кому круиз вокруг Европы), подобно иерархии похорон (сто двадцать пять разрядов, от Кремлевской стены до ямы под забором Хованского кладбища), раздача орденов есть проявление тонко продуманной политики, итог сложных расчетов, напоминающих решение уравнений с многими неизвестными. В чиновно-иерархическом обществе все шкалы являются частными случаями одной общей шкалы, единой государственной Иерархии, и каждая частная иерархия — в данном случае писательская — в свою очередь представляет собой некое многомерное пространство. Существует бюрократическая математика, располагающая методами преобразования такого многомерного пространства в плоский лист. Лежащий перед нами Указ — замечательный образец подобного творчества.

Учено все. Послужной список и заслуги литератора перед советской властью, степень преданности товарищу Черненко и степень преданности товарищу Маркову; но также и почтенные седины, и популярность в народе, и даже — насколько об этом в состоянии судить руководящие инстанции — размер дарования. Пусть попробует теперь кто-нибудь сказать, что в СССР не ценят таланты!

Одни попали сюда, потому что сам Бог велел; другие — так как они слишком известны; третьи по протекции важного покровителя. В скупых строках Указа отражены все степени начальственного благорасположения, градации милости, готовой в любой момент перейти в немилость: щедрая и ко многому обязывающая похвала, просто одобрение, высочайший кивок, едва заметное движение бровями. Присутствие такого-то в списке так же красноречиво, как отсутствие другого. Рядом с Указом как бы незримо напечатан другой Указ: о н е н а г р а ж д е н и и таких-то и таких-то как не заслуживших, не признанных народом и не умеющих нравиться начальству.

Конечно, сказанное не относится к литературному Олимпу, к маршалам: для Георгия Маркова, Сергея Михалкова, Расула Гамзатова было бы позором толкаться в общей очереди за орденами. Они сами начальство, и с ними, во всяком случае, советовались, кому дать, кому не дать.

Но кто же все-таки награжден? Неискушенный глаз найдет в Указе много неожиданного. В каноническую топографию советской литературы внесены поправки. И не вдруг поймешь, почему А оказался на той же параллели, что и В, а Икс — на одном меридиане с Игреком. На все, однако, есть свой резон. Логически рассуждая, среди награжденных орденом Ленина не должно быть ни одного настоящего писателя. А между тем вместе с литературными столоначальниками Озеровым и Верченко, с поэтом-нулем Евгением Долматовским, с государственным стихотворцем Робертом Рождественским, с образцово бездарными и беззаветно преданными Егором Исаевым, Петром Проскуриным, Платоном Воронько, Иваном Стадником высокой чести удостоены виднейшие представители деревенской литературы В.Распутин и В.Белов. Руководство сочло нужным показать, что оно ценит эту литературу.

В том же купе оказался старейший писатель и один из немногих во всем этом обществе порядочных людей Вениамин Каверин.

Второй эшелон — награжденные орденом Октябрьской Революции — особо неожиданных имен как будто не содержит. Певец мужественных разведчиков, любимец публики Юлиан Семенов чуть-чуть не дотянул до ордена Ленина. Заслуженное поощрение получил хорошо потрудившийся на административно-охранительной ниве Феликс Кузнецов. Вообще в очереди за этим орденом гораздо больше неписателей, чем писателей: В.Карпов, Ю.Суровцев, "органный" журналист Г.Боровик и т.п.

Дальше идет совсем пестрая компания. Теоретически Трудовое Красное Знамя положено старикам, однако из патриархов литературы здесь находится лишь Валентин Катаев (мог бы заработать и орден повыше), да еще, пожалуй, никому ничего плохого не сделавшая, полузабытая Маргарита Алигер. Рядом с ровесником века Катаевым — не очень старая и быстро восходящая по административной лестнице Римма Казакова и некто Карабутенко, — кстати, кто это такой? Тот же вопрос можно задать о большинстве избранных. Кузьмин, Костров, Мушкетик... Таинственные литераторы, которых никто никогда не читал, о которых никто не слышал. Однако в этом же списке попадают и более или менее известные люди: редактор журнала "Советиш Геймланд" Арон Вергелис, пионерский романтик Владислав Крапивин, классик чукотской литературы Юрий Рытхейу, экс-бунтарь Олжас Сулейменов и другие. Всем им полагалась бы скорее Дружба Народов, но начальству виднее.

Одна из трудных задач, стоящих перед составителями всякого рода премиальных ведомостей — найти форму поощрения для тех, кому особо горячий поцелуй не положен, однако и "общий привет" негодится. Орден Дружбы Народов идеальным образом выполняет эту функцию: награда — ни то ни се, но все же награда. Удостоено сто душ, почти треть всех награжденных. И кого тут только нет! Белла Ахмадулина. Кто бы мог представить себе опоздавшую родиться на 80 лет Беллу Ахмадулину с оловянной звездой на груди? Булат Окуджава... Кто бы подумал, лет двадцать назад? Читаем дальше. Идашкин. Постойте, что-то знакомое... где мы встречали эту гоголевскую фамилию? Ну, конечно: в одном из открытых писем Войновича; литагент КГБ. Исторический романист, автор романа о жидо-масонском заговоре "У последней черты" Валентин Пикуль. Вот этому орден Дружбы Народов, пожалуй, в самый раз.

Среди других удостоенных этой награды можно упомянуть поэта-патриота Станислава Куняева, борца с сионизмом Цезаря Солодаря, ностальгического сталиниста Чуева, престарелого автора песен 30-х годов Якова Шведова, не совсем понятным образом оказавшегося здесь талантливого грузинского поэта и романиста Отара Чиладзе и...

Николая Грибачева. Вот это уже в полном смысле слова скандал. Грибачев, заслуженный борец с крамолой, ветеран незабываемых сороковых—пятидесятых годов, когда вместе с Анатолием Софроновым он пробил себе путь к вершинам благодаря усердному участию в космополитической кампании, — вынужден теперь довольствоваться посредственным орденом, обглоданной костью, которую швырнуло ему напоследок неблагодарное начальство! Кстати, Софронова вовсе нет среди награжденных.

Нам остается сказать совсем немного о последней группе литераторов, которым остался самый маленький орден. Этот орден носит название "Знак Почета" (в просторечии — "Веселые ребята"), но в действительности служит знаком скорее начальственного неудовольствия, нежели удовольствия. Выдавая его, руководство как бы хочет сказать: "Недостаточно поработал, дорогой товарищ, не до последней капли крови отдал себя великому делу строительства коммунизма. Мог бы быть и порасторопней." Из восьмидесяти девяти "веселых ребят" подавляющее большинство, как и следовало ожидать, — люди молодые, незнатные и никому неведомые. Но кое-кто известен. Либеральный критик Игорь Золотусский, историк русской литературы и основатель "Литературного наследства" Илья Зильберштейн, маститый литературовед Владимир Орлов, автор пошловатых научно-фантастических романов Еремей Парнов. Здесь же оказались талантливые прозаики Борис Можаев и Владимир Маканин.

Кого не оказалось? Кто попал в невидимый Указ о ненаграждении? Отсутствие некоторых имен бросается в глаза и, как уже сказано, имеет такое же семиотическое значение, как и факт награждения. Среди обделенных начальственной лаской — поэты Давид Самойлов, Александр Межиров, Борис Слуцкий, Андрей Вознесенский. Нет Солоухина (быть может, это поможет ему поправить его сомнительную репутацию). Нет выдающегося современного прозаика Фазиля Искандера. Нет крупного поэта Олега Чухонцева. И мало ли кого еще.

Есть что-то глубоко постыдное, несообразное с самим духом литературы в том, что писателя награждают орденом. Невозможно представить себе русского писателя XIX века с Владимиром в петлице или Анной на шее. И очень трудно вообразить в наше время честного человека, у которого на щеке алеет помада — след поцелуя Иуды.

Поздравим тех, кто не награжден! ●

Борис Хазанов

ВРОЗЬ ИЛИ ВМЕСТЕ?

Уехавшие из СССР слишком быстро позволяют убедить себя в том, что там, в "Совдепии", ничего не было и нет, потому что быть не может. Логические доводы поддерживают эту горькую мысль. Почти семь десятилетий советские люди отрезаны от мира: ни газеты, ни книги до них не доходят (если не считать довольно редких исключений), на Запад они не ездят (разве что организованные туристические группы, состоящие под неусыпным наблюдением "уполномоченных лиц"), даже радиопередачи на русском языке заглушаются (и вполне успешно); туристов или гостей, изредка приезжающих с Запада, рядовые люди не видят. Получить информацию, выходящую за пределы "Известий" или "Огонька", едва ли мыслимо, да и опасно: за клочок сомнительных сведений можно поплатиться свободой. Пропаганда пользуется всеми сокрушительными средствами современной техники, чтобы сознание вверенных ее попече-

нию граждан было организовано единственным образом и чтобы у граждан не возникало вопросов. Секрет успешной пропаганды в том, чтобы предусмотреть все вопросы и внушить неопровержимые ответы еще до того, как вопросы возникли. К тому же все должно быть упрощено до примитивной схемы. *История движется классовой борьбой. Кто не с нами, тот против нас. Враги коварны и вездесущи. Партия — наш рулевой. Партия и народ едины.* Достаточно усвоить эти несколько формул, чтобы быть полноценным советским человеком.

Может ли человек сопротивляться давлению пропаганды? Оно беспощадно и непрерывно. Газета. Радио. Телевидение. Кино. Уличный плакат. Плакат на предприятии. Почтовая марка. Пачка папирос. Коробок спичек. Собрание — партийное и профсоюзное. Доклад о международном положении. Кружок по изучению основополагающих трудов... С утра до ночи. С утра до ночи. И ничего другого, — никаких противовесов. Так изготавливается homo sovieticus.

Это — логика. На самом деле все и так, и не так.

Однобокая пропаганда перестает восприниматься, — она вызывает только тошноту. Вся официальная информация отбрасывается как ложь: лучше никакой, чем эта. Если отказаться от политической доктрины как пустозвонной пропаганды, и от всякой информации как заведомо лживой, что остается советскому обывателю? Футбол, рыбалка, поллитровка. Таков удел слабых. Сильные обретают выход в культуре. Культура — это единственная форма свободы при тоталитарном режиме. Иногда на Западе удивляются: откуда это берется в СССР — такие шекспироведы и исследователи итальянской ренессансной живописи, такие лингвисты и поэтологи, такие историки древнего Востока и переводчики? Как же эти блестящие интеллигенты появились, когда — по логике — должен был возникнуть робот, homo sovieticus?..

В сталинской империи было куда хуже нынешнего: тоталитарная полиция запрещала кибернетику и теорию резонанса, сравнительное литературоведение и генетику, формальное изучение мифов и подозрительные исторические гипотезы. Теперь вмешательство партии в языкознание окончилось, наука (до известной степени) отделилась от партии и полиции. В 1949 году можно было арестовать профессора Г.А.Гуковского, обвинив его в пропаганде... теории стадийности. Сегодня аппаратчикам на всякую стадийность наплевать: лишь бы профессора не лезли в политику.

Самые разные области науки и культуры, удаленные от прямой политики, переживают в Советском Союзе подъем — или, по крайней мере, далеки от упадка. Власть мешает этому: они опасаются любого яркого проявления мысли и таланта; но далеко не всегда это им удается.

В 1983 году в Сорбонне защищал докторскую диссертацию об Александре Тургеневе преподаватель из Лиможа Мишель Тьерри. Огромная, в шести томах французская работа была посвящена русскому исследователю, которого Тьерри считал своим предшественником и учителем: ленинградскому ученому Максиму Исааковичу Гиллельсону. Мишелю Тьерри он известен только по трудам. Самому же М.И.Гиллельсону, автору бесчисленных статей и книг, в Ленинграде защитить диссертацию не дали: потому ли, что он долго сидел в лагере, или оттого, что он еврей, сказать трудно. Вероятно, и то, и другое сыграло свою роль — второе даже в большей мере, чем первое: "Зачем они лезут в наши русские дела? Неужели, кроме них, некому заняться Тургеневым, Вяземским, Пушкиным?" Тот факт, что Тьерри, исследователь из Лиможа, посвятил свою работу Гиллельсону, ученому из Ленинграда, замечателен. Советская власть не пускает ученых на западные симпозиумы, это ее дело: умом, чувством истории и справедливостью она не отличалась никогда. Мы же должны стремиться к тому, чтобы, вопреки всем властям на свете, поддерживать друг друга и работать совместно.

Недавно в парижской газете "Русская мысль" была опубликована обширная статья

о Мандельштаме; здесь высокомерно третировались советские критики: разве они способны понимать поэзию Мандельштама и написать о ней что-нибудь дельное? Автор походя презрительно отозвался о П.П.Громе. Умерший два года назад П.Громов — автор глубокой и талантливой книги "Блок, его предшественники и современники", где он содержательно и ярко писал и о Мандельштаме. Читал ли эту книгу автор газетной статьи? Читал ли он блестящую статью Лидии Гинзбург "Поэтика ассоциаций", остающуюся лучшей работой о Мандельштаме? Или работы В.М.Жирмунского, Д.Е.Максимова, Ю.И.Левина? Каждое из этих сочинений имеет свою историю, чаще всего печальную. Так, статья Л.Я.Гинзбург предназначалась в качестве предисловия к изданию стихов Мандельштама в "Библиотеке поэта", но ее заменили лукавой статьей А.Дымшица, который ухитрился перекрасить Мандельштама в обыкновенного советского поэта. Все же работа Л.Я.Гинзбург появилась в сборнике ее статей. П.Громову тоже пришлось нелегко: его диссертация о Блоке и Вл.Соловьеве была запрещена, и ему эту тему пришлось обходить. Но его книга о Блоке все же вышла. Игнорировать труд советских ученых неразумно: тем самым автор, пишущий на Западе, обрекает себя на провинциализм. Можно ли заниматься Вяч.Ивановым, обходя С.С.Аверинцева? Или Пушкиным, не замечая последних книг Ст.Рассадины и В.Непомнящего? Или Достоевским, не читая исследований Г.Фридендера? Или Чеховым, не зная работ А.Чудакова? Или Зощенко, Олешей, Булгаковым, игнорируя М.Чудакову?

На Западе часто устраиваются симпозиумы, посвященные русским писателям. Советские инстанции иногда присылают своих представителей, но обычно не тех, кого устроители приглашают. Так было на симпозиуме о Достоевском в Венеции: в день окончания конгресса прибыл никем не ожидаемый, вполне для собравшихся бесполезный делегат. На симпозиумы, посвященные В.Шкловскому (Париж), М.Цветаевой (Лозанна), Вяч.Иванову (Рим), из СССР просто никто не приехал. Поведение советских инстанций мешает совместному изучению русской литературы, и нам надлежит сделать все возможное, чтобы их сопротивление преодолеть. От тесного сотрудничества с настоящими представителями русской культуры выиграет культура.

Врозь — с режимом. Вместе — с интеллигенцией. ●

Е.Эткинд

ВЕСТИ ИЗ СССР

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

USSR NEWS BRIEF

HUMAN RIGHTS

Информационный бюллетень о правозащитном движении в Советском Союзе, национальной и религиозной оппозиции, о политических арестах, судах и психиатрических госпитализациях, о положении политзаключенных. Бюллетень выходит каждые две недели на русском и английском языках.

Ежегодно по материалам, публикуемым в бюллетене "Вести из СССР", издается (на обоих языках) "Список политзаключенных СССР", содержащий биографические данные обо всех поименно известных политических заключенных с их фотографиями и сведениями о местах заключения. Один раз в месяц выпускается Приложение к "Списку политзаключенных СССР" с поправками и дополнениями на основе вновь поступающей информации. Приложение издается только на русском языке.

Подписка на все три издания производится отдельно, по адресу редакции журнала "Страна и мир". Стоимость годовой подписки на "Вести из СССР" 40 нем. марок. Стоимость "Списка политзаключенных СССР" 30 нем. марок. Стоимость годовой подписки на Приложение 20 нем. марок. При подписке просьба указывать язык издания.

Юрий ЛЮБИМОВ (Москва)

”В ТАКИХ УСЛОВИЯХ Я БОЛЬШЕ РАБОТАТЬ НЕ БУДУ...”

Главный режиссер Московского театра на Таганке Юрий Петрович Любимов уже в течение нескольких месяцев находится в Лондоне, куда он приехал для получения премии газеты Evening Standard — самой престижной английской театральной премии. Премия получена им за постановку спектакля ”Преступление и наказание” по роману Ф.Достоевского. Эта постановка признана английской критикой лучшим спектаклем года.

Находясь в Лондоне, Ю.Любимов сделал несколько заявлений, в которых резко критиковал официальную советскую политику в области культуры, в частности театра. Эти заявления вызвали гнев и даже угрозы со стороны представителей советского посольства в Лондоне. Об этом много и подробно писала западная пресса.

17 февраля 1984 г. Ю.Любимов дал интервью нашему корреспонденту М.Филлиму, которое публикуется ниже. Ю.Любимов высказал пожелание, чтобы публикация его интервью была предварена двумя эпиграфами: один из А.Пушкина, другой — из книги Ф.Шалапина ”Маска и душа”. Мы даем цитату из Ф.Шалапина по парижскому изданию 1932 г. (в советском издании этой книги соответствующие страницы отсутствуют).

”На свете счастья нет, а есть покой и воля”.

А.Пушкин

”И не то, что я боюсь кого-нибудь из правителей или вождей в отдельности, я боюсь, так сказать, всего уклада отношений, боюсь ”аппарата”... В один прекрасный день какое-нибудь собрание, какая-нибудь коллегия могут уничтожить все, что мне обещано”.

Ф.Шалапин

М.Ф. Это верно, что вы — первый иностранец, получивший премию Evening Standard?

Ю.Л. Да, это правильно. Я эту премию получил за режиссуру спектакля ”Преступление и наказание”. Премии за лучшее актерское исполнение присуждались отдельно. Я просмотрел список других лауреатов премии. Там С.Беккет, который в 1954 г. получил премию за самую спорную пьесу ”В ожидании Годо”. Там Джон Гилгуд и, кажется, Лоуренс Оливье, Питер Брук и Джонатан Миллере, который так оригинально сделал ”Риголетто”. В общем, хорошая компания.

М.Ф. Рецензии на ваш спектакль здесь, в Лондоне, были изумительные.

Ю.Л. Мне помогло то, что я приехал и отобрал артистов сам. В течение недели, по 8, по 10 часов в день ко мне приходили актеры и совершенно спокойно, как ученики, сдавали экзамен. Сперва мне было неловко, ведь передо мной были даже люди с именами, а потом я выяснил простую вещь: день оплачен, оплачен неплохо, им интересно со мной поговорить, а мне интересно увидеть английских актеров, их школу, их уровень. Я понял, что профессиональный уровень очень высокий, и школа, в большинстве случаев, хорошая. Как везде, есть и менее одаренные, и более одаренные люди, но профессиональный уровень высокий. Пожалуй, самый высокий в Европе.

Вручение премии было очень торжественным. Вся церемония транслировалась по телевидению. Присутствовали писатели, художники, все организовано было прекрасно, но и с английским юмором. Я смотрю: все чего-то ожидают. Оказалось, что ждут, когда поднимут бокалы и произнесут тост за Королеву, тогда можно и закурить. И, действительно, сразу после этого все закурили.

М.Ф. В каком-то смысле эта премия присуждена не только вам, как режиссеру "Преступления и наказания" в лондонском театре, но и Театру на Таганке. Ставили ли вы спектакль, думая о том, как он ставился на Таганке?

Ю.Л. Безусловно, думал, хотя первый раз я делал "Преступление" в Венгрии, а не на Таганке. На Таганке уже делал потом, совсем другой спектакль с русскими актерами, и даже текст менял. Адаптация текста лондонского спектакля — корякинская и моя. Перевод Л.Ржевского — он американец, притом двуязычный: он из русской семьи и абсолютно одинаково владеет русским и английским. Мы шутили, что нужно сказать политикам: вот вам пример настоящего сотрудничества, плодотворного, долгого и взаимно вежливого. В результате и работу нашу высоко оценили.

М.Ф. А как отнеслись к вам здесь советские представители?

Ю.Л. Ну то, что происходило после моего интервью в Times от 5 сентября 1983 г., уже много раз обсуждалось. Филатов, сотрудник советского посольства, сказал мне после этого интервью, что "преступление налицо, а наказание будет". Я взвился, попросил переводчика сразу перевести эти слова англичанам и ушел. А он бросил мне вслед: "Мы вас все равно найдем". Потом начались звонки, в общем, обычные наши методы. Он мне начал говорить, что не произносил таких слов, что это на него наклеветали. После этого я сказал: "Я не хочу с вами говорить, вы мне врете" — и повесил трубку. Он тут же позвонил снова — по русской поговорке: "Плюй в глаза — все Божья роса".

М.Ф. Советское посольство требовало, чтобы вы отказались от сказанного в интервью в Times?

Ю.Л. Нет. Они хотели, чтобы я прежде всего пришел к ним для душевного разговора и т.д. Перед премьерой ситуация была очень тяжелой. Был сбит корейский самолет. По телевизору — плач детей, матерей, весь этот ужас. Казалось бы, такие ужасы мы с вами переживаем давно: всякие вторжения, расправы, несправедливости. Но этот случай особый, потому что ведь все летают и как-то особенно ужасно: встречают люди самолет, а никого нету, все сбиты и мертвы. Дети, матери, родственники — все рыдают. И как раз в этот момент г-н Филатов не удержался от каламбура насчет преступления и наказания. К сожалению, Федор Михайлович в "Бесах" оказался пророком, а не Лев Николаевич, который сказал, что эта книга — фельетон, искусства в ней мало, быстро забудется эта книга. А время идет, и книга становится все страшнее, глубже, как-будто она сейчас написана.

М.Ф. Вы когда-нибудь думали ставить "Бесов"?

Ю.Л. Давно. Только мне не давали. Мы даже начали репетировать. Уже со Шнитке мы делали музыку, но я не получил разрешения, так же как и на "Мастера и Маргариту". Я хотел сделать "Мастера и Маргариту" к десятилетию Театра на Таганке. Все-таки мне удалось этот спектакль поставить, хоть меня и обругала потом "Правда" в статье "Сеанс черной магии на Таганке". Но все-таки спектакль идет до сих пор.

М.Ф. С этой статьи, кажется, в 1977 году, и началось замалчивание театра?

Ю.Л. Нет, раньше. Вы знаете, оно периодически возникало. Один раз им очень не понравилось то, что я говорил в L'Humanite, когда театр был на гастролях в Париже. Еще был жив Высоцкий, он играл Гамлета. Мы привезли самый уж проверенный репертуар. "Мастера" не разрешило Министерство культуры и сразу, еще на пресс-конференции начался скандал. Я сказал насчет "Мастера": "К сожалению, не я утверждаю репертуар". Переводчик от Министерства культуры меня перевел: "Господин Любимов считает, что этот спектакль слабый, и поэтому он сам отказался его привезти". Какая-то дама с французской стороны вмешалась и возразила: "Вы говорите неправду, он совсем не это сказал". Поднялся шум и я предложил переводчику уйти. Он сразу побежал жаловаться в посольство и начался скандал.

В товарищеской беседе в ЦК французской компартии я очень откровенно обо всем говорил: о структуре театра, о зарплате... Я объяснил, что у нас единый котел, что все поровну получают. Так оно и есть на самом деле, и ничего плохого в этом нет. Тот же Высоцкий получал 200 рублей, а рабочий сцены на сдельной оплате получал у нас иногда на гастролях до 300 рублей, когда перерабатывал. Так что действительно разрыв в зарплате у нас в театре небольшой: от ста двадцати рублей до, примерно, трехсот. У актеров потолок — 220 рублей. Об этой беседе написала L'Humanite. "Литературная газета" во главе с А.Чаковским позднее все переврала и нас оболгала. Она выискала одну рецензию, где нас обругали, будто бы и не заметив огромного числа прекрасных рецензий, которые появлялись в течение всех гастролей. А ведь с таким репертуаром, какой был у нас, — и иметь такую в общем-то хорошую прессу... Мы возили по Франции "Мать", "Десять дней", "Тартюфа", "Гамлета", "Маяковского". Гастроли прошли хорошо, судя по прессе, но в "Литгазете" об этом не было ни звука. А номер L'Humanite, где была опубликована беседа со мной, в Москве вообще изъяли из продажи. После этого у меня были крупные неприятности, меня никуда не пускали, о театре молчали. Но все главные беды начались довольно мистически после смерти Владимира Высоцкого.

М.Ф. Каким образом?

Ю.Л. С похорон. Его даже похоронили на Ваганьковском кладбище. Отец с матерью хотели, чтоб на Новодевичьем, а им отвечали: что вы, у нас вчера посол умер, мы и то его хороним не на Новодевичьем, а только в филиале. А тут умер какой-то артист ... Значения Высоцкого никто из них не понимал....

М.Ф. Очевидно, понимали и боялись, если вы говорите, что все беды начались с похорон Высоцкого...

Ю.Л. Ну, это совпадение. Нет, они не понимали... Замятин, редактор "Правды", кричал на меня по телефону: "Все вы антисоветчики, а этот спившийся подонок, ну имел какой-то талантишко, да и то пропил! Подумаешь, несколько песенок сочинил"...

М.Ф. Это было, когда вам запретили ставить спектакль памяти Высоцкого?

Ю.Л. Да, этот спектакль.

М.Ф. С чего начались последние запрещения, одного спектакля за другим?

Ю.Л. Все со смерти Высоцкого. Мы его похоронили, к счастью, Господь помог, по-своему. Никто из них не выступал, эта казенная молотилка не работала, а говорили его друзья. Может быть, давно в Москве не было, чтобы так по-человечески хоронили поэта, и я зауважал москвичей. Тогда была Олимпиада, но приличные люди не об Олимпиаде думали, а о смерти такого замечательного поэта. Это удивительное явление, которое еще требует анализа. Почему он спел обо всем и написал обо всем, а официальные поэты почему-то остерегались затрагивать эти открытые им земли? Они же рядом тут, но никто почему-то об этом не писал, не сочинял. Мэтры его хлопали по плечу. Я думаю, что Высоцкий имеет для России большее значение, чем они. Поэтому так уж и получилось, что судьба положила его рядом с Есениным. Ведь это удивительное явление, Владимир. Он создал тысячи стихов, я сейчас не говорю о том, какие лучше, какие хуже, дело не в этом. Даже сама его смерть вызвала акт творчества. Посмотрите на его могилу. Это же уникально, как его хоронили! Вся Москва, тысячи людей пришли... И я благодарен судьбе, что театр сумел похоронить его достойно, и нам в общем-то не препятствовали, когда поняли, что все равно мы сделаем так, как мы хотим.

М.Ф. Но вам стали препятствовать, когда вы попытались поставить спектакль его памяти?

Ю.Л. Да, потом начались неприятности. Видимо, нам это не забыли. Люди, которые его не любили, Владимира не любили, и театр заодно вместе с ним и со мной, злобно стали наступать на нас. Они восприняли в штыки мысль, что нужно сделать вечер его памяти в годовщину смерти. А за неделю до вечера меня вызвал начальник Управления по делам театрального искусства Амуров. Теперь он директор МХАТ, наверное, этот свой чин он тогда и заслужил. И он мне заявил, что никакого вечера не будет. "Видите ли, я уйду в отпуск, сегодня уже пятница, 5 часов вечера, а с понедельника я в отпуске, так что вопрос решен. Делайте у себя на квартире, если хотите." — "Но ведь это вечер памяти, мы имеем право его сделать." — "Нет, дома у себя делайте." Я говорю: "Ну хорошо, я сделаю дома, благо у меня одна комната большая, но вам же будет хуже, начальник Управления". Но это был приказ, конечно, не Амурова, он мелкая сошка, а Демичева, который не хотел, чтобы вечер был. Он и при жизни Владимира всегда его обманывал. Демичев обещал Высоцкому пластинки, но никаких пластинок не было. Только благодаря бешеной, нечеловеческой энергии Владимира, вопреки всему, он записал прек-

расные пластинки во Франции, в Америке и в Канаде. И любовь к нему такая, что у миллионов людей сейчас есть эти записи дома. Как же дико было запрещать спектакль, в котором 90% уже было процензуровано, разрешено! Мы взяли стихи и песни из его последнего сборника "Нерв", из пластинок...

М.Ф. Они, очевидно, боялись паломничества, повторения того, что было на похоронах...

Ю.Л. Возможно... Одним словом, они запретили мне этот спектакль и дали мне выговор. Я стал метаться, разговаривать с ними по вертушке. К счастью, еще есть, кто мне доверяет и не боится, говорит: "Звони". Я и звонил и разговаривал, как в народе говорят, со всеми портретами. Покойный Андропов удивился, почему я именно к нему обращаюсь. Я сказал, что потому, что это проблема политическая и международная, и все равно вам придется ею заниматься. Я убедил его, что это наносит вред престижу нашего отечества и что не надо сердить миллионы поклонников Высоцкого внутри страны. Хотите вы этого или нет, но миллионы людей обожают его и чтут.

М.Ф. Андропов был уже тогда генсеком?

Ю.Л. Нет, он был председателем КГБ. И он взял на себя смелость разрешить вечер. Это был, я считаю, мужественный поступок с его стороны, потому что Суслов, наверное, не одобрял этого решения. Демичев был в отпуску. Они быстренько собрались и сделали вид, будто сами считают, что вечер нужно провести. Как будто не я этого добился. И вот, такой театр у них идет непрерывно, все время. Собрались рано утром взрослые люди и начали валять дурака, как будто они никаких указаний не получали, а руководствуются только внутренним порывом. "Да, Юрий Петрович, пожалуй, вы правы. Вечер надо провести!" Возражал один только Иванов — известный балбес, бывший артист театра им.Вахтангова, который играл японца и все время говорил: "Мы подождем, мы подождем". Теперь он дождался высоких чинов, сейчас он замминистра. Тогда же он просто не знал, что есть уже другая установка. Потом он даже пострадал немного из-за этого, куда-то его понизили. Но сейчас он снова в порядке, Демичев его пригрел.

Итак вечер состоялся. Организовали мы все великолепно. Не было никакой Ходынки, наоборот, все было чрезвычайно дисциплинированно, сдержанно и скорбно. Люди зонтиками закрывали цветы, чтоб они не вяли, не себя закрывали, а цветы! Тысячи людей! Это была удивительная картина. А вокруг театра было между тем установлено двойное оцепление, пускали по пригласительным билетам и чуть ли не с предъявлением паспорта. Грустно было на все это смотреть, но все же вечер состоялся. Были близкие, много было наших театральных друзей. Кто только ни пришел: и Булат Окуджава, и Белла Ахмадулина, композиторы — Шнитке, Эдисон Денисов, ну, в общем, те, кто много лет работал с Володей, с нашим театром.

Это была попытка понять поэта, опровергнуть устоявшееся мнение, что это только певец, что если вы читаете его стихи глазами, то это не поэзия. Я, когда работал над спектаклем, читал сотни его стихов, на которые нет музыки. Это великолепные стихи. Поразительно, как он быстро перед смертью вырос, становился чрезвычайно интересным и по форме, и по словарному отбору, и по глубине мысли. Он понимал тогда совершенно ясно, что дома, на родине, он жить уже не в состоянии, но чувствовал, что и без России, за рубежом, он тоже жить не сможет. И он просто загнал себя, как лошадь, как он спел в своей песне про коней: "И дожить не успел, и допеть не успел".

Он был к себе беспощаден. Это такая редкость, чтобы человек так презирал себя иногда за какую-то ерунду. Иногда он казнил себя за трусость, что для него, казалось бы, совсем странно. Он для меня образец смелости и такого неумного, бешеного темперамента, который сжег себя, как шаровая молния, о которой никогда неизвестно, куда она улетит, где разорвется... Когда мы хотели поставить ему памятник на могиле, мы думали о метеорите. Нам говорили, что это нельзя, но даже академики старые считали, что надо дать кусок метеорита. Ведь действительно, метеорит — это его образ. Теперь, к сожалению, я не знаю, какова судьба этого памятника.

М.Ф. Ходили разговоры о том, что в прошлом Андропов покровительствовал театру и вам лично. Правда ли это?

Ю.Л. Нет, просто когда мне закрыли первый спектакль "Павшие и живые", то друзья устроили мне встречу с ним. Он был секретарем ЦК. Я с ним имел долгую беседу. Он начал ее с того, что сказал: "Благодарю вас как отец". Я не понял, говорю: "За что, собственно?" — "А вы не приняли моих детей в театр." Оказывается, они очень хотели в артисты и пришли ко мне. Мама с папой были в ужасе. Ребята были совсем молодые, действительно дети, и я сказал им, что все хотят в театр, но сперва надо кончить институт, а сейчас не надо Они вернулись в слезах — жестокий дядя отказал, нам долго читал мораль... И за это он меня зауважал. Он сказал: "Мы с матерью не сумели их отговорить, а вы так сурово сказали, что они послушались".

М.Ф. Но последние годы Андропов вам не помогал?

Ю.Л. Он уже не вмешивался в дела театра. Когда я с ним разговаривал, он произвел на меня впечатление человека умного. Он сразу мне сказал: "Давайте решим небольшую проблему, всех проблем все равно не решишь". Я говорю: "Конечно, конечно, самую маленькую. Вот если бы вы помогли, чтоб пошел спектакль "Павшие и живые"! Это же о погибших на войне, в их память. А тут подняли такое..."

А за всей этой историей с "Павшими и живыми" просто крылось, что мы выбрали не тот состав поэтов. Так они и в этом некомпетентны: они Кульчицкого приняли за еврея и просили заменить Светловым, а на самом деле Светлов — еврей. Среди выбранных нами поэтов были Коган, Багрицкий, Кульчицкий, Пастернак, который, тоже, видимо, вызывал большой гнев... В свое время к нам однажды пришел Микоян, который был тогда президентом. Он смотрел "Десять дней". Лицо у него было каменное, отвлеченное... Он спросил: "Как живется, какие у вас сложности?" Я ему и говорю:

”Вот, закрыли ”Павшие и живые”. — ”А почему?” — ”Да состав не тот”. И рассказал ему этот случай с Кульчицким. Микоян мне сказал: ”А вы спросите их, разве решения XX и XXII съездов отменены?” — ”Я, конечно, могу спросить, но не лучше ли вам, как президенту, спросить их об этих решениях?”

Вот тут он первый раз посмотрел на меня оценивающим, внимательным взглядом. До того — это была маска. И я понял, что с ними нужно разговаривать откровенно и прямо, но для этого, конечно, нужно набраться храбрости. Но я был в отчаянном положении. Театр только начал свое существование, закрыли спектакль, билеты на который уже были проданы на месяц вперед... Теперь эту практику уже прекратили, теперь нам заранее подписывают афиши, и мы сами ничего не можем объявить. Даже премьеру не можем объявить, нарушена старейшая театральная традиция! Мы заранее подписываем на месяц репертуар, и, значит, я не могу запланировать даже премьеру, пока они не посмотрят и не утвердят ее.

Сейчас на всех московских афишах стоит: ”Спектакль будет объявлен особо”. Это значит, что они придут и будут решать, пускать спектакль или не пускать. И если раньше их приходило человек пять—шесть, теперь их приходит сто пятьдесят—двести. Это как саранча.

М.Ф. В какой момент они приходят на репетицию? Как все это происходит?

Ю.Л. На приемку спектакля, на какой-нибудь просмотр, когда мы сдаем спектакль. Официально это называется ”сдача Управлению”.

М.Ф. Как закрыли спектакль о жизни Федора Кузькина?

Ю.Л. Это долгая история. Его закрывали три раза. Первый раз закрывала Фурцева. На закрытом прогоне спектакля было несколько замминистра, мы с автором, потом пробрался Вознесенский, но уже художника и даже завлита театра не пустили. Театр оцепили, все двери закрыли, в общем проявили себя вполне... Фурцева на этом прогоне просто взбесилась, она кричала: ”Ведь это же иностранцу и ездить никуда не надо! Только посмотреть такой спектакль, и ему все ясно становится! Это что же такое вы придумали!?” Все обсуждение — это была комедийная, фантастическая сцена, которую трудно описать. Выступали молодые люди, подсюсюкивали: ”Что же это такое! Позвольте высказаться! Не могу молчать, Екатерина Алексеевна!” А она им: ”Говори, говори, дорогой, смело выскажи им все прямо в лицо!”

Автор, выслушав все эти тирады, встал. Видимо, после выступления одного из молодых подхалимов у него не выдержали нервы. Он человек солидный, говорить умеет, обращается к Фурцевой: ”Екатерина Алексеевна, вы что же, не видите, кого вы воспитали!?” Один из молодых что-то пытался сказать, а автор ему говорит: ”А вы, молодой человек, сядьте. Как вам не стыдно? Такой молодой и уже такой жалкий карьерист! Но неужели вам, министру России, не страшно, кого вы растите?”

И он произнес прекрасную речь, преподавал им такой урок... Они, наверное, минут десять слушали все это, у них просто был шок. Потом Фурцева закричала, стукнула ручкой: ”Подумаешь, тоже мне шестидесятник нашелся!” Весь театр слушал обсуждение

по радио. Вдруг в зал заглянул маленький артист — комик Джабраилов. Он в пьесе ангелом летал и сыпал с небес манну небесную бедному Кузькину, чтоб ему легче жилось. И она закричала: "А вот вы, вы, ну-ка выходите. И вам не стыдно летать таким рваным!?" А он, маленький такой, говорит ей: "И не стыдно. И очень даже не стыдно". Это был цирк! Помните, как висел над Москвой лозунг: "60 лет Советского цирка"? Потом, правда, кто-то сообразил, и лозунг сняли. У них же комплекс неполноценности. Они все принимают на свой счет.

Все это происходило как раз в то время, когда они решили вторгнуться в Чехословакию, и когда у Александра Трифоновича Твардовского были большие неприятности — заменили часть его редакции "Нового мира". А у Федора Кузькина все несчастья были, как известно, на Фролов день, то есть 18 августа. И вот спектакль у нас был так сделан, что Кузькин, которого играл Золотухин, одевался в свой костюм и листал "Новый мир". Потом он этот журнал ставил на березу и березу втыкал в пол. Там было много берез, а на березах весь мир — избушки, антенны, луковки церковные... И начиналось с того, что многие ставили на березы "Новый мир". Фурцева закричала: "Что это такое, вы "Новый мир" на березы повесили?! Ишь, знамя какое вывесили! Думаете, далеко с ним уйдете?!" А я как-то не сообразил и брякнул: "А вы думаете, вы со своим "Октябрем" далеко уйдете?!" Я-то имел в виду журнал, а она взбесилась, видно решила, что я про тот Октябрь говорю. Она вскричала: "Ах так!", надела свое каракулевое манто и убежала, как она сказала, писать письмо Генеральному секретарю о моей зловердной деятельности.

Впрочем, они заранее все уже решили. Накануне Фурцева в каком-то частном доме говорила: "Завтра поеду к этому Любимову закрывать спектакль. Я ему покажу, как ставить!" Так что, понимаете, это все была игра. Только они играют в одни ворота, да еще вратаря убивают.

Точно так же все было предрешиено с этой пьесой и в другой раз, уже при министре культуры Демичеве. Обсуждение происходило сразу после спектакля, прямо в помещении театра. Сама пьеса про Кузькина кончилась, но другая продолжалась еще три часа, только уже с другими, специально привезенными героями. Вместо того, чтобы заниматься сельским хозяйством, они стали руководить искусством. Помните, была такая "легендарная" бригадир полеводческой бригады Заглада. Она учила покойного Яншина ставить спектакли. Он ей ответил: "Благодарю вас, но я очень люблю салат. Почему он такой дорогой на рынке? Вы бы лучше этим занялись, а спектакль я уж соображу, как поставить". Очень обиделся на это Хрущев и даже хотел наказать Яншина.

Вот и тут, выступали какие-то замминистра, знатные колхозники, герои соцтруда, замредактора газеты по фамилии Царев. Они с гневом говорили всякую чушь, а Царев договорился до замечательной фразы: "Даже если все и было так, как они представили, то мы будем считать, что этого не было!" Вот какие перлы! Такая была битва, которой давно не видели в Москве, прямо стенка на стенку.

Солоухин очень хорошо сказал: "Это мне напоминает, как если бы на обсуждение "Ревизора" привезли всех городничих. Они тут же бы закрыли все это дело". Но ничего, министр, он такой вдумчивый, сперва сделал вид, что пропускает спектакль, а по-

том уехал из театра в Министерство и тут же дал распоряжение прикрыть. Для видимости нам с автором месяца два морочили голову, потребовали сделать 90 поправок. Мы все выполнили, а они все равно спектакль закрыли. Все было заранее решено.

К счастью, это обсуждение кто-то записал и передал в Le Monde, где все это было опубликовано. Хорошо, что там указали, от кого они получили запись, а то бы это мне пришили и такое дали!

М.Ф. А что случилось с постановкой "Бориса Годунова"? Почему его закрыли?

Ю.Л. Думаю, что я неудачно выбрал время, как раз когда один вождь умер, а другой вступил на его место. Но ведь я начал работать над пьесой давно и ничего такого не имел в виду! Однако они все время искали, как они выражаются, аллюзий, намеков, подтекстов. Это особенно обидно в отношении "Годунова", потому что у этой пьесы трагическая судьба. Опера "Борис Годунов" идет по всему миру, а пьеса, как правило, пройдет пять раз, и от скуки ее снимают. А у нас, как говорили знатоки, спектакль получился, многие видели его на репетиции. Кстати, за то, что я позволял себе открытые репетиции, я получал выговоры — ведь это тоже сейчас запрещено, хотя даже при Сталине было можно. Это скопище бездельников, которые "занимаются" искусством, все время выискивает какие-то новые инструкции, пункты, дополнения к ним... Шолохов когда-то написал, когда был трезвым и в своем уме: "Вы скоро будете командовать, как мне с женой спать!" Бездельники эти как клопы размножаются, им просто нечего делать.

М.Ф. Значит, "Борис Годунов" появился не вовремя, или, наоборот, слишком вовремя?

Ю.Л. Слишком вовремя! Они начали гадать, кто у меня — Борис, кто — самозванец, и додумались до того, что самозванец — это Андропов. Совсем сдурели. Я им говорю: "Как у вас голова работает? Самозванец ведь привел с собою войска!"

М.Ф. Где происходили эти обсуждения? Куда вас вызывали?

Ю.Л. Меня вызывали в разные инстанции. Последнее обсуждение было у заведующего отделом ЦК. Я написал Андропову письмо, и дальше все было таинственно. Сперва он хотел меня принять, это было твердо установлено. Дважды мне подтвердили, что он меня примет. Потом, видимо, он заболел, он все время болел и очень серьезно. Помощник сказал мне, что товарищи разберутся, и товарищи крепко разбирались со мной часов пять, в результате чего сказали, что все работы нам закрывают. После спросили: "Какой же вы видите выход из создавшегося положения?" Я говорю: "Выход вижу один — отставку". Наступила тишина. Я спрашиваю: "Почему вы так взволновались — не ваша ведь отставка, а моя?" — "Нет, вы обязаны работать", — закричали они хором, — "должны!"

М.Ф. Обсуждалось ваше членство в партии?

Ю.Л. Нет. Просто меня один раз выгоняли из партии — за спектакль о жизни Кузькина. Тогда на меня в райкоме кричали: "Мы не хотим дышать с вами одним воздухом". Я отвечаю: "Выйдите тогда, если вам не дышится, а я не собираюсь". — "Чей он хлеб

ест?!” — кричала дама килограмм на 120, заведующая кондитерской фабрикой. А она в театре ничего не видела.

Что же требовать от дамы, если даже Жюрайтис пишет мерзкие доносы в ”Правду”, и ”Правда” печатает: ”Руки прочь от нашей святыни, ’Пиковой дамы!’” При этом ”Правда” назвала ”Пиковую даму” поэмой! А ведь ”Правда” имеет целый справочный отдел, который обязан не допускать таких ляпсусов! Ни стыда, ни совести! Этого Жюрайтиса просто попросили выкрасть партитуру, а потом о Шнитке, о человеке с мировым именем, говорили: ”Посмотрите, что натворил этот композиторишко!” Ну разве можно так обращаться с мастером! Был уже заготовлен ”гнев трудящихся”, сотни писем: ”Руки прочь от ’Пиковой дамы!’” Но, видимо, тут они поняли, что переборщили. Это уж так пахло ждановщиной, сталинщиной, что они кампанию прикрыли. Потом даже негласно извинились. Оскорбили на всю страну, а извинились тихо в подворотне!

М.Ф. С ”Годуновым” после того, как была закрыта постановка, все было покончено?

Ю.Л. Да, они закрыли, сказали ”все”. После этого я поехал в Милан и поставил там ”Лулу” А.Берга, получив премию за лучший оперный спектакль года. Конечно, ни строчки у нас об этом не написали, как вообще никогда не писали о нашем театре ничего хорошего. А ведь как бы вы ни относились к нашему театру, никуда не денешься: он имеет мировое имя. Они же сами недавно посылали его в Финляндию и говорили, частным образом, как это замечательно, какие были потрясающие гастроли. Логика в их поведении по отношению к нашему театру и ко мне нет никакой. Просто 20 лет он подвергается совершенно наглой и неприкрытой дискриминации. Мне кажется, в этом есть большая доля личной мести. Личная месть, да еще, как по Гоголю, страшная. Действительно, она страшная, потому что я сижу в чужом городе, вместо того, чтобы работать в своем театре. А ведь за эти 20 лет в театр ходили миллионы людей! И Высоцкого по-прежнему не признают или начинают делать из чего что-то совершенно на него непохожее, как он пел в своей знаменитой песне ”Монумент”: ”Неужели такой я вам нужен после смерти?” Как в воду глядел!

М.Ф. Но чья месть, и почему?

Ю.Л. Демичева. Я давно столкнулся с этим министром, когда он был еще секретарем ЦК. И, как скорбно сказал когда-то Бабель, ”мы встретились со Сталиным и, к моему несчастью, друг другу не понравились”. Так и мы с Демичевым. Товарищ Демичев невзлюбил меня. Он мне при первой встрече говорил, что я в плохом окружении, что у меня плохие друзья. Демичев мне проповедовал теорию фильтров: они-де будут бесконечно ставить фильтры, чтоб очистить идущий в искусстве и литературе мутный поток. Я возражал ему: ”Так вы получите дистиллированную воду, а ее можно только в аккумулятор залить. Это, конечно, не плохо, часто и ее не достанешь в аптеках, но искусству это вряд ли поможет”. Демичев беседовал со мной пять часов, не выходя, и я удивлялся крепости мочевого пузыря министра, сам крепился изо всех сил... А потом к числу моих недоброжелателей присоединился еще Зимянин, так что в данной ситуации мне ждать от них нечего.

М.Ф. Обращались ли вы когда-нибудь к Черненко?

Ю.Л. С Черненко я имел переписку. Потом, наверно, издадут мою переписку с вождями. Я ведь и Брежневу несколько писем писал и всегда получал ответы. Мне запретили спектакль, и я написал письмо, где говорилось примерно так: "Все мои обращения к людям, которым Вы поручили руководить искусством, произвели на меня гнетущее впечатление. От встреч с ними на меня веяло китайщиной". Это было еще во времена Мао Цзэдуна. Заканчивал я письмо так: "Если Вы сочтете возможным, разрешите мне продолжать работу в созданном мной театре". Мы советовались друг с другом, были споры, что так нельзя, надо помягче, но все-таки я послал этот вариант Брежневу. Мир не без добрых людей, письмо к нему попало. Екатерина Алексеевна Фурцева очень допытывалась при каждой встрече: "А как вы передали письмо?" Я объясняю: "Очень просто, как все трудящиеся. Подошел к окошку в приемной. Открыли утречком, в девять часов. Дама открыла конвертик, посмотрела, нет ли там чего, и потом, пробежав письмо, говорит: "Господи, это что же они надумали, вас выгонять?" Очень она меня этим ободрила. Дала свои служебные телефоны и сказала: "Я обязательно сделаю, чтобы письмо сразу пошло дальше".

Конечно, не дама передала письмо, не надо быть наивным. Письмо попало, и мне позвонили. В первый раз я услышал поразительную фразу. Мне сказали, чтобы я работал спокойно, не нервничал, что письмо прочтено. Потом помощник говорит: "Дальше "под запись". Я ничего не понял, под какую запись. Оказывается, дальше мне были переданы буквально слова Брежнева. Я тогда это первый раз услышал и был обескуражен.

На следующее утро была коллегия в Министерстве культуры, и в перерыве все меня сторонились, зная, что я человек обреченный, что хотя я еще тут хожу, но меня уже нет. И вот, когда все курили, я сказал: "Вы знаете, я буду работать". — "Как так — будете работать?" И тут я им передал этот разговор "под запись". Я еще во время этого телефонного разговора спросил, могу ли я воспользоваться словами Брежнева, и мне ответили: "Для этого мы с вами и говорим". — "Ну хорошо, — говорю, — а то мне не поверят". — "Не беспокойтесь, поверят". И действительно, сперва они мне не поверили, но прекратили говорильню и разбежались. Но потом меня быстро оставили в покое. Смущенный райком, который меня выгонял и из партии, и с работы, сидел в полном составе, вперив взоры в бумажки, рисуя чертиков, а председательствующий говорил: "Вы знаете, мы тут обмозговали и решили, что вы можете продолжать работать в театре". И через каждые пять минут они меня спрашивали: "Мы правильно ведем заседание?" Я говорю: "Правильно, вы всегда все делаете правильно".

М.Ф. Но ваше последнее письмо последнему вождю, написанное уже из Лондона, осталось без ответа?

Ю.Л. Нет, опять мир оказался не без добрых людей. Косвенный ответ был: пусть приезжает и спокойно работает. Между тем, ходили упорные слухи о том, что уже четверем людям предлагали мое место — место главного режиссера Театра на Таганке. Называли имена А.Эфроса, Н.Губенко, Захарова, Дунаева и говорили, что все они отказались. Артисты нашего театра добились приема у министра культуры и спросили его, неужели он не может послать кого-нибудь, чтобы поговорить с Юрием Петровичем. Министр им

ответил: "Мы работаем с вами, а его тут нет. Из Лондона он, что ли, будет руководить театром?" Но все же заверял актеров, что никто меня не собирается снимать.

М.Ф. Почему они играли и играют с вами в эти игры? Почему они просто не разогнали театр?

Ю.Л. Ну, видимо, трудно так сразу закрыть театр, который имеет такую славу. Хотя, впрочем, ничего им не трудно. Но все-таки надо хоть видимость какую-то создавать, как на этих проклятых сталинских процессах. Надо же голову морочить нашим несчастным людям, которые совершенно не имеют никакой информации. Даже многие, ныне уже бывшие, члены Политбюро, когда они приходили ко мне, начинали разговор со слов: "Вот вы, оказывается, какой!" Я спрашиваю: "Это в каком смысле, вам что, изображали меня бандитом, шпаной какой-то?" — "Ну, мы видим, что вы разумный, спокойный человек, а нам говорили..." Все они высказывались примерно в этом духе. Но правда, теперь они не могут быть моими защитниками, они все уже не в Политбюро.

Я, когда ставил спектакль о Володе Высоцком, понял одну важную вещь: когда он ездил и в Париж, и по всему миру, у него начался внутренний разрыв. Он понимал, что он нужен там, дома, а дома его травили. Он об этом спел в "Охоте на волков".

М.Ф. Это ваша ситуация?

Ю.Л. Да. Все это очень прискорбно. Конечно, я должен сидеть у себя в Театре на Таганке и работать, но в такой обстановке, которую они создали, работать нельзя. Они говорят: "Терпел же двадцать лет, и ничего! А теперь, видите ли, ему в голову что-то взбрело, корчит из себя кого-то. Как работал, так пусть и работает!" Нет, так работать, в таких условиях я больше не буду! И они это должны понять. Все лучшее, что осталось в России, встревожено тем, почему же все так происходит, что они творят, когда же они задумаются? Ну хоть бы они историю вспомнили, вспомнили, сколько они уничтожили интеллигенции! Сталин уничтожил всех мужиков, которые кормили Россию и еще Европу! Почему они все время в прятки играют, неужели они думают, что вокруг них одни слепые котятка? Как все это тяжело и глупо!

М.Ф. Каково ваше положение сегодня?

Ю.Л. Официально я здесь на лечении, мне это разрешено. Пока я на должности главного режиссера оставлен, но, может быть, сейчас, когда мы с вами говорим, я уже и снят. Во всяком случае, директор мне не звонит, звонят только актеры. Они не боятся, а директор боится даже позвонить и спросить хотя бы о здоровье.

М.Ф. В одном из интервью вы сказали, что без создания вам минимальных условий, пока не переменится культурная политика в Советском Союзе, работать на Таганке вы не сможете, домой не поедете.

Ю.Л. Да, это я и сейчас скажу... Это бесполезно. Я хочу работать в театре, но в таких условиях, которые они мне создали в последние годы, я не смогу работать.

М.Ф. Сейчас пришел к власти Черненко. Может ли теперь измениться культурная политика?

Ю.Л. Ну, поживем-увидим, кому суждено пожить. К счастью, это не они решают. Впрочем, конечно, они и этот вопрос могут решить. ●

ЯЗЫК КИНО ОБЪЕДИНЯЕТ ВСЕХ

Встреча с Инной Чуриковой

Инна Чурикова среди членов жюри Международной кинонедели

В начале октября этого года в Мангейме (ФРГ) проходила 23-я Международная неделя киноискусства. Советская кинематография не была представлена на этом фестивале, но на нем присутствовала небольшая делегация из СССР, в составе которой в Мангейм прибыла выдающаяся современная актриса И.М.Чурикова, избранная председателем жюри фестиваля.

Широкое признание принесли Чуриковой роли, сыгранные ею в ранних фильмах режиссера Глеба Панфилова "В огне брода нет" и "Начало". К ним можно добавить недавно снятую и показанную в Германии ленту "Васса" (по пьесе М.Горького "Васса Железнова"). Инна Чурикова снималась также в картине Панфилова "Тема", не допущенной к показу на советских экранах. Около двадцати лет Чурикова добивается возможности выступить в роли Жанны д'Арк. Новый проект советско-французского фильма о Жанне, по последним сведениям, отклонен советской стороной. Утверждают, однако, что это решение не окончательное, и есть надежда, что "Мосфильм" приступит к съемкам.

Мы публикуем интервью, которое Инна Чурикова дала специальному корреспонденту журнала "Страна и мир" Ю.Чикарлееву.

Инна Михайловна, хотелось бы услышать о ваших первых шагах в искусстве. Что привело вас в кино?

С детства моей мечтой было стать актрисой. Актрисой мечтала стать и моя мама, — между прочим, мечтала об этом, когда была беременна мной. Должно быть, она и передала мне эту мечту. Я училась в школе и одновременно занималась в драматической студии при Театре имени Станиславского. Два человека, два подвижника — Александр Борисович Аронов и Лев Яковлевич Елагин — стали моими первыми наставниками. Это они организовали студию для подростков. Так я вошла в театр. Мы делали этюды, изображали цирк, играли зверей. Меня увидела одна ассистентка студии "Мосфильм" и пригласила меня на "Мосфильм", я училась тогда в восьмом классе... Но сознательно я стала актрисой, когда познакомилась с режиссером Глебом Панфиловым на съемках фильма "В огне брода нет". Это был его дебют и мое рождение в кино. Этот фильм — день моего рождения как киноактрисы.

Какие ваши самые любимые роли?

Я люблю ту роль, которая меня ожидает и которой я сейчас страдаю — во всех смыслах. А те роли, которые от меня ушли, — они для меня родные, но живут отдельно. Я очень люблю Таню Теткину из фильма "В огне брода нет". Все мои роли — часть моей жизни, моя биография, молодость, зрелость. Почему я люблю Таню Теткину? Такая удача для актера редкость, — встретить роль, встретить такого человека, смысл существования которого — любовь ко всему живому и неживому. Она открывает в себе талант художника — природный смысл, предназначение. Время новое, молодое — идет 1918 год — позволило ей почувствовать себя, определило ее как художника. Она все свои впечатления отражает на бумаге. Очень тяжелую жизнь она рисует в манере примитивистов, — все у нее освещено любовью, светом.

Чем вас привлек образ Жанны д'Арк?

Многим! Я бредила этим человеком. Постараюсь выразиться в нескольких словах. Представьте себе состояние, когда человек не своей болью живет, а чувствует чужую боль как свою, страдает ей. Жанна чувствовала боль милой Франции. И еще одно очень важно. Люди считали, что Жанна психически неуравновешена, что ее феноменальность — результат этой неуравновешенности. Для меня же она не психически неуравновешенный человек, а простая, обычная, здоровая деревенская девушка, которая знает, как рождаются дети. Она готова все сделать, чтобы спасти свою родную страну. Мне в ней дорого то, что она идет устремленно к своей цели, идет любой ценой. Цель фантастична, невероятна для нормального человека, если считать нормальными тех, кто не задумывается о том, как устроена жизнь, а просто живет как придется.

Что общего, по-вашему, между Жанной д'Арк и современной русской женщиной?

Общее то, что слух к чужой боли свойственен и русской женщине.

Думаете ли вы, что этот образ может заинтересовать наших современников?

Да. Потому что каждый человек должен верить в свои силы, верить в то, что и он способен совершить невозможное.

Можно ли сказать, что ответ на подобные вопросы дан в вашем фильме "Начало", где образ Жанны д'Арк и ее судьба сопоставляются с судьбой современной русской девушки из провинциального городка — судьбой, которая тоже оказалась необыкновенной?

Пожалуй, но не до конца. У Светлова есть строчка: "В каждом братстве больших могил похоронена наша Жанна". В жизни бывает часто, что человек не может открыть себя, понять, к чему и на что он способен. В фильме "Начало" у этой девушки, Прасковьи, все сложилось так, что она открыла в себе то, чем была наделена Жанна.

Какие роли мирового репертуара кажутся вам интересными?

Елизавета Английская в пьесе Брукнера. Пьеса Брукнера очень интересна. Елизавета — женщина, облеченная властью, она должна подавлять в себе свою сущность, свои слабости. Она политик, монарх, но чрезвычайно одинока и обречена на одиночество, при всех своих необычайных дарованиях. Эта пьеса и этот драматург меня очень интересуют. Конечно, мне близок еще один драматург и его женщины — Шекспир. Я репетирую "Гамлета", играю Гертруду. Любопытно, что в нашем театре эту пьесу ставил Андрей Тарковский. Тогда я играла Офелию. А сейчас "Гамлета" ставит Глеб Панфилов. Если говорить о кинорежиссерах, я очень люблю Бергмана (особенно его "Два кумира") и Висконти.

Как вы относитесь к кинематографическому творчеству Пазоллини?

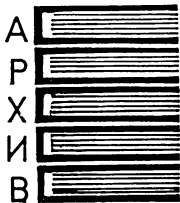
Он мне, безусловно, нравится. Это талантливая личность, но я видела немного его картин. У нас до сих пор много говорят о фильме "Евангелие от Матфея".

Можете ли вы еще что-нибудь сказать о ваших впечатлениях, о западном кинематографе?

Сейчас очень интересное кино в ФРГ. Я назвала бы, в частности, режиссеров "Жестяного барабана" Маргарете фон Тротта и Шлендорфа, а также Райнера-Вернера Фасбиндера. Здесь, на фестивале, я познакомилась с очень интересным режиссером Максом Ловутским. Мне очень понравилась атмосфера на этом фестивале. Нельзя не оценить подвижничества его организатора, госпожи Фэй Войон. Она любит молодежь и сама душой молода. Этот фестиваль дает всем нам реальное чувство того, как живет молодежь разных стран. Видите ли, кино всех объединяет, все становится близким и понятным. ●

"Начало"

САМОУБИЙСТВО В ДЕРЕВНЕ НЕЧАЕВО

История в письмах и протоколах

В ноябре 1929 года Пленум ЦК коммунистической партии принял решение направить для работы в колхозы и машинно-тракторные станции не менее 25 тысяч рабочих, обладающих достаточным организационно-политическим опытом. В ответ на этот призыв более 60 тыс. рабочих Москвы, Ленинграда, Донбасса, Урала, Иваново-Вознесенска и других промышленных центров заявили о своем желании поехать на постоянную работу в деревню.

Всемирная история, том IX, стр. 227. М. 1962.

Уезжая на самые боевые и ответственные участки социального переустройства сельского хозяйства, мы заверяем ленинский ЦК в том, что отдадим все свои силы, всю энергию революционно-пролетарской борьбы на строительство социализма в нашей стране.

Из письма рабочих-двадцатипяти тысячников.
Газета "Беднота", январь 1930.

Но когда я окунулся в деревню, то я вижу, что здесь другое, что нам говорили — этого нет в деревне.

Рабочий Александр Шевченко

1.

[От] Уполномоченного по Западной области
В. Голова

Великие Луки 5/III—30 г.

В дополнение моего письма от 18/II по вопросам состояния Весенней посевной кампании и о кадрах рабочих в счет 25 000 по Великолуцкому Округу по состоянию на 25/II, что можно видеть из прилагаемой при сем сводки, за этот промежуток времени можно констатировать некоторое увеличение % коллективизации, [возросла] ссыпка семенных фондов и очистка зерна, что же касается остальных вопросов: как контрактация всех культур, сбора задатка на трактора, организация поселковых товариществ, организация средств населения путем вкладов сбережений, составления производственных и рабочих планов в колхозах, организация труда и машинно-конных колонн как в самих колхозах, так [и] межрайонных, а также землеустройства, [в] колхозах дело идет из рук вон плохо, за что Областной комитет этот округ уже занес на черную доску. Во что уп [и] раются эти трудности, как я уже Вам сообщал в предыдущем письме, это

прежде всего на бывшее Окружное руководство, которое на днях заменено [другими] лицами, недостаточно ясны даваемые директивы руководящих указаний, запут [а] нности этих д [ире] ктив, не уверенность в дачи директив, частая смена и дополнение их. На местах в районах и с/советах далеко недостаточное количество знающих технических сил — а местами полное их отсутствие — есть ряд районов, где ведут работу только один агроном или вовсе без агрономов, не говоря о счетоводных работниках, которых почти нет и получить их в районах не предоставляется возможности. Правда, в округе в настоящее время мобилизован о 54 счетовода и 17 агрономов, кроме этого предположено провести на курсах счетоводов из актива колхозников 235 и послать из школы ШКМ девяносто семь человек. Кроме этого в Округе работают около 700 человек рабочих различных пригод. ведут организационную работу. Переключить же их на производство технических работ не представляется также возможности по неподготовленности их в этой работе. В Области тоже идет мобилизация счетных работников, которых направляют в Округа и районы до 500 чел. Эта цифра далеко не покрывает тех требований, которые предъявляются к счетоводам. Так как по Области насчитывается в настоящий момент 3000 колхозов, понятно обеспечить все колхозы посылаемыми счетоводами невозможно. Какие же сейчас ставит себе задачи Великолуцкий Округ? Прежде всего эт [о] мобилизация всех сил округа на полевые работы, как то: закрепление колхозов на основе составления рабочих и производственных планов, организации тяговой машинно-конной силы, организации и распределение труда в колхозах, простейш [е] е землеустройство их, контракция всех культур и животноводства по намеченному плану — вот все мероприятия, которые необходимо провести весьма в короткий срок до сева, [обстоятельства] не дают уверенности, что они будут проведены полностью.

В отношении использования рабочих в счет 25 000, которых в округе имеется 245 человек, то я как раньше Вам сообщал, что в этом вопросе дело обстоит далеко не удовлетворительно — до сих пор еще нет от некоторых районов сведений как эти рабочие использованы и какое их настроение. На днях только что закончив. Пленум Окружка, где присутствовали все секретари Райкомов, этих сведений не дали. После Пленума было совещание при Бюро Окружка. Совещание постановило: обязать личную ответствен. секретарей Райкомов проверить, как используются рабочие, а главное, как они обеспечены всем необходимым и нет ли [жалоб] .

Вчера открылся Пленум ОКРИСПОЛКОМА, где присут [ствовали] все Председатели РИКОВ. Снять этих сведений не удалось, но выявлено, что имеются случаи ухода рабочих с работы из колхозов без всяких мотивов со стороны самих рабочих, причем эти явления [я] ухода рабочих не выявляются и о причинах их нет сообщений н [и] от колхозов, нет и от местных организаций. Больше того, есть весьма печальный случай — самоубийство девятнадцатого второго одного ШУЙСКОГО РАБОЧЕГО из гор. ШУИ ФАБРИКА № 2 Иваново-Вознесенской области, члена ВКП (б) 26 года АЛЕКСАНДРА КУЗЬМИЧА ШЕВЧЕНКО, который прибыл в гор. Великие Луки в числе восьмидесяти девять человек, в том числе его жена, тоже член партии Александра Георгиевна ШЕВЧЕНКО. Из Округа тов. ШЕВЧЕНКО, его жена и еще 3 рабочих 8/11 были посланы в Холмский Район Великолуцкого Округа, где их распределили на работу. Самого ШЕВЧЕНКО назначили инструктором Холмского районного Лыносоюза с окладом 80 руб., а жена ШЕВЧЕНКО была назначена зав. Городским клубом с окладом жалованья также 80 р. Тов. Шевченко вместе с женой была отведена, как установила следствен [ая] комиссия, в Холме хорошая квартира, состоящая из двух комнат, обставлена мебелью и находив [шейся там] роялью. Пред. Холмского Лыносоюза, где пришлось работать ШЕВЧЕНКО, является старый подпольный член партии ВКП (б), член В. Луцкого ОККА то [в.] ЛАДИН. Числа 16—18/11 тов. ШЕВЧЕНКО выехал из Холма в деревню для организации поселковых Лыновариществ вместе с бригадой, которые были члены партии, АВЕРБУХ, член Посевной Районной тройки и ПЕТРОВА. В одной из деревень им удалось организовать то-

варищество, но спустя 3-дня после их отъезда это товарищество распалось. Будущий в деревне [Осны] тов. ШЕВЧЕНКО и другие тов. занимались организац[ией] товариществ — организовать не удалось, после чего они переехали в дер. НЕЧАЕВО Морховского с/совета и остановились все вместе на квартире [в] доме крестьянина ЯКОВЛЕВА. Тов. ШЕВЧЕНКО был очень взволнован и говорил о своих неудачах по организации этих товариществ, кроме того его очевидно тяготело его свое семейное положение. Оно вытекает из полученного письма из гор. ШУИ на его имя в день его похорон.

Тов. ШЕВЧЕНКО рабочий, родился 1902 г., был в Партизанских отрядах, до 24 [г.] служил в Красной Армии, с 25 на фабрике в ШУ [Е]. Будущий в Красной Армии, как показывают свидетели, он застрелил ком. Роты, судился, был оправдан. На фабрике проявлял нервность, пытался покончить с собой, но не удалось. Партийная организация в ШУ [Е] лишил [а] права ношения оружия и отобрал [а] его. Женат дважды, кроме того, как видно из прилагаемого письма, у него была интимная связь с некой ЛИДОЙ, как выявленной лишенкой, что указывает на его не устойчивость в равновесие. Несмотря на это, все же следственный материал не дает основания делать выводы, исходя только из недостатка ШЕВЧЕНКО. Есть вина и у ШУЙСКОЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ, которая зная нервное состояние, как попытку на самоубийство, все же послали [его] на такую весьма ответственную и тяжелую работу, как руководитель колхоза, где нужен [а] устойчивость, твердость и выдержанность. Кроме того, следует поставить в вину Окружным организациям Великолуцкого округа и Районным организациям, которые безусловно не проявили должного внимания к распределению рабочих и их персональному изучению, что понятно отразилось на нормальны [х] условия [х] работы. Эти организации ограничились с внешней стороны, как то пышной встрече [й], но не вникли и не помогают в достаточной степени этим рабочим, кроме того нужно констатировать, что подготовка среди колхозной массы окружающего крестьянства о значении присылки рабочих велась очень слабо или почти не велась. Если это было бы проведено, то понятно не было бы случая ухода рабочих с работы или подобного случая ШЕВЧЕНКО.

3/III В. Луцкая ОККА и Бюро Окружкома, заслушав доклад по делу ШЕВЧЕНКО, постановило: признать следственный материал не законченным, предложило этой комиссии продолжить следствие и закончить в течение 10-ти дней. Кроме того, чтобы представить себе ясность по отношению ко всем рабочим, работающим по Великолуцком [у] Округ [у], решено созвать на 7-е марта их рабочую Окружную Конференцию, которая даст возможность внести ясность, исправить те недочеты, те ошибки и ту костьность, которая еще наблюдается со стороны различных организаций в этом вопросе. О чем и сообщаем Вам до сведения и надлежащих организационных выводов.

П р и л о ж е н и е: Состояние посевной кампании по Округу, Копия следственного акта и копии свидетельских показаний на девяти листах.

2.

Гор. Холм. Великолуцкого округа,
Западной области. Лыносоюзу.
А. ШЕВЧЕНКО

Копия с копии

Добрый день, Шура, прости меня, что я не простился с тобой, но и [и] чего не сделаешь. Шура, ты говорила ехать в колхоз работать — не советую — здесь такой хаос, что избачи день и ночь работают, время нет отдыхать, [проснулся] и поднимайся работать. Я говорил здесь с ГРИНЕВИЧЕМ, он ска-

зал: я дам в помощь человека, я буду пр [о] сить денег, потому мне не вырваться из долгов. Жене [его] дали задание организовать в посел [ковое] тов [аристество].

[Дер.] Лысово

В е р н о: Партследователь *Мазурмович*.

В е р н о: секретарь

3.

К о п и я с к о п и и

ПРОТОКОЛ ОПРОСА В КАЧЕСТВЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ДЕЛУ №

22 февраля 1930 гор. Холм, Холмского района, Великолуцкого окр. Западной области Помощн. начальника Холмского Райадмтдела ПЛЕШАКОВ.

Показания подозреваемого.

Шевченко Александра Георгиев [на], рожден. 1 ноября 1899 года Ивано-Вознесенской Области Шуйского округа, гор. Южа, социальное происхождение — рабочий, Зав. профклубом, зарплата — 80 рубл., вдова, образование незаконченное среднее, член ВКП (б), член профсоюза Рабпрос, не судима, проживает гор. Холм — профклуб.

Предупрежденная об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 ст. УК показала:

Мой муж Шевченко Александр Кузьмич являлся нервно больным, 17-го февраля с. г. он отправился для работы по району как организатор колхозов, поселк. товарищ. Когда он уезжал, между нами никаких ссор не было. С момента прибытия в гор. Холм числа с 7-го февраля между нами никаких ссор не было, чем объяснить самоубийство моего мужа не знаю. Больше показать ничего не могу.

Протокол прочитан, с моих слов записано правильно.

В чем и подписуюсь *А. Шевченко*.

Допросил Пом. Нач. РАО (подпись)

В е р н о: Секретарь Окрколхозсоюза

4.

К о п и я с к о п и и

Товарищи. Простите за этот поступок, пока больше не мог ничего сделать, так что выходу нет, я не трус и не робок, достоинства рабочего я не замарал.

Но когда я окунулся в деревню, то я вижу, что здесь другое, что нам говорили этого нет в деревне. *Шевченко*.

Верно: Партследователь: *Мазурмович*

Копия верна. Секретарь Окрколхозсоюза

5.

К о п и я с к о п и и

Товарищи.

Простите меня за это грязное дело, но прошу одно, что перешлите мое тело в Иваново-Вознесенск, что прошу не отказать в моей просьбе, но если не заслуживаю, то бросьте собакам.

Александр Кузьмич *Шевченко*.

Верно: Партследователь *Мазурмович*С подлинным верно: Секретарь Окрколхозсоюза *Овчинников*.

6.

К о п и я с к о п и и

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

1930 года февраля 19 дня, я Народный След. Холмского р-на Великолуцкого Округа допрашивал в Камере своей, в качестве свид. с соблюдением ст. ст. 166 и 171 УПК, нижепоименован., котор. показал:

Я, АВЕРБУХ РАФАИЛ ИОСИФОВИЧ, гор. Холм, Пионерская Ул. № 17 об обязанности показывать правду, и об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний по ст. 95 УК, предупрежден, по делу показываю:

18 февраля я и тов. ШЕВЧЕНКО и ПЕТРОВА ночевали у гр-на ЯКОВЛЕВА Сергея дер. Нечаево. Утром 19 февраля я еще лежал в кровати, т. ШЕВЧЕНКО встал, оделся и начал собираться уже уходить, хозяин и хозяйка дома начали упрашивать его чай попить, он категорически отказался указывая на то, что ему необходимо идти, попросил у хозяйки нитку с иголкой для того, чтобы пришить пуговицу и вышел в коридор, где и раздался глухой выстрел. Хозяйка находясь в избе закричала услыша выстрел, я выбежал в коридор и увидел, что он уже лежит убитый, из-за рта идет кровь.

Из личных его слов — он, по-видимому, был крайне недоволен своей семейной жизнью, что, по-видимому, его толкнуло на самоубийство. Перед выходом в коридор он написал в Блок-нот и посмотрел на часы. *Р. Авербух*.

Нарслед. (подпись)

Верно: парт. след. *Мазурмович*

Верно: Секретарь Окрколхозсоюза

7.

К о п и я с к о п и и

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

1930 года февраля 19 дня, я народный следователь Холмского р-на Великолуцкого Округа допрашивал в Камере своей в качестве свидет. с соблюдением ст. ст. 166, 171 УПК нижепоименован[ного], который показал:

Я, ПЕТРОВА Мария Петровна 25 лет, прожив. в гор. Холме, Октябрьская ул. Дом № 28 об обязанности показывать правду и об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний по ст. 95 УК предупреждена, по делу показываю:

Вчера 18 февраля я и тов. ШЕВЧЕНКО А [лександр] Кузмич шли проводить собрание в дер. Осны по организации поселковых тов. Собрание у нас не состоялось, конечно, он там нервничал, но по дороге ничего, успокоился, только сказал: "МНЕ В ЖИЗНИ НЕ ВЕЗЕТ". Приехала в дер. Нечаево, где мы квартировали, он собирался уйти. Тогда хозяйка говорит: "Оставайтесь ночевать". На утро я проснулась, он уже ходил по комнате и что-то думал. Затем хотел уйти, тогда хозяйка говорит, что скоро чай и так же тов. Авербух, который ночевал с нами, он, тов. ШЕВЧЕНКО, отвечает: нет надо итти. Тогда тов. АВЕРБУХ говорит: ну куда спешить, на пожар что ли? Тогда он положил свою шапку в чемоданчик и вышел, сказав, что сейчас вернусь, я еще лежала в кровати, в ту минуту слышался глухой удар. Тогда вышла хозяйка, говорит, что он лежит, хозяин вышел, говорит — застрелился. Но мы были в то время в квартире в дер. Нечаево. *М. Петрова.*

Нар. след. (подпись)

Верно: Парт. следователь *Мазурмович*

Верно: Секретарь Окрколхозсоюза

8.

А К Т

Расследование вопроса по самоубийству рабочего колхозника члена партии Александра ШЕВЧЕНКО

Председатель ОКК тов. МАЗУРМОВИЧ Александр и представитель Окрпрофсовета ЗАЙЦЕВА И. на-
шли следующее:

Член партии ВКП (б) Шевченко Александр Кузьмич родился в 1902 г., в партии с 1926 года. Соц. положение — рабочий, работал кочегаром [на] фабрике Шуйского округа до 25 г. и служил [о] фи-
циантом в столовой — образование тов. Шевченко имел — общее. Прибыл для работы в Холм в счет
25000 по колхозному строительству 8-го февраля 30 года. Холмская организация приняла направ-
ляемых для работы в деревне торжественно, [в том числе и] данную бригаду и была для них созда-
на вполне удовлетворительная обстановка. Были с ними совещания и на конференции участвовали в
президиуме. После чего тов. Шевченко был направлен в Лыноводное Товарищество: инструктором
массовой работы с окладом жалованья 80 руб., а также жена Зав. Клубом оклад — 80 р., что и созда-
вало вполне благоприятные материальные бытовые условия.

В сельсовете тов. Шевченко был направлен в поселковое товарищество; по имеющимся в нали-
чие сведениям в данном с/совете были трудности в работе, и организован [о] е тов. Шевченко посел-
ковое товарищество распалось.

Имея попытку организации вторично данного товарищества, [нрзб] было [собрано] общее со-
брание, где он не сумел дать соответствующей установки. Такая его невыдержанность объясняется
тем, что тов. Шевченко был нервно больным и не устойчивым. Из разговоров с женой — тов. Шевчен-
ко А. был на излечении в гор. Москве по [нервной] болезни. В жизни был так же не выдерж [а] н и
груб.

У тов. Шевченко найдены записки, в которых говорится, что тов. Шевченко обнаружил пол-
нейшее разочарование в деревне, что он в деревне до своей поездки представлял совершенно другое.
В результате чего у тов. Шевченко как у члена партии в его собственных записках обнаружено явно
упадническое настроение и не устойка перед стоящими трудностями по работе в деревне.

По показанию жены тов. Шевченко, ее муж Шевченко А. в прошлом имел целый ряд ненормальных бытовых выпадов со своей стороны. А именно: дважды женат и имел в последнее время связь с другой женщиной, даже чуждой, доказательством служит письмо ему посланное лично перед самоубийством. Кроме того, раньше имел якобы попытку покончить самоубийством, в результате чего ему было запрещено носить оружие.

При выезде на место работы Морховский с/с было установлено на совещании агробригады, в которой работал тов. Шевченко, что он вел себя в последнее время ненормально, как-то проявлял себя нервным, не спокойным и все время при моменте описи имущества входящих в поселковое товарищество гражданам тов. Шевченко был растерян и все время волновался и к тем женщинам, которые жаловались, тов. Шевченко проявлял крайн [ю] ю жалость и растерянность к ним.

Оружие у тов. Шевченко было по разрешению ГПУ тов. Вайднера. Временно взято в РАО, по настойчивому требованию тов. Шевченко получил. Оружие было получено тов. Шевченко 17 февраля, а покончил самоубийством 19 февраля.

В заключении комиссия находит, что самоубийство тов. Шевченко не может быть отнесено к нечуткости и невнимательности со стороны партийных, советских и профессиональных организаций, а личное психическое не уравновесие тов. Шевченко, его упадничество и трусость перед создавшимися трудностями в работе в деревне, о чем говорят личные записки тов. Шевченко; его записки говорили не большевистским языком, так как они носили упаднический характер.

Но комиссия относит некоторую вину невнимательности отбора, тов [арищей], посылаемых в деревни, не взвесили, не подходя к каждому товарищу персонально, что он [из] себя представляет, в результате чего случай с тов. Шевченко и обнаруживает этот факт невнимательности посылы [ющих] организаций.

Председатель О [КК]
Представ [итель] Окрпрофсовета

9.

К о п и я с к о п и и

г. Шуя
15-го 1930 г.

Добрый день. Наконец-то я дождалась от тебя письмо, ты наверное почувствовал, что тебя ругают, тогда-то только и написал. За что благодарю.

Шура, почему ты ничего не писал, как живешь теперь, как устроился на работу, разве ты думаешь, что меня это не интересует. Теперь расскажу о себе. Шура, как только я проводила тебя, почувствовала, что уехал ты, с тобой уехало все хорошее, что только было последнее время. Пришли со станции М. Н., Степ. Ф., потом приехала Нина, поговорили все, пожалели, они, конечно, больше жалели Шуру и все-таки родственники, а я... Я плакала, как будто кого схоронила.

Потом приехал Вася. Я тут же показала нашу карточку, то тут заплакала уже без стыда. Вася, конечно, что он понял наш поступок, понял по своему, ну да ладно, было все.

Комната у нас еще свободная, были некоторые, но не понравил [о] сь.

Эх, Шура, уехал ты и у меня не стало заступника и человека, с которым можно поделиться и который поможет смотреть на жизнь другими глазами. У меня сейчас такое настроение, что убежала куда-нибудь, не смотрела ни на что. С Васей неприятность случилась в прошлую субботу, что-то ужасное, все тебе передать нет сил, не хватает, все виновато вино. Прошла уже неделя, но рана не заживает. После всего случившегося я уехала в деревню к маме и в первый раз рассказала ей о своей жизни. Приехала в понедельник, была ужасная перебранка, он даже наобещал не пускать на ночь. Шура, я уже хотела решиться на последний шаг — "РАЗВОД". Но пришлось отложить, только за того, что могу погибнуть сама и погубить других.

Я с него не получу ничего, так как он не остановится ни перед чем, ну а я куда пойду с ребенком на руках, без заработка, без голоса. Да приходится переживать ради насущного хлеба. Все противно.

Да и ты не пишешь так долго, думаю, уехал, забыл и больше никаких. Прошло две недели, а я тебя вспоминала тысячу раз.

За это время спрашивала карточку, почему не пишешь, забыл, спокоен? Шура, что со мной творится, я сама не знаю, пока буду терпеть, пока хватит сил. Но ты знаешь меня, я и в самую тяжелую минуту не унываю.

Здесь настроение натянутое, у мамы все описали, взяли серебро, которое нашлось.

Теперь прощай, когда успокоюсь напишу. Пиши почаще, знай, что с получением твоего письма у меня праздник.

Целую так, как около Сехи. Твой друг *Лиди*.

Верно: Партследователь: *Мазурмович*

С подлинным верно: Секретарь

10.

Правлению Запоблколхозсоюза
от Инструктора Михаленко

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Прибыл в Луки 23/II. В первую очередь провел окружной съезд колхозной молодежи, после чего участвовал на пленуме ОК и ОКР, где был поставлен вопрос о решении обкома — задачи В. Луцкой парт. организации в связи с прорывами, которые допу [щены] в Округе. 3/III провели при колхозсоюзе междуведомственное совещание с вопросом о ходе подготовки к весенней с/х кампании и дальнейших задачах. (Резолюцию прилагаю). Обращаю особое внимание на вопрос о семфондах, так как не только в округе, но и в ОблЗУ по В.Лукам большая путаница. ОкрЗУ при составлении плана семфондов исходило из расчета 2.5 га пашни в среднем на х-во по округу, в ОблЗУ эта цифра еще меньше, в результате газета "Наша деревня" поместила материал, что в В. Луках план семфонда по колхозам выполнен на 146%. В то время, когда стат. отдел дает среднюю обеспеченность на х-во 4 га и ОкрФО 3.5 га, в основу цифры ОкрФО получается выполнение плана семфондов всего на 62%. Этот вопрос переносим на рассмотрение пленума Окрисполкома, который открылся 3/III вечером, но вам необходимо выяснить в ОблЗУ, почему они раздули выполнение плана семфондов по Лукам на 164%? 7/III последний срок выезда всех специалистов по колхозам для составления рабочих планов и организации Машкопных станций. Посылаем с округа агрономов 10 человек, счетных работников 15 человек и 160 человек Ш.К.М. Бланки рабочих планов, который был отпечатан в Бюллетен [е] колхозцентра, отпечатали в типографии и разослали во все колхозы приложение к ним. Печатаем в типографии примерную тарификацию и нормы выработки. Новый устав нами понят и установка на места дана. Кроме того, по линии Окрколхозсоюза заказали в типографии 10000 экз. отпечатков нового устава, который к 5/III будет готов и разослан по колхозам. Материал на 25/II о ходе посевкампании в округе при сем прилагаю, дополнительно за следующую десятидневку пришлю к 10/III.

Коротко о самоубийстве рабочего Шевченко. Случай произошел в Холмском районе. По данным комиссии видно, что организации его встретили не плохо и обстановка была создана. Но м [а] лодушие с его стороны и попытки на самоубийство были еще на

фабрике; точно сейчас судить трудно, почему это случилось. Привожу его две записки, которые он написал перед самоубийством.

1. *"Товарищи, простите меня за это грязное дело, но прошу одно, что перешлите мое тело в Иваново-Вознесенск, что прошу не отказать моей просьбы, но если не заслуживаю, то бросьте собакам. А. К. Шевченко.*

2. *"Товарищи, простите за этот поступок, пока больше не мог ничего сделать, так что выходу нет. Я не трус и не робок, достоинства рабочего не замарал. Но когда я окнулся в деревню, то я вижу, что здесь другое, что нам говорили, этого нет в деревне. Шевченко.*

Кроме этого, ряд показаний и писем к нему от любовницы (он в этом районе был с женой) подтверждают о том, что самоубийство произошло на упадничестве и неудовлетворенности в личной жизни.

На 7/III Созывается окружная конференция все рабочих, посланных на колхозную работу, где подробно можно выяснить о их встрече, правильном использовании и условиях работы.

Плохо то, что до сих пор не прислали кандидатуры на председателя колхозсоюза и не переслали материал решения и мнения обкома в Окружном. Сейчас секретарь новый, когда я с ним говорил — он не возражает против снятия, но возражает против несогласованности, т. е. не присылки никакого материала, решений и договоренности в обкоме. И сейчас это дело ждет от вас и обкома кандидатуры и официального решения, и через этот тормоз меня поставили в неудобное положение перед Окружным. Слова одно, а принципиальное решение и договоренность с обкомом и пересылка материала в Окружном — другое.

Я после проведения рабочей конференции так или иначе выезжаю с Великих Лук в Смоленск. Работы правда хватает, но считаю сейчас в Великие Луки сил брошено достаточно, волна пленумов и совещаний прокатилась большая, установки даны, остается работать непосредственно в деревне, а не с [и] деть в Округе, и поэтому считаю, что мое пребывание 2-х недель в округе нецелесообразно. Завтра до конференции еду в колхоз.

Срочно жду ответа по части аппарата Колхозсоюза, в частности присылки председателя.

Михаленко

Документы, рассказывающие о смерти рабочего Александра Шевченко, хранятся в "Смоленском архиве" (Вашингтон). Они отпечатаны на машинке со слепым, грязным шрифтом без интервалов. Докладная записка инструктора Облколхозсоюза Михаленко написана от руки. В публикации сохранены ошибки, грамматические и синтаксические погрешности оригинала, исправлены лишь некоторые наиболее очевидные опечатки. Поясним некоторые сокращения и выражения.

ОКРИСПОЛКОМ (РИК) — окружной (районный) исполнительный комитет советов; ОККА (ОКК) — окружная контрольная комиссия ВКП(б); ОК — окружной комитет ВКП(б); ОблЗУ (ОкрЗУ) — областное (окружное) земельное управление; ОКРКОЛХОЗСОЮЗ — окружной колхозный союз; "Наша деревня" — газета, выходившая в Смоленске; ОкрФО — окружной финансовый отдел; Поселковые товарищества — одна из форм сельскохозяйственной артели; Рабпрос — профсоюз работников просвещения; ШКМ — школа крестьянской молодежи; РАО — районный административный отдел, милицееское управление района; "Новый устав" — второй устав сельскохозяйственной артели, утвержденный 1 марта 1930 г. По этому уставу колхозники получили право владеть приусадебными участками и держать скот. "Без голоса", "лишенка" — обычные обозначения лиц, ограниченных в правах по социальному признаку. Начиная с 1930 г. они нередко подвергались репрессиям.

Публикация С. МАКСУДОВА

”ИДЕЮ ДИКТАТУРЫ МЫ ФАШИСТАМ НЕ ОТДАДИМ”

Убийство Кирова. Логика события и его фон

Никто не делит свою власть с теми,
кто помогает ему захватить власть.

Макиавелли

Общим местом стало утверждение, что 1937 год начался в день убийства Кирова 1 декабря 1934 г. Можно, однако, с таким же успехом сказать, что начало большому террору положили массовые внесудебные расправы с крестьянами в 1930 году или даже акции ВЧК в годы гражданской войны. Террор шел волнами, спадая и вновь поднимаясь. И. В. Сталин подвел теоретическую базу под эту стратегию: он утверждал, что с уничтожением врагов борьба не утихает, а обостряется. Враг умер, но дело его уничтожения живет. Этот тезис, таким образом, сохраняет свое значение и в периоды ремиссий истребительного психоза. Повторяется он и в секретной Инструкции Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 8 мая 1933 г., которую мы публикуем ниже (документ извлечен из Смоленского архива).

Инструкция подводит черту под беспрецедентной кампанией коллективизации деревни. Убедившись в своей полной и окончательной победе над деревней, руководство решает приостановить массовые и беспорядочные репрессии, ограничить нарушения формальной законности при арестах и завершить плановую депортацию крестьян. Более того: определенное количество репрессированных сельских жителей решено освободить, а число заключенных в тюрьмах сократить вдвое.

Наконец, даже закон от 7 августа 1932 г. — смертная казнь за ”хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества” — теперь подвергается завуалированной критике, хотя и года не прошло с тех пор, когда Сталин назвал этот каннибальский закон ”основой революционной законности в настоящий момент” (хороша законность, которую можно менять в каждый удобный момент).

Дальнейшие события показали, что благие порывы были недолговечны. Смягчения 1933 года оказались не чем иным, как проветриванием камер перед новой волной арестов.

Теперь становится очевидным, что убийство Кирова было в определенном смысле необходимой акцией: нужен был предлог для следующего тура репрессий.

Приводимые ниже постановления ЦИК показывают, что все было готово к объявлению в стране нового чрезвычайного положения, к тому, чтобы решительно отбросить всякие ”нормы” и декорации законности, вести дела ускоренным порядком, без возможности обжалования приговоров, приговоры к расстрелу исполнять немедленно.

Об этой готовности к новому Большому террору красноречиво говорит статья Радека, опубликованная в ”Известиях” менее чем за месяц до гибели Кирова. Автор, один из самых проникательных и беспринципных партийных журналистов, воспекает макиавеллизм. Прямым пророчеством звучат его слова о том, что идею диктатуры советские вожди не уступят немецким фашистам. Речь идет о мирном соревновании советской и гитлеровской систем, развернувшемся как раз в это время. Известно, что Сталин пристально следил за событиями в Германии. ”Ночь длинных ножей” — решительная расправа Гитлера со своим ближайшим соратником и соперником, вождем штурмовиков Эрнстом Ремом (расстрелян 30 июня 1934 г.) — не только хронологически совпадает с устранением С. М. Кирова, но и представляет собой в большой мере аналогичный акт. Удобный случай не заставил себя ждать. Дорогой товарищ Сергей рухнул в коридоре Смольного, и кровавая чистка партийных рядов, а за ними и всего населения пошла полным ходом.

ИНСТРУКЦИЯ

СЕКРЕТНО
Не для печати

всем партийно-советским работникам
и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры

Отчаянное сопротивление кулачества колхозному движению трудящихся крестьян, развернувшееся еще в конце 1929 года и принявшее форму поджогов и террористических актов против колхозных деятелей, создало необходимость применения советской властью массовых арестов и острых форм репрессий, в виде массового выселения кулаков и подкулачников в северные и дальние края.

Дальнейшее сопротивление кулацких элементов, вредительство в колхозах и совхозах, вскрытое в 1932 году, широко распространившиеся массовые хищения колхозного и совхозного имущества — потребовали дальнейшего усиления репрессивных мер против кулацких элементов, воров и всякого рода саботажников.

Таким образом, три последних года нашей работы в деревне были годами борьбы за ликвидацию кулачества и победу колхозов.

И эти три года борьбы привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне, к окончательному укреплению наших советских социалистических позиций в деревне.

Подводя итоги, мы можем теперь сказать, что позиции единоличного хозяйства уже преодолены во всех основных районах СССР, колхозы стали повсеместной и господствующей формой хозяйства в деревне, колхозное движение укрепились прочно, полная победа колхозного строя в деревне обеспечена.

Теперь задача состоит уже не в том, чтобы отстоять колхозную форму хозяйствования в ее борьбе против частной формы хозяйства, ибо эта задача уже разрешена с успехом. Теперь задача состоит в том, чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и помочь им войти в колхоз, где только и могут они уберечь себя от опасности обнищания и голода.

ЦК и СНК СССР считают, что все эти обстоятельства создают в деревне новую благоприятную обстановку, дающую возможность прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий в деревне.

ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников.

Правда, из ряда областей все еще продолжают поступать требования о массовом выселении из деревни и применении острых форм репрессий. В ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из областей и краев около ста тысяч семей. В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому только не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Не удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: "сначала арестовать, а потом разобраться".

Но о чем все это говорит?

Все это говорит о том, что в областях и краях имеется еще не мало товарищей, которые не поняли новой обстановки и все еще продолжают жить в прошлом.

Все это говорит о том, что несмотря на наличие новой обстановки, требующей перенесения центра тяжести на массовую политическую и организаторскую работу, эти това-

рищи цепляются за отживающие формы работы, уже не соответствующие новой обстановке и создающие угрозу ослабления авторитета советской власти в деревне.

Похоже на то, что эти товарищи готовы подменить и уже подменяют политическую работу в массах в целях изоляции кулацких и антиколхозных элементов — административно-чекистскими "операциями" органов ГПУ и милиции, не понимая, что подобная подмена, если она примет сколько-нибудь массовый характер, может свести к нулю влияние нашей партии в деревне.

Эти товарищи, видимо, не понимают, что метод массового выселения крестьян за пределы края в условиях новой обстановки уже изжил себя, что выселение может применяться лишь в частичном и единоличном порядке и лишь к главарям и организаторам борьбы против колхозов.

Эти товарищи не понимают, что метод массовых и беспорядочных арестов, если только можно считать его методом, в условиях новой обстановки дает лишь минусы, роняющие авторитет советской власти, что производство арестов должно быть ограничено и строго контролируемо соответствующими органами, что аресты должны применяться лишь к активным врагам советской власти.

ЦК и СНК не сомневаются, что все эти и подобные им ошибки и отклонения от линии партии будут ликвидированы в кратчайший срок.

Было бы не правильно думать, что наличие новой обстановки и необходимость перехода к новым методам работы означают ликвидацию или хотя бы ослабление классовой борьбы в деревне. Наоборот, классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться. Она будет обостряться, так как классовый враг видит, что колхозы победили, он видит, что наступили последние дни его существования, — и он не может не хвататься с отчаяния за самые острые формы борьбы с советской властью. Поэтому не может быть и речи об ослаблении нашей борьбы с классовым врагом. Наоборот, наша борьба должна быть всемерно усилена, наша бдительность — всемерно заострена. Речь идет, стало быть, об усилении нашей борьбы с классовым врагом. Но дело в том, что усилить борьбу с классовым врагом и ликвидировать его при помощи старых методов работы — невозможно в нынешней новой обстановке, ибо они, эти методы, изжили себя. Речь идет, стало быть, о том, чтобы улучшить старые способы борьбы, рационализировать их и сделать наши удары более меткими и организованными. Речь, идет, наконец, о том, чтобы каждый наш удар был заранее подготовлен политически, чтобы каждый наш удар подкреплялся действиями широких масс крестьянства. Ибо только при подобных способах улучшения методов нашей работы можем добиться того, чтобы окончательно ликвидировать классового врага в деревне.

ЦК и СНК не сомневаются, что все наши партийно-советские и чекистско-судебные организации учтут новую обстановку, созданную в результате наших побед, и соответственно перестроят свою работу применительно к новым условиям борьбы.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР п о с т а н о в л я ю т :

I.

О ПРЕКРАЩЕНИИ МАССОВЫХ ВЫСЕЛЕНИЙ КРЕСТЬЯН

Немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян. Выселение допускать только в индивидуальном и частном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок.

Выселение допустить только из следующих областей и в следующих предельных количествах:

Украина	2.000 хозяйств	Вост. Сибирь	1.000 хозяйств
Сев. Кавказ	1.000 "	Белоруссия	500 "
Н.-Волга	1.000 "	Зап. область	500 "
Ср. Волга	1.000 "	Башкирия	500 "
Ц.Ч.О.	1.000 "	Закавказье	500 "
Урал	1.000 "	Средняя Азия	500 "
Горьков. край	500 "		
Зап.-Сибирь	1.000 "		
		Всего	12.000 хозяйств

II.

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА АРЕСТОВ

1) Воспретить производство арестов лицами, на то не уполномоченными по закону — председателями РИК, районными и краевыми уполномоченными, председателями сельсоветов, председателями колхозов и колхозных объединений, секретарями ячеек и пр.

Аресты могут быть производимы только органами прокуратуры, ОГПУ или начальниками милиции.

Следователи могут производить аресты только с предварительной санкции прокурора.

Аресты, производимые нач. милиции, должны быть подтверждены или отменены районными уполномоченными ОГПУ или прокуратурой по принадлежности не позднее 48 часов после ареста.

2) Запретить органам прокуратуры, ОГПУ и милиции применять в качестве меры пресечения заключение под стражу до суда за маловажные преступления.

В качестве меры пресечения могут быть заключаемы под стражу до суда только лица, обвиняемые по делам: о контрреволюции, террактах, о вредительстве, о бандитизме и грабеже, о шпионаже, переходе границы и контрабанде, об убийстве и тяжелых ранениях, о крупных хищениях и растратах, о профессиональной спекуляции, о валютчиках, о фальшивомонетчиках, зломном хулиганстве и профессиональных рецидивистах.

3) Установить при производстве арестов органами ОГПУ предварительное согласие прокурорского надзора по всем делам, кроме дел о террористических актах, взрывах, поджогах, шпионаже и перебежчиках, политическом бандитизме и к.-р. антипартийных группировках.

Установленный в настоящем пункте порядок вводится в жизнь для ДВК, Средней Азии и Казахстана лишь через 6 месяцев.

4) Обязать прокурора СССР и ОГПУ обеспечить неуклонное исполнение инструкции 1922 г. о порядке прокурорского контроля за производством арестов и содержанием под стражей лиц, арестованных ОГПУ.

III.

О РАЗГРУЗКЕ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1. Установить, что максимальное количество лиц, могущих содержаться под стражей в местах заключения НКЮ, ОГПУ и Главного управления милиции, кроме лагерей и колоний, не должно превышать 400 тысяч человек на весь Союз ССР.

Обязать прокурора СССР и ОГПУ в двухдекадный срок определить предельное количество заключенных по отдельным республикам и областям (краям), исходя из указанной выше общей цифры.

Обязать ОГПУ, НКЮ союзных республик и прокуратуру СССР немедленно приступить к разгрузке мест заключения и довести в двухмесячный срок общее число лишенных свободы с 800 тысяч фактически заключенных ныне до 400 тысяч.

Ответственность за точное выполнение этого постановления возложить на прокуратуру СССР.

2. Установить для каждого места заключения максимальную цифру лиц, могущих содержаться в данном месте заключения, исходя из установленной выше цифры 400 тысяч.

Запретить начальникам мест заключения принимать арестованных сверх установленного предела.

3. Определить предельный срок для содержания арестованных в арестных помещениях при милициях не свыше трех суток. Обязательно обеспечить арестованных хлебным пайком.

4. Предложить ОГПУ, НКЮ союзных республик и прокуратуре СССР немедленно организовать пересмотр личного состава следственных заключенных с тем, чтобы всем, кроме особо опасных элементов, заменить содержание под стражей другой мерой пресечения (поручительство, залог, подписка о невыезде).

5. В отношении осужденных провести следующие мероприятия:

а) Всем осужденным по суду до 3 лет заменить лишение свободы принудительными работами до 1 года, а остальной срок считать условным.

б) Осужденных на срок от 3 до 5 лет включительно направить в трудовые поселки ОГПУ.

в) Осужденных на срок свыше 5 лет — направить в лагеря ОГПУ.

6. Кулаки, осужденные на срок от 3 до 5 лет включительно, подлежат направлению в трудовые поселки вместе с находящимися на их иждивении лицами.

7. Для разгрузки мест заключения и проведения указанных в пп. 5 и 6 мероприятий организовать в каждой республике, области (крае) специальные областные комиссии в составе: краевого (областного) прокурора, председателя краевого (областного) суда, ПП ОГПУ и начальника краевого (областного) управления милиции под председательством краевого (областного) прокурора.

8. В республиках, краях, областях, где общее количество заключенных превышает в данный момент 30 тысяч человек, разрешить областным комиссиям образовывать межрайонные выездные подкомиссии, как вспомогательные их органы, с тем, чтобы решения межрайонных комиссий утверждались областными комиссиями.

9. Предоставить право областным комиссиям освобождать от направления в лагерь и поселки, независимо от срока осуждения нетрудоспособных, инвалидов, стариков, матерей с маленькими детьми, беременных женщин, заменяя им лишение свободы принудительными работами.

В отдельных случаях областные комиссии вправе направлять в лагерь особо опасные элементы, хотя бы и осужденные на срок до 5 лет.

10. Для проведения разгрузки в Средне-Азиатских республиках, Казахстане и Кара-Калпакии предложить прокуратуре СССР, ОГПУ и Верховному Суду СССР направить специальные комиссии из Москвы для общего руководства работой республиканских комиссий этих республик.

*

Обязать НКЮ союзных республик и Наркомздравы союзных республик в месячный срок ликвидировать полностью сыпно-тифозные заболевания в местах заключения.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР *В. МОЛОТОВ* (Скрябин)

8 мая 1933 г. П6028

Секретарь ЦК ВКП(б) *И. СТАЛИН*

Похороны С.Кирова.

Урну с прахом несут Молотов, Ворошилов, Сталин и Калинин

Карл РАДЕК

РАЗГОВОР НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ С ЖАН-ЖАКОМ РУССО О ДЕМОКРАТИИ И ДИКТАТУРЕ

Я отложил том сочинений Макиавелли и поместил его на ночном столике на том-ках Жан-Жака Руссо. Лампочка Ильича пошаливала, более подмигивала одним глазом, чем светила. Надо спать.

Во сне я услышал вдруг разговор. Я открыл глаза и, поднявшись на локте, увидел дивную сцену. На моем письменном столе горели свечи, поставленные там на случай, если электричество подведет, за столом сидел Макиавелли. Его глаза смотрели иронически на Жан-Жака, пугливо, но с почтением посматривавшего на него с другого кресла.

— Как же вы сможете теперь защищать ваше мнение, что человек добр, — говорил насмешливо Макиавелли, — посмотрите только, что делается вокруг. Ведь вы читаете газеты! В Испании авиацией подавляли рабочее восстание. Разве в мое жестокое время кондотьеры, захватившие город, когда-либо отравляли население газами? Да, вы должны признать, не вы, а я был прав, говоря, что человек зол и что из этого должен исходить законодатель... Но скажите мне, дорогой Руссо, как же вы тогда объясните существование диктатуры в СССР? Отвечайте хорошо, а то вам туго придется, как несчастному Виргилию, которого критик из издательства "Академия" чуть ли не упрекает за то, что он не воспел колхозов".

Руссо, не замечая, что Макиавелли продолжает игру с ним: "Вас-то не надо обвинять в отсутствии исторического подхода. Вы сбиваетесь просто на путь ублюдков либерализма, которые перед лицом Великой Октябрьской революции не знают ничего лучшего, как жонглировать понятиями "свобода" и "диктатура", противопоставляя их друг другу. Наш любезный хозяин указал на то, что советская власть добывает из-под грязной коры общественные инстинкты масс, но это процесс длительный. Диктатура проле-

тариата необходима для защиты страны от империалистических врагов, для подавления остатков собственнических классов, для переделки человека-зверя, человека-рвача в человека-общественника. Добрый человек создается не проповедью, но борьбою, которую ведет диктатура. Только она создает почву для воспитания”.

Я вступил в роль советского хозяина, знающего, что полагается сказать знаменитым интуристам:

”Не беспокойтесь: товарищ Каменев, наверно, издаст и вашу флорентийскую историю, и Тита Ливия. Мы, советские люди, не упрекаем мыслителей прошлых столетий за то, что они не сделали нашего дела, что не думали нашу думу. Свою работу мы сами делаем.

Через все извращения помещичьих и буржуазных ученых мы разглядели ваш облик, уважаемые друзья. Да, вы, господин Руссо, полны демократических иллюзий, но вы были ближе к народу, чем энциклопедисты. Лучше них вы понимали его страдания, вы боялись собственнического свинства... Современная буржуазия считает вас мертвым псом. Мы видим в вас великого предшественника французской революции.

Вы же, Макиавелли, — первый, кто заложил основы учения о диктатуре. Прочтите работы нашего тов. Максимовского и поверьте в историческую справедливость. Вас хвалили и Фихте, и Гегель, но основного в вас не понимали. Мы, дети Октябрьской революции, понимаем вас во всем вашем величии, вашей идеи диктатуры мы фашистам не отдадим. У нас даже бывшие либеральные профессора, которым по закону положено ничего не понимать в истории, поняли в вас предшественника неподкупного Робеспьера. Ваши хулители для нас лжецы и лицемеры. Ибо мы помним, как вы призывали к истреблению феодальных ”честолюбивых тунеядцев”. Они еще живы, эти господа. Имеют великую власть в Азии, в некоторых странах Европы. Ваш призыв к их истреблению — жив, и поэтому и вы живы. Наш пролетариат, окруженный врагами, может еще у вас учиться, как объединять политику льва с политикой лисицы, и он, наверно, с одушевлением, относя их к своему социалистическому отечеству, прочтет ваши слова:

”Когда речь идет о спасении родины, должны быть отброшены все соображения о том, что справедливо и что несправедливо, что милосердно и что жестоко, что похвально и что позорно. Нужно забыть обо всем и действовать лишь так, чтобы было спасено ее существование и осталась неприкосновенна ее свобода”.

”Известия”, 7 ноября 1934

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЦИК СОЮЗА ССР

1) Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайства преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза СССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению.

3) Органам Наркомвнудела — приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров.

”Известия”, 4 декабря 1934

Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за сутки до рассмотрения дела в суде.
3. Дела слушать без участия сторон.
4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.
5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Председатель ЦИК *Калинин*
Секретарь ЦИК *Енукидзе*

"Известия", 5 декабря 1934 г.

С.Киров, И.Сталин и дочь Сталина Светлана

Люди спали и во сне видели всякие новые, чрезвычайно сложные затруднения (для нашей страны), которые дадут им почву, чтобы развернуть свою платформу... Революция получила новую угрозу... Нашу оппозицию нужно отсечь самым решительным, самым твердым образом... Доклад т. Сталина является самым ярким документом эпохи; он не только подводит итог проделанной работы, но развертывает перспективы работы на ближайшее время... Все то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, нам с вами дорога только вперед и только к победам!

Из выступлений С. М. Кирова
на XV и XVII съездах ВКП (б)
1927, 1934 гг.

А.Гитлер и Э.Рем

До сих пор на тепленьких местах в Мюнхене сидят люди, ни сном, ни духом не почувствовавшие веяния национал-социалистической Революции. Но мы безжалостно свернем шею всем тем, кто посмеет и дальше протаскивать свое реакционное мировоззрение!.. Кое-кто нас не любит, ибо мы, стражи истинной немецкой Революции, поставленные Гитлером, не потерпим, чтобы вновь поднял голову дух бюрократизма и власти бонз, трусости и лизоблюдства, а будем бдительно следить за тем, чтобы остаться истинными революционерами.

Из выступлений Эрнста Рема
перед штурмовыми отрядами,
март—апрель 1934 г.

"АППАРАТ БОРЬБЫ С САМОГОНОМ"

Членам ЦК, членам ЦКК

Совершенно секретно

На последнем Пленуме снова, как оказывается, поставлен вопрос о допущении свободной продажи напитков в фискальных целях, — вопрос, который я считал погребенным. Ввиду огромной важности дела и той исключительной ответственности, которую берут на себя инициаторы постановки его, считаю необходимым высказаться письменно — тем более, что находясь в отпуску, я на Пленуме не присутствовал.

Для меня совершенно бесспорно, что наш бюджет может держаться только на успехах сельского хозяйства и промышленности и внешней торговли (экспорт хлеба, леса и пр.). Попытка перенести бюджет на алкогольную основу есть попытка обмануть историю, освободив государственный бюджет от зависимости от наших собственных успехов в области хозяйственного строительства. Заработная плата рабочего далеко еще не достигла довоенного уровня. Тем не менее рабочий класс в целом чувствует себя в состоянии подъема. Если сюда врежется алкоголь — все пойдет назад, вниз. На проведенную мною анкету о рабочем быте агитаторы-массовики отвечают: два основных фактора изменяют быт, во-первых, восьмичасовой рабочий день и, во-вторых, рабочий меньше пьет, меньше бьет жену и детей. Мы подрежем это движение рабочего класса вверх и деморализуем партию. Не говоря уже о том, в какой мере возврат к доброму старому времени уронит наш революционный престиж в международном масштабе.

Решительно протестую против этого предложения.

29 июня 1923 г.

Л. Троцкий

Проект резолюции

Ввиду того, что в партии поднимаются голоса в пользу легализации в том или другом виде водочной торговли, с целью извлечения государственных доходов, Пленум Центрального Комитета считает необходимым своевременно положить конец этим тенденциям, которые при своем развитии и успехе могли бы иметь лишь пагубное действие на революцию и партию.

Между бюджетом рабочего государства и общим хозяйственным развитием страны не может не быть самой тесной внутренней связи. Устойчивый и жизненный социалистический бюджет может и должен опираться на успехи в области сельского хозяйства, промышленности, внутренней и внешней торговли. Попытка изъятия народных средств при помощи алкоголя, подрывающего эти народные средства и деморализующего правящий рабочий класс, неизбежно привела бы к экономическому тупику, сорвав едва лишь намечающийся процесс хозяйственного оживления и подъема.

Заработная плата рабочего, приближающаяся к двум третям довоенного уровня, сразу обнаружила бы свою недостаточность с возвращением алкоголя в жизненный обиход рабочего. В качестве результата явилось бы понижение производительности труда и деморализация.

Широкие круги партии не могли бы увидеть в легализации алкоголя ничего, кроме меры отчаяния. У десятков тысяч лучших работников опустились бы руки, не говоря уже о том, что значительные круги партии оказались бы неспособны противостоять легализованному рабочим правительством алкоголю. Все приведенные соображения побуждают Центральный Комитет решительно отвергнуть и осудить всякую мысль легализации водочной монополии или других форм свободной продажи водки.

Только правильная и напряженная работа по поднятию промышленности и сельского хозяйства, по упорядочению и расширению внешней торговли, в соответствии с решениями XII съезда партии, может обеспечить устойчивый и жизненный бюджет как составной элемент планового социалистического хозяйства.

30 июня 1923 г.

Л.Троцкий

Выступление на Пленуме ЦК РКП (б)

Я хотел сделать несколько замечаний. Вопрос решался, мне кажется, не обычным порядком.

Вопрос, который врезался в жизнь широких масс, этот вопрос в партийном порядке до сих пор не обсуждался. Правда, он поднимался несколько раз, но оставался без разрешения, в то время, как в советском порядке он постепенно все дальше продвигается вперед...

Этот метод, и с точки зрения хозяйственной наиболее вредный, потому что, если решиться на эту меру (которую я считаю опасной и вредной), если решиться на нее, то провести ее надо, имея перед глазами всю карту Союза, сообразуясь с тем, где и как из этой вреднейшей меры извлечь, с одной стороны, фискальную выгоду, а с другой стороны, постараться свести к минимуму вредные ее тенденции и результаты.

Так, в частном разговоре с условными сторонниками этой вредной и недопустимой, по-моему, меры, мне пришлось слышать, что можно будет проводить эту меру в крестьянских районах, например, Сибири, а что в городах проводить не будем. Я возражал против этого с той точки зрения, что если мы это сделаем в маленьком масштабе, как на Дальнем Востоке, то это не даст серьезной выгоды, а если мы это сделаем в большом масштабе, то так как крестьянские районы у нас доминируют, водка зальет неизбежно и городские районы...

Наливка, говорят нам, это средство борьбы с самогоном. Насколько средство это реально? Насколько оно реально, в это я совершенно не верю. Одно из двух, либо мы захотим иметь серьезный доход, т.е. производя дорого, захотим еще дороже продавать, — тогда крестьянин предпочтет самогон; а если захотим конкурировать с самогоном, тогда побудительный фискальный мотив у нас будет отсутствовать. В период, когда мы ведем очень острую, очень ответственную кампанию за поднятие производительности труда, не имея возможности предварительно поднять заработную плату, в это время легализовать наливку, равную водке, значит врезаться в заработную плату рабочего. Конечно, можно будет представить себе, что через три-четыре-пять лет, если продукция расширится, себестоимость понизится, аппарат борьбы с самогоном улучшится, тогда мы завоевание в деревне алкогольного рынка сможем совершить, т.е. государство будет продавать этих наливок, скажем, на 50% всего потребления алкоголя. Но ведь эта мера особенно важна для нас не через пять лет, а в нынешний острый период. Между тем, в этот период фискальные результаты от этой меры ничтожны и, прежде всего, результаты эти будут за счет заработной платы рабочего. Вопрос этот ни в печати, ни партийным путем не был обсужден. В печати этот вопрос был одно время поставлен, но обсуждение было прервано, и вопрос этот на обсуждение Политбюро не передавался, не поступал. Я, по крайней мере, в таком обсуждении совершенно не участвовал. Я считаю постановление СНК абсолютно неправильным. Я думаю, что надо эту меру приостановить и обсудить в партийном порядке; ведь партии придется выносить эту меру на своих плечах, если мы эту меру введем. Обсуждение этой меры в партийном порядке, на партконференции, является абсолютно необходимым.

Октябрь 1924 г.

Архив Л.Б.Троцкого. Библиотека Гарвардского университета, США.

Публикация Ю.Фельштинского.

ПАНОПТИКУМ

Открыт паноптикум печальный...

А. Блок

В мае 1924 года в ЦК РКПб состоялось совещание о политике партии в художественной литературе. На нем впервые встал вопрос о том, что партия должна руководить литературой.

Любопытно, что необходимость такого руководства была провозглашена не устами партии, а от имени самой литературы. Правда, не всей тогдашней литературы, а той ее части, которая именовала себя пролетарской. Лидеры этого движения, стоявшие во главе МАППа (Московская ассоциация пролетарских писателей), ВАППа (Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей) и журнала "На посту", были люди сугубо бездарные: имена их ныне прочно забыты. Не случайно именно они настойчиво требовали от партии, чтобы она немедленно взяла в свои руки бразды правления, осуществляя постоянное, неусыпное руководство художественной литературой. Партия же (устами тогдашних видных своих деятелей: Троцкого, Бухарина, Луначарского, Рязанова и др.) всячески старалась уклониться от этой почетной обязанности.

Ниже приведены выдержки из выступлений некоторых участников этого совещания.

Из доклада И. Вардина: (1)

У нас любят вести разговорчики на тему о том, что искусство есть искусство, что о вкусах не спорят и т. д., и т. п. Такая постановка вопроса недопустима. Тов. Воронский сообщил, что т. Зиновьев терпимо относится к "Аэлите" Алексея Толстого. Я тоже слышал это от т. Зиновьева. Т. Каменев говорил мне как-то, что он с удовольствием читает Эренбурга. Т. Бухарин пишет предисловие к эренбургскому "Хулио Хуренито".

Вопрос заключается не в том, с удовольствием или без удовольствия читает т. Каменев или другие товарищи Эренбурга, а вопрос заключается в том, опасна или не опасна нам политически вся эта литература. Суть вопроса заключается в том, как эта литература воздействует на массы. Из этого нужно исходить... Тов. Каменев может читать что угодно; мы все почти, здесь собравшиеся, читаем белую литературу, предполагается, что у нас есть соответствующий иммунитет, но в широкую массу всю эту литературу не пускаем, иначе у нас была бы свобода печати. Тот же герой "Аэлиты", аннектирующий Марс в пользу Совереспублики без контрибуций, может доставить художественное наслаждение т. Зиновьеву, но для широких рабоче-крестьянских масс вся эта литература — вреднейший яд. Когда я в Свердловском университете на кружке ленинизма вижу свердловку, держащую в руках Эренбурга, то я говорю: "Когда т. Каменев читает Эренбурга — это одно; когда свердловка, в особенности при настоящих условиях, при некоторой усталости и скептицизме, читает эту литературу — это совсем, совсем другое".

Под названием "Паноптикум" редакция предлагает вниманию читателя письма, заметки, записи устных выступлений и т. п., которые будут опубликованы в нескольких номерах журнала. Большая часть их никогда не публиковалась, другие затеряны в старых и ставших недоступными изданиях. Документы эти весьма неоднородны, но, собранные вместе, образуют, как нам кажется, довольно цельную картину, которая привлечет всех интересующихся историей русской литературы советского периода.

Повторяю, к литературным проблемам нам нужно подходить с точки зрения воздействия на массы, и никакие другие точки зрения для нас решающего значения иметь не могут...

Какие основные задачи стоят перед партией? "Попутчики", разумеется, должны быть использованы, но должны быть использованы настоящие попутчики революции. Как в дальнейшем можно использовать "попутчиков"? Только одним способом: если партия будет опираться на свою партийную группу в литературе. Нам нужна комячейка. Нам нужна большевистская фракция в литературе. Такой ячейкой, такой коммунистической фракцией является группа пролетарских писателей. Говорят, что среди них нет гениев. Верно, нет гениев... Но группа, на которую партия может опереться при проведении своей политики, такая группа существует. Такой группой является Всесоюзная Ассоциация Пролетарских Писателей — ВАПП. Партия должна руководить ВАПП и вокруг нее группировать беспартийных писателей... Беспартийными писателями мы можем руководить таким же способом, каким мы руководим всякой беспартийной средой, — через фракцию, через ячейку.

Из выступления Д. Рязанова: (2)

Конечно, очень хорошо, что мы собрались здесь, под крылышком ЦК, но было бы бедой, если бы ЦК и какие-нибудь его органы попробовали вмешаться в это дело. Я, товарищи, заявляю, что предпочитаю здесь полную анархию, надо предоставить возможность каждой из этих групп и группочек самим доказать свою жизнеспособность... На рынке может иногда распространяться в огромном количестве экземпляров литература весьма посредственная, малограмотная, если только ей приходит на помощь какой-нибудь могучий аппарат, вроде торгового сектора Госиздата. Тем в более привилегированное положение попадает книга, использующая аппарат партии. Я понимаю, что каждый член ВАППа, а то и просто какой-нибудь повапленный представитель новой литературы стремится к тому, чтобы получить партийную марку — марку ЦК, — чтобы создать для себя несравненно более выгодные условия конкуренции в сравнении с остальными группами и группочками. Партийная марка создаст условия, при которых бесталанные люди, но люди весьма практические, внесут полное извращение в ту литературу, которая развивается и растет в последние годы.

Из выступления Л. Троцкого:

Нельзя подходить к искусству так, как политике, — не потому, что художественное творчество есть священнодействие и мистика, как здесь кто-то иронически говорил, а потому, что оно имеет свои приемы и методы, свои законы развития и прежде всего потому, что в художественном творчестве огромную роль играют подсознательные процессы — более медленные, более ленивые и менее поддающиеся управлению и руководству — именно потому, что они подсознательные...

Вы хотите, чтобы партия от имени класса официально усыновила вашу маленькую художественную мануфактуру. Вы думаете, что, посадив фасоль в цветочный горшок, вы способны взрастить древо пролетарской революции. На этот путь мы не станем. Из фасоли никакого древа произрасти не может.

Из выступления С. Родова: (3)

Вопрос поставлен г. Троцким не так, как он должен быть поставлен. Если бы мы здесь решили подходить к литературе только с той точки зрения, насколько то или иное

произведение талантливо или не талантливо, нужно было бы собираться не здесь... Может быть, в Академии художественных наук...

Вопрос стоит совсем по-другому. Здесь дело идет о литературном движении класса. О литературном движении, которое уже началось. В целом ряде городов есть организации пролетарских писателей... Можно ли нас назвать кружком или мануфактурой, когда мы говорили и говорим не о кружке, а о широком литературном движении рабочего класса в целом? А такое движение есть. 20 человек приехали на свои собственные средства из Иркутска, из Н.-Николаевска, из Архангельска, Ленинграда, Ростова и из ряда других городов. Литературное движение рабочего класса есть. Разве можно говорить, что мы маленький кружок, когда такая масса людей принимает самое активное участие в пролетарской литературе? Разве можно сказать, что это кружок? Я могу также перечислить целый ряд организаций... (Бухарин: "Организаций, а произведений нет".) Организация есть, а произведений нет. (Бухарин: "Вот это-то и плохо"). Не совсем так. Есть немного, т. Бухарин, а не то, что совсем нет... И я говорю, что для того, чтобы этих произведений было больше, мы должны организовать пролетарских писателей (смех), должны организовать, потому что только тогда отпадут условия, которые препятствуют творчеству пролетарских писателей...

Литературное движение рабочего класса стоит для нас, для каждого из нас, талантливых и неталантливых, выше таланта Безыменского или Либединского, и оно нуждается в руководстве партии. (Бухарин: "Какое дворянское Политбюро давало директивы Пушкину, когда он писал стихи?")

Я повторяю, что мы считаем недостаточным только редакторский подход к литературе. Мы настаиваем и говорим, что должен быть классовый подход к той или иной литературе. Поэтому мы считаем, что задача сегодняшнего Совещания, хотя бы в первую очередь поставить вопрос о том, что партия во что бы то ни стало должна овладеть литературным движением рабочего класса, а уже остальные вопросы, вопросы литературно-художественной критики или какие-либо другие мелкие вопросы, которые мы можем разрешить в соответствующем совещании, такие вопросы следует поднимать лишь после окончательного разрешения основного вопроса.

Примечания

¹ В первой советской "Литературной энциклопедии", издававшейся в 30-е годы, во 2-м томе (1930) сказано:

"Вардин — псевдоним коммуниста литератора И. В. Мгеладзе (см.)" Смотреть, таким образом, предлагается на букву "М", то есть в томе 7-м. Однако в 7-м томе, вышедшем в 1934 году, никакого Мгеладзе нет. Очевидно, к этому времени коммунист литератор И. Вардин, он же Мгеладзе, уже исчез с литературного горизонта.

² Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938). Участник русского революционного движения с 1889 г., с 1917 — член РСДРП (б), в 1921–31 гг. директор Института Марксизма-Ленинизма. В 1931 году исключен из партии по обвинению в связи с так называемым заграничным центром меньшевиков. Впоследствии арестован. Погиб в лагере.

³ Родов Семен Абрамович (1893–1968). Автор нескольких стихотворных сборников и нескольких сборников статей. Ответственный секретарь МАПП (1923–24), ВАПП (1924–26), один из редакторов журнала "На посту".

В августе 1946 года, после известного постановления ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград", Анна Ахматова и Михаил Зощенко были изгнаны из Союза советских писателей. В докладе А.А.Жданова Ахматова была названа "взбесившейся барынькой, мечущейся между будуаром и моленной", а Зощенко — пасквильантом, мещанином, пошляком и "подонком литературы". О своей дальнейшей литературной судьбе М.М.Зощенко кратко сообщает в "Автобиографии": "За годы 46–52 я, главным образом, занимался переводческой работой... В июне 1953 года я вновь принят в ССП" (Избр.произв. в двух томах, т.I, 1968, стр.48).

Ниже публикуется стенограмма заседания Президиума ССП от 23 июня 1953 г., на котором решался вопрос о возвращении Михаила Зощенко в Союз писателей СССР.

Тов.Софронов. Прежде чем перейти к персональным делам, у нас имеется поступившее в Президиум и Секретариат ССП заявление М.М.Зощенко следующего содержания (*зачитывает заявление*) — о восстановлении его в Союзе писателей. Это заявление было получено Секретариатом, Секретариат слушал его и поручил товарищам Симонову, Грибачеву и Соболеву ознакомиться с новыми произведениями Зощенко и свои предложения представить Президиуму.

К этому прибавить можно немного. Можно только подтвердить, что за это время Зощенко сделал многое. Здесь есть более подробный перечень его произведений. Можно назвать и "Крокодилские" его фельетоны, и рассказы, печатавшиеся за эти годы в различных изданиях.

Многие ленинградские писатели через Правление Ленинградского ССП всячески поддерживают заявление Зощенко. Я разговаривал по этому поводу с товарищем Чивилихиным — заместителем председателя Правления Ленинградского отделения, и он тоже высказался положительно.

Тов.Шагинян. Я видела Зощенко каждый год после постановления ЦК, и я должна сказать, что это по-настоящему советский человек. Он хорошо реагировал на постановление, понял свои ошибки. Он — работающий и по-настоящему талантливый советский писатель. И нам стыдно, если мы сейчас не протянем ему руку помощи. Он находится в очень тяжелом моральном и материальном положении. Вопрос о восстановлении Зощенко может быть решен нами единогласно.

Тов.Симонов. Я был бы против того, чтобы восстанавливать Зощенко. Мы в свое время исключили его из Союза правильно, исключили за серьезные ошибки.

Я согласен с Мариеттой Сергеевной, что он правильно отнесся к критике, что он много и честно работал, что он создал после этого ряд вещей, которые позволяют его принять в Союз — не восстановить, а принять в Союз.

Я бы Зощенко принял в Союз на основании произведений, написанных им за эти годы, с 1946 по 1953, среди них и партизанские рассказы (это первое, что он опубликовал). Это не очень сильно художественно, но это очень честная попытка стать на правильные позиции. Там есть и хорошие вещи — в этих рассказах. Его переводческая деятельность во многом просто блестяща. Это тот случай, когда я принял бы в члены Союза как переводчика за один перевод. Это блестящее художественное произведение.

Я предложил бы принять Зощенко в члены Союза как прозаика и переводчика. Какие еще есть предложения?

Тов.Твардовский. Если употребить выражение "восстановить", это значит отменить решение об исключении из Союза. Восстанавливают тогда, когда признают неправильным исключение, тогда восстанавливают.

Возьмем даже более серьезное дело: исключение из партии. Восстанавливают только в случае признания высшим органом неправильности исключения.

Тов.Шагинян. Это, мне кажется, неверно.

Тов.Симонов. Или когда человек был исключен на срок.

Тов.Шагинян. ЦК не вычеркивал всего литературного пути Зощенко, он дал постановление об определенных его вещах, он не опорочил все то, что Зощенко сделал до этих вещей. Дело идет не о простой формальности. Восстановить — это значит признать его стаж, это значит дать ему право на пенсию. Человек находится в страшно тяжелом психическом состоянии. Принять его в Союз как новичка — это значит делать его начинающим писателем. Кажется, это простая форма, а в ней есть глубокий смысл.

Давайте обратимся с нашим решением в ЦК, может быть, он санкционирует наше решение. Но ставить вопрос, что будто бы восстановление отменяет исключение, это неверно.

Был прецедент: Ахматову мы восстановили. Слабый, чуждый нам поэт.

Тов.Симонов. Мы ее приняли или восстановили?

Тов.Шагинян. А Зощенко, который сформировался при Советской власти, который ближе нам по существу, по внутренней позиции, которую он не менял все время, — его мы будем принимать, а не восстанавливать. Почему вы так отнеслись к Ахматовой?

Тов.Симонов. Для объяснения своих позиций я хочу сказать, что я не присутствовал при восстановлении Ахматовой, а если бы присутствовал, несомненно голосовал бы не за восстановление, а за прием. Считаю, что и Ахматову надо было принимать в Союз заново, а не восстанавливать. А если есть формулировка о восстановлении, то это — неверная формулировка.

Тов.Твардовский. Я не понимаю, почему так хлопочет Мариетта Сергеевна Шагинян, — на пенсию писателя это не влияет.

Тов.Грибачев. Пенсия — вещь персональная, а дается отнюдь не за выслугу лет.

Тов.Шагинян. Все же партия не вычеркивала всей прежней его работы.

Тов.Соболев. Мы его исключили из Союза. Прошел какой-то срок, он поработал, показал себя как человек небесполезный, и мы считаем возможным, чтобы он был в нашей организации, не восстанавливая его, а вновь принимая на общих основаниях, как старого литератора.

Тов.Симонов. Есть два предложения: предложение Мариетты Сергеевны Шагинян восстановить Зощенко в ССП, и мое предложение — принять его в члены ССП. Я хотел бы, чтобы члены комиссии, назначенной Секретариатом, высказались по этому вопросу.

Тов.Грибачев. Была приведена серьезная мотивировка. Ведь если мы восстановим его, мы делаем вид, что Зощенко ничего не совершал, что все было ошибкой и Зощенко возвращается в Союз. Этого, по-моему, делать нельзя. А на пенсию это не влияет — это уже совсем другой вопрос.

Тов.Соболев. Я также не понимаю, почему вы упираетесь в эту формулировку? Вы говорите, что для него это тяжело. Но если после известного случая и постановления ЦК мы приняли решение о том, чтобы расстаться с писателем, исключить его из наших рядов, то если мы сейчас будем говорить о восстановлении, то по логике русского языка это означает, что мы признаем свою ошибку по поводу исключения из Союза Зощенко и считаем это исключение ошибочным.

Тов.Шагинян. А как же было с Ахматовой?

Тов.Соболев. Была допущена ошибка, если она была "восстановлена", а не "принята". Если бы я присутствовал на этом заседании, я сказал бы так же. Если вы говорите, что на него это подействует — то тогда он просто не понял, что тогда произошло.

Тов.Симонов. Для него было бы гораздо тяжелее, если бы мы не приняли его в Союз. Я прошу голосовать. Первое предложение Мариетты Сергеевны Шагиной о том, чтобы восстановить Зоценко в ССП. Кто за это предложение? (*Один.*) Кто за мое предложение — принять в члены Союза? (*Единогласно.*)

ПОСТАНОВИЛИ: Принять М.М.Зоценко в члены ССП.

* *
*

Известно, что финалом так называемого дела врачей (1952–1953 гг.) должна была стать депортация евреев на восток страны. Для начала предполагалось опубликовать в "Правде" письмо группы высокопоставленных евреев, косвенно подтверждающее необходимость этой крайней меры. Когда очередь подписать этот документ дошла до И.Г.Эренбурга, он отказался поставить под ним свою подпись. В мемуарах "Люди, годы, жизнь" Эренбург глухо упоминает о другом письме, которое он сам написал и отослал Сталину.

Ниже приводится полный текст этого письма, который мы публикуем по архивной копии.

Дорогой Иосиф Виссарионович,

Я решаюсь Вас побеспокоить только потому, что вопрос, который я не могу сам решить, представляется мне чрезвычайно важным.

Тов. Минц и тов. Маринин сегодня ознакомили меня с текстом письма в редакцию "Правды" и предложили мне его подписать. Я считаю своим долгом поделиться с Вами моими сомнениями и попросить Вашего совета.

Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут. Я боюсь, что выступление коллективное ряда деятелей советской культуры, объединенных только происхождением, может укрепить националистические тенденции. В тексте письма имеется определение "еврейский народ", которое может ободрить националистов и людей, еще не понявших, что еврейской нации нет.

Особенно я озабочен влиянием такого "Письма в редакцию" на расширение и укрепление мирового движения за мир. Когда на различных комиссиях, пресс-конференциях ставился вопрос, почему в Советском Союзе больше нет школ на еврейском языке или газет, я неизменно отвечал, что после войны не осталось очагов бывшей "черты оседлости" и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование письма, подписанного учеными, писателями, композиторами, которые говорят о некоторой общности советских евреев, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую ведут теперь сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и т.д., нет понятия "еврей" как представитель национальности, там "евреи" — понятие религиозной принадлежности, и клеветники могут использовать "Письмо в редакцию" для своих низких целей.

Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток возрождения еврейского национализма, который неизбежно приводит к измене. Мне казалось, что для этого необходимы, с одной стороны, разъяснительные статьи (в том числе и людей еврейского происхождения), с другой — разъяснение, исходящее от самой "Правды" и столь хорошо сформулированное уже в тексте письма: о том, что огромное боль-

шинство трудящихся еврейского происхождения глубоко преданы Советской Родине и русской культуре. Мне кажется, что такие статьи сильно помешали бы зарубежным клеветникам и дали бы хорошие доводы нашим друзьям, борющимся за мир.

Вы понимаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что я сам не могу решить эти вопросы и поэтому я осмелился написать Вам. Речь идет о важном политическом шаге, и я решаюсь Вас просить поручить кому-либо сообщить мне Ваше мнение о желательности моей подписи под таким документом. Если руководящие товарищи передадут мне, что опубликование документа и моя подпись могут быть полезны для защиты Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу "Письмо в редакцию".

С глубоким уважением *Илья Эренбург*

●

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Политический дневник. Январь—декабрь 1984	3
<i>Дж. Киркпатрик</i> . Неверие в зло опасно для цивилизации	31

САМИЗДАТ

<i>И. Ковалев</i> . Шестьдесят четвертая?	40
Фашизм в СССР	50

ИНТЕРВЬЮ

”Как славно быть ни в чем не виноватым...”	54
<i>С. Пухов</i> . Народ безмолвствует	62

ВЕСТИ ИЗ СССР	65
-------------------------	----

ИМПЕРИЯ ЛЖИ

<i>С. Максудов</i> . Августейший Верховный Совет	85
<i>Р. Шапиро</i> . Экономика разбитого корыта	94
Инженер на картошке	107
<i>Дж. Оберг</i> . Тайна Плесеца	112

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

<i>М. Штербер</i> . Великая и беспомощная Европа	121
--	-----

ИНТЕРВЬЮ

<i>С. Визенталь</i> . ”Я не верю в коллективную вину, я верю в коллективный стыд”	129
--	-----

ХРИСТИАНСТВО В СЕГОДНЯШНЕМ МИРЕ

<i>И.-Б. Мец</i> . Христиане и евреи после Освенцима	144
<i>Б. Хазанов</i> . Мец и теология политической активности	156

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Сергей Алексеевич Желудков	161
--------------------------------------	-----

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СТРАНЫ И МИРА

Г. Померанц. Три измерения духа	164
Грэм Грин, или вера превыше всего	181
Октавио Пас. Диалог открывает врата мира	192

ФЕЛЬЕТОН

В. Войнович. Единственно правильное мировоззрение	199
М. Дейч. О пользе чтения некрологов	204
Б. Х. Всем сестрам по серьгам	207

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Э. Эткинд. Врозь или вместе?	209
--	-----

ИНТЕРВЬЮ

Ю. Любимов. "В таких условиях я больше работать не буду"	212
Язык кино объединяет всех. Встреча с Инной Чуриковой	224

АРХИВ

"Лев Толстой как столп и утверждение поповщины"	93
Самоубийство в деревне Нечаево	227
"Идею диктатуры пролетариата мы фашистам не отдадим"	236
"Аппарат борьбы с самогоном"	244
Паноптикум.	246

Из газет	49, 62, 111, 120 128, 143, 159
--------------------	-----------------------------------

СТРАНА И МИР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1985 ГОД

- Журнал СТРАНА И МИР выходит один раз в месяц объемом в 96 страниц крупного формата.
- Журнал публикует актуальную политическую информацию о важнейших событиях в мире, ежемесячные аналитические обзоры международной обстановки, вести из СССР.
- Журнал помещает статьи и обзоры о внутривосточной ситуации и общественной жизни Советского Союза, освещает проблемы правозащитного движения и внутренней оппозиции в стране.
- Журнал имеет постоянный экономический отдел, где мы помещаем статьи и сообщения о сегодняшней экономической ситуации на Западе и в СССР, о структуре советской экономики, ее проблемах и тенденциях.
- Журнал уделяет серьезное внимание вопросам демографии, публикует данные о национальном составе и динамике населения СССР и других стран.
- Обширный культурно-философский и литературно-критический отдел знакомит русского читателя с неизвестными ему именами современных западных публицистов, философов, теологов и эссеистов и регулярно печатает материалы о советской, зарубежной русской и иностранной литературе.
- Одна из постоянных тем журнала — прошлое и будущее нашей страны.
- В журнале имеется архивный отдел, где публикуются тематические подборки неизвестных документов политической истории и культуры СССР.
- В журнале печатаются видные писатели эмиграции, авторы, живущие в СССР, и зарубежные публицисты.
- Журнал регулярно печатает материалы Самиздата.

Журнал ставит своей целью восстановить искусственно нарушенное взаимопонимание между русскоязычным миром и демократическим Западом, в сознании общих целей — борьбы с тоталитаризмом, за достоинство личности, против попрания прав человека и гражданина.

- Журнал СТРАНА И МИР обращен ко всем читающим по-русски, для кого интересы отечества остаются главным, для кого боль этой страны — их собственная боль.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И

Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем.марок (25 ам.долларов), в США, Канаде и Израиле — 35 ам.долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 45 ам.долларов. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению.

Цена одного номера — 6 нем.марок.

Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 2 ам.долл.)

Адрес редакции: Das Land und die Welt e.V., Schellingstr. 48,
8000 München 40, Bundesrepublik Deutschland,

Банковский счет: Deutsche Bank München (BLZ 700 700 10), Konto-Nr. 331 9613.

Почтовый счет: Postgiroamt München, BRD, Konto-Nr. 223981-804.

